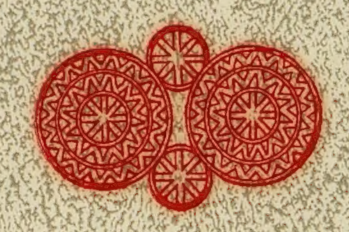


ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ, ФОЛЬКЛОРИСТИКИ И АНТРОПОЛОГИИ

X



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ 114

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ, ФОЛЬКЛОРИСТИКИ И АНТРОПОЛОГИИ

Вып. X

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Р. С. ЛИПЕЦ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1988

Настоящий сборник включает статьи, освещающие полевые исследования в конце XIX — начале XX в. этнографов, фольклористов, антропологов в Монголии, Средней Азии и Казахстане, на Печоре и на Урале. Сборник открывает статья, посвященная истории публикации научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая Д. Н. Анучиным. Большое место в книге занимает публикация с комментариями и дополнительными материалами извлечений из рукописи В. В. Богданова о научно-организационной деятельности В. Ф. Миллера. Помещен указатель статей VI—X выпусков «Очерков...».

Книга рассчитана на этнографов, фольклористов, историков культуры и более широкий круг читателей.

Рецензенты:

доктор исторических наук Л. Н. ПУШКАРЕВ,
научный сотрудник А. М. ФИЛИППОВ

О $\frac{0508000000-391}{042(02)-88}$ 56-88-II
ISBN 5—02—009890—6

ОТ РЕДАКЦИИ

Десятый выпуск «Очерков истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (ОИРЭФА) продолжает серию, выходящую в течение ряда лет в «Трудах» (далее — ТИЭ) ордена Дружбы народов Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР *.

Очередной выпуск содержит материалы, объединенные хронологически и тематически. В статьях сборника показаны период конца XIX — начала XX в. в борении прогрессивных течений в русской науке с реакционными и становление этнографической науки в первые десятилетия после Октябрьской революции (в основном 20—30-е годы).

Внимание читателей сосредоточивается преимущественно на практической деятельности научных учреждений и отдельных лиц, так или иначе с ними связанных, в области просветительской, в том числе музейной, педагогической, экспедиционной и др.

В статье Д. Д. Тумаркина раскрываются взаимоотношения двух выдающихся русских ученых — Д. Н. Анучина и Н. Н. Миклухо-Маклая и прослеживается история многолетних попыток Анучина опубликовать научное наследие Миклухо-Маклая. Этот замысел был частично осуществлен им лишь в советское время, в 1923 г., через 35 лет после смерти ученого-путешественника. За этим изданием последовали два других научных издания трудов Миклухо-Маклая: двухтомник в 1940—1941 гг. и пятитомник в 1950—1954 гг. Автор статьи, работая в настоящее время над новым академическим изданием, имел возможность, опираясь на архивные данные, документально изучить все обстоятельства подготовки первого издания и ввести в науку новый материал.

Б. Х. Кармышева в статье о начальных этапах этнографического изучения Средней Азии и Казахстана в советское время обрисовывает по архивным и литературным данным научную деятельность Ф. А. Фиельструпа с 1918 по 1933 г. в ряде экспедиций по заданию Комиссии по изучению племенного состава России (позже — СССР) (КИПС) и ряда музейных учреждений. Автор касается и более ранней полосы деятельности ученого как участника экспедиции в Южную Америку, предпринятой от Академии наук, Русского географического общества и др. в 1914—1915 гг. В основу статьи легли материалы большого по объему и значимости архива Фиельструпа, подготавливаемого автором статьи к передаче в архив (в Москве) Института этнографии АН СССР по желанию вдовы ученого Е. М. Пещеревой.

Г. И. Михайлов, ученик известного монголоведа, академика Б. Я. Владимирцова, собрал по крупицам данные о фольклорно-этнографических интересах ученого в многолетних экспедициях в Монголии, с 1907 по 1928 г., что слабо освещено в литературе. В статье показано, как переплеталась деятельность Б. Я. Владимирцова и двух других монголоведов: В. М. Алексеева, А. В. Бурдукова. Воссозданы образы сказителей — туульчи, обстановка, в которой исполнялись ими фольклорные произведения, детали празднеств, материальной культуры.

---

* Вып. I — 1956. ТИЭ. Т. 30; вып. II — 1963. ТИЭ. Т. 85; вып. III — 1965. ТИЭ. Т. 91; вып. IV — 1968. ТИЭ. Т. 94; вып. V — 1971. ТИЭ. Т. 95; вып. VI — 1974. ТИЭ. Т. 102; вып. VII — 1977. ТИЭ. Т. 104; вып. VIII — 1978. ТИЭ. Т. 107; вып. IX — 1982. ТИЭ. Т. 110.

Две статьи сборника посвящены русистике. А. Л. Налепин, базируясь на фондах ЦГАЛИ, вводит в науку неизвестные материалы о фольклорно-этнографической деятельности разностороннего ученого-собирателя и исследователя русского фольклора Н. Е. Ончукова. Автор статьи выявил также в архиве Ончукова некоторые материалы другого фольклориста и этнографа Сибири — Петра Алексеевича Городцова, брата известного археолога Василия Алексеевича Городцова, основной архив которого затерян.

В статье Н. М. Щербанова, не впервые выступающего на страницах ОИРЭФА по этнографии и фольклору уральского казачества, рассматриваются история собирания и изучения музыкального фольклора уральских казаков в конце XIX — начале XX в., в частности — история создания сборника «Песни уральских казаков» А. В. и В. Ф. Железновых, реальное содействие собирательской работе со стороны композиторов Москвы и Петербурга, в том числе представителей «могучей кучки», и их непосредственное участие в изучении народной музыки, в первую очередь М. А. Балакирева. Освещена роль Песенной комиссии Русского географического общества и Русского музыкального общества в создании сборника.

В X выпуске ОИРЭФА продолжена посмертная публикация глав рукописи старейшего сотрудника Института этнографии АН СССР Владимира Владимировича Богданова — «Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки», написанной в 1948 г. к столетию со дня рождения В. Ф. Миллера, крупного фольклориста и языковеда. (Рукопись хранится в архиве института в Москве, в личном фонде В. В. Богданова. Л. 1—569.)

В VIII выпуске ОИРЭФА была опубликована 15-я глава. В настоящем выпуске публикуются три главы (7-я, 8-я и 9-я), в которых характеризуется в основном научно-организационная деятельность В. Ф. Миллера как этнографа и фольклориста в ученых обществах, экспедициях и музеях. В выпуск включена статья Р. С. Липец (подготовившей к печати эти три главы) о жизненном пути академика В. Ф. Миллера, опирающаяся на выборочные данные всех глав, интерпретированные ею.

А. И. и В. Н. Тарасовы дали на основе проведенной ими предварительной разработки архива В. В. Богданова обозрение этого архива, помещенное в настоящем издании в уважение к памяти ученого.

В настоящем выпуске публикуется статья, посвященная истории разработки генетических проблем в советской антропологии (20—50-е годы) В. П. Алексеева.

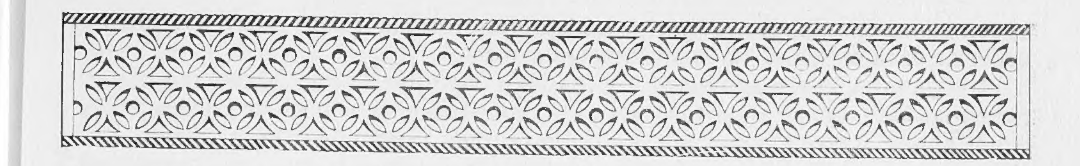
Таким образом, в настоящем, десятом выпуске «Очерков истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» выполняется сквозная задача этого серийного издания по истории науки: устранять «белые пятна», вносить коррективы в представления о деятельности тех или иных научных объединений или отдельных ученых. Широкое использование неопубликованных архивных материалов придает многим статьям сборника значение первоисточника.

Кроме основного авторского коллектива сотрудников Института этнографии АН СССР, к участию в X выпуске «Очерков истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» были привлечены сотрудники Института востоковедения АН СССР, Института мировой литературы АН СССР, Института Дальнего Востока АН СССР, Уральского государственного педагогического института.

Аннотированный указатель имен к статье В. В. Богданова составлен А. И. и В. Н. Тарасовыми; Указатель статей, опубликованных в «Очерках истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (вып. VI—X), составлен Б. Г. Гершкович.

Фотографии из семейных архивов к статье об А. В. и В. Ф. Железновых предоставлены К. В. Осечкиной-Железновой, к статье о В. Ф. Миллере — С. В. Бромлей и Е. Б. Миллер.

Помощь в научно-технической работе оказали Е. П. Батьянова и О. Б. Наумова.



Д. Д. Тумаркин

АНУЧИН И МИКЛУХО-МАКЛАЙ
(Из истории изучения и публикации научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая)

Д. Н. Анучину принадлежит важное место в истории изучения и публикации научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая. Именно благодаря ему в 1923 г. специалисты и широкие круги читателей смогли впервые ознакомиться с основными трудами великого русского ученого-гуманиста. Вспоминая об этом, президент Всесоюзного географического общества академик Л. С. Берг в 1946 г. писал, что Анучин «собственно и открыл современному поколению Миклухо-Маклая» [1].

Устойчивый, многолетний интерес Анучина к жизни и деятельности Миклухо-Маклая, к судьбе его научного наследия, разумеется, не случаен. Можно обнаружить немало общего в нравственном и научном облике обоих выдающихся исследователей, в их мировоззренческих и гражданских позициях.

Анучин, родившийся в 1843 г., был на три года старше Миклухо-Маклая. Их юношеские годы совпали с периодом отмены крепостного права, когда социальные вопросы привлекали к себе особенное внимание и властителями дум передовой русской интеллигенции стали революционные демократы Герцен, Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Писарев. Оба юноши зачитывались их произведениями, и прогрессивные взгляды, сложившиеся под влиянием этих мыслителей, оказали существенное влияние на всю их дальнейшую жизнь. Так, в духе идей «шестидесятников» оба они считали служение науке формой общественной деятельности, а науку — силой, способной преобразовать общество. «Анучин,— писал близко знавший его В. В. Богданов,— был глубоко проникнут прогрессивными идеями современной ему науки, политической и общественной жизни. Самое служение науке он считал своим общественным долгом перед своей страной» [2]. А Миклухо-Маклай выразил свое кредо по этому вопросу в афористической форме: «Единственная цель моей жизни — польза и успех науки и благо человечества» [3].

Как Анучин, так и Миклухо-Маклай в ранней молодости живо интересовались гуманитарными науками, но их захватила общая волна подъема в естествознании, столь характерная для 1860-х годов. Оба учились на естественном отделении университетов и приобрели специальность зоолога. Однако вскоре они превратились в натуралистов широкого профиля, причем поставили в центр своих исследований, как писал об Анучине один из его учеников, А. А. Крубер, «человека и проявления его культуры в рамках географической среды» [4]. Такая разносторонность их научных интересов во многом вытекала из их позитивистского мировоззрения, предполагающего существование естественнонаучных закономерностей в развитии природы и общества, а также рассмотрение всего органического мира с точки зрения эволюционной теории. «Сам Анучин был несгибаемым дарвинистом,— свидетельствует В. В. Богданов.— Он видел в эволюционном учении путь к прогрессу, светлое будущее науки» [5]. Что же касается Миклухо-Маклая, то он, по оценке известного зоолога и биогеографа И. И. Пузанова, тоже был

«убежденным дарвинистом», «эволюционистом до мозга костей», хоть и избегал рассуждений на теоретические темы[6].

Будучи строгим реалистом в науке, Анучин всегда опирался на неисчерпаемый запас фактов. «Д. Н. не был человеком отвлеченным,— вспоминает другой его ученик, В. В. Бунак,— он обладал исключительной способностью отчетливого восприятия единичных конкретностей, которые, благодаря его выдающейся памяти, существовали для него независимо от каких-либо теоретических систем. Реальный факт, каким бы случайным он ни казался, имел для Д. Н. самостоятельное бытие, и никогда самые блестящие теории не изгладили бы этого факта, разве только новые факты»[7]. Поэтому Анучину были близки и понятны исследовательские принципы Миклухо-Маклая, скептически относившегося к теориям, недостаточно подкрепленным фактами, крайне осторожного в выводах и обобщениях[8].

Анучин не был полевым исследователем (его немногочисленные экспедиционные работы касались главным образом географических проблем). Но он понимал огромную важность полевых исследований в области антропологии, этнографии, археологии и географии и многое сделал для развития таких исследований в нашей стране[9]. Вот почему Анучину глубоко импонировала научно-экспедиционная деятельность Миклухо-Маклая — пионера стационарного полевого изучения неевропейских народов, находившихся на низких ступенях общественного развития. Он одобрял методы полевой работы Миклухо-Маклая, причем отмечал, что в достижении высоких научных результатов немалую роль играли и «личность путешественника, его находчивость, смелость и стойкость характера», «спокойное, тактичное и бесстрашное его поведение»[10]. Анучин особенно подчеркивал, что Миклухо-Маклай видел «в объектах своих наблюдений, на какой бы низкой ступени культуры они ни стояли, прежде всего людей, с которыми можно сблизиться, достигнуть взаимного понимания»[11]. Именно такой подход к изучаемым народам Анучин стремился воспитать у своих учеников.

Анучин стоял на точке зрения видового единства человечества и, будучи убежденным моногенистом, выступал против расизма. «Сходство всех известных рас в основных физических и психических признаках,— писал он в 1902 г.,— и способность всех их, в том числе и наиболее обособленных, например негра и белого, к половому смешению и к произведению помесей, говорят в пользу того, что все человеческие разновидности составляют варианты одного и того же вида»[12]. В связи с этим Анучин высоко ценил антропологические исследования Миклухо-Маклая, который опроверг утверждения ряда западноевропейских ученых о наличии «обезьяноподобных» черт у обитателей Новой Гвинеи и убедительно показал, что как по своей физической организации, так и по психическому складу папуасы существенно не отличались от европейцев[13].

Как известно, Миклухо-Маклай, не ограничиваясь научной критикой расизма, на протяжении ряда лет выступал в защиту коренного населения Новой Гвинеи и других островов Океании. Он гневно разоблачал и клеймил злодеяния европейских и американских моряков и торговцев на островах Южных морей, жестокую эксплуатацию подневольных рабочих-океанийцев на плантациях в Австралии, пытался предотвратить колониальное порабощение своих темнокожих друзей — папуасов Берега Маклая и даже разработал утопический для того времени проект создания независимого государства в северо-восточной части Новой Гвинеи[14]. Эта гуманистическая общественно-политическая деятельность Миклухо-Маклая была созвучна убеждениям Анучина, его представлениям о высоком общественном предназначении деятелей науки. Он не был согласен с вице-председателем Русского географического общества П. П. Семеновым и некоторыми другими учеными, которые сожалели о раздвоении интересов Миклухо-Маклая — «человека науки и филантропа», упрекали путешественника в том, что он перешел

«с почвы научной на почву чисто практическую»[15]. Подобно Миклухо-Маклаю, Анучин считал, что долг ученого как человека цивилизованного «быть всегда справедливым, не допускать никакого насилия, а наоборот, помогать им (народам Океании.— *Д. Т.*), как более слабым и темным, в отстаивании свободы и права на самоопределение»[16].

Наконец, следует учитывать, что Анучин был патриотом, неустанно заботившимся о развитии и процветании отечественной науки, о ее международном авторитете, о признании заслуг русских ученых. Между тем, как подчеркивал Анучин, «в лице М.-М. мы имеем единственного русского путешественника-исследователя, посвятившего так много времени и труда на изучение Меланезии, Микронезии, Малайского (Малаккского.— *Д. Т.*) полуострова, Австралии»[17]. И Анучин считал своим нравственным долгом популяризировать деятельность Миклухо-Маклая, а после его преждевременной смерти «собрать и издать все оставшиеся после покойного путешественника труды, дневники, заметки, рисунки и не оставлять этого материала на тление в архиве»[18].

Таковы, на наш взгляд, основные причины, побудившие Анучина заняться изучением жизни и деятельности Миклухо-Маклая и принять самое близкое участие в судьбе его научного наследия. Этим сюжетам и посвящена статья, предлагаемая вниманию читателей. В ее основу положены материалы, почерпнутые автором в московских и ленинградских архивах, пресса того времени, труды Анучина, воспоминания его учеников, работы его биографов и ряд других публикаций.

Анучин лично знал Миклухо-Маклая. «Впервые,— вспоминает он,— я познакомился с ним еще до его поездки в Новую Гвинею, вероятно, в 1870 году; помню, это было на дворе старого здания (Московского.— *Д. Т.*) университета, когда он подошел ко мне, рекомендовался и спросил, не знаю ли я адреса зоолога Ошанина. В дальнейшем разговоре он сообщил мне о своих научных стремлениях и о своем намерении поехать на военном судне на острова Тихого океана, в частности в Новую Гвинею»[19].

Если у Миклухо-Маклая в 1870 г. за плечами были уже не только учеба в немецких университетах, но и экспедиции на Мадейру, Канарские острова, в Марокко и на берега Красного моря, а также несколько публикаций по зоологии и сравнительной анатомии, сделавших его имя известным довольно широкому кругу русских и западноевропейских специалистов, то Анучин после окончания в 1867 г. Московского университета занимался самообразованием и лишь обдумывал свой путь в науку[20]. Но уже в 1873 г. в естественноисторическом сборнике «Природа» появились две первые статьи Анучина (очерки о двух африканских птицах), а в следующем году — большая работа об антропоморфных обезьянах и их соотношении с человеком. Эта работа свидетельствовала о том, что Анучин всерьез заинтересовался вопросами антропологии.

Обратившись к антропологической проблематике, Анучин в том же году опубликовал в «Природе» несколько сокращенный перевод статьи Миклухо-Маклая «Антропологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее», напечатанной в 1873 г. на немецком языке в батавском естественноисторическом журнале. Фамилия переводчика в «Природе» указана не была. В результате данная публикация не попала в библиографии трудов Анучина, включающие и сделанные им переводы, хотя сам он упоминал об этой своей работе в статьях о Миклухо-Маклае[21]. В редакционном примечании, вероятно, написанном Анучиным, сообщалось, откуда взята переведенная статья, а затем давалась ее краткая оценка: «Заключая в себе многие любопытные наблюдения над физическим складом и особенностями одного из первобытных племен, она представляет большой интерес в антропологическом отношении, тем более, что раса папуасов принадлежит к числу наименее изученных, а занимаемая ими страна почти еще совершенно не ис-

следована» [22]. С этого перевода началась почти полувековая деятельность Анучина по изучению, популяризации и изданию трудов Миклухо-Маклая.

В 1875 г. Анучин опубликовал в четырех номерах московской «Ремесленной газеты» — еженедельного «иллюстрированного журнала естествознания, литературы, искусств, ремесел и промышленности» — статью «Н. Н. Миклухо-Маклай и его исследование Новой Гвинеи». Статья проникнута глубоким уважением к личности и деятельности Миклухо-Маклая, которого автор отнес к самым выдающимся русским путешественникам и поставил в один ряд с Н. М. Пржевальским [23]. Продемонстрировав хорошее знакомство не только с работами Миклухо-Маклая, разбросанными по разным русским и иностранным изданиям, но и со всей литературой о Новой Гвинее, Анучин сообщил те немногие сведения о природе и населении огромного острова, которые были тогда известны, и на этом фоне изложил основные результаты полевых исследований Миклухо-Маклая. Наибольшее внимание автор уделил его антропологическим наблюдениям, причем оттенил их антирасистскую направленность. Анучин подчеркнул, что русскому путешественнику удалось собрать большой научный материал благодаря «дружелюбным отношениям» с папуасами. В заключение он сообщил читателям о начавшейся экспедиции Миклухо-Маклая на полуостров Малакка.

Следующие семь лет в жизни Анучина были заполнены разнообразной и кипучей деятельностью, преимущественно в области антропологии. Пройдя длительную стажировку в Западной Европе, он приступил к чтению лекций по антропологии в Московском университете, активно участвовал в работе антропологического отдела ОЛЕАЭ, защитил магистерскую диссертацию, опубликовал несколько научных трудов по антропологии и этнографии, активно сотрудничал ради заработка в московских газетах и журналах [24]. Но все эти годы он не выпускал из поля зрения Миклухо-Маклая: следил за его экспедициями, читал его статьи и письма в русских и иностранных журналах, а также интересовался общим ходом антрополого-этнографических и географических исследований на Новой Гвинее и в других районах Океании и Юго-Восточной Азии, которые посетил русский путешественник [25].

В сентябре 1882 г., после двенадцатилетнего отсутствия, в Россию приехал Миклухо-Маклай. К этому времени отважный путешественник приобрел широкую известность как на родине, так и в странах Западной Европы. Его публичные лекции в Петербурге вызвали широкий общественный резонанс: привлекли массу слушателей, подробно освещались в столичной и провинциальной печати [26]. Вспоминая, с каким энтузиазмом воспринимались выступления Миклухо-Маклая демократически настроенной аудиторией, особенно молодежью, исследователь Севера К. Д. Носилов в 1898 г. писал: «Это было истинное увлечение, какого теперь уже не видать, хотя мы больше того времени богаты славными путешественниками» [27]. Вместе с тем Миклухо-Маклай столкнулся с непониманием, равнодушием и даже враждебностью некоторых влиятельных лиц, со сплетнями и кривотолками в кулуарах Русского географического общества [28].

Приехав из Петербурга в Москву, путешественник выступил 15 октября 1882 г. с лекцией на публичном заседании ОЛЕАЭ, состоявшемся в Политехническом музее. «Публики на это заседание собралось масса,— вспоминал через 16 лет Анучин, присутствовавший на лекции,— большая зала Политехнического музея была переполнена; прибыли, между прочим, бывший тогда генерал-губернатором князь В. А. Долгоруков, митрополит и многие другие высокопоставленные лица. М.-М. долго заставил себя ждать, но наконец явился и был встречен громом продолжительных рукоплесканий. Взоры всех устремились на его небольшую худощавую фигуру с бледным тонким, правильным лицом. Но как лектор Н. Н. разочаровал присутствующих. Говорил он тихо, невнятно, медленно, затрудняясь находить не только выражения, но

даже, по-видимому, содержание доклада, состоявшего из отрывочных эпизодов его пребывания на Новой Гвинее. Помню, между прочим, что он рассказывал о свадьбе папуасов. Все сообщение продолжалось весьма недолго, во всяком случае много меньше часа. После он говорил мне, что вид массы публики его смутил, что он к тому же отвык говорить долго и связно по-русски и что, наконец, у него этот день болела голова» [29].

Эти воспоминания Анучина можно сопоставить с непосредственными впечатлениями Миклухо-Маклая. «Вчера,— писал он брату,— состоялось чтение в Обществе любителей естествознания в зале Политехнического музея, что на Лубянке. Народу было около или более 700... Давка у дверей была страшная. Наконец, толпа *без* билетов ворвалась. Женщины, как и в Петербурге, теснились и бросались вперед». «Чтение,— продолжал путешественник,— сошло с моей стороны удовлетворительно... Мне присуждена большая золотая медаль Общества любителей естествознания...» [30]

После лекции состоялась обстоятельная беседа Миклухо-Маклая с Анучиным. «В этот приезд,— вспоминает последний,— он показывал мне много рисунков папуасских типов, сделанных карандашом, большей частью в профиль, и некоторые фотографии, между прочим, сколько помню, головного мозга папуасов или австралийцев» [31].

Анучин приурочил к лекции прославленного гостя статью «Одиннадцатилетняя ученая деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая (1871—1882)», которую он опубликовал в либеральной московской газете «Русские ведомости». Рассказав об экспедициях ученого, его дружбе с папуасами, его благородной деятельности в защиту островитян Океании, Анучин продолжал: «Обозревая всю деятельность Н. Н. за последние 11 лет, нельзя не прийти к заключению, что ему удалось посетить весьма интересные местности и что он проявил в своих странствиях замечательную отвагу, громадное терпение и недюжинный дар наблюдательности. Многолетняя экспедиция его внушает тем большее уважение и удивление, что она совершена на весьма небольшие, сравнительно, средства... С другой стороны, Н. Н. обращает на себя внимание и тем, что он единственный русский путешественник, получивший известность своими исследованиями в тропических странах и в Австралии». Анучин отметил огромное значение полевого исследования Миклухо-Маклаем народов, находящихся на низких ступенях общественного развития, подчеркнув, что «изучение этих первобытных племен сознается теперь как существенно важное для прогресса наших знаний о человеке и человечестве». В заключение он в мягкой, доброжелательной форме решился дать Миклухо-Маклаю некоторые советы: «Можно только пожелать, чтобы Н. Н. не увлекался новыми поездками, особенно за пределы излюбленной им Меланезии, чтобы он сконцентрировал, так сказать, свои исследования, чтобы он обработал их возможно полнее и обстоятельнее, воспользовавшись вместе с тем для сравнения и данными существующей уже географической и антропологической литературы... Пожелаем обстоятельности обработки, но вместе с тем и скорейшего окончания труда, а для автора — здоровья и благоприятных условий для работы» [32].

В декабре 1882 г. Миклухо-Маклай отправился через Западную Европу обратно в Австралию. Он, разумеется, не смог убедить царское правительство поддержать свой план создания папуасского государства на Новой Гвинее и оказать покровительство Папуасскому Союзу, когда тот будет создан [33]. Но поездка на родину все же не была напрасной: ему удалось значительно поправить свои финансовые дела. В ответ на ходатайство Совета РГО царь приказал уплатить долги Миклухо-Маклая, сделанные им для покрытия расходов по путешествиям, и выдать ему 8 тыс. руб. на двухлетнее пребывание в Сиднее для приготовления к печати материалов его многолетних наблюдений. Более того, Александр III, любивший порой разыгрывать из себя мецената и питавший некоторую склонность к этнографии, объявил через министра финансов

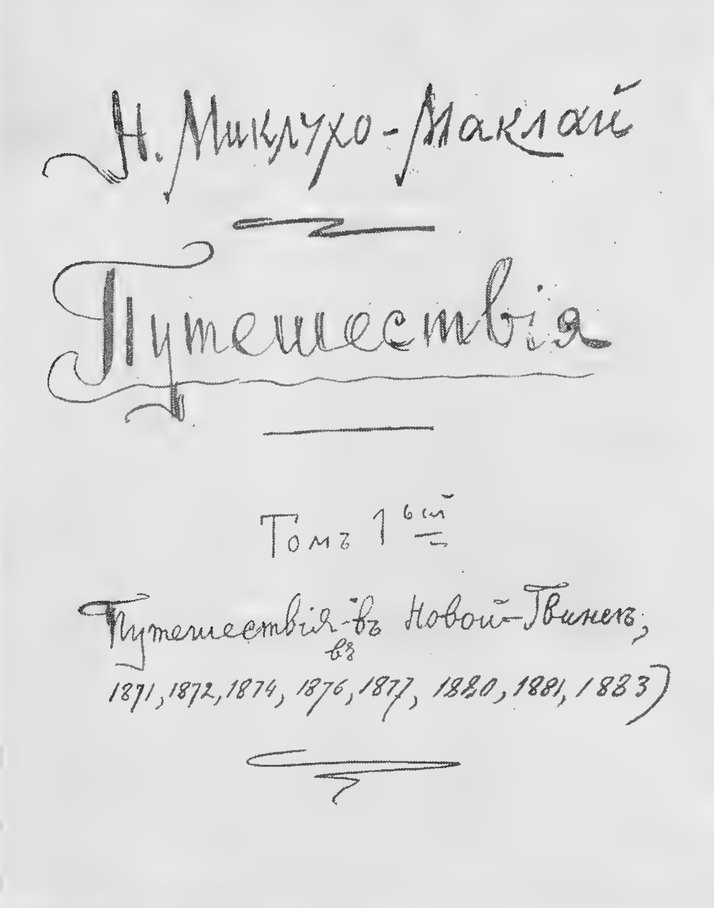
Н. Х. Бунге, что возьмет на себя расходы по изданию трудов Миклухо-Маклая, о чем Бунге сообщил в письме к П. П. Семенову [34].

Миклухо-Маклай не смог уложиться в двухлетний срок, хотя сам установил его во время пребывания в России [35]. Как показывает анализ всех доступных источников, в 1883—1885 гг. он лишь урывками работал над подготовкой к печати своих рукописей, больше занимаясь анатомическими и зоологическими исследованиями. Ряд обстоятельств сдерживал подготовку главного труда его жизни: упорная, отнимавшая много сил борьба ученого в защиту прав папуасов и других народов Океании, новое его увлечение анатомическими и зоологическими проблемами, женитьба и хлопоты по устройству семейного очага [36], пошатнувшееся здоровье. Однако дело не только в этих неблагоприятных для повседневной и систематической работы над книгой обстоятельствах. «Миклухо-Маклай,— справедливо отмечает Б. Н. Путилов,— предстает перед нами как ученый, для которого работа по обобщению научных результатов многолетних путешествий оказалась чрезвычайно сложной не только из-за внешних обстоятельств (самих по себе очень важных), но и по причинам внутреннего, творческого порядка. *Как* и *что* писать, в каком объеме, в каких границах и в какой форме изложить итоги того, чему были отданы годы жизни,— эти вопросы, решавшиеся многими предшественниками Миклухо-Маклая с завидной легкостью и простотой, предстали перед ним как мучительно сложные» [37]. Если в 1882 г. Миклухо-Маклай считал, что «предполагаемое издание будет иметь характер *строго научный»* и «рядом с кратким историческим очерком (изложением обстановки и событий путешествия) будут следовать специально-научные отделы по антропологии, сравнительной анатомии, этнологии, метеорологии и т. п.», то уже в 1884 г. в его замыслах на первый план вышел «подробный рассказ» о путешествиях, интересный как для специалистов, так и для более широкого круга читателей, а «чисто научные добавления по разным специальностям» переместились в «отдельные выпуски», которые намечалось печатать «по мере окончания некоторых добавочных исследований» [38]. План издания менялся и в дальнейшем и, как мы увидим ниже, так и не был до конца определен.

Ученого-гуманиста глубоко потряс внезапный захват в 1884 г. кайзеровской Германией северо-восточной Новой Гвинеи, в том числе Берега Маклая. Его попытки добиться отмены этой аннексии и признания независимости Берега Маклая «под общим европейским (международным) протекторатом» [39] потерпели неудачу. В отчаянной попытке изменить трагический ход событий Миклухо-Маклай в апреле 1886 г. снова приехал в Россию. Через два месяца, когда он находился проездом в Москве, состоялась его третья и последняя встреча с Анучиным, ставшим к тому времени экстраординарным профессором по кафедре географии и этнографии Московского университета. «Помню, он останавливался тогда в Лоскутной гостинице,— вспоминает Анучин,— где я имел с ним беседу о его коллекциях, предполагавшемся издании его трудов и т. д. Показался он мне тогда каким-то грустным и рассеянным; отпечаток грусти и задумчивости, впрочем, замечался на его лице и ранее...» [40]

В Петербурге Миклухо-Маклай выдвинул проект создания русской вольной колонии на Берегу Маклая или одном из прилегающих островов, надеясь, по словам П. П. Семенова, «установить между русскими колонистами и туземцами такие отношения, которые соединили бы интересы этих колонистов с интересами туземцев и, вместо эгоистической их эксплуатации, обеспечили бы их от грозящего им полного уничтожения» [41]. Как известно, этот проект получил поддержку русской демократической общественности, но подвергся нападкам в реакционной печати и был, после довольно длительного обсуждения, отвергнут царским правительством [42].

Летом и осенью 1886 г., когда решалась судьба проекта и Миклухо-Маклай энергично отстаивал свой замысел, он не мог в достаточной мере сосредоточиться на подготовке к печати описаний своих экспеди-


Н. Миклухо-Маклай

Путешествія

Томъ 1-ый

Путешествія въ Новой-Гвинеѣ, (въ 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1881, 1883)

Титульный лист рукописи первого тома «Путешествий»
Н. Н. Миклухо-Маклая, оформленный самим автором

ции, хотя обработка рукописей, по-видимому, велась и в те месяцы. Но после того как Александр III в декабре 1887 г. наложил резолюцию: «Считать это дело конченным. Миклухо-Маклаю отказать»[43], ученый, стойко перенеся крах своих попыток спасти от колониального порабощения папуасов Берега Маклая, целиком ушел в работу над главным трудом своей жизни.

К этому времени план издания претерпел дальнейшую эволюцию. Теперь речь шла о двух томах, первый из которых должен был включать описания всех его экспедиций на Новую Гвинею, а второй — путешествий по другим островам Океании и полуострову Малакка[44]. Под влиянием переписки с Л. Н. Толстым существенно изменились и сами принципы отбора материала для этих томов: по совету великого писателя Миклухо-Маклай решил сохранить в подготавливаемых к печати дневниках эпизоды, характеризующие его взаимоотношения с островитянами, полнее рассказать о своем опыте общения с людьми, находящимися на низких ступенях общественного развития[45]. Что же касается «специальных исследований», то ученый предполагал опубликовать их отдельно, но этот вопрос, по-видимому, не был окончательно решен[46].

В феврале 1887 г. Миклухо-Маклай сообщил РГО, что вопреки «сильному нездоровью, которое не раз заставляло меня работать не так, как желал», первый том, посвященный Новой Гвинее, «почти готов

к печати», но для него еще не подобраны иллюстрации. «Соображая все, что мне осталось сделать,— продолжал ученый,— не упуская из вида самого печатания обоих томов с их дополнениями, рисунками и картами, я не без сожаления должен сознаться, что *двух третей* работы еще не сделано»[47]. По его расчетам, на это должно было уйти «более года»[48]. Поэтому в марте 1887 г. он отправился в Австралию за своей семьей, состоявшей из жены и двух маленьких сыновей, и через три с половиной месяца вернулся с ними в Петербург.

Между тем здоровье Миклухо-Маклая стало быстро ухудшаться. Он почти не мог сам писать и вынужден был диктовать свои работы. К болезни прибавились серьезные материальные затруднения. Ради заработка ученому пришлось сочинять статьи для газет и журналов. «Работать над книгою еще не начал,— писал он брату в сентябре 1887 г.,— т. к. приходится писать статью для „Нового времени", в редакции которой [газеты.—*Д. Т.*] я взял пред 1-м числом 150 руб., чтобы уплатить за квартиру, жалованье прислуге и т. д. Досадно, что приходится так бросать время»[49]. По-видимому, предчувствуя приближение трагического конца, Миклухо-Маклай хотел как можно скорее завершить подготовку главного труда своей жизни и, как вспоминал П. П. Семенов, не прекращал работы «и на одре болезни, пользуясь минутами временного облегчения своих страданий»[50]. Но силы ученого были уже на исходе. В январе 1888 г. он предпринял последнюю отчаянную попытку возобновить диктовку обработанных дневников... Через три месяца Миклухо-Маклай скончался в петербургской больнице, так и не завершив подготовку к печати описаний своих многолетних экспедиций.

Анучин откликнулся на кончину глубоко симпатичного ему ученого некрологом в «Русских ведомостях». Как всегда сдержанный в проявлении чувств, он напомнил об огромных заслугах покойного, а затем привлек внимание читателей к судьбе его научного наследия. По сведениям Анучина, Миклухо-Маклай успел подготовить первый том своих «Путешествий» и «уже принялся за второй, когда продолжительная болезнь свела его наконец в могилу». «Было бы жаль,— подчеркивал Анучин,— если бы со смертью Николая Николаевича погибли бесследно его записки, рисунки и коллекции. Желательно, чтобы они были изданы с дополнением их результатами его же наблюдений, рассеянных в разных статьях в русских и иностранных журналах. Все это были, правда, большей частью, предварительные сообщения, отдельные заметки или этнографические очерки, но в них разбросано немало весьма интересных антропологических и этнографических данных, которые заслуживали бы собрания в одно целое, в виде дополнения к неоконченным „Запискам"»[51].

Через четыре дня после смерти Миклухо-Маклая, 6 апреля 1888 г., его братья Михаил и Владимир с двумя его ближайшими друзьями посетили вдову ученого, чтобы забрать подготовленные покойным материалы первого тома и передать их в РГО. Маргарита Миклухо-Маклай согласилась отдать эти материалы, но наотрез отказалась выдать оригиналы соответствующих дневников[52]. В результате 12 апреля П. П. Семенов на заседании Совета РГО «представил приготовленный к печати покойным Н. Н. Миклухо-Маклаем первый том его путешествий, обнимающий описание пребывания его в Новой Гвинее». Как зафиксировано далее в протоколе этого заседания, Совет поручил двум своим членам «войти в сношение с вдовою Миклухо-Маклая для определения состава оставшихся после него научных материалов»[53].

Между тем в квартире Миклухо-Маклая произошли достойные сожаления события. Потрясенная горем вдова, как видно из ее дневника, сожгла — вопреки возражениям братьев ученого — часть его личного архива. Огню была предана часть переписки, а также некоторые дневники путешествий[54]. Сама Маргарита писала, что сжечь дневники велел ее покойный муж[55]. Возможно, что при уничтожении дневников

она придерживалась определенной системы, так как были сожжены оригиналы дневников преимущественно тех путешествий, описания которых ученый успел в той или иной мере подготовить к печати, и эти обработанные им, передиктованные и частично перекопированные тексты были сохранены.

Предварительная разборка уцелевших бумаг продолжалась несколько месяцев, причем особенно активную роль в этом деле сыграл младший брат покойного — горный инженер Михаил Николаевич Миклухо-Маклай. В августе один из ближайших друзей ученого, А. А. Мещерский, написал по просьбе вдовы и от ее имени «очень важную бумагу в Географическое общество». В этом письме, как видно из дневника Маргариты, она высказала соображения «о труде моего дорогого мужа, о публикации его рукописей» [56]. Через месяц, 22 сентября, накануне отъезда с детьми в Австралию, она встретилась с П. П. Семеновым. Он сказал, что труд ее супруга будет опубликован без промедления, и заверил в том, что все будет сделано в соответствии с ее пожеланиями [57].

По-видимому, в результате этих переговоров рукописи и другие материалы покойного ученого были официально переданы в распоряжение РГО. От имени вдовы и родственников это сделал М. Н. Миклухо-Маклай. В протоколе заседания Совета РГО от 30 сентября 1888 г. имеется следующая запись: «*Доложено* о принесении Обществу в дар наследниками покойного члена-сотр. Н. Н. Миклухо-Маклая всех собранных им коллекций и оставшихся после него рукописей, рисунков, карт и т. п. *Постановлено*: выразить наследникам Н. Н. Миклухо-Маклая живейшую признательность Общества за приношение» [58].

К упомянутому заседанию Совета РГО была приурочена «Записка по поводу бумаг и рукописей покойного Николая Николаевича Миклухо-Маклая, представленная в имп. Русское географическое общество его наследниками». Этот любопытный документ, датированный 30 сентября 1888 г., был составлен и подписан М. Н. Миклухо-Маклаем.

В «Записке» указывалось, что необходимо прежде всего без промедления опубликовать первый том описаний путешествий покойного ученого в том виде, в каком «они оставлены им самим в нескольких манускриптах». «Несмотря на значительные пробелы, недостатки, не окончательную обработку этих манускриптов,— подчеркивалось в документе,— желательно было бы сохранить и издать их именно с тем личным характерным отпечатком и индивидуальным оттенком, которые представляют их наибольшую характерную прелесть и интерес». По мнению родных Миклухо-Маклая, описание путешествий следовало бы в первом томе дополнить несколькими его статьями, опубликованными на русском языке, и в особенности лекциями, прочитанными ученым в 1886 г. в Петербурге, ибо эти публичные лекции имеют обобщающий характер и рельефнее показывают «как то, к чему он стремился, что было достигнуто им, равно как и то, что, к сожалению, осталось только намеченной им для других задачей».

В «Записке» поднимался также вопрос о «возможно поспешном переводе и издании на русском языке всего того, что когда-либо на каком бы то ни было языке уже было напечатано самим Николаем Николаевичем». «Необходимость этого,— отмечалось в „Записке“,— была и им самим настолько сознана, что он самолично и именно с этой целью собрал все эти статьи и брошюры, переданные ныне в имп. Географическое общество». Родные высказали пожелание, чтобы эти переводы, которые могут «служить специально научным дополнением к общему описанию его путешествия», были опубликованы «в полной независимости от разработки и издания остальных работ и материалов его».

Не была обойдена в «Записке» и проблема использования «того научного, еще более отрывочного, только сырого материала, который найден был после смерти Николая Николаевича в его бумагах». «Где один только рисунок с несколькими к нему примечаниями, где отрывоч-

ная заметка по поводу того или другого отдельного вопроса или наблюдения!» — восклицал автор документа, подчеркивая вместе с тем, что и такие рисунки и записи представляют немалый интерес, ибо касаются «в большинстве случаев явлений новых и еще не вошедших в систематическое описание». Эти отрывочные материалы рекомендовалось передать «подходящим значительным и беспристрастным специалистам на дальнейшую разработку» с тем, чтобы ее результаты составили в издании трудов Миклухо-Маклая «совершенно особую характерную группу как только обработку другими сырого материала, собранного и составленного Николаем Николаевичем».

Высказываясь за перевод на русский язык работ Миклухо-Маклая, опубликованных за границей, родственники ученого подняли вопрос и «о своевременном переводе путешествий, лекций и остального подходящего материала на иностранные языки». «Казалось бы самым подходящим,— говорилось в „Записке",— предпринять эти [публикации] единовременно и одновременно с выходом в свет русского издания, так как это значительно облегчило и удешевило бы все печатание, в особенности изображений по одним и тем же клише».

Наконец, в представленном М. Н. Миклухо-Маклаем документе содержалась очень важная мысль о необходимости сделать публикации трудов его брата доступными для широкого круга читателей. «...Вопрос о прямой материальной выгоде от самих изданий,—подчеркивалось в „Записке",— должен отойти совсем на второй план, а следует иметь в виду продажной ценой покрыть только расходы издания и возможность этим распространить их как можно больше... Во всяком случае вдова и наследники Николая Николаевича желают самого дешевого издания его трудов» [59].

Вначале руководители РГО оптимистически расценивали возможность скорейшей публикации хотя бы первого тома трудов знаменитого путешественника. Как утверждала его вдова в письме председателю РГО от 27 апреля 1896 г., П. П. Семенов в сентябре 1888 г. обещал ей, что «книга выйдет в свет следующей весной» [60]. Немецкий географ и этнограф О. Финш получил сходное заверение от видного деятеля РГО и крупного чиновника российского Министерства иностранных дел Ф. Р. Остен-Сакена, на протяжении многих лет оказывавшего содействие экспедициям Миклухо-Маклая [61]. Но к весне 1889 г. выяснилось, что дело обстоит не так просто, как казалось на первый взгляд.

Совет РГО поручил дать заключение о научном наследии покойного, поступившем в РГО, известному картографу и военному деятелю Н. В. Каульбарсу. После довольно продолжительного изучения этих материалов он представил 23 февраля 1889 г. подробный «Отчет ... о рукописях, рисунках, фотографиях и картах Николая Николаевича Миклухо-Маклая».

Каульбарс обнаружил в большом железном сундуке, куда были сложены бумаги покойного исследователя, 16 карманных записных книжек и 6 записных книжек большего формата, относящихся к экспедициям 1871—1881 гг., с заметками по разным областям знания и многочисленными рисунками. Он пришел к заключению, что все эти записные книжки «представляют совершенно сырой материал, написанный на русском, немецком, английском и французском языках, не поддающийся разработке без личного участия автора».

Там же находились дневники всех шести экспедиций Миклухо-Маклая на Новую Гвинею и дневник его путешествия по полуострову Малакка в 1874—1875 гг. Наименее обработан был последний дневник (он не был даже переписан начисто), но и остальные дневники, по мнению Каульбарса, нуждались в «некоторой обработке для печати». Даже в дневнике первого пребывания на Берегу Маклая, наиболее подготовленном автором к публикации, Каульбарс заметил «многие пропуски и пробелы, которые необходимо пополнить». Явно принижая значение этого поистине выдающегося произведения, он охарактеризовал

его как «весьма занимательную и интересную, с точки зрения туриста, рукопись».

Далее следовал обзор найденных в сундуке мелких рукописей разного содержания, в том числе словариков многих диалектов, а также карт и богатого собрания рисунков и фотографий. Отметив, что рисунки, выполненные самим Миклухо-Маклаем, представляют значительный интерес, Каульбарс, однако, добавил, что, «к величайшему сожалению, автор не дал себе труда снабдить многие из них соответствующими надписями, вследствие чего большинство пропадает, ввиду того, что вряд ли кому удастся определить, куда они относятся, кого или что изображают». В еще большей степени этот пессимистический вывод относился к «огромной коллекции, по-видимому, интересных фотографий».

Вместе с тем Каульбарс подчеркнул, что «научно-литературная деятельность» Миклухо-Маклая «выражается почтенным числом более или менее самостоятельных изданий и статей, появившихся в печати на русском, немецком, английском, французском, итальянском и голландском языках». В сундуке оказалось 105 таких работ. «Судя по одному только оглавлению статей,— писал Каульбарс,— нельзя не сознаться, что Н. Н. самому удалось обработать большую часть собранного им научного материала и что, следовательно, его долголетняя и многотрудная деятельность принесла пользу для науки».

Что же касается публикации рукописей Миклухо-Маклая, главным образом дневниковых описаний его путешествий, то Каульбарс в сопроводительном письме заявил, что они могли бы быть изданы РГО «только в том случае, если бы нашелся человек, который привел их в порядок, т. е. восполнил пропуски, в то же время округлив их на столько, сколько окажется нужным, чтобы отнять у них характер иногда бессвязного отрывка. Читать дневник, в котором часто повторяется одно и то же, бесспорно, довольно утомительно». Если же удалось бы «приискать соответствующих лиц, которые разработали его коллекции и привели в порядок его рукописи», то «из всего этого мог бы быть составлен отдельный том наших (РГО.— *Д. Т.*) Записок».

«Имя и деятельность Николая Николаевича Миклухо-Маклая,— говорилось в „Отчете“,— навсегда послужат доблестным примером бесстрашия и полного самоотвержения русского путешественника в водах Тихого океана». Но, подчеркнуто признавая заслуги покойного исследователя, Каульбарс явно сгустил краски при оценке его рукописного наследия. Так, тенденциозным было утверждение, что даже наиболее подготовленные автором дневниковые описания путешествий невозможно опубликовать без дальнейшей обработки, сокращений и т. д. Излишне пессимистическим, как мы увидим ниже, оказалось и заявление Каульбарса о том, что большинство рисунков Миклухо-Маклая не поддается атрибуции, а потому потеряно для науки. Уверяя, будто путешественник успел обработать и издать при жизни «большую часть собранного им научного материала», и преуменьшая ценность и степень готовности к печати его неопубликованного наследия, Каульбарс исподволь, вопреки сделанным им самим рекомендациям, внушал сомнения в целесообразности издания дневников и других рукописей Миклухо-Маклая [62].

«Отчет», представленный Каульбарсом, очевидно, подействовал на руководителей РГО, словно холодный душ. Все же, обсудив этот документ, Совет РГО 13 мая 1889 г. постановил: «Озаботиться приисканием лица, которому бы поручить обработку посмертного издания трудов Н. Н. Миклухо-Маклая» [63].

В архиве РГО не сохранилось следов сколько-нибудь активных поисков такого «лица». Не исключено, что некоторые члены Совета намеревались спустить это дело на тормозах. Правда, судя по некоторым данным, была сделана попытка привлечь к подготовке упомянутого издания выдающегося антрополога и зоолога А. П. Богданова. «Его (покойного мужа.— *Д. Т.*) родные известили меня,— писала 23 января 1890 г. Богданову Маргарита Муклухо-Маклай,— что Вы в настоящее время распо-

лагаете всеми бумагами, связанными с его трудом, и готовите их к публикации». Ссылаясь на «искреннюю дружбу», существовавшую между ее супругом и Богдановым, вдова выражала надежду, что тот сделает все от него зависящее для скорейшей публикации этих рукописей[64]. Если Богданов действительно получил предложение заняться обработкой научного наследия Миклухо-Маклая (это сообщение не подтверждается другими доступными нам источниками), то он, по-видимому, уклонился от этой чести, особенно после ознакомления с указанным «Отчетом» Каульбарса.

Впрочем, работа по подготовке к печати сочинений Миклухо-Маклая, действительно, обещала быть весьма сложной и трудоемкой. Как писал впоследствии Анучин, от лица, взявшегося за обработку этих трудов, требовалось «немало труда, терпения, а также и известного запаса сведений, особенно по антропологии, этнографии, географии посещенных Миклухо-Маклаем стран. Начиная с конца 1870-х годов в этих странах произошли многие перемены, и Маклаев берег, как и вся северо-восточная часть Новой Гвинеи, стал владением Германии под именем „Земли Императора Вильгельма". С другой стороны, значительно возросла и литература об этих странах ... Игнорировать эту новую литературу при обработке маклаевского Nachlass'а было невозможно, а использование ее предполагало соответственное знакомство со специальными описаниями и исследованиями, которого мало у кого в России можно было ожидать. Так и лежал в складе Географического общества оставленный Миклухо-Маклаем материал»[65].

Бездействие РГО вызывало недоумение и озабоченность у родных и друзей покойного исследователя, и они стали обращаться в Совет РГО с вопросами, когда же будут опубликованы труды Миклухо-Маклая. По просьбе вдовы аналогичный запрос был сделан Географическим обществом Австралии[66]. В ответ руководители РГО обычно ссылались на специфические особенности рукописного наследия путешественника и на то, что им до сих пор не удалось найти лицо, способное и желающее подготовить эти материалы к печати. В оправдание приводилась также цитата из письма Миклухо-Маклая П. П. Семенову от 17(29) июня 1882 г.: «...кроме меня самого, я *сомневаюсь*, чтобы кто другой мог бы разработать результаты моих странствий, даже имея в распоряжении *все* мои дневники, журналы, заметки, рисунки, фотографии, негативы и коллекции»[67].

Одним из наиболее настойчивых ходатаев по делам научного наследия Миклухо-Маклая был А. А. Мещерский. В ответ на его очередной запрос секретарь РГО А. В. Григорьев выслал ему для объяснения задержки копию «Отчета» Каульбарса. Реакция на это была неожиданной.

В письме Григорьеву от 29 сентября 1895 г. Мещерский заявил, что, ознакомившись с выводами Каульбарса относительно рукописей Миклухо-Маклая, он пришел «к тому заключению, что вряд ли имп. Русск[ое] Геогр[афическое] Общ[ество] издаст хоть и что-либо из них». Поэтому он и другой товарищ Миклухо-Маклая, присяжный поверенный В. Ф. Суфщинский, решили сами опубликовать описание первого пребывания путешественника на Берегу Маклая. По словам Мещерского, эту рукопись Суфщинский «вместе с Миклухой и незадолго до его смерти готовил к печати на русском языке». «Суфщинский подтвердил мне,— продолжал Мещерский,— что Миклуха сам считал эту свою рукопись законченною и вполне готовою к напечатанию и что, как тогда, так и теперь, 2 из лучших петербургских издателей готовы ее напечатать». Подчеркивая, что им «руководит только неизменно дружеское и преданное отношение к памяти покойного», Мещерский просил Совет РГО разрешить задуманную публикацию и с этой целью выдать Суфщинскому упомянутую рукопись вместе с рисунками, «как находящимися при самой статье, так и в особом железном ящике»[68].

Письмо Мещерского поставило руководителей РГО в неловкое положение. Согласиться на его просьбу значило бы расписаться в собствен-

ной несостоятельности. С другой стороны, просто отказать ему тоже было нежелательно, так как эта история могла получить огласку, попасть в газеты. Поэтому было решено попытаться срочно продвинуть вперед дело с публикацией трудов Миклухо-Маклая. В этой обстановке и вспомнили об Анучине, ставшем к середине 90-х годов одним из наиболее авторитетных русских специалистов по географии, антропологии и этнографии. Вступив в переговоры с этим московским профессором, Григорьев в октябре 1895 г. (точная дата на черновике отсутствует) отправил ответное письмо Мещерскому.

Как и следовало ожидать, предложение друзей путешественника было отвергнуто. Мотивируя свой отказ, Григорьев прежде всего заявил, что, поскольку расходы по изданию трудов Миклухо-Маклая «изволил принять на себя» покойный Александр III, «венценосный сын которого ... без сомнения подтвердит это заявление», у Совета РГО «нет вовсе повода обращаться к частным издателям». Далее была подчеркнута необходимость обеспечить высокий научный уровень предполагаемого издания: «Совет, чтя память покойного Николая Ник[олаевича] Микл[ухо]-М[аклая], решится на издание трудов (всего, что только можно сохранить от забвения)... лишь убедившись, что, делая это, он тем не умалит ореол усопшего как путешественника и исследователя». Григорьев далее отметил, что при публикации этого дневника необходимо должным образом учесть другие труды знаменитого путешественника и все сделанное последующими исследователями Берега Маклая. «Такой труд,— привел Григорьев свой главный аргумент,— может быть предпринят лишь лицом, обладающим специальными знаниями по антропологии и этнографии первобытного человечества, и с таким специалистом в настоящее время ведутся в указанном смысле частные переговоры» [69].

Анучин впоследствии называл разные даты начала своих переговоров с Советом РГО, относя это событие и к 1895, и к 1897, и к 1898 гг. Однако во всех случаях он подчеркивал, что инициатива исходила от него самого и была проявлена в один из его приездов в Петербург, в разговоре с Григорьевым [70]. Очевидно, Анучин, действительно, интересовался судьбой научного наследия Миклухо-Маклая и высказывался за его публикацию. Но история его многолетних переговоров с РГО по этому вопросу начинается с адресованного ему письма Григорьева от 11 октября 1895 г.

«Заикнувшись на днях о сундук с рукописями Н. Н. Миклухо-Маклая,— писал Григорьев,— мне пришло в голову задать Вам вопрос: не возьметесь ли Вы рассмотреть научный „Nachlass" Маклая и приготовить к печати, что окажется возможным из числа его рукописей». Автор письма сам ознакомился с бумагами Миклухо-Маклая, поступившими в РГО, и, соглашаясь «в общем» с «Отчетом» Каульбарса, пришел, однако, к заключению, что среди материалов, сочтенных последним погибшими для науки, «многое могло бы быть разгадано и приурочено сведущим лицом».

«Таким лицом на Руси,— продолжал Григорьев,— представляется мне только один Дмитрий Николаевич Анучин с его громадной эрудицией в области антропологии и этнографии первобытного человека. Разумеется, труд предстоит не маленький; потребуется подготовка всего материала, как писанного, так и печатного, для удобнейшего его использования в виде ли вставок в имеющийся текст или в виде подстрочных примечаний или отдельных приложений.

Естественно, все расходы, сопряженные с подготовкою и обработкою материала, были бы включены в стоимость издания. Весь вопрос в том: можно ли решиться предпринять самое издание? есть ли что издавать? Это в настоящее время, в сущности, единственный вопрос, и решить его можете только Вы; только Вам одним поверит Совет [Р]ГО» [71].

Анучин ответил без промедления, 15 октября 1895 г.: «Что касается до Вашего любезного предложения,— писал он Григорьеву,— то, по правде сказать, я Миклухо-Маклаем также интересовался, читал его статьи,

имею его портрет и думал как-то, что следовало бы нам, русским, помянуть его чем-нибудь, в особенности изданием его биографии и его статей, по крайней мере в извлечении. При этом, так как наблюдения его касались главным образом человека — папуасов, их типа и быта, то следовало бы — где следует — и пополнить его наблюдения сличением с данными других исследователей». Сообщив, что в Москве он видел многие рисунки Миклухо-Маклая, в петербургском Музее антропологии и этнографии знакомился с его этнографическими коллекциями и слышал о привезенных им коллекциях мозгов и черепов, Анучин продолжал: «Все это, по мере возможности, следовало бы принять во внимание тому лицу, которое бы взялось за разбор дневников Миклухи-Маклая. Так думал я когда-то, но потом я, конечно, оставил всякую о том думу, тем более что и Геогр[афическое] Общество, по-видимому, пришло к заключению о невозможности что-либо сделать для почтения памяти покойного исследователя... Теперь, ввиду Вашего предложения, я снова вспоминаю мои мечты, мое знакомство с ним (в свои приезды в Москву он завертывал ко мне, и я, помню, беседовал также с ним в № Лоскутной гостиницы) и — в принципе — готов был бы подумать о Вашем плане».

Анучин добавил, что предполагает просмотреть печатные труды Миклухо-Маклая, «чтобы воспроизвести в памяти нить его поездок», а также некоторые новые работы по регионам, посещенным путешественником. Затем он поделился своими мыслями о возможной структуре проектируемого издания. Если бы большая часть дневников оказалась «недоступною или непонятною», то и тогда, использовав напечатанное Миклухо-Маклаем на русском и иностранных языках, с некоторыми добавлениями из его дневников, «можно было бы составить небезынтересную книгу». Если же выяснится, что дневники способны дать больше, если в записных книжках обнаружатся интересные заметки, то книга выйдет еще более содержательной. «Конечно,— писал в заключение Анучин,— все это может быть сделано не особенно скоро, и труд предвидится не маленький. Но именно ввиду этого-то и приниматься за него можно будет только в том случае, если вопрос будет предварительно выяснен, а то — согласитесь сами — начать труд, жертвовать временем, не будучи убежденным, что из этого выйдет прок, едва ли будет разумно» [72].

Сообщение Григорьева о том, что Анучин «в принципе согласен принять на себя труд приготовления к печати посмертного издания научных результатов путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая», было с одобрением встречено П. П. Семеновым и другими руководителями РГО. 11 ноября 1895 г. на заседании Совета РГО было принято следующее постановление: «...Совет, уверенный, что лучшего редактора для помянутого издания, как профессор Анучин, в настоящее время не найти в России, постановил поручить секретарю выяснить, на каких условиях профессор Анучин счел бы возможным принять на себя редакцию этого издания» [73]. В результате переписки между Григорьевым и Анучиным стороны в декабре 1895 г. пришли к соглашению (не оформленному, впрочем, официально), что последний будет получать по 50 руб. за лист, им самим написанный, и по 25 руб. «за редакцию листа, составленного автором». Одновременно Григорьев ответил на вопросы Анучина о точном местонахождении рукописей, рисунков, фотографий, карт и различных коллекций Миклухо-Маклая, о местожительстве его вдовы, брата и А. А. Мещерского [74].

Казалось, дело с изданием трудов покойного путешественника пошло, наконец, на лад. Если бы Анучин сразу принялся за эту работу и, не отвлекаясь, довел ее до конца, издание, вероятно, состоялось бы, во всяком случае вышел бы в свет первый том, наиболее подготовленный самим Миклухо-Маклаем. Однако Анучин и без того был перегружен огромной научной, преподавательской, организационной, издательской и журналистской работой. Достаточно вспомнить, что в эти и последующие годы он был одновременно профессором Московского университета,

президентом ОЛЕАЭ и председателем двух его отделов, руководил деятельностью созданных им Антропологического музея и журнала «Землеведение», много сил отдавал повседневной работе в газете «Русские ведомости» [75]. Неудивительно, что Анучин не смог сразу же взяться за подготовку к печати трудов Миклухо-Маклая и в дальнейшем занимался этим только урывками.

В июне 1896 г. Семенов сообщил вдове путешественника: «В конце 1895 г. московский профессор Анучин, один из друзей Вашего покойного супруга, наконец согласился сделать все возможное с рукописями г-на Миклуха-Маклая, но ему все еще мешают приступить к этой работе ранее принятые на себя обязательства» [76]. Да и сам Анучин в статье «Миклуха-Маклай», опубликованной в 1896 г. в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, умолчав о своем участии в этом деле, писал, что «после него осталось еще много рисунков и ряд записных книжек, но составление по ним описания путешествия до сих пор не было признано возможным» [77].

Работа мало продвинулась вперед и в следующем году. «Хотя мне,— писал Анучин Григорьеву 22 января 1897 г.— теперь и нет возможности приняться как следует за труд по изданию Мик[лухо]-Маклая, но — мне пришло в голову — желательно было бы выяснить несколько предварительно, возможно ли будет за него вообще браться, т. е. представляют ли возможность того имеющиеся материалы». В связи с этим Анучин попросил прислать ему в Москву для ознакомления образцы: несколько рукописей, более обработанных и более фрагментарных, 2—3 записные книжки, а также пачку рисунков [78].

Как видно из дальнейшей переписки, Григорьев прислал Анучину довольно значительную часть материалов, хранившихся в заветном сундуке. «Получил часть маклаевского Nachlass'a...— писал ему Анучин 7 марта 1897 г.— Бегло просмотрел и нахожу: 1) что есть немало интересного и 2) что все это требует обработки и дополнений». Объяснив, в чем, по его мнению, заключается сложность подготовки к печати этих рукописей, и указав, какого рода дополнения представляются желательными, Анучин добавил: «При этом, однако, первоначальный рассказ Миклухи надо тоже сохранить, с его колоритом, ибо это имеет свой интерес». «Предстоит труд вообще немалый,— подчеркивалось в письме.— Тем не менее мне представляется, что обречь М[иклухо]-Маклая на забвение и оставить его Nachlass втуне тоже не годится» [79].

Помимо огромной загруженности Анучина, существовала еще одна причина, которая побуждала его в 1896—1897 гг. медлить с началом обработки научного наследия Миклухо-Маклая. Об этой причине он упоминал в письме брату и в черновике статьи, относящихся к 1898 г.[80] Дело в том, что в феврале 1896 г. Анучин был избран ординарным (действительным) членом петербургской Академии наук. Избрание в Академию обязывало его к переезду в Петербург. Но он выхлопотал отсрочку до 1 августа 1897 г. Пока решался вопрос о переезде, Анучин не хотел втягиваться в новую сложную и кропотливую работу, тем более что основная часть научного наследия Миклухо-Маклая, включая все музейные коллекции, находилась в Петербурге. Однако Анучину было очень трудно покинуть Москву. «...Я так теперь связан с Москвой,— объяснял он брату,— настолько отвык от Питера, удручен болезнями и пр., что подобное переселение для меня немыслимо, тем более что меня связывают с Москвой и разные учреждения, для меня дорогие или даже отчасти мной созданные» [81]. В 1897 г. друзья Анучина в Академии наук выхлопотали ему новую годичную отсрочку. Но еще до ее истечения он окончательно решил остаться в Москве и подал прошение об увольнении из состава действительных членов Академии. В апреле 1898 г. общее собрание Академии наук утвердило эту отставку и в знак признания научных заслуг Анучина избрало его почетным академиком [82].

Между тем 2 апреля 1898 г. исполнилась десятая годовщина со дня смерти Миклухо-Маклая. Она прошла почти незамеченной, но 5 мая

Антропологическое общество при Петербургском университете, спохватившись, устроило публичное заседание, посвященное памяти замечательного путешественника и исследователя. На заседании, собравшем большую аудиторию, выступили Д. П. Никольский, Э. Ю. Петри, Н. В. Вяземский и И. В. Маляревский, которые рассказали о различных аспектах жизни и деятельности Миклухо-Маклая. Отчеты об этом заседании появились в печати [83]; за ними последовали более подробные статьи в газетах и журналах [84].

В своем выступлении на упомянутом заседании Д. П. Никольский, посетовав на задержку с изданием трудов Миклухо-Маклая, предложил, чтобы почин в этом деле взяло на себя Антропологическое общество. Мысль о необходимости ускорить публикацию научного наследия Миклухо-Маклая прозвучала также в газетных и журнальных статьях, причем небезызвестный нововременский публицист Эльпе (Л. Попов) прозрачно намекнул на Анучина, упомянув некоего профессора, который уже несколько лет держит у себя часть бумаг Миклухо-Маклая [85].

Выступление Никольского и особенно выпады Эльпе задели Анучина за живое. 14 мая 1898 г. он отправил Григорьеву письмо, в котором, стремясь отвести от себя упреки в бездействии, дал более конкретную оценку присланным ему на просмотр рукописям Миклухо-Маклая, определеннее высказался по поводу возможности их публикации, а также впервые наметил план издания.

Как сообщил Анучин, дневниковые описания путешествий на Новую Гвинею «могут быть изданы», но «нужно их выправить, сгладить слог, связать и дополнить, по возможности, данными из других записных книжек». Что же касается дневниковой тетради «Экспедиция на Малакском берегу», то она получила такую оценку: «Писано торопливо, с сокращениями, без особой заботы о слоге, требует выправки... Тем не менее тетрадкой этою можно все-таки воспользоваться для описания путешествия по Малакке».

Анучин предложил начать первый том биографическим очерком о Миклухо-Маклае, а за ним поместить письмо его вдовы, содержащее некоторые сведения о путешественнике. Основное содержание первого тома должны были составить описания путешествий на Новую Гвинею. После них предполагалось напечатать антропологические и этнографические статьи, а также заметки, извлеченные из записных книжек. В качестве иллюстраций намечалось использовать рисунки Миклухо-Маклая и репродукции предметов из его этнографических и антропологических коллекций. Анучин предлагал завершить первый том «дополнениями», отражающими позднейшие сведения о Новой Гвинее. «В следующих томах,— писал он,— могли бы быть помещены: 1) путешествие по Мал[акскому] полуострову, с рисунками и пр; 2) поездка по о-вам Меланезии и Зап[адной] Микронезии; 3) наблюдения над австралийцами».

«Задача издания,— продолжал Анучин,— по моему мнению, должна заключаться: 1) в возможно лучшем использовании оставленных путешественником матерьялов (текста и рисунков), что требует, кроме внимательного вычета текста, сверки разбросанных заметок, причем необходимо не попасть впросак, не наделать грубых ошибок, а это предполагает известное знакомство с географией и антропологией вообще, с литературой по соответственным странам в частности; 2) в дополнении изложения другими данными, которые бы были отделены от принадлежащего собственно путешественнику, но освежали бы и пополняли текст, отчасти уже устаревший».

Анучин пояснил, что изложил эти свои соображения потому, что на заседании Антропологического общества и на страницах петербургских газет был поднят вопрос о возможности издания материалов Миклухо-Маклая указанным обществом. «...Но, очевидно,— говорилось в письме,— оно совершенно не имеет понятия о величине этой задачи, которую ему, конечно, не выполнить».

В заключение Анучин заявил, что «если бы Геогр[афическое] обще-

ство пожелало серьезно взяться за это дело и — как оно проявляло желание ранее — поручит его мне, то я мог бы приступить к нему тоже серьезно, начав с переписки текста (с необходимыми вставками и исправлениями) и отбора рисунков, а также выписки недостающих у меня иностранных брошюр М[иклухо]-Маклая, карт и новейших сочинений по Н[овой] Гвинее» [86].

Едва Анучин успел отправить это письмо, как из РГО пришла официальная бумага за подписью Семенова. В ней содержался еще один неприятный сюрприз.

Дело в том, что М. Н. Миклухо-Маклай еще в феврале 1898 г. обратился в Совет РГО с заявлением, в котором просил выдать ему на время бумаги покойного брата, находящиеся в РГО, так как он задумал написать его биографию, а «в означенных бумагах среди научного материала находятся и биографические данные, которые при передаче невозможно было отделить» [87]. Трудно сказать, действительно ли М. Н. Миклухо-Маклай собирался писать биографию брата или он решил оказать нажим на Анучина, чтобы тот поскорее взялся за обработку научного наследия путешественника или вернул полученные бумаги. Так или иначе, 30 марта Совет РГО постановил удовлетворить просьбу М. Н. Миклухо-Маклая и в связи с этим «просить академика Д. Н. Анучина, на рассмотрении которого находятся некоторые рукописи покойного Н. Н. Миклухо-Маклая, вернуть их на время в Общество, чтобы дать возможность М. Н. Миклухо-Маклаю ознакомиться с их содержанием» [88].

Руководители РГО, по-видимому, не спешили с выполнением этого постановления. Лишь 8 мая, когда в газетах появились сообщения о заседании Антропологического общества, на котором был поднят вопрос о судьбе научного наследия Миклухо-Маклая, Семенов подписал соответствующее письмо Анучину. В нем сообщалось о замысле брата ученого и в связи с этим содержалась просьба временно вернуть полученные материалы. «Не теряя надежды» на то, что Анучин все же поможет РГО «издать хотя бы некоторые из помянутых рукописей», Семенов выражал готовность выслать ему эти материалы обратно «по миновании в них надобности» [89].

Анучин получил письмо Семенова 14 мая и уже на следующий день отправил ему подробный ответ [90]. Сообщив, что накануне он послал Григорьеву обстоятельное письмо с разбором находящихся у него материалов Миклухо-Маклая и с выражением готовности «приступить к обработке 1-го тома», Анучин решительно возразил против передачи этих материалов брату ученого. Он высказал мнение, что биографию должен писать специалист, а М. Н. Миклухо-Маклай едва ли справится с этой работой, требующей «большой осмотрительности и некоторого знания». К тому же, если передать рукописи Миклухо-Маклая его брату, это не только задержит их публикацию РГО, но и может привести к тому, что они попадут в петербургское Антропологическое общество и будут там обрабатываться. «По моему мнению,— писал Анучин,— матерьялы эти могут быть приготовлены к печати и изданы с рисунками и с надлежащей биографией самим Геогр[афическим] обществом, и было бы жаль сдавать эти матерьялы в другие руки, признав тем свое бессилие ими воспользоваться».

«Мне думается,— заявил в заключение Анучин,— при желании Геогр[афического] общ[ества] 1-ый том мог бы быть приготовлен к печати мною к началу зимы, а в следующем году уже издан, и, вместе с тем, приготовлен к изданию 2-ой том (при условии — если мне будут доставлены все материалы покойного). Если же Геогр[афическому] обществу это *не* угодно, то я, по получении от Вас или от А. В. [Григорьева.— *Д. Т.*] нового требования, вышлю имеющиеся у меня матерьялы, но вместе с тем вынужден буду заявить в печати о ходе этого дела, о том, что и когда я предлагал Г[еографическому] обществу и почему я лишен возможности подвинуть скорее это дело и вынужден отказаться от содействия ему» [91].

Решительный тон письма Анучина и заявленное им намерение всерьез взяться за подготовку к печати научного наследия Миклухо-Маклая оказали желаемое действие на руководителей РГО. 27 мая Семенов сообщил Анучину, что Совет РГО более не настаивает на предоставлении брату покойного путешественника возможности «познакомиться с находящеюся у Вас частью бумаг его». «Так как это действительно могло бы замедлить ход работы и предоставило бы еще и другие неудобства,— говорилось в письме,— то об этом не может быть и речи».

«Что касается средств на издание,— заверил Семенов,— таковые во всяком случае найдутся у имп. Русского географического общества. Средства же на покрытие расходов по изготовлению материалов к печати Вам следует лишь требовать по мере в них надобности». Семенов также сообщил, что полистное вознаграждение Анучину в размерах, согласованных им в 1895 г. с Григорьевым, утверждено Советом РГО.

«Совету остается лишь радоваться,— заявил в заключение Семенов,— что Вы в настоящее время имеете досуг повести подготовку к печати I тома трудов Н. Н. Миклухо-Маклая настолько быстро, что рассчитываете окончить ее к началу зимы. Разумеется, все материалы покойного должны быть для этого в Вашем распоряжении». Семенов пригласил Анучина «пожаловать за этими материалами лично» в Петербург [92].

31 мая 1898 г. Анучин отправил Григорьеву новое письмо. «Ехать за Nachlass'ом Миклухи в Питер теперь,— говорилось в письме,— я не предполагал, да и не знаю собственно, зачем мне приезжать... Я знаю, что Nachlass этот занимает целый сундук, но разобрать его в Питере будет для меня невозможно, ибо это требует много времени. Выбор делать тоже трудно, так как нужно просмотреть все, *решительно все*, до мелких заметок, писем, набросков... Все это можно сделать только на месте, в Москве, где Nachlass будет храниться в Антроп[ологическом] музее, т. е. в здании Историч[еского] музея». Все оставшиеся в РГО материалы Анучин просил прислать в 2—3 запечатанных ящиках и выражал готовность дать расписку в их получении [93]. В результате в августе 1898 г. эти материалы были доставлены в Москву к Анучину [94].

Летом 1898 г., как только была устранена размолвка с Советом РГО, Анучин опубликовал в журнале «Землеведение» статью «Десятилетие со дня кончины Н. Н. Миклухо-Маклая». Напомнив об основных вехах его жизни и деятельности и отдав должное его заслугам перед наукой и человечеством, Анучин рассказал затем о своих встречах со знаменитым путешественником и сделал краткий обзор его опубликованных трудов. «Некоторые из этих статей, иллюстрированные рисунками,— отметил Анучин,— представляют значительный интерес, и сообщенные в них факты вошли затем отчасти в общие сочинения, напр., в известный труд проф. Ранке „Человек“».

Подчеркнув, что рано умершему исследователю «не привелось не только издать полного описания своих путешествий, но даже и подготовить к печати свои дневники и записки», Анучин уделил в статье большое внимание проблеме публикации этого научного наследия. Он изложил основные положения «Отчета» Каульбарса и записки, представленной в РГО вдовой и родственниками покойного, процитировал постановление Совета РГО от 13 мая 1889 г., но ни словом не упомянул о своем участии в этом деле. Десятилетнюю оттяжку посмертной публикации трудов Миклухо-Маклая он объяснил большой сложностью подготовки к печати подобных материалов. При этом Анучин вновь повторил, что в такой публикации должны быть учтены более поздние исследования Новой Гвинеи и других районов, посещенных Миклухо-Маклаем. «Игнорировать эту новую литературу при обработке маклаевского Nachlass'a невозможно,— подчеркивалось в статье,— и издание трудов знаменитого русского путешественника только выиграет, только сделается более достойным его памяти, если при сохранении всего сколько-нибудь интересного и характерного из наблюдений Миклухо-Маклая оставленный им рукописный текст и печатный материал будет как следует

сгруппирован, приведен в связь и по мере надобности дополнен новейшими данными».

Статья заканчивалась на оптимистической ноте: «В настоящее время, сколько нам известно, дело об издании трудов Н. Н. Миклухо-Маклая обещает вступить в новый фазис. Нашлось лицо, изъявившее готовность взять на себя редакцию издания, и есть надежда, что при содействии Географического общества лежащие долго под спудом материалы будут наконец обработаны и изданы» [95].

В Петербурге долгие годы жил старший брат Анучина Михаил Николаевич. В молодости он служил в армии, но рано вышел в отставку в чине поручика, решив по совету своего товарища по военному училищу, будущего выдающегося физиолога и психолога И. М. Сеченова, сделаться врачом. Михаил взял на себя заботы по воспитанию и обучению Дмитрия, потерявшего родителей в возрасте 14 лет, и пользовался у него непререкаемым авторитетом. Но с течением времени роли постепенно переменились. Дмитрий стал известным ученым и общественным деятелем, тогда как Михаил — человек увлекающийся и неуравновешенный — так и не сумел окончить ни медицинский факультет Московского университета, ни петербургскую Медико-хирургическую академию. Некоторое время он был внештатным лекарем в петербургской полиции, а в 1878 г. поступил на службу помощником начальника архива в Министерство путей сообщения и занимал эту должность до преклонных лет. Человек начитанный и по-своему широко эрудированный, Михаил Николаевич сумел собрать довольно большую библиотеку, украшением которой стал один из немногих сохранившихся экземпляров «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева [96].

В конце 90-х годов, поссорившись с семьей, Михаил Николаевич одиноко жил на частной квартире на окраине Петербурга. Здоровье его все более расстраивалось, он постепенно терял зрение и слух, но продолжал ходить на работу, выслуживая пенсию. В этом беспросветном существовании его главной отрадой и развлечением была регулярная переписка с Дмитрием Николаевичем. Читая его письма, невольно погружаешься в мрачную атмосферу жизненных интересов и забот мелкого петербургского чиновничества, столь тонко и глубоко отображенную в романах и повестях Ф. М. Достоевского, а некоторые страницы его писем воспринимаются как фрагменты этих произведений.

Узнав из газетных намеков о причастности младшего брата к подготовке посмертного издания трудов Миклухо-Маклая, М. Н. Анучин обратился к нему за разъяснениями. В ответном письме Дмитрий Николаевич, рассказав об истории и современном состоянии этой проблемы, в том числе о своей недавней переписке с руководителями РГО, поделился некоторыми соображениями о плане и характере намечаемого издания. Он высказал мнение, что труды Миклухо-Маклая займут «minimum, три тома», но не исключено, что «ближайшее ознакомление с материалом потребует некоторого изменения в его распределении или даже прибавку IV тома для более специальных статей». Как и в письмах Григорьеву и статье, опубликованной в журнале «Землеведение», Дмитрий Николаевич изложил здесь довольно волюнтаристские принципы подготовки к печати рукописей знаменитого путешественника. Эти принципы, в какой-то мере отражавшие соответствующие рекомендации Каульбарса, предусматривали значительную обработку даже тех дневников, которые были почти полностью подготовлены к публикации самим автором, а также дополнение материалов Миклухо-Маклая данными, почерпнутыми из трудов позднейших исследователей. «Воспользоваться этим в должной мере,— писал брату Д. Н. Анучин,— не отстраняя, однако, на второй план трудов самого М[иклухо]-М[аклая],— дело довольно трудное, тем более что и при обработке заметок М[иклухо]-М[аклая] нужно будет справляться с позднейшими известиями [97].

Михаил Николаевич принял близко к сердцу трудную задачу, стоящую перед младшим братом. Он отыскал в архиве Министерства путей

сообщения документы о происхождении, родне, образовании и службе отца Миклухо-Маклая (инженера-путейца). Из этих документов, в частности, следовало, что дед и отец исследователя, да и он сам в детстве носили фамилию Миклуха. Михаил Николаевич рекомендовал выяснить, откуда взялась вторая часть фамилии [98].

Но этим не ограничился вклад М. Н. Анучина в изучение и публикацию материалов о жизни и деятельности Миклухо-Маклая. Он выразил несогласие с рекомендациями Каульбарса и, обеспокоенный эдиционными принципами брата, дал ему важный совет: «Надо все напечатать... Извлечений мало... Подлинные лоскуточки, все должно быть сберегаемо тщательнее глиняных изданий ассирийско-вавилонских письмен. Самая акрибиальная (скрупулезная.— *Д. Т.*) точность в разработке и издании и сохранении неизбежно необходима и желательна» [99]. К сожалению, Дмитрий Николаевич, по-видимому, недостаточно прислушался к этому совету старого архиварнуса.

Как мы уже знаем, Анучин в письме к Семенову от 15 мая 1898 г. объявил о своем намерении завершить подготовку к печати первого тома трудов Миклухо-Маклая «к началу зимы», т. е. к концу 1898 г. Этот срок он установил явно сгоряча, без достаточного учета как объема предстоящей работы над томом, так и тяжкого груза многих других дел и обязанностей, которые он взвалил на свои плечи. А через несколько месяцев Анучин вообще отложил в сторону рукописи Миклухо-Маклая.

«Развитие научной деятельности Д. Н. [Анучина.—*Д. Т.*] не было строго методическим и планомерным,— вспоминает В. В. Бунак.—... Д. Н. неоднократно отрывался от ведшихся им серьезных исследований и оставлял их неоконченными, чтобы выполнить какую-нибудь срочную работу, отозваться на свежее событие научной и общественной жизни» [100]. На сей раз Анучин увлекся подготовкой большого очерка «А. С. Пушкин (Антропологический этюд)», который он решил опубликовать к столетию со дня рождения великого русского поэта, исполняющемуся в мае 1899 г. «Действительно, М[иклухо]-Маклая я теперь отложил в сторону,— писал он брату 11 февраля 1899 г.— Объясняется это тем, что по случаю 100-летнего юбилея П[ушкина] желательно бы выяснить вопрос о происхождении поэта и о наследственных влияниях в развитии его, а во-вторых, некоторым сознанием, что едва ли кому теперь у нас это доступнее, чем мне» [101].

Преклоняясь перед памятью поэта, которого он считал русским национальным гением, Анучин провел огромную — многогранную и кропотливую — подготовительную работу: обращался в архивы, музеи и другие учреждения, вступил в переписку с родственниками Пушкина, потомками его друзей и собирателями литературных памятников, проштудировал дневники и воспоминания современников, систематизировал и изучил бесчисленное множество портретов Пушкина и его скульптурных изображений, подробно обмерил и описал посмертную маску поэта [102]. Исследование о Пушкине публиковалось отдельными выпусками, что называется «с колес», в 12 номерах газеты «Русские ведомости» в апреле — июле 1899 г.[103] Лишь по завершении этой публикации Анучин вернулся к работе над рукописями Миклухо-Маклая.

«Первое пребывание М[иклухо]-М[аклая] на Н[овой] Гвинее,— писал Анучин Григорьеву 22 ноября 1899 г.,— мною сличено по нескольким спискам и составлен наиболее полный, хотя и в нем оказываются пропуски (собственные имена, некоторые названия животных, туземные слова и пр.). 2-ое пребывание также подготовлено». Анучин добавил, что начат перевод на русский язык статей Миклухо-Маклая о папуасах, опубликованных в иностранных журналах. «Собственно текст М[иклухо]-М[аклая], касающийся Н[овой] Гвинеи (ибо пока, я думаю, следует ограничиться ею — для 1-го выпуска),— говорилось в письме,— мог бы быть приготовлен в непродолжительном времени, но его необходимо дополнить, необходимы комментарии; вот это особенно требует времени. При всем том, полагаю, что в будущем году можно будет

приступить к изданию, изготовив предварительно или одновременно необходимые рисунки, портреты и карту (или несколько карточек)». Полнее изучив материалы Миклухо-Маклая, Анучин пришел к выводу, что их следует опубликовать не в трех-четырех, как он думал раньше, а в двух томах, каждый из которых составит не менее 30 печатных листов. Дмитрий Николаевич попросил выделить на подготовку издания 3 тыс. рублей с тем, чтобы он мог расходовать их по мере надобности [104].

Руководители РГО, по-видимому, были недовольны тем, что Анучин не завершил подготовку первого тома трудов Миклухо-Маклая ни в 1898, ни в 1899 гг. Во всяком случае, вместо запрошенных им 3 тыс. рублей Совет РГО выделил на расходы по этому изданию всего 200 рублей [105]. Как отмечает один из его биографов, «больших, капитальных работ в начале 900-х годов Анучин не предпринимал», так как текущая работа в университете, научных обществах и газете поглощала все его силы и время [106]. Анализ имеющихся материалов позволяет утверждать, что и обработка научного наследия Миклухо-Маклая в эти годы очень медленно подвигалась вперед.

«За мною есть ... долг перед Обществом,— писал шестидесятилетний Анучин 29 ноября 1903 г. новому секретарю РГО А. А. Достоевскому (племяннику великого писателя),— именно по обработке Nachlass'a Миклухи-Маклая. Я виноват тем, что закопался с разбором этого Nachlass'a. Масса дел, разрозненность и отрывочность самих материалов, состояние моего здоровья — все это служило помехою. Уезжая, напр., на лето, пришлось оставлять матерьялы в Москве, хотя летом иногда можно бы было заняться. Тем не менее кое-что мною сделано».

Как указал далее Анучин, у него окончательно созрел план издания. Оно должно состоять из двух томов («1) Н[овая] Гвинея; 2) все прочее»), что соответствует намерениям автора и «фактической наличности самих матерьялов». При этом Анучин — в отличие от своих прежних наметок — впервые предусмотрел включение в это издание некоторых естественнонаучных (преимущественно географических) работ Миклухо-Маклая.

По плану Анучина первый том должен был начинаться статьей «От редакции» и биографическим очерком, им еще не написанными. Затем намечалось поместить дневниковые описания всех шести путешествий Миклухо-Маклая на Новую Гвинею, сопровождаемые соответствующими отчетами автора. Анучин писал, что эти тексты уже подготовлены к печати, причем в описании трех экспедиций (поездки в Папуа-Ковиай, второго пребывания на Берегу Маклая и путешествия на южный берег Новой Гвинеи в 1880 г.) внесены «дополнения из записных книжек». Далее предполагалось поместить «Антропологические заметки о папуасах Берега Маклая», уже переведенные на русский язык и тоже дополненные «по рукописным заметкам автора». Следующие за ними «мелкие статьи» еще предстояло перевести с иностранных языков. Том должны были завершить три статьи Анучина: «Новая Гвинея по современным данным и очерк ее исследования со времен Миклухо-Маклая», «Судьбы Берега Маклая и его современное состояние», «Папуасы Новой Гвинеи». Эти статьи, призванные дополнить материалы Миклухо-Маклая и сообщить читателям самые современные сведения об острове и его обитателях, еще не были написаны Анучиным. Что же касается содержания второго тома, то оно было изложено в самых общих чертах. Это заставляет предположить, что Анучин еще не приступил к его подготовке.

Очень трудным и кропотливым делом оказался подбор иллюстраций. «...Пришлось немало повозиться с рисунками,— говорилось в письме,— которых много, но на многих нет надписей, или есть загадочные, для разбора которых надо иметь понятие о тексте и о лицах и фактах, в нем указанных. Большую часть я мог, однако, разобрать и распределить по категориям».

Чтобы перевести вопрос об издании в более практическую плоскость, Анучин в том же письме предложил напечатать в немногих экземплярах «в виде пробы» хотя бы один печатный лист первого тома с несколькими рисунками на такой бумаге и в таком формате, как он сочтет пристойным, и представить эти образцы на одобрение Совета РГО. В заключение он затронул финансовый аспект издания, и ранее его беспокоивший, напомнив А. А. Достоевскому, что «есть основание» надеяться на ссуду от «высочайшей щедрости» [107].

Однако годы, благоприятные для публикации РГО научного наследия Миклухо-Маклая, по-видимому, уже миновали. Это дело, долгое время остававшееся без движения, вызывало преимущественно раздражение у руководителей РГО, увлеченных теперь другими проблемами, путешествиями и именами. К тому же в феврале 1903 г. в руководстве РГО произошли негативные перемены: пост секретаря, направлявшего всю повседневную деятельность Общества, занял А. А. Достоевский, человек довольно инертный и равнодушный. Л. С. Берг вынужден был отметить в юбилейном издании, посвященном столетию со дня основания РГО, что «Достоевский мало интересовался географией и чрезвычайно запустил дела Общества» [108]. Судя по сохранившимся архивным документам, Достоевский не реагировал на предложение Анучина напечатать пробный лист трудов Миклухо-Маклая.

Последняя попытка вдохнуть жизнь в проект публикации научного наследия Миклухо-Маклая относится к 1907—1908 гг. В начале 1907 г. один из членов Совета РГО, выдающийся океанограф и географ Ю. М. Шокальский, заинтересовался состоянием бумаг покойного путешественника и перспективами их издания. Отвечая Шокальскому, Анучин писал 28 марта 1907 г.: «Я было принялся снова за Миклуху-Маклая, просмотрел еще раз подобранное мною ранее, просмотрел рисунки и пр. и составил прилагаемый при сем проект издания, но расстраивающееся все более и более мое здоровье заставляет меня взять отпуск и бросить на некоторое время все занятия. Я уезжаю до лета, а может быть, и до осени. Это необходимо по совету врачей, а то я совсем лишусь работоспособности и здоровья. Ввиду этого я предоставляю Вам обсудить — представлять ли сейчас прилагаемый проект издания в Совет или поговорить предварительно, решить принципиально, иметь в виду в течение следующего учебного года и т. д.»

Приложенный проект предусматривал публикацию двух томов, как это было запланировано и в 1903 г., но в их содержание были внесены некоторые изменения. В первый том, в частности, предполагалось дополнительно включить сообщение о проекте основания русской вольной колонии на Берегу Маклая. Содержание второго тома было снова изложено в общих чертах, но на сей раз, кроме описания путешествий по Малаккскому полуострову, Меланезии и Микронезии и заметок об австралийских аборигенах, в нем предполагалось поместить лекции, прочитанные путешественником в Петербурге, список всех его печатных трудов, а также «некоторые письма». Последнее представляет значительный интерес, так как свидетельствует о том, что в поле зрения Анучина попало богатое эпистолярное наследие Миклухо-Маклая. По предварительным расчетам, первый том, включающий около 130 иллюстраций, должен был составить 32—34 печатных листа, второй — около 20 листов [109].

В изученных нами архивных фондах отсутствует ответ Шокальского на это письмо, но можно предполагать, что он был уклончивым. Об этом косвенно свидетельствует новое письмо Анучина Шокальскому, датированное 23 мая 1908 г. «Давно уже тянется дело по подготовке к изданию путешествий Миклухи-Маклая,— говорится в письме.— Чтобы несколько его продвинуть, я решился сделать пробу, именно отпечатать два пробных листа 1-го тома». Анучин сообщил, что заказанные им 20 экземпляров «будут готовы на днях» и он тотчас вышлет их руководителям и членам Совета РГО, чтобы те решили, следует ли продолжать это издание, и, если да, то годится ли предложенный образец. Анучин пояснил, что



Первое пребываніе на берегу Маклая, въ Новой Гвинеѣ.

(Съ сентября 1871 г. по декабрь 1872 г.)

7/19 сентября 1871 г. Около 10 ч. утра показался, наконецъ [1]), покрытый отчасти облаками, высокій берегъ Новой Гвинеи [2]).

Корветъ „Витязь" шелъ параллельно сѣверо-восточному берегу Новой Британіи изъ Port Praslin (Новой Ирландіи), нашей послѣдней

[1]) Выйдя изъ Кронштадта 27 окт. (ст. стиля) 1870 г. и зайдя въ Копенгагенъ, Плимутъ, о. Мадеру, о. С.-Винцентъ (одинъ изъ о-вовъ Зеленаго Мыса), Ріо-де-Жанейро, Пунта-Аренасъ и бухту св. Николая въ Магеллановомъ проливѣ, Талькахуано, Вальпарайзо, о. Рапа-Нуа, о. Мангареву, Папеити (на о. Таити), Апію (на о. Уполу, одномъ изъ о-вовъ Самоа), о. Ротуму и Port Praslin (на о. Новой Ирландіи), мы на 346-й день увидѣли берегъ о. Новой Гвинеи.

[2]) Горы Финистеръ (или, какъ туземцы называютъ ихъ, Мана-Боро-Боро), достигающія высоты слишкомъ 10.000 ф., тянутся параллельно берегу, т.-е. въ направленіи

Страница пробных листов «Путешествий» Н. Н. Миклухо-Маклая, набранных в 1908 г. по заказу Д. Н. Анучина

использует для оплаты заказа остаток от 200 руб., полученных им несколько лет тому назад на текущие расходы, а если этих денег не хватит и проба будет отвергнута, то доплатит из своего кармана. Таким образом, Анучин не только вернулся к своему замыслу, впервые изложенному в 1903 г. в письме А. А. Достоевскому, но и решил осуществить его на свой страх и риск.

На двух листах (32 страницы) большого формата, равных четырем стандартным печатным листам, были помещены «Краткое сообщение о моем пребывании на восточном берегу острова Новой Гвинеи» и начало дневникового описания первого пребывания на Берегу Маклая с семью иллюстрациями [110]. Как заявил Анучин в том же письме Шокальскому, в случае одобрения этого начинания он будет «потихоньку продолжать» печатание первого тома. «Таким образом,— писал он,— если буду жив и в силах, может быть, к концу этого года и успели бы отпечатать 1-ый том, что уже будет половина дела».

Анучин считал, что издание должно быть «изящное, на хорошей бумаге», с большим количеством иллюстраций. При тираже в 1000 экземпляров каждый том, по его расчетам, обошелся бы примерно в 5 тыс. рублей. «Полагаю,— говорилось в письме,— что надо просить на издание тысяч 12—15, ибо и мне тогда положите (как это мне А. В. Григорьев в свое время писал)».

Анучин понимал, что такое дорогостоящее издание едва ли под силу РГО. Поэтому он напомнил Шокальскому, что деньги на публикацию трудов Миклухо-Маклая были обещаны «свыше». «В них, вероятно, не откажут, но в ожидании их, думается мне, следовало бы не медлить, а продолжать печатание... Если же затянуть дело ... оно может совсем расстроиться, а там я отправлюсь ad padres, и едва ли кто найдется, чтобы разобраться снова в этом Nachlass'е и издать его прилично, с надлежащими дополнениями» [111].

Уже через четыре дня, 27 мая, Анучин сообщил Достоевскому и Шокальскому, что высылает пробные листы руководителям и членам РГО. «... Если же одобрите,— повторил он в письме Достоевскому,— то я предполагаю продолжать и питаю надежду закончить издание I тома (Н. Гвинея) к 1909-му году» [112]. А 1 июня Дмитрий Николаевич отправил еще одно письмо Шокальскому. «Я хотел приехать в Петербург,— писал Анучин,— но внезапные обстоятельства (болезнь моей жены) не позволяют мне этого сделать, и я, вероятно, должен буду скоро уехать на курорт. Вследствие этого я должен просить Вас сообщить мне письменно некоторые указания относительно издания М[иклухо]-Маклая, пробные листы которого мною высланы Вам, в Общество и большинству членов его Совета. К сожалению, П[етр] Петр[ович] (Семенов.— *Д. Т.*) теперь болен и не может, вероятно, говорить о делах. Как бы то ни было, я буду просить Вас, по возможности, выяснить это дело в ближайшем будущем и написать мне, что я должен делать. Ответ может быть троякого рода: 1) Общество *не может* принять на себя такого издания; в данном случае я рассчитаюсь с типографией и дело кончено; 2) Общество может и желает продолжать издание в таком виде и на данных условиях; тогда мне надо будет получить какое-нибудь официальное уполномочие на продолжение издания, которое бы гарантировало типографию; 3) Общество не может сказать ни да, ни нет до выяснения обстоятельств дела; тогда оно, м[ожет] б[ыть], согласится отпечатать эти листы в известном количестве экз[емпляров] (приняв на себя расходы), а с продолжением издания подождать до осени» [113].

В мае 1908 г. восьмидесятилетнего П. П. Семенова (с 1906 г.— Семенова-Тян-Шанского) постиг апоплексический удар (инсульт). Удар не имел тяжких, необратимых последствий, но, соблюдая осторожность, Семенов до конца года не посещал заседаний Совета РГО и мало вникал в его дела. Обязанности вице-председателя (фактического руководителя РГО) временно исполнял А. В. Григорьев, который в феврале 1909 г. вернулся на службу в РГО, на сей раз в роли помощника председателя («августейший» председатель вел. кн. Николай Михайлович возглавлял Общество чисто номинально и никогда не присутствовал на заседаниях Совета). Поскольку Анучин торопил с ответом, Шокальский передал его письма Григорьеву, и тот 7 июня отправил Дмитрию Николаевичу подробное письмо.

Сообщив, что он ознакомился с письмами Анучина и пробными листами и беседовал по этому вопросу с членами Редакционного комитета РГО и «сочленами по Совету», Григорьев продолжал: «Большинство взглядов сводится к тому, что Nachlass Миклухо-Маклая необходимо издать, благо налицо такой редактор, как Вы, но вопрос в средствах на издание. Собственных средств Общество не может затратить на это издание, хотя бы и в рассрочку, ибо обязано издать то, что уже готово. Дело это обсуждалось на последнем до осени Совете 16 мая, когда пробные листы еще не были получены, и было решено приступить к изданию дневников М[иклухо]-М[аклая] лишь в случае особого ассигнования на этот предмет». Как заявил далее Григорьев, «ввиду такого отношения Совета нельзя приняться за издание всего I тома», но он как исполняющий обязанности вице-председателя счел себя вправе просить Анучина распорядиться отпечатать уже набранные листы тиражом в 1000 экземпляров и счет на оплату прислать в РГО. «Продолжением же печатания остального материала, кроме набранного ...— говорилось в

письме,— надо повременить до решения вопроса о средствах, чего за недомоганием Петра Петровича сейчас сделать нельзя». Письмо заканчивалось довольно оптимистически: «За деньгами, надеюсь, дело не станет. Воля имп. Александра III — это у нас есть schwarz auf weiss, но ранее осени не решить вопроса» [114].

Анучина обрадовало письмо Григорьева. «Приношу Вам сердечную благодарность за Ваше любезное и обстоятельное письмо, выясняющее вполне вопрос об издании Nachlass'a М[иклухо]-М[аклая],— ответил он Григорьеву 18 июня.—... Относительно замечания Вашего, что „воля имп. А[лександра] III есть у нас schwarz auf weiss", то я позволю прибавить, что это сделалось тогда известным всей Европе... Можно только пожелать скорейшего выздоровления Петру Петровичу и успеха ему и всему Обществу в исходатайствовании обещанного уже ранее». Ответив на вопросы Григорьева о материалах по Малаккскому полуострову и сообщив, что типографии будет дано поручение напечатать четыре листа установленным тиражом, Анучин в заключение писал: «Я очень рад, что получил письмо именно от Вас... которого я знаю с давних пор, от которого я получил поручение на подготовку к изданию Nachlass'a М[иклухо]-М[аклая], а равно и самые материалы... Искренне желаю и надеюсь (если хватит жизни и сил) окончить при Вашей помощи это дело, давно намеченное, но по разным причинам все откладывающееся» [115].

Итак, в затянувшемся на многие годы деле по изданию трудов Миклухо-Маклая, казалось, наметился перелом. Печатание четырех листов первого тома было санкционировано руководителем РГО, что вселяло надежду на выход в свет тома в целом. Но это была, если можно так выразиться, высшая точка прилива. За ним последовал отлив, а потом наступил штиль.

Уже в начале июля 1908 г. Анучин сообщил Григорьеву, что «типография затрудняется отпечатать теперь 4 листа (32 стр.) и предлагает обождать до решения вопроса... Ввиду этого не лучше ли в самом деле обождать, т. к. типография не торопит с уплатой» [116]. О том же Анучин 11 июля написал Шокальскому, добавив, что «типография будет ждать решения вопроса до зимы» [117].

6 октября 1908 г. на заседании Совета РГО снова обсуждался вопрос о публикации трудов Миклухо-Маклая, причем Григорьев изложил соображения Анучина о содержании и ориентировочной стоимости первого тома, а также напомнил о согласии Александра III взять на себя расходы по изданию. Совет постановил: «Прежде чем решить этот вопрос, выяснить, можно ли надеяться на получение особых средств на это издание» [118].

Оставалось ждать полного выздоровления Семенова, так как из деятелей РГО только он был вхож в «высшие сферы». Между тем 25 октября 1908 г. скоропостижно скончался Григорьев, который проявлял живой интерес к научному наследию Миклухо-Маклая и лично вел это непростое дело. Смерть Григорьева нанесла сильный удар по проектируемому изданию. Полностью осознав значение этой утраты, Анучин 8 декабря 1908 г. с тревогой писал Шокальскому: «Как пойдет теперь это дело?.. Надо было бы так или иным путем двигать это дело, иначе все рушится» [119].

В начале 1908 г. Семенов вернулся к исполнению своих обязанностей, но в интересующем нас вопросе никакого сдвига не произошло. «Что касается издания Мик[лухо]-Маклая, то я, откровенно говоря, уже теряю надежду,— писал 18 июня 1909 г. Анучин Шокальскому.— Год прошел, а П. П. (Семенов.— *Д. Т.*) ничего, по-видимому, не сделал» [120]. Очевидно, к этому времени руководители РГО приняли решение воздержаться от публикации трудов Миклухо-Маклая. Такое решение нам не удалось обнаружить в архивах, да, возможно, оно и не было зафиксировано на бумаге. Однако косвенно о нем свидетельствует следующий факт: весной 1909 г. А. А. Достоевский обратился к Анучину с просьбой вернуть в РГО числящиеся за ним уже многие годы «книги, б[ольшей] ч[астью]

брошюры, касающиеся Миклухи и Н[овой] Гвинеи»[121]. Правда, Достоевский не затребовал обратно сами бумаги Миклухо-Маклая. Но, попросив вернуть литературу по этой проблематике, он, возможно, давал понять Анучину, что не следует рассчитывать на участие РГО в издании трудов покойного путешественника.

Чем объяснялась такая позиция руководителей РГО? Сам Анучин впоследствии писал, что она отчасти вытекала «из какого-то рабьего страха», из нежелания обращаться с ходатайством к царю, отчасти же определялась тем, что «не все его (Совета РГО.— *Д. Т.*) члены разделяли мнение об уместности издания трудов М[иклухо]-М[аклая] в том виде, какой они имеют, и спустя столько времени после его смерти»[122]. Эти соображения Анучина представляются достаточно обоснованными.

В октябре 1913 г. русская научная общественность тепло и торжественно отметила 70-летний юбилей Анучина. В том же году, в апреле, исполнилась другая годовщина — 25 лет со дня смерти Миклухо-Маклая. Эта годовщина прошла почти незамеченной. Но сам Анучин в связи с ней опубликовал две статьи — в журнале «Землеведение» и газете «Русские ведомости». Охарактеризовав жизненный путь и научные заслуги Миклухо-Маклая, он уделил значительное внимание его «политическо-гуманитарной» деятельности — борьбе с работорговлей на Тихом океане, защите человеческих прав папуасов и других островитян. Но основное место в обеих статьях занял рассказ о судьбе научного наследия Миклухо-Маклая.

Умолчав о своей доле ответственности за то, что труды выдающегося путешественника и исследователя не были опубликованы в конце 1890-х годов, Анучин гневно обрушился на РГО, которое не проявило, по его словам, подлинной заинтересованности в осуществлении этого издания. Особенно подробно, но не вполне точно Анучин рассказал о своей попытке ускорить публикацию путем напечатания пробных листов. «За это время,— заявил он в „Землеведении",— много воды утекло, пишущий эти строки успел состариться, утерял силы и интерес к продолжению дела, очень его ранее занимавшего, и пришел к сознанию, что дело это, по крайней мере лично для него, надо признать поконченным и подлежащим, за неимением в нем надобности, сдаче в архив... Все это требует времени, кропотливого труда, уменья, знаний, охоты, одушевления идеей такого издания, и мало вероятно, чтобы оказался кто-нибудь готовый приложить все это для такого дела, которое к тому же едва ли бы встретило и надлежащее к себе сочувствие и поддержку»[123]. «Русское общество должно знать,— подчеркнул он в газетной статье,— что не я причиной, что труды М[иклухо]-М[аклая] в течение 25 лет, прошедших со времени его смерти, не были изданы»[124].

Вскоре началась первая мировая война, а в 1917 г. произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. Как видно из его письма Шокальскому от 11 ноября 1917 г.[125], Анучин на первых порах воспринял революцию как грозно разбушевавшуюся, всесокрушающую стихию. Но уже в 1918 г. Анучин примкнул к группе московских профессоров, объединившихся вокруг К. А. Тимирязева, которые честно и открыто встали на сторону новой власти и решили отдать свой богатый опыт и знания строительству молодой Советской республики.

Несмотря на преклонный возраст, Анучин продолжает преподавать в Московском университете, сохраняет все руководящие посты в ОЛЕАЭ, становится президентом Археологического общества, принимает деятельное участие в создании многих новых научных учреждений, заседает в бесчисленных комиссиях, участвует в работе Госплана, Наркомнаца, Наркомпроса и Наркоминдела, сотрудничает в критико-библиографическом журнале «Печать и революция», пишет научно-популярные книги и статьи, считая одной из своих задач «содействие просвещению масс»[126].

«Все дни у Д. Н.,— вспоминает А. А. Крубер,— были расписаны в его записной книжке, и иногда за один день он, кроме лекций в университете, успевал побывать на двух-трех заседаниях... Такая не знающая

отдыха работа утомительна и для молодого человека, но что сказать о восьмидесятилетнем старце, силы которого уже неминуемо ослабли... И наше удивление и преклонение перед этим подвигом „работоспособности“ еще более возрастет, если вспомним те тяжелые объективные условия, в которых приходилось всем жить и работать в 1918—1922 гг.» [127]

В суровые годы гражданской войны, когда на карту было поставлено само существование Советской республики, Наркомпрос разработал и начал осуществлять широкую издательскую программу, которая была составной частью культурной революции. Эта программа предусматривала публикацию выдающихся произведений русской и мировой художественной литературы, сочинений прогрессивных мыслителей прошлого, а также научных и научно-популярных работ по разным областям знания. Разработка последнего раздела этой программы была возложена на научный отдел Наркомпроса, и в начале 1919 г. Анучин был приглашен туда в качестве консультанта для отбора «оригинальных и переводных сочинений по естествознанию и географии».

Анучин решил воспользоваться случаем, чтобы возродить проект издания трудов Миклухо-Маклая, ибо считал, что его научный и общественный подвиг созвучен новой эпохе. «Мною было предложено, между прочим, издать „Путешествия“ Миклухо-Маклая, причем я представил записку с мотивировкой такого предложения,— вспоминал он в 1922 г.— Записка моя была передана на обсуждение особой комиссии из специалистов-географов, которая одобрила мое предложение под условием, чтобы редакция „Путешествий“ была поручена мне. Научный отдел согласился с этим заключением комиссии и вступил со мной в соглашение относительно подготовки к печати в двух томах „Путешествий“ Миклухо-Маклая» [128]. 4 апреля 1919 г. Анучин сообщил об этом радостном событии Шокальскому [129].

«Я принялся за подготовку к печати первого тома,— рассказывал Анучин.— Пришлось снова перечитать все рукописи и печатные оттиски, местами исправить их и везде переделать правописание» [130]. Первый том должен был включать описания всех шести экспедиций Миклухо-Маклая на Новую Гвинею, некоторые его отчеты об этих экспедициях и несколько наиболее важных его статей, а также заметку «От редакции» и обстоятельную биографию ученого. Несмотря на большую занятость другими делами, «старость и слабость» и тяжелые бытовые условия («Холодно и голодно и у нас»,— писал он в январе 1920 г. Шокальскому [131]), Анучин полностью подготовил к печати материалы первого тома, написал биографический очерк, а затем, по словам близко знавшего его В. В. Богданова, приступил к работе над вторым томом, которая отнимала у него много времени и сил [132].

Однако Анучина ждало разочарование. Разбухшая издательская программа Наркомпроса не соответствовала ограниченным техническим возможностям Госиздата (наличию бумаги, типографий и т. д.), и «Путешествия» Миклухо-Маклая были исключены из плана. Старый профессор тяжело переживал этот удар. В 1922 г. возобновилось издание «Землеведения». В 3—4-й книжке этого журнала за 1922 г. (фактически вышедшей в свет в 1923 г., уже после смерти Анучина) он опубликовал большую статью «Н. Н. Миклухо-Маклай. Его жизнь, путешествия и судьба его трудов», предназначавшуюся для первого тома «Путешествий». «Мне не хотелось бы,— с горечью писал Анучин,— чтобы эта моя статья погибла бесследно, тем более, что мне осталось жить уже немного, а другому было бы трудно собрать и использовать все те материалы, которыми мог пользоваться я» [133].

Однако в конце 1922 г. фортуна улыбнулась Анучину. Благодаря хлопотам историка первобытного общества В. К. Никольского первый том «Путешествий» приняло к публикации издательство Моссовета «Новая Москва». Анучин еще раз просмотрел подготовленные к печати материалы Миклухо-Маклая. Очевидно, чтобы уложиться в выделенный издательством листаж, он изъял краткое описание второго посещения

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

ПУТЕШЕСТВИЯ

Том I

ПУТЕШЕСТВИЯ В НОВОЙ ГВИНЕЕ
в 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883 гг.

СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
Д. Н. АНУЧИНА „Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ"

„НОВАЯ МОСКВА"
1923

Титульный лист «Путешествий» Н. Н. Миклухо-Маклая издания 1923 г.

южного берега Новой Гвинеи, отчеты о первом и втором пребывании на Берегу Маклая и статью по метеорологии.

В марте 1923 г. Анучин почувствовал прогрессирующее обострение своей многолетней хронической болезни. В начале мая он все еще читал лекции, работал над рукописями, ходил на всевозможные заседания, хотя и страдал от приступов острой боли. В эти дни к нему стала поступать корректура «Путешествий». Как видно из дневника Анучина, он вплоть до 19 мая, несмотря на повышенную температуру, продолжал усиленно править гранки и распределять по тексту иллюстрации. Однако 20 мая Анучину пришлось лечь в постель, а через три дня его поместили в больницу. Операция не спасла положения. «Как свидетельствуют ученики, посещавшие больного Анучина,— рассказывает его биограф,— в короткие моменты улучшения, когда болезнь приносила ему несколько меньше физических страданий, он слабеющей рукой правил гранки первого тома сочинений Миклухо-Маклая; умирая, уже в бреду, Анучин повторял, что последним его желанием было бы увидеть вышедшие в свет два тома сочинений путешественника»[134]. 4 июня 1923 г. Дмитрий Николаевич скончался, не дожив немногим менее трех месяцев до своего восьмидесятилетия.

Первый том «Путешествий» Миклухо-Маклая вышел в свет через несколько месяцев после смерти Анучина. Корректуру семи последних листов держал В. К. Никольский; он же подготовил указатели. В книге

были помещены портрет и краткий некролог ее маститого составителя и редактора.

Анучин вложил в эту публикацию много труда, энергии и творческих сил. Он тщательно сверил подготовленные к печати тексты с оригиналами, раскрыл многочисленные сокращения, восполнил, где мог, пропуски, обогатил содержание дневников и статей извлечениями из записных книжек и других рукописей Миклухо-Маклая. Статьи, опубликованные автором на иностранных языках, Анучин перевел на русский язык, причем сличил различные варианты этих статей. Издание украсили рисунки Миклухо-Маклая, которые вопреки пессимистическим прогнозам Каульбарса Анучин успешно «расшифровал» и приурочил к соответствующим текстам. Проделанная Анучиным работа была положена в основу последующих публикаций трудов Миклухо-Маклая о Новой Гвинее.

Однако книга, выпущенная издательством «Новая Москва», не была лишена и существенных недостатков, особенно очевидных в свете принципов современной нам текстологии. Внося в дневник или статью то или иное дополнение, Анучин не только не указывал его точное происхождение, но и в большинстве случаев вообще не предупреждал, что это извлечение из другой работы. Не оговаривал он и произведенные в тексте перестановки. Кроме того, Анучин подверг рукописи путешественника довольно значительной стилистической правке, носившей преимущественно вкусовой характер. Такое отношение к рукописям Миклухо-Маклая, по-видимому, было связано с представлением о них как о чем-то незаконченном, требующем обработки и дополнений. Сказался, возможно, и характер издания, рассчитанного прежде всего на широкие круги читателей.

Важное место в книге заняла большая статья Анучина «Н. Н. Миклухо-Маклай, его жизнь и путешествия», в основном идентичная статье, опубликованной в 1923 г. в журнале «Землеведение». Статья насыщена огромным и разнообразным фактическим материалом, который автор собирал на протяжении нескольких десятилетий. В основу работы положены публикации и рукописное наследие самого Миклухо-Маклая. Широко использованы также «Известия» и другие издания РГО, русские и иностранные журналы того времени, обширная специальная литература по Новой Гвинее. В конце XIX — начале XX в. Анучин обращался ко многим людям, близко знавшим Миклухо-Маклая, с просьбой прислать свои воспоминания. Не во всех случаях он получил желаемое. Так, престарелый Э. Геккель, у которого будущий путешественник учился в 1860-х годах в Йенском университете, в 1908 г. ответил Анучину, что собирается включить «интересные воспоминания о моем *в высшей степени талантливом* и незаурядном ученике Николае *Миклухо-Маклае»* в задуманные мемуары[135]. Но эти мемуары так и не были написаны. Однако Анучину удалось использовать в статье воспоминания и письма вдовы путешественника, деятелей РГО Ф. Р. Остен-Сакена и А. В. Григорьева, немецких исследователей О. Финша и Б. Хагена. Опирался он и на свои собственные воспоминания о встречах с Миклухо-Маклаем. Кроме того, в работе учтены материалы, полученные Анучиным из архива Петербургского университета и архива Министерства путей сообщения[136].

Со страниц этой статьи встает яркий образ замечательного русского ученого-гуманиста, обрисованный с сочувствием и симпатией, но без малейшей идеализации. Не со всеми суждениями и выводами, содержащимися в биографическом очерке, можно полностью согласиться. Дальнейшие исследования советских ученых заставляют внести в него дополнения и коррективы. Однако эта статья не утратила значения до наших дней как важная веха в истории изучения жизни и деятельности Миклухо-Маклая.

Прекрасно понимая, какое большое научное значение имеет его личный архив, Анучин еще в 1917 г. завещал сосредоточить его в одном месте — в Государственном Историческом музее. Однако созданная в МГУ специальная комиссия по охране научного наследия Анучина пре-

2 Заказ № 891

небрегла его волей и приняла решение поделить его бумаги между заинтересованными научными учреждениями. В результате многие материалы были безвозвратно утрачены. Более того, с ведома комиссии значительная часть личного архива Анучина (два шкафа) в год смерти ученого была сожжена его ближайшими родственниками. В огне погибли ценнейшие документы, любовно собиравшиеся Анучиным, в том числе письма Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. Г. Короленко и др.[137] Среди утраченных или сожженных рукописей, по-видимому, находились и подготовительные материалы ко второму тому «Путешествий» Миклухо-Маклая, а также большая неоконченная работа Анучина о папуасах Новой Гвинеи (о существовании этих материалов сообщали такие осведомленные люди, как В. В. Богданов, В. В. Бунак и А. А. Крубер)[138]. Во всяком случае поиски указанных материалов в московских и ленинградских архивах до сих пор не дали никаких результатов.

После смерти Анучина находившиеся у него материалы Миклухо-Маклая были переданы в научную библиотеку МГУ и сложены на полу в неприспособленном помещении. Точной описи составлено не было, но можно предполагать, что некоторые рукописи погибли или были утрачены. В 1938 г. большая часть материалов Миклухо-Маклая была возвращена в архив Географического общества, а дневниковые описания его экспедиций на Новую Гвинею и некоторые другие материалы получили «прописку» в архиве Института этнографии АН СССР[139]. В последние годы отдельные небольшие рукописи путешественника были обнаружены среди бумаг Анучина, хранящихся в московских архивах[140]. Так переплелись судьбы научного наследия Анучина и Миклухо-Маклая.

На протяжении полувека (1874—1923) Анучин изучал жизнь и деятельность Миклухо-Маклая, а в 1895 г. принял на себя и подготовку к печати его научного наследия. На этом пути было много препятствий, трудностей и неудач, и лишь в 1923 г. увидел свет первый том трудов Миклухо-Маклая, познакомивший общественность молодой Советской республики с жизненным путем и трудами великого русского ученого-гуманиста. Полувековая деятельность Анучина в этой области — одна из интереснейших страниц в истории отечественной антропологии и этнографии. Вместе с тем его опыт содержит немало поучительного для современных советских исследователей, занимающихся изучением и публикацией научного наследия Миклухо-Маклая.

Эта сложная и ответственная работа ведется в основном в Институте этнографии АН СССР, с 1946 г. носящем имя Н. Н. Миклухо-Маклая. Еще в 1940—1941 гг. институтом были изданы его «Путешествия» в двух томах, причем первый том по структуре соответствовал публикации Анучина[141]. В 1950—1954 гг. институт выпустил пятитомное Собрание сочинений Миклухо-Маклая, в котором впервые была собрана воедино большая часть его научного наследия[142]. Но и эта фундаментальная публикация не была исчерпывающей. За последние три десятилетия в СССР и за рубежом удалось выявить немало рукописей Миклухо-Маклая, а также материалов о его жизни и деятельности. Возросли и текстологические требования к подобным публикациям. Все это определило потребность в новом, расширенном и дополненном собрании сочинений Миклухо-Маклая. Такое издание, основанное на строгом соблюдении принципов и норм современной текстологии, в настоящее время осуществляется Институтом этнографии АН СССР.

[1] *Берг Л. С.* Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.; Л., 1946. С. 128.

[2] *Богданов Вл. Вл.* Дмитрий Николаевич Анучин. М., 1941. С. 52.

[3] *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч. М.; Л., 1953. Т. 4. С. 137.

[4] *Крубер А.* Памяти Дмитрия Николаевича Анучина // Землеведение. М., 1924. Кн. 1/2. С. 8.

[5] *Богданов Вл. Вл.* Дмитрий Николаевич Анучин. С. 31.

[6] *Пузанов И. И.* Н. Н. Миклухо-Маклай как натуралист и путешественник // Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 410, 416.

7 *Бунак В. В.* Деятельность Д. Н. Анучина в области антропологии // Русский антропологический журнал. 1924. Вып. 3/4. С. 5.
8 *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 390.
9 См., например: *Есаков В. А.* Д. Н. Анучин и создание русской университетской географической школы. М., 1955. С. 99, 110, 112—113, 123; *Карпов Г. В.* Путь ученого: Очерки жизни, научной и общественной деятельности Д. Н. Анучина. М., 1958. С. 303; *Токарев С. А.* Ранние этапы развития советской этнографической науки // ОИРЭФА. М., 1971. Вып. V. С. 112—113.
10 *Анучин Д. Н.* Н. Н. Миклухо-Маклай. Его жизнь, путешествия и судьба его трудов // Землеведение. 1922. Кн. 3/4. С. 33, 34.
11 Там же. С. 69.
12 *Анучин Д. Н.* О задачах и методах антропологии // Русский антропологический журнал. 1902. Вып. 1. С. 69; *Левин М. Г.* Очерки по истории антропологии в России. М., 1960. С. 113—114, 125—126.
13 Левин М. Г. Очерки... С. 63—66; *Tumarkin D.* Miklouho-Maclay and New Guinea // Miklouho-Maclay N. Travels to New Guinea: Diaries. Letters. Documents. M., 1982. P. 9—12, 15—17.
14 *Тумаркин Д. Д.* Папуасский Союз: (Из истории борьбы Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Новой Гвинеи) // Расы и народы. М., 1977. Вып. 7. С. 103—127; *Он же.* Из истории борьбы Н. Н. Миклухо-Маклая в защиту островитян Южных морей // Расы и народы. М., 1981. Вып. 11. С. 228—236.
15 *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч. Т. 4. С. 153; *Анучин Д. Н.* Н. Н. Миклухо-Маклай. С. 69—70; *Семенов П. П.* (сост.) История полувековой деятельности Русского географического общества, 1845—1895. СПб., 1896. Ч. II. С. 939.
16 *Анучин Д. Н.* Н. Н. Миклухо-Маклай. С. 69.
17 *Анучин Д. Н.* Десятилетие со дня кончины Н. Н. Миклухо-Маклая // Землеведение. 1898. Кн. 1/2. С. 225.
18 *Анучин Д. Н.* По поводу двадцатипятилетия со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая // Рус. ведомости, 1913. 9 апр. С. 3.
19 *Анучин Д. Н.* Н. Н. Миклухо-Маклай. С. 8; *Он же.* Десятилетие... С. 228.
Ошанин В. Ф. (1844—1917) — энтомолог и путешественник, воспитанник Московского университета.
20 *Карпов Г. В.* Путь ученого. С. 61—71.
21 *Анучин Д. Н.* Десятилетие... С. 228; *Он же.* Н. Н. Миклухо-Маклай. С. 8.
22 *Миклухо-Маклай Н. Н.* Антропологические заметки о папуасах Маклаева берега Новой Гвинеи // Природа: Популярный естественно-исторический сборник. М., 1874. Кн. 2. С. 67.
23 *Анучин Д. Н.* Н. Н. Миклухо-Маклай и его исследование Новой Гвинеи // Ремесленная газета. 1875. № 38. Кол. 681—685; № 39. Кол. 727—732; № 40. Кол. 761—765; № 42. Кол. 846—850. Эта статья не включалась в библиографии трудов Анучина.
24 Об этом периоде жизни Анучина подробнее см. в кн.: *Карпов Г. В.* Путь ученого. С. 72—125.
25 *Анучин Д. Н.* Двадцатипятилетие со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая // Землеведение. 1913. Кн. 1/2. С. 270.
26 *Грум-Гржимайло А. Г.* Н. Н. Миклухо-Маклай на фоне современной ему эпохи // Изв. Гос. геогр. о-ва. 1939. Т. 71, вып. 1/2. С. 95—119.
27 *Носилов К. Д.* Из воспоминаний о Н. Н. Миклухо-Маклае // Природа и люди. 1898. № 30. С. 486—487.
28 *Грум-Гржимайло А. Г.* Н. Н. Миклухо-Маклай... С. 119—123.
29 *Анучин Д. Н.* Десятилетие... С. 228—229; См.: *Он же.* Н. Н. Миклухо-Маклай. С. 8—9.
30 *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч. Т. 4. С. 229—230.
31 *Анучин Д. Н.* Н. Н. Миклухо-Маклай. С. 9.
32 *Анучин Д. Н.* Одиннадцатилетняя ученая деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая (1871—1882) // Рус. ведомости. 1882. 15 окт. С. 1—2.
33 *Tumarkin D.* Miklouho-Maclay... P. 42—43.
34 ЦГИАЛ. Ф. 560. Оп. 21. Д. 409. Л. 1—6.
35 *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч. Т. 4. С. 223, 227—228.
36 В 1884 г. Миклухо-Маклай женился на Маргарите Кларк — овдовевшей дочери Джона Робертсона, бывшего премьера Нового Южного Уэльса.
37 *Путилов Б. Н.* Николай Николаевич Миклухо-Маклай: Страницы биографии. М., 1981. С. 154.
38 См.: *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч. Т. 4. С. 211, 272—273.
39 Там же. С. 280—281.
40 *Анучин Д. Н.* Десятилетие... С. 229; *Он же.* Н. Н. Миклухо-Маклай. С. 9.
41 *Семенов П. П.* (сост.) История... С. 939.
42 *Носилов К. Д.* Из воспоминаний... С. 487; *Грум-Гржимайло А. Г.* Н. Н. Миклухо-Маклай... С. 135—149; *Вальская Б. А.* Проект Н. Н. Миклухо-Маклая о создании на островах Тихого океана русской вольной колонии // Австралия и Океания (история и современность). М., 1970. С. 39—51.
43 Цит. по: *Бутинов Н. А.* Н. Н. Миклухо-Маклай: (Биогр. очерк) // *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч. Т. 4. С. 555.
44 Там же. С. 292, 319, 432—433.
45 Там же. С. 303—304, 310—311; *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. Т. 63. С. 379.
46 *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч. Т. 4. С. 292, 426, 433.
47 Там же. С. 426. Большинство предназначенных для первого тома текстов к началу 1887 г., действительно, было переписано набело, но в них остались некоторые пробелы, и автор и в дальнейшем вносил в них правку.
48 Там же. С. 433.
49 Там же. С. 326.
50 АГО. Ф. 1-1869. Оп. 1. Д. 19. Л. 273.
51 *А—ъ* [*Анучин Д. Н.*]. Н. Н. Миклухо-Маклай (Некролог) // Рус. ведомости. 1888. 5 апр. С. 2.

52 АИЭ (Москва) [Miklouho-Maclay M.]. Diary. 1888. (Ксерокопия). Л. 54.
53 Изв. РГО. 1888. Т. 24, вып. 6. С. 510.
54 АИЭ (Москва) [Miklouho-Maclay M.]. Diary. 1888 (Ксерокопия). Л. 57—58.
55 Там же. Л. 54.
56 Там же. Л. 132. Это письмо обнаружить не удалось.
57 Там же. Л. 149. В настоящее время в Сиднее живут три внука Н. Н. Миклухо-Маклая — Робертсон, Кеннет и Пол. В 1979 г. они приняли активное участие в создании австралийского Общества Миклухо-Маклая.
58 Изв. РГО. 1888. Т. 24, вып. 6. С. 554. Весной 1890 г. М. Н. Миклухо-Маклай составил краткую опись антропологических и зоологических коллекций покойного брата (АГО. Ф. 1-1869. Оп. 1. Д. 19. Л. 265—270). Через год эти коллекции, по его просьбе, были переданы в Академию и распределены между Зоологическим музеем и Музеем антропологии и этнографии (Там же. Л. 263—264). В последний музей сам путешественник передал в 1886 г. свои богатые этнографические коллекции (*Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч. Т. 4. С. 307—308, 433).
59 Подлинник «Записки» см.: АГО. Ф. 1-1881. Оп. 1. Д. 25. Л. 51—54. Текст «Записки» (с незначительными исправлениями и сокращениями) опубликован в ИРГО. 1889. Т. 25, вып. 4. С. 83—85.
60 АГО. Ф. 1-1881. Оп. 1. Д. 25. Л. 74.
61 *Finsch O.* Nachträgliches zu «Nicolaus von Miklucho-Maclay, Reisen und Wirken» // Deutsche geographische Blätter. 1889. Bd. XII, H. 1. S. 68.
62 Подлинник «Отчета» Каульбарса см.: АГО. Ф. 1-1881. Оп. 1. Д. 25. Л. 33—49; сопроводительного письма — Л. 31—32. Текст «Отчета» с незначительной правкой опубликован: Изв. РГО. 1889. Т. 25, вып. 4. С. 70—80.
63 Изв. РГО. 1889. Т. 25., вып. 4. С. 60.
64 АГО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 24. Л. 3—4.
65 *Анучин Д. Н.* Н. Н. Миклухо-Маклай С. 5—6.
66 АГО. Ф. 1-1881. Оп. 1. Д. 25. Л. 75.
67 Там же. Л. 9, 78—79.
68 Там же. Л. 61, 63.
69 Там же. Л. 62.
70 АГО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 13. Л. 26—27; *Анучин Д. Н.* По поводу... С. 3; *Он же.* Н. Н. Миклухо-Маклай. С. 6.
71 ОР ГБЛ. Ф. 10. Папка 12. Д. 316. Л. 1—4.
72 АГО. Ф. 1-1881. Оп. 1. Д. 25. Л. 64—67.
73 Изв. РГО. 1895. Т. 31, вып. 6. С. 657.
74 ОР ГБЛ. Ф. 10. Папка 12. Д. 317. Л. 5—7; см. также: ИРГО. 1896. Т. 32, вып. 1. С. 37—38.
75 В 1887—1912 гг. Анучин был вторым редактором (т. е. зам. главного редактора) московской либеральной, «профессорской» газеты «Русские ведомости». заведовал всей хозяйственной частью ее редакции и издательства, регулярно публиковал в ней статьи на разные темы. См.: *Карпов Г. В.* Путь ученого. С. 142—147, 209, 237—240.
76 АГО. Ф. 1-1881. Оп. 1. Д. 25. Л. 79. Точная дата на копии отсутствует.
77 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1896. Полутом 37. С. 252.
78 АГО. Ф. 1-1881. Оп. 1. Д. 25. Л. 70—71.
79 Там же. Л. 84—85.
80 АГО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 13. Л. 27; ОПИ ГИМ. Ф. 448. Д. 4. Л. 86—87.
81 Цит. по: *Есаков В. А.* Д. Н. Анучин... С. 30.
82 Там же. С. 28—31; *Карпов Г. В.* Путь ученого. С. 201—205.
83 Новости и Биржевая газета. 1898. 7 мая. С. 3; Сын Отечества. 1898. 7 мая. С. 2; Новое время. 1898. 8 мая. С. 3.
84 *Гр. Ф-т* [*Ф. С. Груздев*]. Н. Н. Миклухо-Маклай (К десятилетию кончины) // Природа и люди. 1898. № 29. С. 467—469; *Носилов К. Д.* Из воспоминаний... С. 486—487; *Он же.* Памяти Н. Н. Миклухо-Маклая // Новое время. 1898. 19 мая. С. 3.
85 *Эльпе* [*Л. Попов*]. Что сталось с работами Н. Н. Миклухи-Маклая // Новое время. 1898. 9 мая. С. 3; *Он же.* Еще несколько слов о неизданных работах Н. Н. Миклухи-Маклая // Там же, 1898. 12 мая. С. 3.
86 АГО. Ф. 1-1881. Оп. 1. Д. 25. Л. 111—113.
87 Там же. Л. 86.
88 Изв. РГО. 1898. Т. 34, вып. 3. С. 380.
89 АГО. Ф. 1-1881. Оп. 1. Д. 25. Л. 93—94.
90 По словам Анучина, его ответное письмо Григорьеву от 14 мая 1898 г. «разошлось с письмом П. П. Семенова» (ОПИ ГИМ. Ф. 448. Д. 4. Л. 87).
91 АГО. Ф. 1-1881. Оп. 1. Д. 25. Л. 89—92.
92 ОР ГБЛ. Ф. 10. Папка 8. Д. 73. Л. 1—3.
93 АГО. Ф. 1-1881. Оп. 1. Д. 25. Л. 104—105.
94 ОПИ ГИМ. Ф. 448. Д. 4. Л. 90.
95 *Анучин Д. Н.* Десятилетие... С. 222—229.
96 *Карпов Г. В.* Путь ученого. С. 319.
97 ОПИ ГИМ. Ф. 448. Д. 4. Л. 86—89.
98 ОР ГБЛ. Ф. 10. Папка 21. Д. 27. Л. 1—8, 10—11. Вопрос о происхождении второй части фамилии Миклухо-Маклая, появившейся у него в студенческие годы, до сих пор не может считаться решенным. Ф. Р. Остен-Сакен сообщил Анучину со слов Г. Ф. Штендмана, близкого друга семьи путешественника, что «прибавка „Маклай" совершенно произвольная: сокращенное малороссийское Миколай (Николай), поставленное после фамилии священником в церковной книге» (ОПИ ГИМ. Ф. 448. Д. 13. Л. 1—2). По другой версии, опирающейся на сообщение внучатой племянницы путешественника, вторая часть его фамилии, возможно, происходит от «„Махлай" — фамилии, которую носил один из его предков» (*Бутинов Н. А.* Н. Н. Миклухо-Маклай. С. 486).
99 ОР ГБЛ. Ф. 10. Папка 21. Д. 27. Л. 8—9. Это письмо, подписанное инициалами М. А., в архивной описи значится как письмо неустановленного автора. Его начало (без даты) — Ф. 10. Папка 45. Д. 35. Л. 5—7. Мною установлено авторство письма путем сличения почерка и анализа текста.
100 *Бунак В.* Дмитрий Николаевич Анучин // Отчет 1-го Московского государ-

ственного университета за 1923 г. М., 1924. С. 245.

[101] ОПИ ГИМ. Ф. 448. Д. 4. Л. 102.

[102] Подготовительные материалы к работе о Пушкине хранятся в особой папке: ОР ГБЛ. Ф. 10. Папка 45.

[103] *Анучин Д. Н.* А. С. Пушкин: Антропологический этюд // Рус. ведомости. 1899. 10, 17, 27 апр.; 3, 10, 17, 26 мая; 15, 24 июня; 2, 14, 31 июля. Вскоре эта работа вышла отдельным изданием.

[104] АГО. Ф. 1-1881. Оп. 1. Д. 25. Л. 117—118.

[105] Там же. Л. 121.

[106] *Карпов Г. В.* Путь ученого. С. 230.

[107] АГО. Ф. 1-1881. Оп. 1. Д. 25. Л. 119—121. Анучин упоминал о своем беспокойстве по поводу финансового обеспечения издания и в письме брату от 15 июля 1898 г. (см.: ОПИ ГИМ. Ф. 448. Д. 4. Л. 88—89).

[108] *Берг Л. С.* Всесоюзное... С. 75.

[109] АГО. Ф. 1-1881. Оп. 1. Д. 25. Л. 106—109.

[110] Два экземпляра этой «пробы» хранятся в АГО (Ф. 6. Оп. 1. Д. 117).

[111] АГО. Ф. 1-1881. Оп. 1. Д. 25. Л. 99—100.

[112] Там же. Л. 103; Ф. 44. Оп. 2. Д. 125. Л. 37.

[113] Там же. Ф. 1-1881. Оп. 1. Д. 25. Л. 101—102.

[114] Там же. Л. 115—116. В то время РГО, действительно, испытывало недостаток средств на научные публикации. В связи с этим на заседании Совета РГО 16 мая 1908 г., на котором обсуждался вопрос об издании трудов Миклухо-Маклая, была доложена рекомендация Редакционного комитета РГО о прекращении дальнейшей публикации материалов экспедиции П. К. Козлова в Монголию (см.: Изв. РГО. 1908. Т. 44, вып. 8. С. 29–30).

[115] АГО. Ф. 1-1881. Оп. 1. Д. 25. Л. 122—123.

[116] Там же. Л. 114. Точная дата на письме отсутствует.

[117] АГО. Ф. 44. Оп. 2. Д. 125. Л. 32.

[118] Изв. РГО. 1908. Т. 44, вып. 8. С. 35.

[119] АГО. Ф. 44. Оп. 2. Д. 125. Л. 4.

[120] Там же. Л. 6.

[121] Там же. Л. 6—7.

[122] *Анучин Д. Н.* Н. Н. Миклухо-Маклай. С. 10. *Он же.* По поводу... С. 3.

[123] *Анучин Д. Н.* Двадцатипятилетие... С. 271—272.

[124] *Анучин Д. Н.* По поводу... С. 3.

[125] АГО. Ф. 44. Оп. 2. Д. 125. Л. 10.

[126] Там же. Л. 12—31; *Карпов Г. В.* Путь ученого. С. 296—338.

[127] *Крубер А.* Памяти... С. 32.

[128] *Анучин Д. Н.* Н. Н. Миклухо-Маклай. С. 12.

[129] АГО. Ф. 44. Оп. 2. Д. 125. Л. 15.

[130] *Анучин Д. Н.* Н. Н. Миклухо-Маклай. С. 12.

[131] АГО. Ф. 44. Оп. 2. Д. 125. Л. 17, 28.

[132] *Богданов Вл. Вл.* Дмитрий Николаевич Анучин. С. 31.

[133] *Анучин Д. Н.* Н. Н. Миклухо-Маклай. С. 18.

[134] *Карпов Г. В.* Путь ученого. С. 329, 339.

[135] ОР ГБЛ. Ф. 10. Папка 27. Д. 52. Л. 1.

[136] *Миклухо-Маклай Н. Н.* Путешествия. М., 1923. Т. I. С. 7—80.

[137] *Карпов Г. В.* Путь ученого. С. 5, 340—341.

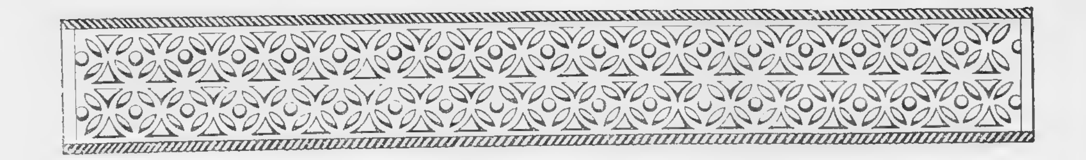
[138] *Богданов Вл. Вл.* Дмитрий Николаевич Анучин. С. 31, 47; *Бунак В. В.* Дмитрий Николаевич Анучин. С. 248; *Крубер А.* Памяти... С. 29, 37.

[139] Часть научного наследия Миклухо-Маклая, не переданная в 1888 г. в РГО, хранится ныне в Ленинградском отделении Архива АН СССР.

[140] См., например: ОПИ ГИМ. Ф. 448. Д. 13. Л. 6; Ф. 213. Д. 83. Л. 1—2.

[141] *Миклухо-Маклай Н. Н.* Путешествия / Подгот. к печати И. Н. Винников, А. Б. Пиотровский. М.; Л. 1940—1941. Т. 1—2. Изучение жизни и деятельности Миклухо-Маклая ведется также в Географическом обществе СССР. Особо следует отметить специальный выпуск «Известий» Общества (1939. Т. 71, вып. 2), посвященный выдающемуся путешественнику и исследователю.

[142] *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч. / Под ред. С. П. Толстова и др. М.; Л. 1950—1954. Т. 1—5.



Б. Х. Кармышева

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В 1920-е ГОДЫ

(Полевые исследования Ф. А. Фиельструпа)

1920-е годы занимают особое место в истории этнографического изучения народов СССР, в том числе и народов Средней Азии и Казахстана. Это было время, когда мероприятия большевистской партии и советского правительства в области государственного строительства и национальной политики, восстановления народного хозяйства и его развития по социалистическому пути, а также по осуществлению культурной революции поставили перед этнографической наукой ряд безотлагательных задач. Одной из них было изучение этнического состава и территориального размещения населения. К этой работе была привлечена созданная в 1917 г. при Российской Академии наук Комиссия по изучению племенного состава России и сопредельных стран — КИПС (с 1925 г.— Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран АН СССР).

Одним из ведущих сотрудников этой Комиссии был С. И. Руденко. В 1918 г. он привлек к работе в КИПСе молодого этнографа Ф. А. Фиельструпа, работавшего в то время в Музее антропологии и этнографии Академии наук. В ноябре 1921 г. С. И. Руденко, будучи одновременно хранителем этнографического отдела Русского музея (ныне — Государственный музей этнографии народов СССР), рекомендовал Совету этого отдела пригласить Фиельструпа на «должность аспиранта», свидетельствуя его достаточную эрудицию «в этнологических вопросах и опытность в исследовательской работе». Он, в частности, отметил участие Фиельструпа в студенческие годы в экспедициях в Южную Америку, Монголию и на Кавказ, а позже — в Минусинский край [1].

Хотя работа Фиельструпа в КИПСе и одновременно в Русском музее продолжалась немногим более одного десятилетия (1921—1933), она оставила заметный след в изучении этнического состава, а также традиционного хозяйства и быта преимущественно тюркоязычных народов нашей страны, особенно казахов и киргизов. Страстный путешественник и увлеченный этнограф, за этот период он почти каждый год выезжал на полевые исследования (в составе экспедиций или один). В этих поездках его работа по своему характеру была троякого рода: 1) выполнение задания КИПСа, 2) приобретение вещей для пополнения коллекций Русского музея, 3) изучение хозяйства и быта населения путем непосредственных наблюдений и расспросов. Сочетание этих трех родов работы обеспечивало основательность его исследований. Выполняя поручения КИПСа, он досконально изучал на местах (в областных, уездных, волостных центрах) этнический состав и размещение населения, вникая во все неясные и спорные вопросы. Приобретая музейные коллекции, он также разносторонне изучал (детально и фиксируя терминологию) материальную культуру.

Полевые исследования он вел по специальному вопроснику (видимо, составленному им самим), который охватывал все важнейшие стороны традиционного хозяйства и быта [2]. Некоторые темы, связанные с кочевым скотоводством и семейными обрядами, его интересовали особо, и он

изучал их углубленно. В результате по этим темам он накопил сопоставимые материалы, чтобы разработать их в сравнительно-историческом плане. Успел же он опубликовать из них только две статьи: о свадебном жилище тюркских народов и о молочных продуктах [3].



Ф. А. Фиельструп. 1925 г.

Излюбленной темой Фиельструпа было скотоводство, особенно кочевое, и его трансформация в связи с начавшимся оседанием. Этой проблеме посвящена одна из лучших его работ — «Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана» [4].

Еще один круг интересовавших его вопросов относился к жизненному циклу — это обряды и обычаи, связанные с началом и концом человеческой жизни, а также с вступлением в брак. Не остались вне его поля зрения и вопросы общественной жизни, в частности — развлечения.

Бóльшая часть богатых полевых материалов Ф. А. Фиельструпа, к счастью, сохранилась в его личном архиве, который находился у его жены, известной исследовательницы этнографии народов Средней Азии, доктора исторических наук Елены Михайловны Пещеревой. В настоящее время архив Ф. А. Фиельструпа, завещанный Е. М. Пещеревой в дар Институту этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (Москва), подготавливается к этой передаче, в связи с чем автором настоящей статьи проведена его предварительная разборка. Это дало возможность на основе архивных данных и литературных источников составить статью, в биобиблиографическом аспекте рассматривающую научное наследие Ф. А. Фиельструпа. Особое внимание в ней уделено работам Ф. А. Фиельструпа в регионе Средней Азии и Казахстана *.

Федор Артурович Фиельструп родился 19 февраля 1889 г. в Петербурге, в семье инженера-электрика. Отец его, Артур-Фредерик Фиельструп, датчанин, родившийся в 1856 г. в Копенгагене и там же получивший образование, после окончания технического института приехал в Россию, в Петербург. Сначала он работал в Большом северном телеграфном обществе, а с 1881 г.— в Управлении городских телеграфов в Петербурге в должности старшего механика. Последним учреждением он был сначала командирован на срок более года в штат Тифлисского телеграфного округа для ремонта кабеля, проложенного через Каспийское море. В 1890 г. он принял присягу на подданство России и окончательно обосновался в Петербурге. Но проработал он после этого всего восемь лет — в 1898 г. он был уволен по болезни и вскоре умер, в возрасте сорока двух лет [5]. Вдова его, Флоренция Мэри Фиельструп (англичанка; до замужества Флоренция Стерн), оставшись с двумя сыновьями, Эмилем и Теодором (Федором), без средств к существованию, начала давать уроки английского языка; в частности, у нее обучались будущий академик П. Л. Капица и его старший брат Л. Л. Капица. Рано стали зарабаты-

* Сведения о собирательской работе Фиельструпа в Крыму и на Кавказе и о приобретенных им для Этнографического отдела Русского музея коллекциях по народам этих областей, а также Средней Азии и Казахстана любезно предоставлены мне работавшими в ГМЭ Е. Н. Студенецкой, Н. П. Соболевой и А. В. Коноваловым, за что приношу им благодарность.

вать на жизнь и сыновья. Федор, еще будучи гимназистом, начал давать частные уроки английского языка, которым с детства владел в совершенстве. Однажды мать устроила его на время летних каникул в семью русского посла в Болгарии, чтобы дети последнего совершенствовались в английском языке. В студенческие годы он еще занимался переводческой работой, в частности — его как переводчика нередко приглашали в английское посольство в Петербурге.

Оба брата окончили коммерческое училище. Старший избрал себе деятельность по коммерческой части, а младший, Федор, в 1908 г. поступил в Петербургский университет [6]. Сначала он подал заявление на факультет восточных языков, но затем в том же году перешел на романо-германское отделение историко-филологического факультета. Видимо, именно в годы учебы в университете под воздействием лекций профессора Л. Я. Штернберга по антропологии и этнографии (Л. Я. Штернберг читал этот курс студентам в географическом кружке Петербургского университета [7]) и созрело у Фиельструпа решение посвятить себя этнографии. Закончил он университет в 1916 г. Пребывание его в университете затянулось в связи с тем, что он в числе пятерых студентов в апреле 1914 г. отправился в Южную Америку изучать индейские племена и природу тропических лесов [8]. В экспедиции участвовали также лингвист-этнограф Г. Г. Манизер, экономист С. В. Гейман, зоологи И. Д. Стрельников и Н. П. Танасийчук. В организации экспедиции принимали участие петроградские академические музеи — Музей антропологии и этнографии и Зоологический, Русское антропологическое общество при Петроградском университете, Антропологический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и частные лица. Так как средства были весьма ограничены, предполагалось вернуться через семь-восемь месяцев, но в связи с начавшейся первой мировой войной участники экспедиции вернулись в Россию спустя полтора года, осенью 1915 г. Эта вынужденная задержка дала возможность расширить круг исследований, в частности продолжить этнографическое изучение индейских племен Бразилии, проводившееся Фиельструпом и Манизером. Однако средств хватало только для одного исследователя. По жребию Манизер продолжил работу, а Фиельструп был вынужден уехать обратно в Буэнос-Айрес [9]. Здесь, благодаря содействию профессора Амброзетти, директора этнографического музея, постоянно помогавшего русским студентам, Фиельструп устроился на аргентинский военно-учебный фрегат в качестве командированного этим музеем делать раскопки на Огненной Земле и в Перу, заводить сношения с музеями других республик. «...В общем это скорее предлог,— писал Фиельструп в письме к Л. Я. Штернбергу,— чтобы дать мне возможность не даром терять здесь время» [10]. Плавание продлилось около девяти месяцев. За это время Фиельструп совершенствовал свои знания в испанском языке, на стоянках знакомился с городами, посещал музеи, встречался с учеными, продолжал, по возможности этнографические наблюдения, осмотрел развалины древних городов Кахамарка и Пачакамак и даже произвел там небольшие раскопки. Но, несмотря на все это, Фиельструп не был удовлетворен, он писал Л. Я. Штернбергу в конце путешествия: «Много нового я увидел за эти месяцы и с многими городами познакомился поверхностно, как можно познакомиться за три-четыре дня, но такой туризм мне не по вкусу, и я завидую Манизеру, который несколько месяцев провел среди ботокудов» [11].

Результаты студенческой экспедиции были доложены 13 мая 1916 г. в Отделении этнографии Русского географического общества. Г. Г. Манизер, Ф. А. Фиельструп и И. Д. Стрельников были награждены малыми серебряными медалями Общества. Представляя их к награде, Л. Я. Штернберг отмечал, что «в их лице русская этнография найдет в будущем ревностных и серьезных исследователей» [12].

Окрыленные успешным завершением экспедиции молодые ученые в первые годы Советской власти разработали план организации большой

экспедиции в тропическую Америку, была даже выделена яхта, однако экспедиция не состоялась [13].

Значение исследований молодых ученых в Южной Америке освещено в литературе [14], поэтому я не буду останавливаться па этом этапе деятельности Фиельструпа. Отмечу лишь, что, так как полевые материалы были им сданы в Музей антропологии и этнографии АН СССР, в его личном архиве от этой поездки сохранился только небольшой альбом с наклеенными на его листы 76 фотоснимками, в большинстве своем плохого качества. Основная часть их — этнографического содержания. Завершается альбом снимками, относящимися к экспедиционной жизни: Ф. А. Фиельструп на палубе фрегата, на котором он совершил плавание вокруг Южной Америки, общий вид палубы этого корабля, портреты Г. Г. Манизера и С. В. Геймана, а также Ф. А. Фиельструпа вместе с Н. П. Танасийчуком. Есть и различные экзотические пейзажи.

Путешествие в Южную Америку было не первой научной экспедицией, в которой принимал участие Фиельструп: еще до этого он в студенческие годы участвовал в качестве переводчика в двух американских экспедициях — ботаника Миллера на Кавказ [15] и известного американского антрополога А. Хрдлички в Монголию в 1913 г. От второй поездки в личном архиве Фиельструпа сохранились лишь 14 фотоотпечатков этнографического содержания; судя по конверту, в котором они лежат, эти фотографии были пересланы ему Хрдличкой в 1913 г. Как видим, Руденко имел все основания пригласить Фиельструпа на работу как в КИПС, так и в этнографический отдел Русского музея.

Согласно официальным документам, сохранившимся в личном архиве Фиельструпа, в штат КИПСа он был зачислен 1 августа 1921 г. В то же время в рекомендательном письме Руденко пишет, что Фиельструп работает там с 1918 г. Видимо, тогда он был внештатным сотрудником, привлеченным для участия в экспедиционных исследованиях по линии КИПСа, в частности для работы в Приуралье, в экспедиции, возглавлявшейся Руденко [16]. Результатом этих исследований явился труд Фиельструпа «Этнический состав населения Приуралья с этнографической картой и дополнениями к ней», изданный КИПСом в 1926 г.[17]

В 1920 г. Фиельструп преподавал в Томском университете и летом вместе с Руденко участвовал в Минусинско-Абаканской экспедиции, организованной университетом. От этой поездки в личном архиве Фиельструпа сохранились две толстые записные книжки: «Дневник. Лето 1920 года. Минусинский и Ачинский уезды Енисейской губернии» и «Записки лета 1920 г. Минусинские татары». Дневник начат 1 июня, в день выезда экспедиции из Томска, и завершен 27 сентября, в день возвращения в Томск. В нем содержатся не только описания событий дня, но и ценные этнографические и археологические материалы. Во второй тетради преобладают записи по языку, этнографии и фольклору (термины родства, народный календарь, меры длины, тамги, а также метки для домашних животных, географическая и астрономическая номенклатура, названия растений и т. д.). Есть записи и по различным семейным обрядам, включая тексты исполнявшихся при этом песен и молитв, а также по шаманству и народной медицине.

Этнографические материалы этой поездки частично использованы Фиельструпом при написании двух работ обобщающего характера: о свадебном жилище тюркских народов и о молочных продуктах тюрков-кочевников (см. об этом выше), а фольклорные были опубликованы в соавторстве с С. Е. Маловым [18].

В КИПСе, преобразованной в начале 1930 г. в Институт по изучению народов СССР, Фиельструп проработал до середины этого года. В Русском музее он работал одновременно до конца своей жизни (6 декабря 1933 г.). За эти годы он девять раз выезжал на полевые исследования.

Летом 1921 г. Фиельструп по линии КИПСа ездил к казахам Кустанайского у. Тургайской области. От этой поездки в его архиве сохрани-

лись дневник и одна тетрадь с записями. На обложке дневника помечено в скобках, что это вторая поездка 1921 г., так как в том же году перед выездом в Кустанайский у. он проводил полевые исследования в Приуралье. Что это именно так, свидетельствует запись в дневнике: Фиельструп выехал в Кустанай не из Москвы, а из уже знакомого нам Миассова кордона, где еще в 1918—1919 гг. была база экспедиции Руденко.

Во время второй поездки Фиельструп надеялся добраться до Сырдарьи [19], следуя к верховьям Тобола, а оттуда спустившись по долине Тургая и Иргиза. Однако это намерение осуществить не удалось: «У меня скверное настроение,— писал он в дневнике,— т. к. я окончательно выяснил, что обещанное так щедро Закрией [20] было обещано на ветер и моя экспедиция в Сырдарью не может состояться — я недостаточно богат». И на следующий день: «После долгого и тяжелого раздумья решил возвращаться в Кустанай». Эти записи были сделаны 22 и 23 сентября в казахском ауле, в верховьях Тобола. Основным препятствием для продолжения путешествия была трудность в те годы раздобыть подводу или верховую лошадь для проезда из одного населенного пункта в другой, да еще найти сопровождающего, чтобы доставить обратно хозяину подводу или лошадь. У Фиельструпа подходили к концу деньги и провизия, а срок командировки кончался 10 октября.

В дневнике, помимо описания событий каждого дня, имеются и записи ценных наблюдений этнографического характера. Записи в тетради на разнообразные темы: генеалогия двух казахских родов (жаппас и жагалбайлы), тамги, ураны (уран — боевой клич), термины родства, сведения по народному календарю, метеорологии и космографии, скотоводческие термины, названия частей юрты, а также элементов одежды и украшений и ряд других материалов. В разделе «Семья», например, подмечены исследователем такие интересные детали, как выражение почтения к так называемой «старшей юрте»: «„Старшая кибитка“ (*улькен шанырак* [21]),— пишет Фиельструп,— вместе с остающимся после раздела старших сыновей имуществом наследуется младшим сыном. Кибитки сыновей называются отау (*улькен* —, *киши* — по старшинству их). *Куёу*, т. е. зять, когда приезжает навестить семью тестя, в старшей кибитке занимает место только на низшей половине; его можно даже держать у двери. Если он сядет на почетное место, то должен уплатить штраф лошадьми или деньгами; иначе говоря, он должен купить себе право сесть на верхней половине» (с. 43). (Под «верхней» половиной подразумевается часть юрты, наиболее отдаленная от входа; под «нижней» — вблизи от входа.— *Б. К.*) «При входе в кибитку члена одного с хозяином аймака, но старшего по возрасту, хозяйка встречает его реверансом» (с. 43), т. е. приседанием с поклоном. «Всякая женщина в присутствии старших (по возрасту или положению) или из старшей (по отношению к ней) кибитки выходит, повернувшись лицом внутрь кибитки» (с. 71). Он также обратил внимание на то, что у казахов соблюдается вежливое обращение на «Вы» (с. 71).

Летом 1923 г. Фиельструп впервые участвовал в экспедиции, организованной Этнографическим отделом Русского музея. Это была экспедиция в Крым, которую возглавлял Г. А. Бонч-Осмоловский, ставший с того времени, по словам Е. М. Пещеревой, одним из самых близких друзей Фиельструпа. В поездке участвовала и художница О. Г. Морозова.

Целью экспедиции были этнографическое изучение горного Крыма и сбор вещевых коллекций как для Русского музея, так и для Центрального музея Тавриды [22]. Экспедиция, продолжавшаяся 4 месяца, по словам Бонч-Осмоловского, «дала прекрасные результаты» [23]. Почти с исчерпывающей полнотой собраны для обоих музеев коллекции по материальной культуре горного Крыма [24]. В Этнографическом отделе Русского музея они составили две коллекции — № 4042 и № 4043.

Описание коллекций сделано Фиельструпом. Выполнено оно очень подробно и содержит богатую терминологию, включающую наименования не только самих предметов, но и их частей. Фиксацией терминов во время экспедиции занимался Фиельструп. Как свидетельствуют Е. Н. Сту-

денецкая и Н. П. Соболева, среди собирателей Музея он одним из первых оценил важность подробной фиксации терминологии для этнографической науки. В начале 1930-х годов, когда в Этнографическом отделе начали появляться новые молодые сотрудники, Фиельструп охотно помогал им овладевать навыками этнографического описания предметов.

В архиве Фиельструпа из материалов экспедиции в Крым сохранились дневник, тетрадь с полевыми записями и черновые наброски доклада, посвященного этнографии горного Крыма. Из дневника видно, что Фиельструп не забывал и своих обязанностей сотрудника КИПСа — неоднократно (с. 2, 29 и др.) говорится о посещении статистического управления, о состоянии там материалов различных переписей, о трудности их получения, о работе над этнографической картой, об отправке материалов в КИПС. Дневник 1923 г., как и других поездок Фиельструпа, содержит также различные этнографические наблюдения; он читается с большим интересом.

В 1924 и 1925 г. Фиельструп совершил две поездки в Киргизию, по четыре месяца каждая. Примерно один месяц требовался на выполнение поручений КИПСа, а остальные три месяца он проводил непосредственно в селениях и кочевьях киргизов, изучая их хозяйство и быт, а также собирая вещи для музейных коллекций.

Задания КИПСа были особенно актуальны в связи с подготовкой национально-государственного размежевания Средней Азии и образованием новых национальных республик [25]. Так, в 1924 г. по дороге в Киргизию Фиельструп задержался в Оренбурге, чтобы ознакомиться с поступившими в краевой центр с мест (из губерний, уездов, волостей) новейшими материалами (карты, поволостные или поселенные списки). Все изменения в этническом составе и размещении населения он фиксировал и направлял в КИПС, чтобы эти изменения могли быть учтены при размежевании и новом районировании [26]. Эта работа была продолжена в Пишпеке (ныне Фрунзе), а также в уездных и волостных центрах Киргизии.

Среди заданий КИПСа встречались и такие, для выполнения которых требовались полевые исследования. Например: «В Пржевальском уезде имеется сарт-калмыцкое аульное общество; желательно узнать: 1) границы их землепользования, 2) как сами себя называют и как соседи их называют, 3) какими языками пользуются, 4) основные особенности их материальной культуры сравнительно с киргизской, 5) отношения к киргизам (брачные и прочие)» [27].

В 1925 г. Фиельструп, направляясь в Киргизию, сначала заехал в Ташкент по делам КИПСа и там по предложению Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (далее — Средазкомстарис) взял на себя дополнительную нагрузку — сбор коллекции по этнографии киргизов для Центрального среднеазиатского музея и попутно рекогносцировку археологического характера [28]. Эта работа была им выполнена. Относительно задания музея он писал в отчете, направленном в Средазкомстарис: «Средства, ассигнованные на приобретение вещей, были недостаточны для исчерпывающей коллекции по материальной обстановке жизни киргизов, но все же главные элементы (исключая очень крупные и дорогостоящие) этими сборами предоставлены» (с. 1). Что касается археологической рекогносцировки, то его результатам посвящена вторая часть отчета. Она начинается словами: «Проехав Горное Семиречье в разных направлениях, я вынес несомненное впечатление, что эта страна во все времена бывала не менее заселена, чем сейчас. По всей открытой степи, на всех удобных склонах гор и даже небольших площадках, в узких теснинах горных рек, где только может стать на землю твердой ногой человек, и даже в таких местах, где сейчас нет следов зимовок или кочевых стойбищ,— всюду я встречал разного рода могильники и курганы. Ознакомившись с ними только очень поверхностно, буквально мимоходом на своем пути, я не имею возможности дать строгую классификацию по типам и вместо этого,

для краткости, опишу их внешний облик, каждую разновидность отдельно и укажу приблизительное местонахождение их, поскольку они отмечены в моем дневнике» (с. 9). И далее приводится характеристика десяти разновидностей могильников, указываются места их расположения.

Об исследованиях, проведенных в Киргизии в 1924 и 1925 г., Фиельструп опубликовал лишь одно краткое сообщение[29], однако находящиеся в его личном архиве рукописные отчеты несколько дополняют опубликованные сведения. Кроме того, там имеются дневники и тетради с полевыми записями[30]. Большая часть материалов систематизирована: каждая запись на определенную тему выписана на «карточку» (листочек бумаги различного формата и качества — что удавалось достать), а карточки сгруппированы по темам. Материалы по молочным продуктам и частично по жилищу были им включены в опубликованные работы[31].

Маршруты 1924 и 1925 гг. охватили большую часть Центрального Тяньшаня: от верховьев рек Тюп и Джергалан на востоке до Сусамыра на западе; от долины реки Большой Кебин на севере до долины реки Арпы на юге[32]. В приферганской части Киргизии Фиельструп был лишь однажды — в 1925 г., направляясь из Сонкуля через горы Кавак на Андижан[33]. Талас же он посетил в 1929 г. (см. ниже).

Поездка к киргизам для Фиельструпа не была случайностью. Его рукописный отчет о поездке 1924 г. начинается примечательными словами: «Совершить поездку по Семиречью и познакомиться с кочевниками этого края было моим горячим желанием уже несколько лет ... Посетив летом 1920-го года Абаканских татар Минусинского края, я заинтересовался теми группами кочевников, говорящих на тюркском языке, которые связаны историческими судьбами с Алтаем, хотя живут сейчас уже далеко от него, в иных землях и иных, часто, условиях. Кыргызы (киргизы.— *Б. К.*), обследованием которых я занимался в истекшем году, являются одной из таких групп и сохраняют в своем быту черты, напоминающие об их прародине. В литературе очень часто название „киргиз" применяется безразлично к казак-киргизам и к кара-киргизам, между тем как почти все исследователи признают этническую самостоятельность последних. Перечень трудов, посвященных специально кара-киргизам, очень невелик, и трудно по ним составить себе представление об индивидуальном облике этого народа и в чем состоит его отличие от казак-киргизов»[34].

Проведенные в 1924—1925 гг. исследования утвердили Фиельструпа в предположении относительно генезиса киргизов. Он писал, что, хотя киргизы «уже весьма давно заселили Западный Тянь-Шань и горы в известной мере охраняли их от культурного влияния соседей, изоляция, разумеется, не была полной и их быт не сохранил в неприкосновенности свой оригинальный облик. Выходцы из Саяно-Алтайской горно-степной области, они являются сейчас ближайшими сородичами казаков, были подчинены долгое время калмыкам и испытывали и испытывают во все время влияние своих иноплеменных оседлых соседей со стороны Китайского и Западного Туркестана.

Достаточно перевалить через горы Семиречья в Фергану, чтобы сразу ощутить разницу в обстановке жизни в западной и восточной группах этого народа»[35].

В исследованиях Фиельструпа материальная культура занимала одно из центральных мест, поскольку одной из основных задач его экспедиций было пополнение музейных коллекций. Приведу общую характеристику жилища и утвари киргизов Семиречья из его отчета о поездке 1925 г. (с. 4—6): «Кибитки киргизов в конструктивном отношении совершенно сходны с казакскими. Кроме больших и меньшего размера кибиток, крытых в два яруса кошм, имеются кибитки, покрывающиеся одной кошмой (две вертикальных половины), от дымового отверстия до низу, при полном деревянном скелете. Люди, бедные вьючным скотом, часто кочуют с купольными жердями и дымовым кольцом только, оставив *кереге* (решетка) на зимнике, и покрывают свой, непосредственно на земле стоящий купол нижним рядом кошм нормальной юрты. Существуют еще

кошемные шалаши, с остовом из прямых жердей, расставленных конусом и либо связанных вместе вверху, либо нанизанных на аркан, проходящий сквозь концы небольшой крестовины квадратом вместо дымового отверстия. Двускатные палатки, когда таковые встречаются,— матерчатые по большей части и являются прямым заимствованием из оседлого Туркестана, но мне приходилось видеть и кошемные палатки, сделанные по подобию их.

Обстановка кибитки компонуется совершенно определенным образом, и каждая категория предметов, если не каждый предмет, имеет свое узаконенное обычаем место.

Центр юрты занимает котел, стоящий на железном тагане. С тагана его снимают с помощью пары особых рукавиц и ставят на обруч, чтобы не опрокидывался, в сторонке у стенки сразу направо при входе. Тут же прислонена крышка от котла, обычно сделанная из чия, и его чехол из гнутых планок, в котором его возят при кочевании. Все свежие пищевые запасы хранятся у средней части правой стенки. К ней привязана одним концом поставленная на ребро циновка из чия, обычно узорчато оплетенная цветными шерстями. Отведенная свободным концом назад, она образует ширму, за которой на подостланной жеребячьей шкуре расставлены кожаная и деревянная посуда с молоком, скрытая от собаки и дурного глаза посторонних. Там же стоит (один или два) шест с крючьями, на котором повешено мясо, кожа, на которой делают тесто, и опять-таки посуда с пищевыми продуктами или пустая. Этот шест называется чистым — *алал* (арабск.), так как предназначен исключительно для чистых, в духовном смысле, вещей. Такой же шест может стоять открыто у передней четверти юрты для подвешивания на нем пустой посуды, напр. мешка с отцеживающимся соленым творогом и проч., и редко встречается на мужской половине для седла и проч. конского снаряжения.

Саба с кумысом стоит подле ширмы с той или другой стороны. Остальная утварь и принадлежности женского хозяйства прицеплены к решетке или заткнуты за нее, за край покровной кошмы, за тесьму, опоясывающую юрту над сгибом купольных жердей и т. д. Часть этих вещей (из мягких) находит себе место в подвесных полках — пазухах, подвязанных к купольным жердям и верхнему краю решеток в глубине юрты в разных местах. Прямо, против входа, вдоль по стенке сложено имущество хозяев: сундучки с вещами, кошмы, тюфяки, одеяла, подушки, крупная одежда, часто седла получше. Между этой стопой имущества и хозяйственной частью — спальное место хозяев, часто, если и не везде, завешиваемое на ночь занавесью, которая днем поднимается и затыкается за тесьму.

Мужская, левая половина юрты значительно беднее вещами. Заткнутыми в стене вышеупомянутым образом мы находим бичи хозяина и гостей, музыкальные инструменты (обычно струнный *кобыз*) и принадлежности для того или иного ремесла, практикуемого хозяином (топорик, сапожный инструментарий, лучок для плетения бича, кривой нож для вырезывания ложек и т. д.). На этой же стороне стоит люлька с сыном, а в нижнем конце, подле входа, сложены и подвешены седло и конское снаряжение вообще и сидит на своей подставке беркут или сокол — если владелец юрты охотник. Для сидения на земле постланы кошмы, причем верхняя половина против входа и часть мужской половины застилаются иногда узорными кошмами, а при появлении почетного гостя сверху накладывают еще коврик, сшитый из мягковыделанной овчины, предпочтительно белой. Сидением для более скромных посетителей в нижней половине служит сухая конская шкура.

Окинув взглядом все имущество киргиз, мы видим, что оно распадается на две неравные группы по своему происхождению: одна, большая, состоит из предметов собственного производства, другую составляют городские приобретения (главным образом фабричные материи). Основной материал, из которого изготовлены вещи, относящиеся к первой группе: шерсть, кожа, дерево».

Эта характеристика жилища и утвари, сама по себе очень подробно составленная, может быть значительно дополнена, если обратиться к описям коллекций, сделанных Фиельструпом. В его архиве имеется копия описи двух коллекций по киргизам, приобретенных им для Русского музея и ныне находящихся в фондах ГМЭ,— коллекции № 4203, приобретенной в 1924 г., и № 4314, собранной в 1925 г. Приведу в качестве примера несколько описаний:

«4203—33. *Талпак* — невыделанная шкура жеребенка, светло-коричневая. Наиб. длина 122 см, ширина 93 см. Служит для подстилки сидящим не на почетном месте и для выбивания на ней шерсти. В последнем случае она кладется шерстью вниз. Семиречье, Каракол. у., Тюпская вол., сел. Тенгизбаево. Киргизы».

«4314—27. *Коночёк*— ведерко грушевидной формы, сшитое из двух вымеией коров, с четырьмя сосками по обоим бокам. Дно вшито отдельно из двух полукруглых кусков кожи. Края ведерка слегка загнуты и сквозь две дырки, прорезанные в них, пропущен коричневый шерстяной шнур, завязанный по концам петлями, образующими дужку сосуда. От центра дна отходит шерстяной шнур, являющийся продолжением ниток, сшивающих дно ведерка. За этот шнур подвешивают выполосканный сосуд для просушки. Сосуд прокопчен. Высота приблизительно 22—23 см, диаметр отверстия — 10 см. Служит для хранения топленого масла, сала и т. п. Горное Семиречье, Пишпекский окр., долина р. Большой Кебин. Киргизы».

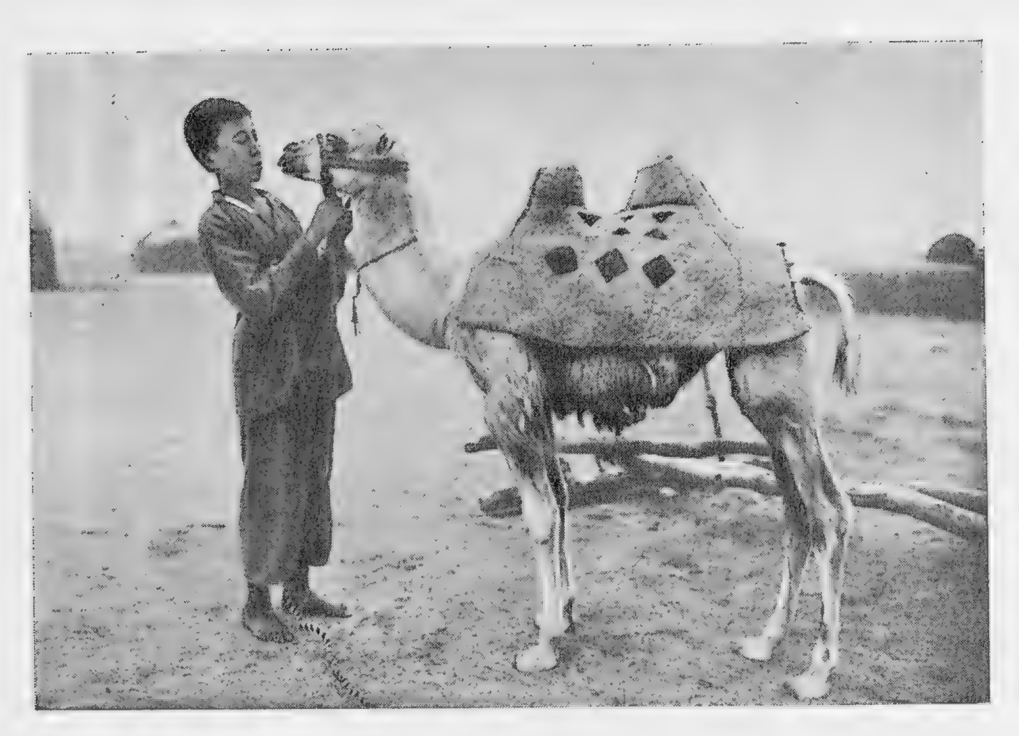
«4314—42. *Упчу* — соска для ребенка из рога коровы. Конец рога срезан и несколько стесан, и на него натянут козий сосок, привязанный в основании ниткой. В широкий, ровно срезанный конец рога наливается молоко. Длина всей соски 11,5 см. Наибольший диаметр верхнего отверстия 5 см. Горное Семиречье, Пишпекский окр., долина р. Большой Кебин. Киргизы».

Помимо предметов убранства жилища и утвари, в состав коллекций, собранных Фиельструпом у киргизов, входят предметы ухода за скотом, земледельческие орудия, принадлежности охоты с ловчими птицами, орудия ремесленников, одежда, музыкальные инструменты, предметы народной медицины.

Коллекция по скотоводству киргизов, как справедливо отмечает А. В. Коновалов, уникальна, это наиболее полный комплекс предметов по основному занятию киргизов, имеющийся в музее. В нее наряду с верховой сбруей и ее отдельными элементами входят различные привязи, в частности для ягнят и жеребят, намордник теленку, чтобы не сосал мать, и т. д.

В полевых записях Фиельструпа также встречаются интересные сведения о молодняке. Приведу некоторые обряды и обычаи, связанные с новорожденными верблюжатами, записанные Фиельструпом у киргизов Таласа в 1929 г. От этих обрядов веет глубокой архаикой, свидетельствующей о древности скотоводческих традиций у киргизов, об исключительном значении верблюда в их хозяйстве и кочевом быту и о принадлежности его к числу животных, наиболее почитаемых еще в недавнем прошлом киргизами, а также другими народами Средней Азии.

При появлении на свет верблюжонка тот, кто это видел, спешит сообщить хозяину радостную весть и за это получает подарок *суйунчу*, как это принято при рождении ребенка [36]. Верблюжонку при рождении чешут подошву и обрезают самый кончик хвоста — *киндик* (букв. «пупок»), как бы уподобляя его пуповине. В рот новорожденному верблюжонку наливают немного топленого сала в качестве «первой пищи», которая должна очистить кишечник, подобно тому, как новорожденному ребенку дают топленое коровье масло. Затем верблюжонку в течение двух-трех дней дают сосать из соски или ложкой молоко с топленым салом. В течение 7—10 дней его держат в юрте, и ночью подле него кто-нибудь спит, чтобы вечером и в полночь вынести его на руках к матери и поддерживать его, когда он сосет. Причем, когда его выносят из юрты, совершают



Белый верблюжонок в войлочной попоне. Казахи. Бывший Каркаралинский у. Семипалатинской губ. 1927 г. Фото в статье здесь и далее Ф. А. Фиельструпа

аластау — окуривают его дымом, обводя вокруг его головы зажженную тлеющую ветку можжевельника (*арчи*), как окуривают и младенца, чтобы отогнать от него злые силы.

Верблюдицу и ее новорожденного детеныша покрывают войлочными чехлами. На матку надевают узду с серебряными украшениями (из комплекта конской верховой сбруи, принадлежащей ее хозяйке), голову ей повязывают белым платком наподобие тюрбана *элечек* замужней женщины (иногда хозяйка дает даже свой *элечек*), поверх чехла ее покрывают нарядной попоной или ковром. Украшают и верблюжонка, точно ребенка, чтобы предохранить его от сглаза: сделав дырочку в ухе, продевают нитку с бусами, голубыми или пестрыми, привязывают к уху перья филина, из войлока делают ему амулет *тумар* в виде треугольника, обвязывая его черными и белыми нитками.

По случаю рождения верблюжонка устраивают и специальное угощение *жентек*, зарезав, если позволяют средства, даже барана, как это делают (и так же называют обряд) в честь новорожденного ребенка, и каждая пришедшая на угощение соседка приносит хозяйке небольшой подарок *корумдук* за право посмотреть новорожденного, как это положено, когда впервые приходят посмотреть младенца. Мало того, не всегда и показывают верблюжонка, боясь сглаза.

У казахов также принято оберегать верблюжонка от сглаза, вешая ему на шею амулеты и прикрепляя на его макушку перья филина [37]. Примечателен в этом отношении сделанный Фиельструпом снимок белого верблюжонка (белые верблюды почитались особо) в светлой войлочной попоне, украшенной аппликацией в виде ромбов и треугольников, с тумаром на шее и поводом из пестрого (белый с черным) аркана. Фиельструп справедливо называет эту аппликацию тумаровидной: в узорах лоскутных изделий обычно преобладают ромбы, квадраты и треугольники, которым у народов Средней Азии и у казахов в старину приписывалось охранное значение; они, в частности, служили оберегом от сглаза [38]. Такое же свойство придавалось и пестрому аркану.

Уподобление верблюдицы женщине-роженице, а верблюжонка — новорожденному младенцу было, видимо, вызвано тем, что верблюдице, как и

женщине, при родах нередко бывает нужна помощь человека, как нужна помощь и верблюжонку в первые дни его жизни. Это уподобление (как и почитание верблюда) возникло, несомненно, в отдаленном прошлом и восходит к первобытным тотемистическим представлениям, породившим в свое время культ двугорбого верблюда у ираноязычных племен, живших в древности на территории Средней Азии и Казахстана, а возможно, и Южной Сибири [39]. Связь с тотемистическими представлениями особенно ярко проступает в словах старого узбека, происходившего из племени митан, записанных мною в 1967 г. в кишлаке Арлат Иштыханского р-на Самаркандской обл. УзССР: «Верблюжонок и человеческое дитя — это одно и то же. Верблюд — высокочтимое животное, его считают духом предков» (Туянинг боласи билан одамнинг боласи бир. Туя улуг мол, уни арвох дейди).

Среди материалов Фиельструпа по киргизам обращают на себя внимание записи по погребально-поминальным обрядам, ибо этой темой он интересовался особо и собрал богатый материал не только по киргизам, но также по казахам, хакасам и некоторым другим тюркским народам. Приведу для примера данные о способах перевозки покойников на родовое кладбище, если человек умер вдали от него. В литературе отмечено, что киргизы перевозили на родовое кладбище покойника, зашив в сыромятную копченую верблюжью кожу. Если не было возможности сразу перевезти, то погребали на родовом кладбище лишь кости (порой их приходилось освобождать от еще не успевших истлеть мягких покровов) [40]. По материалам Фиельструпа можно восстановить всю картину перевозки как части похорон:

«Покойника обычно хоронят на земле отцов. Известный батыр Алимбек [из племени бугу] (лет 60 назад) умер в Кульдже. Киргизы, услыхав о его смерти, совершили *аш* (годовые поминки.— *Б. К.*). Тот человек, у кого он умер, решил похоронить его у себя с тем, чтобы его родственники потом получили тело. Через три года действительно те приехали и взяли его кости из могилы и похоронили у Иссык-Куля, поднявшись вверх по Текесу. Такое предварительное погребение называется *аманат* (букв. «что-либо данное на хранение».— *Б. К.*)».

«Если умрет человек (дорóгой?), то его держали в доме, где он умер, до приезда его родственников. Когда те приезжали, то снаряжали украшениями верблюда, клали на него покойника и покрывали ковром. [Покойника клали] на сложенный *канат кереге* (канат — одно звено кереге — решетчатой стенки юрты.— *Б. К.*), который привьючивали арканом поперек спины верблюда. Под голову и ноги трупа клали подушки, а к кереге его привязывали *сысма* (тесьмой). Голова покойника в момент навьючивания должна быть направлена на запад. Вьюк уравновешивали камнями, положенными в *баштык* (торба, мешок.— *Б. К.*). Если везли на лошади, то кереге с покойником клали поперек седла, как женщины возят люльку» [41].

«Зимой покойников можно перевозить на верблюде или на лошади, либо завернув в ткань или кошму и зашив в кожу, либо посадив верхом (на лошадь)». Согласно нескольким записям Фиельструпа, дополняющим друг друга, перевозка трупа верхом на лошади происходила следующим образом: покойника сажали на седло, ноги его крепко привязывали к стременам, опущенным на длину его ног, иногда привязывали и за ляжки, а для поддержания туловища в вертикальном положении ставили подпорки из трех палок: две из них, упирающиеся нижним концом в бедра покойника или в стремена, скрещивались под подбородком трупа и поддерживали его (иногда на место скрещения клали подушку), а третья палка, привязанная к подхвостнику, поддерживала спину. Рот и глаза покойника были закрыты, а лицо завешано платком. Сопровождали покойника трое всадников: двое ехали по бокам и держали его на аркане, а третий вел лошадь с покойником на поводу. По другой записи, вместо подпорки сзади покойника садился человек и, обхватив труп руками, поддерживал его.

«Если расстояние до дома было всего дня два пути, то несли покойника пешком дня три-четыре, как носят женщины детей,— на спине, верхом на крестце. Если смерть пришла в очень далеком месте, то хоронили на месте смерти».

Согласно записям, сделанным Фиельструпом у казахов, перевозка покойника на далекое расстояние была возможна лишь зимой, а если человек умер летом вдали от дома, то его погребали временно на том месте, где его настигла смерть, с тем чтобы с наступлением прохладной погоды перевезти на кладбище, где лежат предки. Обряды, предшествующие погребению (ритуальное оплакивание, обмывание, облачение в саван, чтение заупокойной молитвы джаноза), исполнялись при первых похоронах; вторичные похороны совершались без всяких обрядов.

Перевозка умершего на чужбине на его родовое кладбище, а в случае невозможности тотчас сделать это — временное захоронение на месте смерти широко бытовали еще в начале XX в. и у оседлого населения Средней Азии — узбеков [42] и таджиков [43]. На относительно небольшое расстояние (порой до нескольких десятков километров [44]) покойника переносили на руках, уложив на специальные носилки, а на далекое расстояние — на лошади. Для этого набивали мелкой соломой два больших мешка и, привязав их к лошади, укладывали на них тело [45], вместо мешков иногда использовалась специальная деревянная подставка [46]. М. С. Андреев отмечает также, что в Бухарском ханстве в случае, если нужно было перевезти останки знатного лица на большое расстояние (например, из Гиссара в Бухару — это на лошадях 10 дней пути) в летнее время, когда тело начинает быстро разлагаться, прибегали к своего рода бальзамированию: сделав на животе надрез, извлекали внутренности (их закапывали где-нибудь в стороне) и вместо них набивали ароматические травы, в частности — базилик райхон (примечательно, что в городах это проделывали профессиональные обмыватели трупов). М. С. Андреев отмечает, что «мы здесь наталкиваемся на древний способ бальзамирования, применявшийся в старое время в Средней Азии» [47]. По моим материалам, бальзамированный райханом, мятой и другими ароматическими травами труп клали в кожаный мешок и после этого укладывали на деревянную подставку типа носилок. Перевозка покойника к месту погребения в седле в сидячем положении у таджиков и узбеков, видимо, не практиковалась.

Согласно тем же данным М. С. Андреева (с. 16), бальзамирование происходило после выезда за город, когда все обряды, предшествовавшие захоронению, были уже совершены. Объяснялось это тем, что, по представлению местного населения, труп, из которого вынуты внутренности, уже «не был бы целый, настоящий покойник», а следовательно, и заупокойную молитву над ним нельзя было бы читать. Такое представление, видимо, было широко распространено. Так, по словам Е. М. Пещеревой, в 1928 г., когда она жила летом в горном таджикском селении Бурчмулла (к северо-западу от Ташкента), в одной семье был мальчик, который при каких-то обстоятельствах лишился руки. Руку в семье хранили, положив в сундук. После смерти этого человека вместе с ним полагалось похоронить высохшую руку. Такой обычай само население связывало с мусульманским догматом о воскресении мертвых в День суда; однако в Средней Азии он бытовал и до распространения ислама и восходит к очень древнему представлению о необходимости хранить неповрежденными все кости, чтобы умершее существо (будь то человек или животное) могло возродиться.

М. С. Андреев, приводя факты из быта оседлого населения Среднеазиатского междуречья, «иллюстрирующие недавнее еще твердое убеждение в необходимости возвращения тела покойника на его родовое кладбище», обращает внимание на «„налаженность аппарата для внезапной переброски“, выработавшейся предварительной практикой многих предшествовавших поколений» [48]. В материалах Фиельструпа также бросаются в глаза устойчивость у киргизов и казахов в недавнем прошлом

представления об обязательности быть погребенным после смерти на родовом кладбище, обычность случаев препровождения умершего на большие расстояния, разработанность способов перевозки покойника. Все это, несомненно, свидетельствует как о крепости уз родовых связей и устойчивости пережитков культа предков, так и о древности традиционных способов перевозки покойника. Применительно к способам перевозки его в седле в сидячем положении эта мысль была высказана Р. С. Липец в результате сопоставления данных тюркского эпоса, погребальных обрядов алтайцев и тувинцев и археологических сведений [49].

Таким образом, материалы Фиельструпа о способах перевозки умерших у киргизов и казахов убедительно свидетельствуют о смешении кочевых традиций с оседлыми, что характерно для всей культуры этих народов.

* * *

Немалый интерес представляют записи Фиельструпа по киргизскому фольклору. Тексты сгруппированы по жанрам, переписаны в научной транскрипции, снабжены переводами на русский язык. В таком виде они занимают 32 листа большого формата. Представлены следующие жанры: поговорки и пословицы (89 номеров), скороговорки (5 номеров) загадки (49 номеров), песни (29 номеров — любовные, колыбельные, пастушеские, исполнявшиеся девушками и молодухами, стерегущими овец по ночам, и плачи женщин по умершему). К сожалению, все они не опубликованы.

Киргизские материалы Фиельструпа, несомненно, представляют исключительную научную ценность, так как он был одним из первых специалистов-этнографов, изучавших киргизов Центрального Тянь-Шаня еще в те годы, когда их хозяйство и быт в значительной степени сохраняли традиционные особенности [50]. Ценность его материалов возрастает в связи с тем, что они содержат много таких деталей, которые может заметить далеко не каждый исследователь. Еще одно (притом самое важное) достоинство материалов Фиельструпа — их достоверность. Это достигалось многократным выяснением одного и того же явления, факта в разных местностях.

Те же черты характерны и для его материалов по казахам. Помимо поездки 1921 г., Фиельструп еще дважды был с этнографической целью у казахов — летом 1926 и 1927 гг. [51]. Это было связано с участием Фиельструпа вместе с Руденко и рядом других сотрудников КИПСа и Этнографического отдела Русского музея в работе Казахстанской экспедиции АН СССР. Экспедиция эта была организована Особым комитетом по исследованию союзных и автономных республик АН СССР по просьбе правительства Казахской АССР с целью комплексного изучения естественно-производительных сил и населения этого обширного края [52]. В составе Казахстанской экспедиции работал антропологический отряд под руководством Руденко. Отряд в свою очередь подразделялся на два подотряда: этнографический и медико-антропологический. Первым руководил Фиельструп [53].

В 1926 г. оба подразделения антропологического отряда работали в западной части Актюбинской обл. [54], а в 1927 — на востоке Казахстана.

В архиве Фиельструпа имеются четыре тетради поездок 1926 и 1927 г.— дневник и три тетради с полевыми записями. В дневнике записи 1926 г. обрываются 5 июня, когда отряд только приступил к полевой работе (может быть, из-за слишком напряженной работы), а записи следующего года начаты в день отъезда из Ленинграда и прекращаются в первый день пребывания в Алма-Ате, т. е. в день завершения полевых исследований. В конце этой же тетради — описи фотоснимков, выполнявшихся самим Фиельструпом. Материалы этих двух экспедиций полностью обработаны. Статья Фиельструпа «Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана» [55] фактически представляет собой полноценный научный отчет о полевых исследованиях 1926 г. Маршрут отряда пе-

резал земли казахских родов жетиру, алимулы и адай. Первые два сочетали в своем хозяйстве скотоводство с орошаемым земледелием и вели полуоседлую жизнь, имея постоянные зимовки, где они жили большую часть года в саманных постройках. Адаи же были единственной группой казахов, сохранявшей и в первой четверти XX в. кочевое скотоводческое хозяйство.

Сравнительное изучение этих двух типов хозяйства казахов привело Фиельструпа к важному заключению о том, что такие основные факторы их жизни, как природные условия, виды разводимого скота и традиционные формы скотоводства, «спутаны между собой в тугой узел... и, находясь во взаимной зависимости, влияют друг на друга, создавая консерватизм, с трудом поддающийся воздействию со стороны. Более доступным для проникновения новых элементов и изменения устоев привычной жизни становится хозяйство лишь при нарушении этого внутреннего единства» [56]. Этот тезис Фиельструп раскрывает, рассматривая каждый вид скота в отдельности: он определяет место каждого вида в системе сопоставляемых типов хозяйства, выявляет особенности его разведения, содержания и использования. Вторая часть работы посвящена кочеванию: какие животные при перекочевках используются под вьюк и какие под верх, место каждого вида скота в кочевом караване, особенности расположения стад разных видов животных по отношению к каравану и т. д. Завершается статья рассмотрением вопроса о том, какие факторы обусловливают выбор маршрута при перекочевках.

Скотоводство и кочевание остались одной из центральных тем исследований Фиельструпа и во время экспедиции 1927 г. в Семипалатинскую и Семиреченскую области Казахстана [57]. Во всех посещенных аулах детально выяснялись такие вопросы, связанные с кочеванием, как, например, календарь движения в различные сезоны, пути перекочевок, техника кочевания, расположение семьи в караване, иерархия и дисциплина в караване и т. д. Сведения каждого информатора выписаны отдельно, что позволяет рассмотреть множество вариантов, обусловленных природными условиями местности, погодой в данном году, степенью зажиточности кочевника, составом его стада, соотношением скотоводства и земледелия, традицией и т. п.

Позволю себе привести запись, сделанную Фиельструпом 15 июля 1927 г. на кочевье вблизи Куянды (к северу от Каркаралинска) от «почтенного и знающего человека» по имени Мухаметали из рода каракесек племени аргын: «С зимовки выкочевывают по календарю, а не по звездам. Колебания срока выхода находятся в зависимости от состояния погоды на 10—15 дней. То же и в конце лета — возвращение на *кстау* (зимовку).

Расстояние дневного перехода — верст 15. Овцы выходят рано утром, до каравана, и вечером встречаются на ночном привале. Лошади отправляются позже каравана и на ночную стоянку приходят также позже каравана. Такой распорядок принят для того, чтобы люди успели вырыть на новом месте стоянки колодец и приготовились поить свои табуны. Лошадь требует чистой воды, в то время как овцы и коровы менее взыскательны. Крупный рогатый скот и, разумеется, верблюды идут вместе с караваном. Лошадей гонят по прямой дороге, т. к. днем они не пасутся; последнее относится и к крупному рогатому скоту. Пасутся днем одни овцы, поэтому они идут несколько в стороне от дороги, где они могут щипать траву в пути.

Если кочуют, как это было прежде, ранней весной и молодняк появляется в пути, то при массовом рождении слабого скота (ягнят и верблюжат) делали остановку на 2—3 дня; жеребята сами сейчас же после рождения могут следовать за матками. При одиночных же рождениях верблюжонка завертывают в полу материнского *жабу* (войлочное покрывало для верблюда.— *Б. К.*) и подвязывают ей; ягнят кладут в *кебеже* (деревянный сундучок.— *Б. К.*) так же, как это делают с малыми детьми вообще при перекочевках.



Хозяйка ведет верблюда с вьюком, украшенным пучками фазаньих перьев. Казахи. Бывший Лепсинский у. Семиреченской губ. 1927 г.

Кёш (караван) ведет *байбише* (хозяйка.— *Б. К.*) верхом на лошади. Верблюды идут гуськом. Веревка от *мурундука* (деревянного стерженька для повода, продетого сквозь носовую перегородку.— *Б. К.*) слабо подтыкается под вьючные арканы, так что если верблюд остановится, то не оборвет себе мурундук, а только отвяжет веревку. Молодежь обоего пола, которая едет на лошадях по бокам каравана, сейчас же подхватывает отвязавшийся аркан, исправляет цуг и подгоняет ленивых. Хозяин едет обычно позади каравана, присматривая за отстающими и вообще наблюдая за порядком; иногда его заменяет верный человек, а сам он едет вперед выбирать место для привала, где есть колодец, найти хорошую лужу с отстоявшейся водой для телят и овец, отвести место для [дойки кобылиц] — *бие бау*, [чтобы] поставить [там] *жели* (привязь для жеребят, натянутая между двумя колышками.— *Б. К.*) и т. д.

Байбише в лучшей одежде и в чалме (теперь обычно без чалмы; прежде молодые — в *саукеле* (высокий головной убор новобрачной.— *Б. К.*) в сартском седле; сбруя нарядная и т. д.) ведет на поводу верблюда — *атана* (мерина), самого лучшего. Он нагружен тюками мягкой рухляди (кошмы, *абдыра* — большие сундуки) так, что сверху и по бокам образуются ровные четырехугольники. Сверху все это покрыто красивыми коврами или *тускиизами* (орнаментированный настенный ковер из войлока или ткани.— *Б. К.*). Поверх всего — *каркара*, нечто вроде табуретки, обращенной вверх ножками, на концах которых укреплены перья фазана (*кыргауыл*), а на задних [верблюдах вместо фазаньих перьев] конские хвосты, торчащие кверху кистями. На перекладинах между ножками висят колокольчики. Ножки обернуты красивым плюшем. Второй верблюд нагружен кебеже с малыми детьми, под которыми лежит поперек спины верблюда *шанырак* (деревянный круг, завершающий купольную часть юрты.— *Б. К.*), покрытый ковром красивым или тускиизом. Под шаныраком помещена *саба* (бурдюк из конской кожи, в котором приготовляется и содержится кумыс.— *Б. К.*). Остальные верблюды также нагружены и по возможности украшены сверху коврами, кошмами и пр. Рядом со своими матерями идут верблюжата. Крупных караванов, образующихся соединением нескольких в один, не было, каждый сохранял свою самостоятельность.

Уже до войны (имеется в виду первая мировая война.— *Б. К.*) караван принял другую внешность: *казак-арба* и вообще повозки, запряжен-

ные сперва верблюдами, потом быками; последними (т. е. позже указанных видов скота — *Б. К.*) стали запрягать лошадей. Были и *куйме* — крытые повозки.



Кыргауыл — украшение, устанавливаемое на вьюк верблюда при перекочевке. К средней перекладине подвешен колокольчик

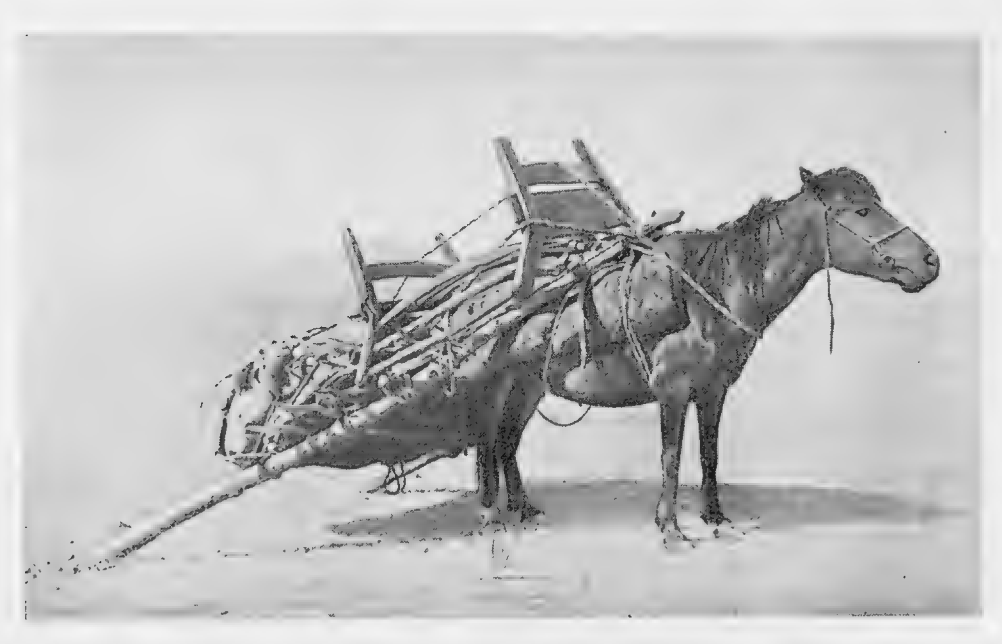
Представляют большой интерес записанные в Семипалатинской и Семиреченской областях сведения о том, что прежде казак-арба — деревянная одноосная арба с длинными оглоблями, типа волокуши, но на двух колесах без железного обруча в этих местах не бытовала: «Происхождение ее в здешних местах не совсем определенно,— писал Фиельструп,— хотя говорят, что она пришла сюда из Петропавловских (Кзылджар) казахов. Сначала казак-арба применялась для перевозки кухонной утвари и кизяка». «До Куяндинской (Ботовской) ярмарки, открывшейся лет 70 назад, в Семипалатинском районе не было казак-арба. Ее ввели казахи же из Атбасара, Петропавловска, Кокчетава». От казахов-найманов Сергиопольской вол. записано, что они «кочуют часто на быках и имеют волокуши (*суйретке*), в которые их запрягают». «Суйретке — волокуша давнего происхождения. В те времена, когда кочевали больше на верблюдах, бедные держали быка, чтобы иметь возможность кочевать, запрягая его в волокушу» [58].

Эти записи Фиельструпа важны в связи с тем, что ареал одноосной казахской арбы — *казак-арба* в XIX — начале XX в. не совсем ясен [59]. Одноосные повозки известны на территории Южного Казахстана издревле: к II — началу I тысячелетия до н. э. относятся наскальные изображения повозок с примитивным дышловым способом запряжки, а с V—IV вв. до н. э., по мнению археологов, им на смену приходят повозки с оглобельным способом запряжки [60]. Волокуша на территории Казахстана известна также издавна — с сакского времени [61]. Однако открытая археологами волокуша того времени существенно отличается от казахской волокуши-оглобли: сакская волокуша имеет массивные полозья и архаичный дышловый способ запряжки. Следовательно, она прообраз не казахской *суйретке*, а саней-волокуш — *чигина* горных таджиков [62].

Не меньший интерес представляют его записи об украшении вьюков султанами — каркара из перьев фазана. Сведения об этом встречаются в литературе, в частности в сочинении краеведа из Восточного Казахстана Курбангали Халиди (1846—1913) «Очерки истории пяти восточных народов», написанном на турецком языке и изданном в Казани [63]. В этом труде говорится, что «казахи делают пучок из хвостовых перьев фазана и горловых перьев журавля; во время перекочевки укрепляют его на макушке вьюка переднего верблюда и называют такой кочевой караван каркаралы коч (караван, имеющий каркара.— *Б. К.*) и считают его как бы превосходящим над другими кочевыми караванами» [64]. Изображение такого каравана имеется в альбоме Н. Н. Каразина: на богато убранном верблюде, идущем первым, едет молодуха в высоком конусообразном головном уборе; по углам ее низкого прямоугольного сидения высятся фигурные (видимо, деревянные) столбики, в макушку каждого из которых воткнут пук перьев, почти достигающий высоты головного убора сидя-



Казак-арба. Казахи. Бывший Павлодарский у. Семипалатинской губ. 1917 г.



Суйретке – волокуша, груженная домашним скарбом при перекочевке. Казахи.
Бывший Сергиопольский у. Семиреченской губ. 1927 г.

щей[65]. Несмотря на наличие рисунка Н. Н. Каразина, фотоснимки Фиельструпа представляют большую ценность, во-первых, своей документальностью, во-вторых, тем, что в них зафиксировано устройство всех деталей этого ныне исчезнувшего предмета.

В материалах Ф. А. Фиельструпа есть еще одна запись (она сделана от Касыма Сейткембаева из найманского рода садыр) о рассматриваемой вещи: будто «при кочевании в прежнее время кыргаулы имелись на всех верблюдах и два колокольца на кыргауыл агашы (перекладина между ножками опрокинутого табурета.– *Б. К.*). Это считалось чисто казахским элементом» (см. примеч. 54).

Напомним, что украшениям из перьев народы Средней Азии придавали сакральное значение. Пучками перьев украшали головные уборы детей, девушек, молодух, жениха, чтобы уберечь их от сглаза и злых сил [66]. Как сообщила мне этнограф Р. Д. Ходжаева, ей неоднократно приходилось видеть пучки из перьев, нашитые на настенный ковер *тускииз* — наиболее дорогой предмет из приданого молодухи, украшающий почетную часть юрты. Во второй половине XIX — начале XX в. в качестве оберега применяли преимущественно перья филина, однако в более раннее время использовались перья и других птиц, в частности совы, фазана, павлина, петуха [67]. У казахов и киргизов в этом ряду особое значение, видимо, придавалось перьям цапли и журавля-красавки. У киргизов украшенные султаном из перьев этих птиц старинные шлемовидные женские головные уборы конической формы бытовали еще в XIX в.[68] В личном архиве Фиельструпа имеется фотоснимок такого головного убора из фондов музея г. Фрунзе, сделанный, видимо, им самим. Название журавля-красавки (или цапли [69]) переносится и на украшение из ее перьев [70]. У казахов же словом *каркара* обозначали не только султан из перьев, но и украшенный им высокий головной убор невесты и молодухи [71], а в более раннее время — и мужской головной убор с султаном из перьев на макушке [72].

Традиция украшать головные уборы птичьими перьями у народов Средней Азии и Казахстана уходит своими корнями в глубокую древность. Отдельные этапы бытования этой традиции зафиксированы, например, в таких археологических памятниках, как петроглиф древнетюркского времени на горе Хархад в горах Монгольского Алтая (на нем изображены воины в остроконечных шлемах, украшенных длинным пером [73]) и курган Иссык сакского времени, где на головном уборе «человека в золотой одежде» наряду со скульптурными изображениями птиц представлены две длинные золотые пластины в виде птичьих крыльев [74].

Во время экспедиций 1926 и 1927 гг. Фиельструп продолжал изучение молочного хозяйства. Записи, сделанные по этой теме у казахов, наряду с материалами, собранными у киргизов и хакасов, легли в основу его известной статьи «Молочные продукты турков-кочевников», написанной в сравнительно-историческом плане [75].

Заслуживает внимания и его небольшая заметка «Каракосмос Рубрука» [76], опубликованная в 1926 г., в которой уточняется значение названия *каракосмос/кара кымыз* — «черный кумыс» и излагается способ приготовления этого сорта кумыса. Заметка Фиельструпа, к сожалению, осталась неизвестной востоковедам и исследователям русских летописей, хотя этот загадочный напиток до сих пор продолжает их интересовать [77].

Публикации Фиельструпа отнюдь не исчерпывают всего многообразия его материалов по казахам — они сгруппированы самим собирателем по темам, которых насчитывается более двадцати. Все эти темы значатся в том вопроснике, которым он руководствовался при сборе материалов.

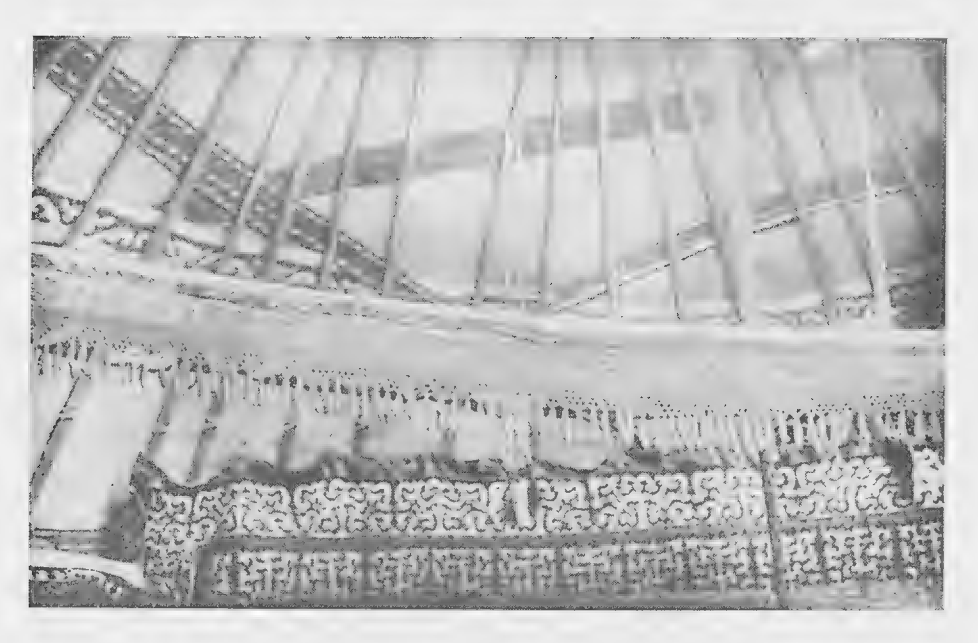
Э. А. Масанов, освещая в своей монографии работу антропологического отряда Казахстанской экспедиции, отмечал, что обычное право казахов, их религиозные верования и обряды почти не изучались [78]. Но теперь мы знаем, что Фиельструп накопил немало интересных материалов и по духовной культуре казахов. Все материалы 1926 и 1927 гг. переписаны и систематизированы. Фиельструп изучал и литературу, о чем свидетельствует тетрадь с выписками из книг, журналов и газет сведений по казахам и киргизам.

Во время экспедиций в Казахстан Фиельструп по поручению Этнографического отдела Русского музея продолжал собирать вещи для пополнения коллекций по казахам: в 1926 г. у адаев Актюбинской обл. было приобретено (совместно с А. Н. Глуховым) 60 предметов (коллекция № 4532), в 1927 г. в Семипалатинской и Семиреченской областях — 12 предметов (коллекция № 4689) [79]. Коллекции включают предметы ухода за скотом, одежду, убранство юрты, музыкальные инструменты, игрушки. Предметы одежды представлены в значительном количестве,



Отау — свадебная юрта, украшенная аппликацией. Казахи. Бывший Каркаралинский у. Семипалатинской губ. 1927 г.

Деталь внутреннего вида юрты отау



особенно головные уборы, которые четко разделены в соответствии с возрастной принадлежностью. По мнению А. В. Коновалова, большой интерес представляют игрушки, куклы в девичьей и женской одежде казаховадаев, игра *кудык* («колодец»), воспроизводящая сцену у колодца во время водопоя скота на Мангышлаке. Регистрация вещей, привезенных Фиельструпом, была сделана самим собирателем [80]. Многие экспонаты по казахам и киргизам, особенно по скотоводству, а также охоте с ловчими птицами, неоднократно включались в экспозицию.

Летом 1929 г. Фиельструп имел возможность по линии КИПСа еще раз посетить Киргизию. Сначала он в городах Фрунзе и Каракол (ныне Пржевальск) знакомился с особенностями и результатами проведения Всесоюзной переписи населения 1926 г. (в целом он положительно оценивает работу сотрудников статистического управления), а затем совершил две экскурсии по киргизским аулам. Маршрут первой: Фрунзе — Аламединское ущелье — Аларчинский перевал — долина Сусамыра — перевал Утмек — Талас — Луговое — Фрунзе. Маршрут второй пролегал по северному побережью Иссык-Куля до восточного конца озера — долины р. Тюп. Целью поездок было «собирание этнографических материалов в дополнение и развитие прежних сборов в незнакомых до сего районах» [81].

Материалы поездки 1929 г. полностью переписаны и систематизированы. Для музея им было приобретено 10 предметов.



Головные уборы замужних женщин. Казахи. Бывший Семипалатинский у. 1927 г.

Во время своих экспедиций Фиельструп занимался и фотографированием. Хотя качество большинства снимков не очень высокое, но научное значение их велико, ибо, во-первых, это снимки специалиста-этнографа; во-вторых, каждый снимок — достоверный документ, запечатлевший особенности культуры и быта киргизов и казахов 1920-х годов. Часть фотографий (150 отпечатков по киргизам [82] и 28 по Узбекистану [83]) Фиельструп передал Этнографическому отделу Русского музея. В его личном архиве находятся фотоотпечатки по киргизам [84] и казахам [85]. Негативы, к сожалению, не сохранились. Имеется в архиве и незначительное число рисунков, в частности — предметов охоты с ловчими птицами.

Охота с ловчими птицами постоянно интересовала Фиельструпа во время полевых исследований. На основании своих оригинальных материалов им была написана большая статья «Охота с ловчими птицами у киргизов и казахов» (85 стр. машинописного текста и библиография из 39 названий). После краткого исторического введения и характеристики используемых для охоты хищных птиц (как по данным специалистов, так и по сведениям казахских и киргизских знатоков охотничьих птиц) приводятся интереснейшие сведения о ловле, приручении, дрессировке и тренировке ловчих птиц местными охотниками. Способы эти многообразны и достаточно сложны, как многообразны и принадлежности для ловли птиц, ухода за ними и подготовки их к охоте, а также предметы, необходимые непосредственно на промысле. Завершается исследование сведениями о мифических покровителях охотников и ловчих птиц, о верованиях и представлениях, связанных с этим занятием, а также о поговорках и пословицах, характеризующих отношение киргизов к этому виду спорта. Приходится сожалеть, что работа, основанная на богатейшем фактическом материале, собранном с большим знанием и любовью, не была в свое время опубликована [86]. Она в копии Е. М. Пещеревой была передана для использования этнографу Г. Н. Симакову в связи с подготовкой им монографии по охоте с ловчими птицами у народов Средней Азии и Казахстана. Для Русского музея Фиельструп сумел приобрести полный комплект киргизских принадлежностей охоты с ловчими птицами.

Наш очерк о полевых исследованиях Фиельструпа будет неполным, если не сказать о последней его экспедиции — совместной с А. Н. Генко поездке в 1933 гг. на Кавказ, к цахурам и рутульцам, живущим в Южном Дагестане и Северном Азербайджане. Эта поездка, видимо, привлекла Фиельструпа тем, что основным занятием цахуров и рутульцев было



Головные уборы замужних женщин. Казахи. Бывшая Семиреченская губ. 1927 г.

скотоводство (главным образом овцеводство). Коллекция № 5600, собранная Фиельструпом, посвящена именно скотоводству. В коллекцию входят разнообразные предметы (всего 61 экспонат), характеризующие разные стороны быта пастухов: одежду, предметы ухода за скотом, утварь для ведения молочного хозяйства и многое другое.

В описи фигурируют четыре селения: Цахур, Рутул, Шиназ, расположенные в Рутульском р-не Дагестанской АССР, и селение Суагитль, которое находится в Закатальском р-не Азербайджанской ССР. Население Рутула и Шиназа — рутульцы, Цахура и Суагитля — цахуры.

Наиболее плодотворной собирательская работа, очевидно, была в Цахуре, так как большая часть экспонатов была приобретена в этом селении. Коллекция собрана с предельной полнотой. Одежда пастухов, например, представлена как традиционными видами (войлочная куртка и плащ, верхняя одежда и штаны из домотканого сукна, обувь местного изготовления из одного куска кожи, шапка из овчины), так и изготовленная из покупных тканей (нижнее белье, ватная куртка и т. д.). В снаряжение пастуха входил пояс с разного рода подвесками: шило для работ по коже, пинцет для вытаскивания червей и личинок из язв овец, сумочка для мелочей, купорос и квасцы, необходимые при лечении овец, и т. п., а также сумка с инструментарием коновала.

В коллекции представлены большие сумки из кожи, а также ковровой ткани, служившие для переноски и перевозки тяжестей, и многие другие предметы.

Коллекция по цахурам и рутульцам описана так же подробно, как и по другим народам. Однако местная терминология в этом случае отсутствует, что, видимо, объясняется тем, что Фиельструп не знал языка этих народов.

В личном архиве Фиельструпа от поездки сохранились переписанные полевые материалы главным образом по цахурам: по скотоводству (24 стр.) и связанным с ним занятиям — изготовлению войлока (1 стр.) и пряжи (1 стр.) и ковроделию (6 стр.), а также по лудильному делу (1 стр.), играм и гаданию (1 стр.). Имеются единичные записи, сделанные в селениях Суагитль, Гельмец и Ихрек. Все они по скотоводству.

В приведенном очерке сделана попытка кратко охарактеризовать хотя бы самые основные стороны деятельности Ф. А. Фиельструпа как этногра-



Охотник с беркутом. Казахи. Бывший Семипалатинский у. 1927 г.

фа-полевика и музейного работника. Архив ученого настолько богат, что для его более детального описания пришлось бы проводить специальные длительные исследования. Содержащиеся в архиве Фиельструпа материалы — неисчерпаемый первоисточник не только для этнографов, но и для фольклористов, ономастов и лексикологов. Публикация их заполнила бы многие лакуны в наших знаниях по традиционной культуре киргизов, казахов и ряда других тюркоязычных народов нашей страны. Настоящее место Федора Артуровича Фиельструпа в науке будет определено лишь после введения в научный оборот его материалов.

[1] Докладная записка С. И. Руденко хранится в личном деле Ф. А. Фиельструпа в ГМЭ (Ф. 2. Оп. 3. Д. 286); копия ее любезно прислана мне дирекцией ГМЭ.

[2] В личном архиве Фиельструпа (см. ниже) сохранились два варианта вопросника: краткий и более развернутый. Во втором варианте не хватает четвертой и пятой страниц, но они в значительной степени могут быть восстановлены по краткому варианту.

[3] *Фиельструп Ф. А.* Свадебные жилища турецких народностей // Материалы по этнографии. Л. [Изд. Гос. Русского музея], 1926. Т. III, вып. 1. С. 111—122; *Он же.* Молочные продукты турков-кочевников // Казаки (казахи.— *Б. К.*): Сб. ст. антропологического отряда Казакстанской эксп. АН СССР. Исследование 1927 г. (Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Вып. 15). М. [Изд-во АН СССР], 1930. С. 263—301.

[4] *Фиельструп Ф. А.* Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана // Казаки: Антропол. очерки. Л. [Изд-во АН СССР], 1927. С. 78—107. (Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 11. Сер. казахстанская).

[5] В личном архиве Ф. А. Фиельструпа сохранилась копия формулярного списка о службе отца, выданная Главным управлением почт и телеграфов «вдове не имевшего чина Фиельструпа ... для представления куда следует на предмет определения сына в одно из учебных заведений». Приведенные сведения основаны на этом документе.

[6] Приведенные сведения о матери Ф. А. Фиельструпа и его брате, а также о юношеских годах самого Федора Артуровича были сообщены мне Е. М. Пещеревой.

[7] О лекциях Л. Я. Штернберга см.: *Станюкович Т. В.* Этнографическая наука и музеи (По материалам этнографических музеев Академии наук). Л., 1978. С. 157, 158.

[8] Сведения об экспедиции в Южную Америку почерпнуты мною из следующих работ: *Танасийчук В.* Русские студенты в Южной Америке // Наука и жизнь. 1966. № 1. С. 114—125; *Смирнова Н. А.* Вторая русская экспедиция в Южную Америку 1914—1915 гг., ее материалы и коллекции // СЭ. 1966.

№ 6. С. 98—112; *Лукин Б. В.* Из материалов русской научной экспедиции 1914—1915 гг. в Южную Америку // Латинская Америка. 1977. № 1. С. 158—189.

[9] Обстоятельства эти подробно изложены Фиельструпом в его письме Л. Я. Штернбергу. См.: *Лукин Б. В.* Из материалов ... С. 168, 169.

[10] *Лукин Б. В.* Из материалов ... С. 169.

[11] Там же. С. 176, 178, 179.

[12] Там же. С. 185, 186. Надежды Л. Я. Штернберга относительно Генриха Генриховича Манизера не осуществились в связи с ранней кончиной этого талантливого этнографа и лингвиста — он скончался в 1917 г. в возрасте 28 лет. По словам Е. М. Пещеревой, он умер от сыпного тифа.

[13] *Танасийчук В.* Русские студенты ... С. 124, 125.

[14] Библиографию см. в указанных статьях Н. А. Смирновой и Б. В. Лукина.

[15] В докладной записке С. И. Руденко (см. примеч. 2) указан лишь Кавказ; однако, по словам Е. М. Пещеревой, экспедиция Миллера работала и в Барабинской степи.

[16] Об этом свидетельствует и имеющаяся в личном архиве Фиельструпа общая тетрадь со следующей надписью на первой странице: «Дневник. Пребывание на Няшевском кордоне, на Миассовом озере. 1918 год. На Миассовом кордоне. 1919 год.» В записях в этой тетради, в частности, упоминаются поездки Руденко в Омск, Челябинск и другие пункты, а также поездки Фиельструпа в ряд мест, в том числе в Уфу, «где пробыл два дня, добывая материал по племенному составу Уфимской губернии» (с. 34). Неоднократно упоминается и работа над картами Пермской губернии (с. 22, 30). Везде, где архивные данные не указаны, сведения приведены из личного архива Ф. А. Фиельструпа.

[17] *Фиельструп Ф. А.* Этнический состав населения Приуралья // Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран АН СССР. Л., 1926. Т. II.

[18] *Малов С. Е., Фиельструп Ф. А.* К изучению турецких абаканских наречий // Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук (Академия наук СССР). Л., 1928. Т. III, вып. 2. С. 289—304.

[19] Дневник поездки 1921 г. Запись от 22 сентября.

[20] Закрия Кошкарбаев — один из местных работников.

[21] Записи местных терминов и текстов Фиельструпом производились в принятой тогда в изданиях Академии наук СССР транскрипции. Мною же они по профилю издания переданы в русской транскрипции.

[22] Отчет Г. А. Бонч-Осмоловского находится в его личном архиве, который хранится на обработке в Отделе Кавказа ГМЭ.

[23] Там же.

[24] *Бонч-Осмоловский Г. А.* Свадебные жилища турецких народностей // Материалы по этнографии. Л. [Изд. Гос. Русского музея], 1926. Т. II, вып. 1. С. 101—110.

[25] *Жданко Т. А.* Национально-государственное размежевание и процессы этнического развития у народов Средней Азии // СЭ. 1972. № 5. С. 20—29.

[26] Тетрадь с описями музейных коллекций и фото 1924, 1925 и 1926 гг. С. 1.

[27] Там же. С. 3.

[28] Из отчета о поездке 1925 г. (см. примеч. 30). С. 1. В личном архиве Фиельструпа сохранились три развернутых рукописных (перепечатанных на машинке) отчета о его полевых исследованиях в Киргизии в 1924 и 1925 гг.: 1) неозаглавленный отчет о поездке 1924 г.; 2) «Краткое сообщение Ф. А. Фиельструпа о поездке в Семиречье летом 1924 г.» (в конце рукописи карандашная пометка Фиельструпа о том, что рукопись послана в Среднеазиатское отделение Русского географического общества); 3) «Отчет Ф. А. Фиельструпа» о поездке летом 1925 г. (В конце рукописи карандашная пометка о том, что отчет послан в Средазкомстарис и Наркомпрос Киргизстана.) На последнюю рукопись ссылается С. М. Абрамзон, указав, что она хранится в фондах Отделения общественных наук АН КиргССР (см.: *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 119. Примеч. 31). Коллекции, собранные Фиельструпом для Центрального среднеазиатского музея, ныне хранятся в Музее истории АН УзССР (см.: *Русяйкина С. П.* Музейные этнографические фонды как источник для составления Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана // СЭ. 1956. № 4. С. 157).

[29] *Фиельструп Ф. А.* Исследования среди кара-киргиз // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 г. Л. [Изд. Гос. Русского музея], 1926. С. 45—53.

[30] Киргизские материалы 1924, 1925 и 1929 гг. в личном архиве Ф. А. Фиельструпа представлены в следующих рукописях: три дневника — 1924, 1925 и 1929 гг.; пять тетрадей с полевыми записями; на обложке каждой тетради помечен порядковый номер римскими цифрами — II—VI (номером I помечен дневник 1925 г.); одна тетрадь с описями коллекций, приобретенных в 1924—1926 гг., а также с описями фото 1924—1926 гг. и записями расходов.

[31] *Фиельструп Ф. А.* Свадебные жилища ... С. 111—112; *Он же.* Молочные продукты ... С. 263—301.

[32] *Фиельструп Ф. А.* Исследования среди кара-киргиз. С. 47, 48.

[33] Там же. С. 48.

[34] Рукописный отчет о поездке 1924 г. С. 1.

[35] *Фиельструп Ф. А.* Исследования среди кара-киргиз. С. 48.

[36] О киргизских обычаях и обрядах, связанных с новорожденным, см.: *Абрамзон С. М.* Рождение и детство киргиз-

ского ребенка // Сб. МАЭ. М.; Л., 1949. Т. XII. С. 100—103. Богатый материал по этой теме (роды, роженица, младенец) собран самим Фиельструпом как у киргизов, так и у казахов, а также у «минусинских татар» (хакасов).

37 Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков: Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, 1980. С. 132.

38 *Писарчик А. К., Хамиджанова М. А.* Узорные изделия из кусочков материи // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1970. Вып. 2. С. 203—224.

39 *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 317—319; *Кузьмина Е. Е.* Древнейшая фигура верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов // СА. 1963, № 2. С. 38—46; *Вайнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма. М., 1974. С. 23—28; *Акишев К. А.* Образ верблюда в легендах Центральной Азии // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 69—76.

40 *Баялиева Т. Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972. С. 86—88; *Абрамзон С. М.* Киргизы... С. 325—327.

41 В архиве Ф. А. Фиельструпа сохранился снимок казахских похорон начала XX в. в местности Азатбаш под Ташкентом. В нем носилки с покойником также укреплены поперек лошади. Однако у таджиков и узбеков (в частности, городов Шахрисабза и Карши), по устному сообщению Е. М. Пещеревой, труп на лошадь или верблюда клали наискось. В этой связи интересен зафиксированный мною в 1982 г. у узбеков-сартов Ферганы (кишлак Арабмазар вблизи Маргилана) обычай при переносе покойника на кладбище укладывать его вдоль носилок, однако подстилаемую под него циновку класть по диагонали, как наискось же набрасывать на него отрезы тканей и халаты, которыми его закрывают. Имел ли описанный обычай какое-либо символическое значение, выяснить не удалось. Пожилые люди, с которыми я беседовала, объясняли его бедностью населения в прошлом, когда у многих не было средств на приобретение циновки и тканей такой длины, чтобы полностью закрыть покойника.

42 Полевые материалы автора.

43 *Андреев М. С.* К характеристике древних таджикских семейных отношений // Изв. Тадж. ФАН СССР. Сталинабад, 1949. № 15. С. 12—16; *Рахимов М. Р.* Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами, у таджиков Кулябской области // Изв. Отд-ния обществ. наук АН ТаджССР. Сталинабад, 1953. Вып. 3. С. 123; *Писарчик А. К.* Смерть. Похороны // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1976. Вып. 3. С. 141, 142, 188.

44 *Андреев М. С.* К характеристике... С. 14.

45 *Рахимов М. Р.* Обычаи и обряды... С. 123.

46 *Андреев М. С.* К характеристике... С. 15.

47 Там же.

48 Там же. С. 14.

49 *Липец Р. С.* Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 222.

50 *Шерстобитов В. П., Орозалиев К. К., Винник Д. Ф.* Очерки истории исторической науки в Советском Киргизстане (1918—1960 гг.). Фрунзе, 1961. С. 23.

51 По словам Е. М. Пещеревой, в 1927 г. Ф. А. Фиельструп по приглашению А. Ю. Якубовского посетил вместе с ним ряд городов Узбекистана, в частности — Бухару и Шахрисабз. Подтверждает это и поступившая от Ф. А. Фиельструпа в фототеку ГМЭ коллекция № 4597 из 18 отпечатков с видами названных городов.

52 *Масанов Э. А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966. С. 292, 293.

53 Там же. С. 293.

54 Карта маршрута 1926 г. антропологического отряда опубликована дважды: Казаки: Антропол. очерки. Л., 1927 (Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Сер. казахстанская. Вып. 3. С. 6; Вып. 11. С. 4).

55 *Фиельструп Ф. А.* Скотоводство и кочевание... С. 78—107.

56 Там же. С. 82.

57 По сведениям, извлеченным из дневника Фиельструпа, возглавлявшаяся им партия прошла по маршруту Павлодар — Баянаул — Аягуз (Сергиополь) — Урджар — Талдыкурган — Алма-Ата. Работа продолжалась с 22 июня (прибытие в Павлодар) до 10 сентября (прибытие в Алма-Ату) 1927 г.

58 Приведенные цитаты из записей Фиельструпа относительно перекочевок взяты из переписанных самим исследователем материалов, вложенных в отдельную «папку» из сложенных вдвое листов бумаги. На «обложке» надпись: «Казаки. Кочевание и средства передвижения». Приведенные цитаты — со с. 3, 6—8.

59 Хозяйство казахов... С. 243—244.

60 *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Каратауские колесницы // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 141; Хозяйство казахов... С. 57.

61 *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. С. 81; Хозяйство казахов... С. 58.

62 *Рахимов М. Р.* Сельское хозяйство // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1966. Вып. 1. С. 134—137.

63 *Курбангали Халиди.* Таварих-и хамса-и шарки. Казань, 1910. О Курбангали Халиди и его сочинении см.: *Кармышева Дж. Х.* Казахстанский историк-краевед и этнограф Курбан-

гали Халиди // СЭ. 1971. № 1. С. 100—110.

64 *Курбангали Халиди.* Таварих-и... С. 488. Приведенный отрывок извлечен из сочинения Халиди, переведен на русский язык и любезно предоставлен мне Дж. Х. Кармышевой.

65 *Каразин Н. Н.* От Оренбурга до Ташкента: Путевые очерки с семью отдельными листами рисунков и 22 рисунками в тексте. СПб., 1886. С. 7, 8. Знакомству с рисунком Н. Н. Каразина я обязана Р. Д. Ходжаевой, за что выражаю ей искреннюю благодарность.

66 Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. II. С. 419, 423; *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962. С. 250, 251; Узбекско-русский словарь. М., 1959. С. 156 (слово «*жига*»); *Сазонова М. В.* Украшения узбеков Хорезма // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970. С. 123 (Сб. МАЭ. Т. XVI); *Васильева Г. П.* Головные и накосные украшения туркменок XIX — первой половины XX в. // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 178; *Она же.* Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии: Ист.-этногр. очерки. М., 1986. С. 184.

67 *Васильева Г. П.* Головные и накосные украшения... С. 178, 180; *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры... С. 250.

68 *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры... С. 250.

69 *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899. Т. II. С. 190; *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 351.

70 *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. С. 351.

71 *Курбангали Халиди.* Таварих-и... С. 488; Козы Корпеш – Баян Сулу. Алма-Ата. 1967. С. 68.

72 *Касиманов С.* Қазақ халқының қолөнері. Алматы, 1969. С. 189, 227; Қарқара // Сов. каз. энцикл. Алма-Ата, 1975. Т. 6. С. 517. На каз. яз. Знакомству с этими работами я обязана Р. Д. Ходжаевой и Дж. Х. Кармышевой.

73 *Новгородова Э. А.* Периодизация петроглифов Монголии // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (История и культура). М., 1981. С. 40, 168. Рис. 18.

74 *Акишев К. А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978. С. 45, 47. Рис. 62. 63.

75 *Фиельструп Ф. А.* Молочные продукты... С. 263—301.

76 *Фиельструп Ф. А.* Каракосмос Рубрука // Этнография. 1926. № 1/2. С. 259—261.

77 Библиографию см.: *Добродомов И. Г.* «Черное молоко» в Ипатьевской летописи // Рус. лит. 1982. № 3. С. 202—203.

78 *Масанов Э. А.* Очерк истории... С. 293.

79 Последняя коллекция (№ 4689, 12 номеров), как и № 5041 (10 номеров) по киргизам, № 4503 (15 номеров) по узбекам, была передана Фиельструпом в дар музею.

80 Как отмечает А. В. Коновалов, описание некоторых коллекций, поступивших в Этнографический отдел Русского музея в 1920-е годы преимущественно от частных лиц, также было сделано Фиельструпом.

81 Из отчета по командировке 1929 г. (3 страницы машинописного текста). Копия его имеется в личном архиве Фиельструпа.

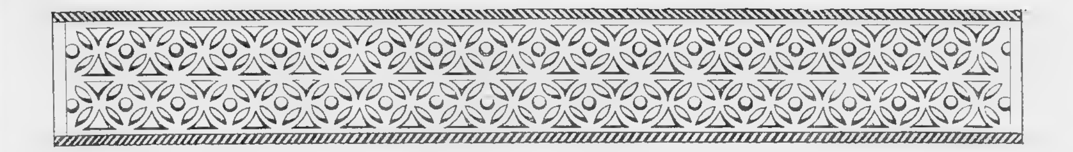
82 Поездки 1925 и 1929 г., коллекции — № 3928, 4419, 4420, 4541, 4594.

83 № 4418, 4596—4598.

84 Поездка 1929 г.— 51 фотоснимок.

85 Поездка 1926 г.— 57 фотоснимков, 1927 г.— 115, 1926 г. (?) — 137 (без описи).

86 Рукопись своей статьи Ф. А. Фиельструп, видимо, не успел вычитать после машинки.



Г. И. Михайлов

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ НАХОДКИ ЭКСПЕДИЦИЙ Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВА В МОНГОЛИЮ В 1900—1920-х ГОДАХ *

Борис Яковлевич Владимирцов (1884—1931) принадлежал к числу выдающихся востоковедов Советского Союза [1]. Круг научных интересов этого ученого отличался необычайной широтой. Он не ограничивал своей научной работы какой-либо узкой областью, а развивал традицию русской науки — комплексность исследования. В его трудах историк найдет для себя много полезного; помогают специалисту открыть новые горизонты и его лингвистические труды. В наиболее выгодном положении окажутся, пожалуй, знакомящиеся с его трудами фольклористы и литературоведы. Не в обиде будут и этнографы, если учесть, что первые работы Б. Я. Владимирцова — преимущественно этнографические [2]. Но экспедиционная деятельность ученого освещена в литературе слабо.

К монголоведению Б. Я. Владимирцов пришел не сразу, хотя тяга к научным занятиям проявилась у него очень рано. В гимназические годы он увлекался естественными науками, затем его захватил интерес к Востоку. Первоначально он решил заняться Японией, однако на восточном факультете Петербургского университета японского отделения не было, монголистику же возглавляли такие крупные специалисты, как В. Л. Котвич и А. Д. Руднев. Так он стал монголоведом [3].

Районы обитания различных монгольских народов подвергались тогда систематическим обследованиям. Дело, начатое учителем, часто продолжали ученики. К. Ф. Голстунский, нашедший в середине XIX в. две песни о Джангаре, главном эпическом герое калмыков, призывал своих учеников искать о нем другие песни. В. Л. Котвич, помня завет своего учителя, все время занимался их поисками. Он отправил к калмыкам Номто Очирова, своего студента, записавшего в два приема десять песен знаменитого джангарчи Ээлян Овла и опубликовавшего их в 1910 г. Даже получив эти материалы, В. Л. Котвич неоднократно просил А. В. Бурдукова, жившего в ойратской среде, записывать песни о Джангаре, известные в ойратских кочевьях, собирать сведения об их бытовании и исполнителях [4]. Собственно, и А. Д. Руднев стал продолжателем дела К. Ф. Голстунского. В поисках материалов, необходимых для диалектологических исследований, он побывал у многих носителей монгольских языков и их диалектов. Собирая народные песни, он записывал не только тексты, но и музыку. В. Л. Котвич и А. Д. Руднев постарались, чтобы и их ученик Б. Я. Владимирцов пошел таким же путем.

Чаще всего наши монголоведы наведывались к калмыкам. В Калмыкию пролегла торная дорожка; по ней в 1907 г. и направили студента Б. Я. Владимирцова в Астраханскую губернию, поручив обследование дербетов ** — одного из ойратских племен. Строго говоря, поездка 1907 г. была не научной экспедицией, а лишь студенческой практикой, поэтому отчет о результатах ее не публиковался. Тем не менее с нее началась систематическая, целеустремленная экспедиционная деятельность Б. Я. Владимирцова. Первая поездка предопределила и характер его даль-

* Статья публикуется посмертно.

** Наряду с этим встречается написание – дэрбэты (*монг.*).

нейших поисков. В следующем году он снова отправился к дэрбэтам, но уже Внешней Монголии. А затем последовали экспедиции к другим ойратским племенам тех же мест.

Экспедиция 1908 г., посланная в Монголию Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, длилась без малого три месяца. Главной целью ее были лингвистические занятия. Соответственно Б. Я. Владимирцов и построил свой отчет Комитету [5]. За подробным описанием маршрута следует сообщение об административном устройстве и правителях дэрбэтов с небольшими этнографическими вкраплениями; большую же часть отчета занимает лингвистический материал, но тем не менее ученый не пренебрег и этнографическими наблюдениями, посвятив им особое сообщение [6], также начинающееся описанием маршрута. 6 июня экспедиция обнаружила несколько стационарных войлочных юрт, служивших подобием кладовых, в которых хранились запасы продовольствия и некоторые вещи. Отметить такой элемент оседлости было крайне важно.

Далее следует описание большого монастыря хана дэрбэтов; имеются описания монастырей и в других местах сообщения. Из них явствует, что позиции ламаизма заметно усилились у дэрбэтов. У них появились новые монастыри, увеличилось в каждом из них число лам, новых хубилганов, людей, считавшихся воплощением святых, богов и реальных деятелей церкви, утвержденных далай-ламой и другими священнослужителями, а также самозванных хубилганов ламаистской богини Дара-эх. В одном из монастырей демонстрировали «мощи», совсем недавно открылось высшее духовное училище.

В описании монастыря хана дэрбэтов приводятся любопытные данные о строительстве и строителях, об архитектуре и ремесленниках. «Все монастырские храмы,— пишет Б. Я. Владимирцов,— построены и раскрашены самими монахами ... При мне переделывался и подновлялся главный храм, подновлялись рисунки на ...фронтоне» [7].

Словом, все делали монголы: русскими и китайскими были только материалы. Строили дэрбэты и жилые дома. Рядом с монастырем находился дворец хана.

Б. Я. Владимирцов установил, что еще в начале XX в. кочевали не только скотоводы, но и ламы. 30 июля ламы первыми направились в Улангом. В это же время двинулись на новые места и скотоводы, чтобы поспеть к уборке урожая. Каждый вид скота дэрбэты гнали отдельно, гнали очень быстро, даже не позволяя по пути щипать траву. Груз везли не только верблюды, но и рогатый скот, включая сарлыков (яки). Маленьких детей везли или на руках, или на верблюдах во вьюках; так же перевозили ягнят и козлят.

Родовой строй у дэрбэтов, сообщает автор далее, изжил себя, но названия родов сохранились; сохранились они и в названии некоторых административных единиц. На перекочевки дэрбэтов оказывали влияние сельскохозяйственные заботы. В каком бы месте ни находился дэрбэт, ко времени пахоты, сева и уборки урожая он устремлялся к своей пашне. Сообщает он и некоторые сведения о жилище, одежде, пище дэрбэтов.

В юрте дэрбэтов Б. Я. Владимирцов обнаружил шесты, подпирающие ее верхний круг, чего у калмыков он не встречал. В остальном существенных отличий не было: «Что касается внутреннего устройства и убранства жилища,— писал он,— оно тоже мало чем отличается от убранства калмыцких кибиток и вполне напоминает убранство халхаских юрт ... Одежда мужчин и женщин не отличается от халхаской» [8].

Б. Я. Владимирцов описывает и развлечения дэрбэтов. Дома они играли в «далу» (игра в кости), «корол» (подобие домино) и «шатар» (шахматы). Говорили ему, что играли дэрбэты и в нарды. «Самой аристократической игрой считаются шахматы, и хорошие шахматисты становятся широко известны в округе» [9]. Во время празднеств устраиваются состязания борцов и конские скачки.

Дэрбэты, писал собиратель, большие любители пения хорового (унисонного) и сольного. Поют они во время обычных занятий, на досуге и на пирах под аккомпанемент смычкового хуура или щипкового товшура. Поются, кроме «шаштыр дун» (духовных песнопений), «айдам дун» (лиро-эпические песни) и «шалик дун» (любовные, свадебные) и др. В монастырях пение запрещено. Допускается оно лишь на монастырских пирах, устраиваемых в дни религиозных праздников для молодых лам: «Собираются поздно вечером молодые ламы, пьют кумыс и беспрерывно поют песни, за этим занятием проходит вся ночь». Сообщается в отчете и еще об одной особенности сложения и бытования песен у дэрбэтов: «Песни дэрбэтов — лирические и лиро-эпические, в них дэрбэты воспевают удалых молодцов, своих красавиц, свои кочевья. Много песен бытовых, существуют песни специфически женские, слагаемые и распеваемые вначале исключительно женщинами. Впоследствии песни такие получают всеобщее распространение, они преимущественно любовного содержания» [10].

Легко было установить наличие у дэрбэтов разнообразных сказок, включая «былины» (эпические сказания), принявшие форму сказки, и пересказы книжных повестей: «У дэрбэтов необычайно распространены пересказы, не облеченные в какую-либо определенную литературную форму, скорее разговоры о рассказах об Амурсане, Кункер-хане и Цаган-хане, т. е. русском царе. Особенно популярен Амурсана» [11]. О нем, например, расспрашивал Б. Я. Владимирцова дэрбэт-табунщик.

Отметил он и новое явление в бытовании: «Мне приходилось слышать, что иногда сказители записывают свои былины, чтобы передать их своим детям; к сожалению, видеть подобные списки мне не удалось» [12].

Б. Я. Владимирцов обнаружил вытеснение ойратской письменности монгольской, причем на этой письменности появляются у них разные сочинения, переводы с тибетского и монгольского, переписываются старые книги.

Постарался Б. Я. Владимирцов выяснить, какие проблемы занимают дэрбэтов. Велись у них разговоры о Цаган-хане, которого одни считают перерождением богини Дара-эх, а другие — потомком Чингисхана. О русско-японской войне они ничего не знали; доходили слухи о войне йевенго (японцев) с маньчжурским императором. Зато об английской экспедиции в Тибет (1903—1904 гг.) знали очень хорошо.

1911 г. Б. Я. Владимирцов отправился в те же места, но уже к баитам, провел там почти четыре месяца, отчет же опубликовал совсем краткий. Вступив на монгольскую землю, он встретился со старыми знакомыми; были, значит, знакомы ему и места их кочевий. Описание маршрута от границы до Хангельцика, где он задержался на два месяца, занимает поэтому всего два абзаца; оттуда он выезжал в различные места баитских кочевий.

Краткость отчета компенсируется отчасти тем, что Б. Я. Владимирцов много фотографировал. Занимался он этим делом в монастыре, сфотографировал даже тамошнего гэгэна (святого). Оказались перед его объективом шаманка и баитская свадьба. Вероятно, фотографировал он и цам (религиозную пантомиму, длившуюся целый день).

В экспедиции были приобретены и кое-какие предметы обихода баитов, собраны 35 рукописей и ксилографов; среди его находок оказалась торговая книга, записи в которой сделаны по-монгольски, но тибетскими буквами. Записано было также много произведений фольклора. Вот эти-то этнографические и фольклорные материалы и явились подлинным отчетом о командировке 1911 г. Уже в самом начале путешествия Б. Я. Владимирцов имел возможность убедиться, насколько велик интерес ойратов к России. Если дэрбэт-табунщик интересовался Амурсаной, то в монастыре хана дэрбэтов чрезвычайно интересовались строящимся в Петербурге буддийским храмом; в самом же Петербурге в это время находились люди, считавшие, что языческому капищу не должно быть места в столице православной Руси.

Тогда же состоялась встреча с хотонами (по происхождению тюркский

народ) и баитами. Первые совершенно омонголились, усвоив дэрбэтский диалект, а свой язык забыв. Ученый мог записать лишь около 150 хотонских слов и выражений, порой непонятных для самих хотонов. От монголов они отличались только религией (ислам).

Главным же объектом обследования в экспедиции были баиты. Б. Я. Владимирцов установил, что язык их во многих отношениях (фонетика, морфология, лексика) отличается от языка их предполагаемых родственников и соседей — дэрбэтов. Прослеживались отличия баитов от дэрбэтов в правах, обычаях, одежде и утвари. Наиболее важным фактом исследователь считал то, что баиты не забыли родовой быт, каждый помнил название своей «кости», соблюдалась экзогамия.

На пути Б. Я. Владимирцова встретились две шаманки — явление сравнительно редкое. Урянхайскую шаманку он застал за камланием, баитская же согласилась покамлать немного только после долгих уговоров. Беседа с нею не состоялась, получить какие-либо сведения об этом культе так и не удалось. Сфотографировать себя она разрешила.

Удачной была другая встреча. О существовании исполнителя героических эпических сказаний — баитского Парчен-туульчи (туульчи — сказитель) он знал и раньше, а на сей раз состоялось знакомство как с самим сказителем, так и с его репертуаром. Частично этот репертуар был опубликован в 20-х годах в оригинале и переводе [13].

Собрание лингвистического материала Б. Я. Владимирцов не мыслил без проведения записей фольклора. Всего он записал у баитов 15 сказок, 30 песен и около 100 пословиц и загадок. Главное же внимание он уделял героическому эпосу. Были записаны три песни и прозаическое сказание о Джангаре, которое представляет особый интерес. Калмыцкий «Джангар» у нас хорошо знали; в Монголии же была записана всего одна песнь. Новая находка явилась доказательством бытования сказаний об этом герое и в ойратской среде.

Б. Я. Владимирцова постоянно влекло в Монголию. Летом 1912 г. в письмах из Парижа и Лондона он писал А. В. Бурдукову о своем сильном желании побывать вновь в Монголии и о том, что завидует В. Л. Котвичу, выбравшемуся наконец-то к монголам [14].

Видимо, в то время его больше всего интересовали мингаты. Сильно ли различаются между собой два западномонгольских (ойратских) племени: мингаты и баиты, спрашивал он А. В. Бурдукова, интересовался его зимовкой среди мингатов. Точную дату, когда Б. Я. Владимирцов снова отправился к ойратам, установить не удается.

Случилось так, что о самой длительной командировке он перед научной общественностью не отчитался. Имеется его беглое сообщение, что «Владислав Людвигович (Котвич.— *Г. М.*) потерял мою рукопись» [15]. Правда, о содержании рукописи в письме ничего не сказано. Вполне возможно, что материалы, содержащиеся в ней, к поездке 1913—1915 гг. отношения и не имели.

Не исключено, впрочем, что в том или ином виде отчет сохранился в архиве Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, финансировавшего все три поездки. Это учреждение не всегда, возможно, печатало отчеты командированных им лиц, но иметь такие оправдательные документы было обязано.

При описании этой командировки приходится пользоваться письмами и отдельными упоминаниями в трудах Б. Я. Владимирцова. В совсем коротеньком письме он сообщал А. В. Бурдукову: «Здесь. Еду. Получил Ваше письмо. Был тронут... Привет. Всех благ. Жду писем. Отморозил два пальца» [16]. К сожалению, нет даты и не указано, откуда отправлено это письмо. «Здесь» означает, вероятно, что отправитель находится в Монголии. За словом же «Еду» скрывается сообщение о маршруте автора письма. Действительно, в марте 1913 г. он прибыл к А. В. Бурдукову. Весной 1914 г. Владимирцов был в Кобдо, где посетил впервые ойратское племя элётов. Оттуда он писал: «Я побывал у мингатов, прожил 15 дней у элетов» [17].

Чем же обусловлен особый интерес Б. Я. Владимирцова к мингатам? Позже, перечислив шесть ойратских племен, он писал: «К этим ойратским племенам примыкают еще мингаты... По происхождению же своему они являются племенем хотогойтским» [18]. Никаких подробностей о мингатах здесь нет; об элетах в том же письме сказано: «...нигде, кажется, я не имел такого хорошего приема, как там» [19]. Все остальные этапы экспедиции также прошли без осложнений [20]. Ученый побывал у ряда других ойратских племен. Далее он сообщал, что едет к захчинам. 29 мая 1914 г. А. В. Бурдуков писал В. Л. Котвичу: «Борис Яковлевич уехал от нас 16 апреля, сперва к мингатам и дамби-элетам, а потом хотел поехать к захчинам и торгутам» [21].

Относительно заключительного этапа экспедиции Б. Я. Владимирцов сообщал: «Планы на будущее я не изменил: в начале апреля думаю двинуться отсюда, объехать Хотогойту и через Тунку вернуться в Россию» [22]. Поездка к хотогойтам оказалась интересной и плодотворной. «...Хотогойтское наречие,— писал он А. В. Бурдукову 16 июля 1915 г.,— страшно интересное, самое, пожалуй, интересное из всех мною слышанных» [23]. Побывав в тех местах, он получил возможность с полным правом говорить о существовании особого наречия у хотогойтов, относящегося к группе халхаских наречий и говоров.

В районе р. Тэс Б. Я. Владимирцов обнаружил много остатков старины. Он видел керексуры (курганы, под которыми скрывались древние захоронения). Попались развалины не то замка, не то крепости, которые монголы считают остатками Сартактан сумэ (храм Сартактая.— *Г. М.*). Разумеется, Сартактай, эпический герой, ничего строить не мог, да и остатки этого сооружения не выглядели храмом. Мнение же местных людей зафиксировать было крайне важно. Известно, что раньше существовал культ Гэсэра, имели хождение поверья, связанные с сакральным отношением к исполнению Джангариады. В начале XX в. живой «перерожденец» эпического героя Дайни-Кюрюля жил в баитском монастыре Пе-Чже-Лин. И легенда о Сартактае интересна прежде всего тем, что свидетельствует о судьбе баатров (батыров), о популярности их в народной среде. Вместе с тем представление об этих развалинах может служить дополнительным доказательством благоговейного отношения аратов к эпическим героям и даже обожествления некоторых из них.

В тех же местах Б. Я. Владимирцову посчастливилось найти небольшую, но чрезвычайно интересную орхонскую надпись. Не обошлось при этом без курьеза: «Найти надпись на Тэс мне помогло одно странное и невероятное для не знающего Монголию и монголов обстоятельство. Дело в том, что тамошние умники стали подозревать, не переродившийся ли я Джа-лама» [24].

Порадовала Б. Я. Владимирцова еще одна находка: «Об Амурсане и Шадар-ване (союзник Амурсаны.— *Г. М.*) нового узнать не пришлось, зато удалось найти большую редкость — хотогойтских тульчи, одного — очень плохого, другого же — очень и очень недурного» [25]. Удовлетворенность собирателя легко понять. В те времена найти хорошего тульчи стоило большого труда. О существовании у калмыков «Джангара» специалисты узнали в самом начале прошлого века, а хорошего джангарчи отыскали только через сто с лишним лет. И не будь Номто Очиров калмыком, выходцем из тех мест, знаменитый Ээлян Овла, возможно, так и остался бы в безвестности. И Парчен-тульчи не занял бы такого видного места в истории фольклористики, если бы Б. Я. Владимирцов не встретился с ним.

Однако и он мог бы пройти мимо Парчена, не окажи ему помощи А. В. Бурдуков, имевший многосторонние связи с ойратами. На протяжении долгих лет он выполнял самые разнообразные поручения Б. Я. Владимирцова; недаром в письме от 2 мая 1912 г. тот писал Бурдукову из Лондона: «Я у Вас вечный должник» [26]. Заметим, что Б. Я. Владимирцов был не единственным должником А. В. Бурдукова, который, как явствует из переписки, много помогал также В. Л. Котвичу и Г. Н. Потанину.

Итак, осенью 1913 г. Б. Я. Владимирцов вновь встретился с Парченом (личное знакомство их произошло летом 1911 г.). В переписке А. В. Бурдукова с В. Л. Котвичем он впервые упоминается 31 октября 1910 г. А 26 апреля 1911 г., за два с половиной месяца до выезда Б. Я. Владимирцова к баитам, В. Л. Котвич писал А. В. Бурдукову: «... Хочу Вас предупредить о приезде к Вам текущим летом моего ученика и друга Бориса Яковлевича Владимирцова ... Я очень прошу заручиться для него каким-нибудь хорошим туульчи, например Парчин тайджи» (тайджи — дворянин.— *Г. М.*) [27].

На сей раз встреча ученого с тульчи не походила на предыдущие. В 1912 г. велись бои за город Кобдо между китайским гарнизоном и ойратами. Среди штурмовавших город был и Парчен-туульчи.

Б. Я. Владимирцов попросил Парчена описать поход и взятие города; тот согласился и через некоторое время явился с готовой поэмой, «которую он вначале пропел перед большим собранием, а на следующий день продиктовал мне; месяца через два, три он, по его собственному заявлению, совершенно уже позабыл свое произведение» [28]. Подобный эксперимент — уникальное явление в истории изучения поэм монгольских народов. Любопытен сам факт создания такой поэмы; интересно и то, что автор вскоре забыл ее, хотя традиционные произведения помнил хорошо.

Запись поэмы не сохранилась, поэтому трудно объяснить такой феномен; опубликованный ее фрагмент мало может помочь [29]. Кое-что из богатого наследия ученого уже удалось обнаружить. Возможно, найдется и интересующая нас рукопись. Тогда можно будет снова обратиться к этому своеобразнейшему произведению Парчена.

Обследовать в экспедиции приходилось огромный район, много времени расходовалось и в пути, поэтому долго задерживаться на одном месте было невозможно. К тому же встречались самые разнообразные объекты, заслуживавшие внимания ученого. Тем не менее он продолжал собирание произведений ойратского фольклора. Позже он писал о публикуемых им материалах: «Есть песни, переданные тщательно, представляющие „настоящий“ текст, но не мало и песен, сообщенных очень небрежно и путано» [30]. В его книге представлены и те и другие.

В этой публикации имеются образцы фольклора мингатов, захчинов, дамби-элетов, торгутов и уряпха. Как много было у ученого таких записей, установить невозможно; достоянием же науки стали 17 песен этих племен.

Случалось Б. Я. Владимирцову в то время заниматься и незапланированными делами. Так, в мае 1914 г. А. В. Бурдуков сообщал В. Л. Котвичу: «Ящик со старыми иконами, который мы с Борисом Яковлевичем получили из старого баитского дугуна (храма.— *Г. М.*), я отправил прямо в адрес музея. В ящике около пуда, и я его послал в конце декабря... бесплатно в адрес Академии наук» [31].

Конечно, не все запланированное осуществлялось. Б. Я. Владимирцов хотел посмотреть пашни в районе Хангельцика, но, кажется, ему так и не удалось побывать там. Разумеется, пашни в стране, населенной искони кочевниками, не могли не привлечь внимания ученого; интересовали они его и прежде. 9 июля 1912 г. он обратился к А. В. Бурдукову с такой просьбой: «... пришлите мне фотографию баитского плуга с подробными названиями всех частей... Напишите, пожалуйста, также, когда точно у баитов начинают пахать» [32].

В общей сложности экспедицией был обследован огромный район, посещены и ойраты, собран разнообразный материал. Тем не менее 16 декабря 1916 г. ученый писал А. В. Бурдукову из Петрограда: «Вообще теперь следовало бы обратить внимание на сказки. Былин мы с Вами записали много, почти все, а вот сказки... сказок-то мало. Записывайте всякие — и дербетские, и халхаские» [33]. Справедливость таких сожалений очевидна. И эпические произведения, как показали более поздние публикации монгольских фольклористов, далеко не все были записаны собирателем, а ойратских сказок в «Образцах», действительно, очень мало.

К тому же принадлежат они только дэрбэтам и баитам. Позже он просил А. В. Бурдукова присылать баитские сказки.

Сожалел, видимо, ученый и о других вольных или невольных недоделках. Уже из Петрограда обратился он с просьбой узнать названия урянхайских хошунов-уделов и названия их родов (ясн). В том же письме он просит А. В. Бурдукова сообщить ряд самых различных сведений, касающихся обработки молочных продуктов, в том числе о бытовых запретах, заклинаниях и пр.: «Очень было бы интересно знать, как и каким образом монголы сохраняют „коронго" (закваску.— *Г. М.*), какие произносят благопожелания-еролы, любопытно было бы также знать табуистические слова для названия молочных продуктов, например „хашин" вместо „ца" (чай.— *Г. М.*). Но интереснее всего выяснить ту роль, какую молочные продукты играют в домашнем и общественном быту монголов» [34].

Мы, со своей стороны, можем пожалеть, что Б. Я. Владимирцов не записал полностью или хотя бы частично репертуар хотогойтского тульчи (имя его не названо), с которым в 1915 году ему довелось встретиться и об исполнительском мастерстве которого он отзывался положительно.

Материалы, собранные Б. Я. Владимирцовым в 1908, 1911 и 1913—1915 гг., не опубликованы полностью, хотя и представляют большую ценность [35]. Издание их обогатило бы монголоведение.

В 1915 г. закончилась подготовка Б. Я. Владимирцова к научной деятельности, и в сентябре он прочитал в Петербургском университете пробные лекции на тему «Состояние письменности и литературы в Западной Монголии» и «О племенах и наречиях Западной Монголии» и был утвержден приват-доцентом.

Пробыв в Монголии свыше двух с половиной лет (1913—1915), он снабдил письмо к А. В. Бурдукову таким постскриптумом: «Меня уже опять тянет в Монголию» [36]. В 1910 г. Б. Я. Владимирцов вступил в брак. Сообщив об этом А. В. Бурдукову, он добавил: «Часто теперь мечтаем о том, как поедем в Монголию». Желание посетить знакомые места и продолжить обследование их было очень сильным, тем не менее тогда ему так и не довелось съездить к ойратам еще один раз. Но счастливый случай позволил ему навестить калмыков на Волге.

Весной 1917 г. калмыки Большедербетовского улуса пригласили В. Л. Котвича и Б. Я. Владимирцова к себе с тем, чтобы они прочли цикл публичных лекций по грамматике калмыцкого языка и по истории монгольской и калмыцкой литератур. В середине июня Б. Я. Владимирцов отправился в Башанту, центр Большедербетовского улуса. В. Л. Котвич приехал туда лишь в июле. Совершенно ясно, чтение лекций не занимало всего времени ученого; он имел возможность и наблюдать местную жизнь. В письме к А. В. Бурдукову читаем: «Башанта (Байшинта) ... во всех отношениях — прекрасное место, тепло, степной воздух, хорошие постройки, отличная гостиница, кумыс, веселое общество... Так славно было очутиться среди степей в патриархальной обстановке» [37].

Конечно же, Башанта в то время была самым крупным и самым благоустроенным населенным пунктом Калмыкии. Слов нет, степные просторы способны радовать глаз, тем не менее всегда приятно встретить жилье. О культурном уровне населения Башанты достаточно убедительно свидетельствует сам факт приглашения туда столичных монголоведов. Поэтому похвалы Б. Я. Владимирцова Башанте легко понять каждому, кто бывал в тех местах. В том же письме сообщалось: «Калмыки Большедербетовского улуса совсем особые; представьте себе, они давно осели, сплошь все живут по-русски, сеют хлеб — словом, живут совершенно так же, как и их соседи — русские крестьяне» [38].

Подвергать сомнению справедливость этих замечаний ученого оснований нет, необходимо лишь внести уточнение относительно степени оседлости калмыков Большедербетовского улуса тех времен. Летом 1927 г. мне самому довелось побывать первый раз в Калмыкии. В Малодербетовском улусе (северная часть Калмыцкой АССР) случалось видеть глинобитные постройки, а в одном из хотонов (поселений) был даже деревян-

ный дом (это в безлесной степи!), предназначенный для школы. Сохранялся еще небольшой запас пиломатериалов. Рядом с будущей школой сооружался жилой дом из самана. В полутора километрах от кибитки, где я жил, располагался зимник со стационарным жильем и огромным зародом сена. Чтобы уберечь сено от скота, зимник был огражден подобием глинобитного дувала. Этот корм показался мне мало похожим на сено; Лиджи Эренджэнов, у которого я жил, заметил мое недоумение и пояснил, что зимой и это сено сойдет за траву».

Б. Я. Владимирцов столкнулся с процессом постепенного перехода исконных кочевников к оседлому образу жизни. С разной степенью интенсивности этот процесс проходил во всех калмыцких улусах, Большедербетовский же продвинулся по этому пути дальше других.

Как филолог Б. Я. Владимирцов не мог не заинтересоваться языком местного населения. По этому поводу в том же письме он писал: «Свою родную письменность они совсем забыли, начинают понемногу забывать и свой родной дербетский говор» [39].

Закончив чтение лекций в Башанте, Б. Я. Владимирцов отправился на целый месяц в Астрахань. Там он тоже читал лекции, встречался с самыми разными людьми.

Встреча Б. Я. Владимирцова с калмыками, продолжавшаяся всего лишь два месяца с лишним, явилась для них крупным событием. Прошло с тех пор много лет, а они еще сохраняли память о пребывании его в своих краях, в чем мне самому удалось убедиться во время посещения Калмыкии в 1978 г.

В уже цитированных письмах ученый неоднократно высказывал желание снова посетить полюбившиеся ему места Западной Монголии. Однако в 20-х годах произошли изменения, связанные с образованием Монгольской Народной Республики. При Академии наук СССР была создана Комиссия по научному исследованию Монгольской и Танну-Тувинской республик. Эта Комиссия и Монгольский ученый комитет сосредоточили свое внимание на Улан-Баторе и прилегающих к нему территориях. В 1925 г. Комиссия АН СССР направила туда экспедицию в составе двух отрядов: этнолого-лингвистического и археологического. Так Б. Я. Владимирцов, возглавив этнолого-лингвистический отряд, оказался в восточной части Монгольской Народной Республики. В это же время там работала экспедиция народного комиссарната просвещения Бурятии. Монгольский ученый комитет предложил Б. Я. Владимирцову возглавить вместе с Б. Б. Барадийном и бурятскую экспедицию, направлявшуюся в Хэнтийский район для обследования мест, связанных с древней историей Монголии.

Задачи этнолого-лингвистического отряда сводились к следующему.

«1. а) Наблюдение над говорами Урги, где сталкивались представители разных монгольских племен, и над говорами района, лежащего на В[осток] от столицы Монголии, как наименее изученными; б) собирание лингвистического и (попутно) фольклорного материала.

2. Ознакомление с ургинским собранием монгольских рукописей и книг.

3. Обследование г. Урги и района, лежащего на В[осток] от города в отношении живой народной старины» [40].

Четвертый пункт предусматривал осмотр исторических мест совместно с бурятской экспедицией. Такими работами этнолого-лингвистический отряд был занят с 19 июня по 15 сентября.

Как указано в отчете, приступая к лингвистической работе, Б. Я. Владимирцов исходил из того, что «халхаское наречие изучено довольно хорошо... Отряд ставил задачей проследить и проверить некоторые детали, относящиеся, главным образом, к фонетике халхаского наречия, и произвести наблюдение над процессом заимствования из чужих языков и родственных наречий» [41].

Далее в отчете констатируется незначительность различий между говорами Восточной Халхи и халха-ургинским. Разница сводится главным образом к использованию лексического материала. Отмечаются особенности

языка халха-монголов, которые не отмечались в наших даже самых лучших грамматиках.

В лексике ученый обнаружил много любопытных явлений, обусловленных требованиями новой жизни; тут и возвращение к жизни забытых слов, и более широкое употребление слов, прежде имевших ограниченную сферу распространения. Наблюдался процесс создания новых слов и терминов, новых речений, биномов (парных слов), появились кальки (буквальный перевод с русского). Усилился процесс заимствования иностранных слов. Если прежде монголы обращались к санскритскому, тибетскому и китайскому языкам, то в 20-х годах заимствовались преимущественно русские слова. В общем же, как писал ученый, «халхаское наречие остается по существу все тем же, приобретая лишь большую гибкость и силу». Коснулся он и монгольского письменного языка, отметив наличие в нем еще большего количества заимствований с русского языка и неологизмов. «Но не это явление,— отмечает он,— производит заметное изменение письменного языка. В гораздо большей степени производят изменения те явления, которые наблюдались в монгольской письменности уже раньше: мы говорим о проникновении в письменный классический язык явлений живой речи, халхаского наречия, об известном компромиссе между старыми традициями письменного языка и данными халхаского говора» [42].

Участники экспедиции интересовались фольклором: записали большое количество песен, несколько шаманских призываний, сказку и с полсотни пословиц и поговорок. Б. Я. Владимирцов отметил при этом, что собранный ими материал «может служить не только лингвистам, но и фольклористам, предоставляя некоторые данные для суждения о современной халхаской ургинской песне и современном шаманстве» [43].

Для иллюстрации он приводит бывшую в 20-х годах популярной песню «Красное знамя», прежде всего обратив внимание на актуальность ее содержания: «Современная халхаская лирическая песня любопытна потому, что она отражает события последних лет» [44]. Тут можно было бы упомянуть, что в новых песнях функционируют главком Сухэ-Батор с его партизанами и противостоящие им атаман Семенов и Найдан-ван. «В песнях этих,— читаем мы дальше,— часто новое любопытно сочетается со старым, традиционным, идущим из дали веков». И приведенная им песня действительно отличается такой пестротой. Там говорится, например, о реальном оружии и покровительстве ламаистских чойжинов и об исторических личностях. Как позже установили, песня «Шиввээ хиагт» и распевалась на мотив старой духовной песни. О форме же песни «Красное знамя» сказано следующее: «По форме песня эта, как и большинство современных халхаских песен, ничем не отличается от старинных монгольских песен... По-прежнему лирические песни халхасов сочиняются на пестром, мешанном языке, где на фоне обычной халхаской речи напластовываются элементы эпического, поэтического языка, элементы старые, или же попадаются целые фразы из письменного литературного языка» [45]. Далее приведена песня, первая строфа которой «является по языку вполне халхаской... А вслед затем в этой песне попадается строфа, составленная на „книжном жаргоне", строфа поется так, как будто бы эту песню распевали, смотря в книгу» [46].

К сказанному Б. Я. Владимирцовым можно добавить, что не только по языку, но и по содержанию обе эти строфы сильно разнятся. Если в первой речь идет о революционных боях, то во второй — о делах XII—XIII вв. Надо думать, включение в новые песни старых элементов или, как в данном случае, целых строф осуществлялось лицами, хорошо знакомыми с поэтическим наследием монголов. Возможно даже, что такие песни чаще читались, чем распевались. При этом исследователь отмечает, что сочинители новых песен «пользуются материалами старых, не прерывают песенной традиции» [47].

Относительно записанных им пословиц собиратель пришел к выводу, что все они принадлежат к обычному типу пословиц, и приводит семь

образцов их, бытовавших в монгольской среде и, действительно, традиционных. Особенно показательна в этом аспекте пословица: «У людей есть старшие, у одежды — воротник». В «Сокровенном сказании монголов» эта пословица звучит так же [48]. Традиционным по форме представляется и еще один образец, относящийся к разряду монгольских триад (трехстиший). В таких пословицах говорится о разнообразных качествах или свойствах. Данный образец посвящен трем хорошим:

> На быстром коне хорошо далеко ехать,
> Острым ножом хорошо есть мясо,
> Женщину, у которой хорошие пальцы, хорошо
> сделать женой [49].

В публикациях тех лет подобные пословицы приводят редко, хотя образцы их встречаются в исторических сочинениях монголов. В наше время их собрано довольно много. Фиксировались и так называемые катрены, отличающиеся от триад лишь количеством стихов.

Много места в отчете занимает раздел «Книжные занятия». Установлено, что Монгольский ученый комитет «имеет довольно значительное собрание рукописей и ксилографов, собрание, которое уступает только ленинградским... Урга сделалась в отношении монгольских рукописей и ксилографов центром, без знакомства с которым трудно обойтись монголисту-специалисту» [50]. В этом хранилище обнаружились многие не известные науке произведения или известные в иной редакции, переводы с тибетского и китайского, «новые южномонгольские издания, свидетельствовавшие об оживлении литературной деятельности на юге Монголии и об ее уклоне в сторону национальных интересов» [51]. Познакомился Б. Я. Владимирцов и с продукцией издательств Монгольской Народной Республики.

Перечислять здесь все находки ученого нет необходимости. Отметим лишь одну из них. Особого внимания, полагал Б. Я. Владимирцов, заслуживает большое сочинение под названием «Сказание о Цзамлин Вангчене», оказавшееся совершенно особой версией знаменитой Гэсэриады. «Подробное исследование этого сказания,— писал он,— должно пролить свет на историю Гэсэриады, обошедшей многие страны Средней и Восточной Азии» [52].

В разделе «Живая старина» содержатся любопытные данные о состоянии монгольского шаманизма в середине 20-х годов. Автор отчета зафиксировал быстро уходящее явление общественной жизни монголов. Он познакомился с двумя шаманами бывшего Цэцэнхановского аймака. Шаманы тех мест «славились по всей Монголии, и везде считалось, что центр и родина шаманизма — Восточная Халха» [53]. На первый взгляд казалось, что служители «черной веры» традиции соблюдают. Перед камланием шаман надевал шлем и накидку, на шею — второе зеркало (первое постоянно носил на спине) и вооружался бубном. Наблюдал ученый и камлание шамана Санжаа, но счел возможным заключить, что сам шаманизм превратился в подобие секты ламаизма. Шаманы, писал он, «вообще смотрят на себя, как на шажин бес, т. е. как на „буддийских шаманов". Как-либо противоставлять себя буддизму им даже в голову не приходит» [54].

Сеанс камлания описан подробно. «Поздним вечером,— писал Б. Я. Владимирцов,— шаман, сев на одну ногу, поставил перед собой бубен и стал читать тибетскую молитву. Тем временем было возжено воскурение из можжевельника... Шаман, продолжая читать полушепотом молитву, быстро оделся... и начал ударять в бубен». Затем началось пение «призывания» уже по-монгольски, часто прерываемое тибетскими стихами и индийской мантрой ом-а-хум. Минут через двадцать шаман остановился и спросил присутствующих, какие у них вопросы к духам? Получив ответ, шаман «опять принялся за камлание. Он стал дрожать, качаться, метаться и дергаться, темп мелодии и боя в бубен ускорился, и петь стал он громко, во весь голос. Мелодия грустная и красивая,

часто слышались рыдания в его дикой песне. Свое пение шаман прерывал иногда насвистыванием какой-то особой мелодии. Потом он стал отфыркиваться и сильно раскачиваться из стороны в сторону. Присутствующие поняли, что... „гений-хранитель низошел"». На вопросы присутствующих дух отвечал, как считалось, языком шамана. Перед окончанием камлания он «зафыркал и откинулся назад на спину. В себя пришел он очень скоро, стал снимать свои одеяния» [55].

Санжаа охотно согласился устроить камлание для Б. Я. Владимирцова, столь же охотно продиктовал ему два призывания. Правда, диктовал он не те стихи, которые исполнял при камлании. То ли он хранил тайну своей профессии от непосвященного, то ли не считал эти стихи пригодными для записи. При камлании ритуал соблюдался неукоснительно, однако ряд обстоятельств свидетельствовал об измельчении всего шаманского ритуала. Вспоминая шаманов Западной Монголии, Б. Я. Владимирцов пришел к выводу, что Санжаа камлал плохо, хотя в своих местах считался хорошим шаманом. «Я сильно подозреваю,— писал он,— что шаманы во время камлания далеко не всегда приходят в бессознательное состояние» [56]. В продиктованных Санжаа призываниях было очень мало шаманского, зато явственно чувствовалось сильное влияние ламаизма. Призывание часто начиналось с обращения к ламаистским святым. Да и в монгольской молитве, прочитанной Санжаа, последние шесть стихов звучали по-тибетски.

Библиотека одной шаманки состояла из маленьких книжек на тибетском языке. «Все эти и им подобные сочинения,— читаем в отчете,— конечно, за исключением последней книжки (№ 9), являются любопытными и характерными для того явления, которое можно назвать буддийско-шаманским синкретизмом. Литература этого рода, конечно, не шаманская, это шаманский отдел северной буддийской литературы» [57].

В июле отряд Б. Я. Владимирцова и бурятская экспедиция соединились. Совместными усилиями собрали большой материал по топонимике. Однако старинные названия, известные по «Сокровенному сказанию монголов», не сохранились почти вовсе [58].

Экспедиция уделяла внимание и археологии. Захоронения встречались часто и содержали много интересных предметов. Попадались и каменные бабы. Отношение к ним у населения двойственное: «Монголы,— установил Б. Я. Владимирцов,— с одной стороны, любят рассказывать о своих „хөшөө чулуу» забавные истории, в которых как-то интимно вводят их в свою жизнь, с другой стороны, выражают перед ними суеверный ужас; каменным бабам приносят различные жертвы, вешают на древних могилах листки с молитвами и мантрами, боясь, как бы каменные бабы не причинили вреда скоту, сбивают с них головы, порой даже уничтожают вовсе или закапывают в землю. Поэтому в Монголии сравнительно редко можно найти каменную бабу in situ» [59].

В 1926 г. Б. Я. Владимирцов снова поехал в Монголию в качестве начальника лингвистической экспедиции, в которой принимал участие В. М. Алексеев. Закончив необходимые приготовления, 7 июля участники экспедиции направились к берегам р. Орхон, а Б. Я. Владимирцов и В. М. Алексеев поехали в Пекин. Об этом путешествии кое-какие сведения имеются. Вероятно, по пути в Пекин они встречались с южными монголами. Не могли просто проехать город Калган, представлявший для монголоведа большой интерес как один из крупных центров Внутренней Монголии.

Обнаружив прошлый раз в Улан-Баторе основательное собрание произведений старой монгольской литературы, Б. Я. Владимирцов в своем отчете писал: «Как много еще нового обещает нам монгольская письменность и настоятельно требует более тщательного изучения монгольских книг в Южной Монголии» [60]. Видимо, главная цель поездки 1926 г. сводилась к ознакомлению с китайскими издательскими центрами и их продукцией.

Некоторые сведения имеются в неопубликованном дневнике В. М. Алексеева. Из его записей явствует, что Б. Я. Владимирцов в Пекине был озабочен именно приобретением книг и рукописей на монгольском языке. «Едем с Борисом Яковлевичем в Сунчжусы,— писал В. М. Алексеев,— где нам приготовлены столь искомые рукописи... Заломили 96. Я глупо и неуклюже торговался, но далее 85 не смог (начал с 45). Выяснилось, что есть целый ряд охотников до всего этого... Разговор чрезвычайно веселый, идет в душном помещении в течение часа, а то и больше. Оканчивается приобретением рукописей — для Б[ориса] Я[ковлевича] триумф» [61]. Думаю, были, вероятно, и другие приобретения. В Монголии иной раз ему просто дарили рукописи. Во всяком случае, в 20-х годах на занятиях в Восточном институте, которые вел Б. Я. Владимирцов, мы читали новеллы Чу Сун-лина, привезенные им в Ленинград, возможно, в 1926 г.

В феврале 1928 г. в Астрахани он принял участие в работе совещания, посвященного созданию калмыками нового алфавита, выработке литературного языка на основе живого народного языка [62]. Попутно он знакомился с ростками новой культуры Калмыкии, общался с писателями, читал некоторые их произведения. Еще ближе познакомился он с калмыцкими учеными, с их научными интересами и с теми проблемами, которые находились в центре внимания не только их самих, но и широкой общественности Калмыкии. Собирался он побывать у них еще раз, но 17 августа 1931 г. жизнь его оборвалась.

Трудно переоценить значение многолетней экспедиционной деятельности ученого, трудно и осветить ее в полной мере в краткой статье. Редкий из его современников отдал столько сил и времени самому тщательному обследованию жизни разных монгольских народов. Экспедиция 1913—1915 гг. по продолжительности своей и по обилию собранных материалов не имела в то время себе равных. Он побывал и в необследованных районах, и в обследованных.

Для всех его экспедиций, как уже упоминалось, характерен комплексный метод обследования. Его отчеты богаты этнографическими материалами, содержат сведения о языке и диалектах, о фольклоре и литературе, об умонастроениях людей, с которыми он встречался. Находили в них отражение и археологические интересы Б. Я. Владимирцова. Отчеты и сообщения его, часто содержавшие научные открытия, неизменно вызывали большой интерес; сохраняют они свою ценность и теперь.

Сообщения о литературе и фольклоре, состоянии письменности дополнялись книгами и рукописями, добытыми в Монголии, и фольклорными записями. В других случаях он представлял учреждению, командировавшему его, серию уникальных фотографий. Привозил и предметы домашнего обихода ойратов, археологические коллекции. Вещественные материалы, привезенные им из экспедиций, нередко служат первоисточником знаний о Монголии. В настоящее время они находятся преимущественно в архивохранилищах Ленинграда.

В. М. Алексеев, спутник по экспедициям Бориса Яковлевича Владимирцова, в своих воспоминаниях о нем ярко обрисовал его облик — «редкостный характер» и научную самоотверженность. Это был «ученый с обильною мыслью на обильном материале». «Он прежде всего взял все, что мог (и что мог только он),— писал В. М. Алексеев,— от русской школы как по своей ближайшей специальности, так и по соседним и, наконец, по дисциплинам, редко привлекавшим к себе обычного востоковеда». «Неутомимый в экспедициях и странствиях, из которых многие были рискованны донельзя, он кочевал... вместе с окрестными номадами и, исходив таким образом всю Монголию, сумел сродниться с монголами. Борис Яковлевич был деятелем и среди нас, и в Монголии. У нас он всюду был вдохновителем научного поиска и строго научного преподавания, для монголов это был постоянный научный консультант Монгольской и Бурятской республик, создавший им кадры научных деятелей из их же среды» [63].

[1] Биобиблиографические данные о Б. Я. Владимирцове см.: *Владимирцова Лидия.* Предисловие. Список научных трудов академика Б. Я. Владимирцова // Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. V—XI; Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. М., 1958. С. 3—11; Иностранные ученые-монголоведы. Улаанбаатар, 1975. С. 12—21. На монг. яз.

[2] *Владимирцов Б. Я.* Легенда о происхождении дэрбэтских князей // ЖС. 1909. Вып. II—III. С. 35—37; *Он же.* Этнографические мелочи из жизни кобдоских дэрбэтов // ЖС. 1909. Вып. IV. С. 97—98; *Он же.* Этнографические мелочи из жизни монголов // ЖС. 1910. Вып. I—II. С. 172.

[3] *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. С. III.

[4] *Бурдуков А. В.* В старой и новой Монголии. М., 1969. С. 222, 232, 244.

[5] Отчет Б. Владимирцова о командировке к дэрбэтам Кобдинского округа летом 1908 г. // Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1909. № 9. С. 47—60.

[6] *Владимирцов Б. Я.* Поездка к кобдоским дэрбэтам летом 1908 г. // Изв. РГО. 1910. Вып. VIII—X. С. 323—355.

[7] Там же. С. 327.

[8] Там же. С. 346—347.

[9] Там же. С. 351.

[10] Там же. С. 352.

[11] Там же. С. 353.

[12] Там же.

[13] Монголо-ойратский героический эпос / Пер., вступ. ст. и примеч. Б. Я. Владимирцова. Пб.; М. 1923; *Он же.* Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия). Л., 1926.

[14] *Бурдуков А. В.* В старой и новой Монголии. С. 331. 336.

[15] Там же. С. 346.

[16] Там же. С. 340.

[17] Там же. С. 341.

[18] *Владимирцов Б. Я.* Образцы... С. II.

[19] *Бурдуков А. В.* В старой и новой Монголии. С. 341.

[20] Там же.

[21] Там же. С. 282.

[22] Там же. С. 343.

[23] Там же. С. 344—345.

[24] Там же. С. 344. Речь идет о Джа-ламе, объявившем себя потомком Амурсаны. О дальнейшей судьбе Джа-ламы подробнее см.: История Монгольской Народной Республики. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983. С. 235—236; Рерих Н. К. Избранное. М., 1979. С. 128—129; Рерих Ю. Н. По тропам Срединной Азии. Хабаровск, 1982.

[25] *Бурдуков А. В.* В старой и новой Монголии. С. 334.

[26] Там же. С. 332.

[27] Там же. С. 252.

[28] Монголо-ойратский героический эпос. С. 41.

[29] *Владимирцов Б. Я.* Монгольские сказания об Амурсане // Вост. записки. Л., 1927. Т. 1. С. 271—282.

[30] *Владимирцов Б. Я.* Образцы... С. VI.

[31] *Бурдуков А. В.* В старой и новой Монголии. С. 282.

[32] Там же. С. 337.

[33] Там же. С. 359.

[34] Там же. С. 357.

[35] См. описание их в печати: Обозрение архивных материалов. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 281; Архивное обозрение. Л., 1971. Т. 6. С. 138—139.

[36] *Бурдуков А. В.* В старой и новой Монголии. С. 347.

[37] Там же. С. 364.

[38] Там же. С. 362.

[39] Там же. С. 363.

[40] *Владимирцов Б. Я.* Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Северная Монголия. Л., 1927. II: Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. С. 1.

[41] Там же. С. 2.

[42] Там же. С. 5.

[43] Там же. С. 6.

[44] Там же.

[45] Там же.

[46] Там же. С. 6—9.

[47] Там же.

[48] Там же. С. 11.

[49] Там же.

[50] Там же.

[51] Там же. С. 14.

[52] Там же. С. 12.

[53] Там же. С. 20.

[54] Там же. С. 21.

[55] Там же. С. 27.

[56] Там же. С. 22.

[57] Там же. С. 35.

[58] Там же. С. 38.

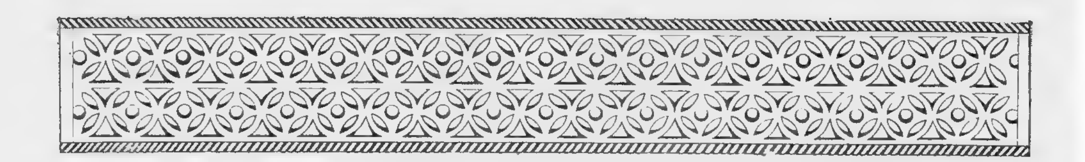
[59] Там же. С. 41.

[60] Там же. С. 20.

[61] См.: *Рифтин Б. Л., Семёнов В. И.* Монгольские переводы старинных китайских романов и повестей // Литературные связи монголов. М., 1981. С. 248.

[62] См.: *Михайлов Г. И.* Из наследия академика Б. Я. Владимирцова: (Выступление на совещании по транскрипции и орфографии калмыцкого языка). // Mongolica. Памяти академика Б. Я. Владимирцова (1884—1931). М., 1986. С. 10—22.

[63] *Алексеев В. М.* Памяти академика Б. Я. Владимирцова // Алексеев В. М. Наука о Востоке: Статьи и документы. М., 1982. С. 43, 44, 46.



А. Л. Налепин

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Е. ОНЧУКОВА

Русский Север издавна привлекал внимание фольклористов и этнографов. В силу различных обстоятельств этот край до последнего времени сохранял черты быта прошедших столетий, а также многие жанры фольклорных произведений, которые уже исчезли в других районах нашей страны. В XVIII в. на Север отправляются первые научные географические экспедиции, а с XIX в. начинается фольклорно-этнографическое исследование этого района. Работа нескольких поколений ученых дала возможность подвести некоторые итоги изучения этого региона и, в частности, создать целостную картину бытования фольклорных произведений на Русском Севере. Важную роль в этом сыграл известный русский фольклорист Николай Евгеньевич Ончуков.

Он исследовал жизнь народа в различных аспектах — как этнограф, историк, археолог, лингвист, но все же на первое место он ставил изучение фольклора. Ончуков был одним из немногих ученых, проводивших комплексное изучение Русского Севера. Чем бы он ни занимался, все труды его вносили заметный вклад в отечественную фольклористику и этнографию — будь то записи былин на Печоре, исследования по истории старообрядчества на Низовой Печоре или же народной драмы. Сборник «Северные сказки», по словам В. Д. Бонч-Бруевича, был высоко оценен В. И. Лениным, который охарактеризовал записанные Ончуковым сказки, как «подлинное народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни» [1].

«Первый, кто применил методику Гильфердинга к сказкам, был Н. Е. Ончуков,— писал М. К. Азадовский.— „Северные сказки“ были первым сборником, в котором материал был распределен не по сюжетам, а по сказочникам, и в котором были сообщены подробнейшие сведения о сказочниках, об условиях бытования сказки в крае, об отношении к ней населения, об отражении в сказках местной природы и быта и т. п. Этому сборнику предшествовал том „Печорских былин“ (1904 г.), изданный в том же плане». С уважением отзывался о трудах Ончукова С. Ф. Ольденбург, предлагая присудить ему за сборник «Северные сказки» большую золотую медаль Географического общества, Е. Н. Елеонская [2] и др. Выход «Северных сказок» имел огромное значение для всей русской фольклористики и был первым в серии сборников подобного типа (Д. К. Зеленина, Б. и Ю. Соколовых [3] и др.)

Между тем деятельность Ончукова почти не изучена. До Октябрьской революции появлялись лишь рецензии и статьи о его «Северных сказках» и «Северных народных драмах», а ранний период его работы, время создания «Печорских былин» почти не был освещен. Лишь А. Д. Григорьев попытался в какой-то мере обобщить результаты поездок Ончукова в 1900—1902 гг. в своей карте «мест Крайнего Севера Европейской России, в которых были записаны старины ... сборников Киреевского, Рыбникова, Гильфердинга, Маркова, Ончукова и моего» [4] (см. приложение к т. 3 его «Архангельских былин», 1910 г.).

После Октябрьской революции деятельность Ончукова также рассматривалась лишь эпизодически. В упомянутой книге М. К. Азадовского работы Ончукова рассматриваются в общем потоке развития русской фольклористики. В Большой Советской Энциклопедии (1939 г.), по сути дела, дана общая оценка деятельности ученого без биобиблиографических данных. В Краткой литературной энциклопедии [5] содержится наиболее полный материал об Ончукове, хотя и его нельзя назвать достаточным. К. В. Чистов в своей статье об Ончукове рассматривает лишь сборник «Северные сказки», а работа Н. С. Петрыкиной посвящена их лингвистическому анализу. Лишь в 1968 г. была опубликована статья Ю. Н. Чекрыжова, в которой внимание ученых было вновь привлечено к деятельности этого крупного фольклориста, а в 1982 г.— Т. Г. Ивановой [6].



Н. Е. Ончуков

Личный фонд Н. Е. Ончукова хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ СССР) и содержит 200 единиц хранения [7]. Материалы эти относятся в основном к послереволюционному периоду его научной деятельности. Эти работы, большинство из которых до сих пор не опубликовано и остается неизвестным для этнографов и фольклористов, позволяют подробнее представить жизненный путь Н. Е. Ончукова.

Николай Евгеньевич Ончуков (3.III 1872 г.— 6.III 1942 г.) родился в семье кустаря-скорняка. Впечатления детства легли в основу его неопубликованной этнографической работы «Выделка кож в Сарапуле» [8], где он воссоздал обстановку провинциального кустарного производства. Как у любого русского разночинца, путь Ончукова к знаниям был труден: получение образования легло нелегким материальным бременем на его семью. В автобиографии (1917 г.) он писал: «Учился сначала в приходском, затем в уездном училище, в среднюю школу поступить не было средств. Но в 18 лет, в 1890 г., удалось все же не без труда поступить в Казанскую школу лекарских помощников. В 1892 г., только что перейдя на 3-й курс, сам вызвался работать на свирепствовавшей тогда холере сначала в родном Сарапуле, затем в Чистопольском уезде Казанской г. От военной службы был освобожден навсегда: страдал грыжей, был искривлен позвоночник и имел плохое зрение. Окончил школу и поступил фельдшером в село Сосновку (Удмуртский край), где пришлось работать на эпидемии тифа, скарлатины и дифтерита и где заразился тяжелой формой пятнистого тифа. Выздоровев, два года заведовал самостоятельным фельдшерским пунктом в селе Насадки Пермского уезда и губ. Но потянуло в город к книгам, театру, и я перебрался в Пермь и за неимением мест в земстве пришлось взять должность фельдшера в пересыльной тюрьме. Но недолго пришлось поработать здесь (с полгода): за сношение с политическими (Медынцев и др.), за передачу им писем, книг и пр., тюремным инспектором (Взвосков) был уволен со службы и отдан под надзор жандармской власти. Еще работая в тюрьме, завел сношения со столичной прессой („Неделя“, „Сын Отечества“, „Северный Курьер“ и др.)» [9].

Ончуков стал активно заниматься журналистикой еще в 1897 г., когда в газетах Перми и Екатеринбурга появились его первые фельетоны на злободневные темы. Он сотрудничал в таких провинциальных изданиях, как «Вятский край», «Пермский вестник», «Урал», «Рудокоп», «Северный край» и др. Сам ученый считал 1899 г. началом своей научной деятельности, когда в «Сборнике Пермского земства» были напечатаны его первые три статьи, посвященные библиотечному делу. Журналистская деятельность и частые поездки позволили Ончукову детально узнать жизнь Пермского края и во многом способствовали успеху его первой этнографической экспедиции на Вишеру, Колву и Печору. Долгие годы Ончуков считал журналистику главным делом своей жизни и весьма скромно отзывался о своих научных исследованиях. Недаром в автобиографии Ончуков скупо пишет о петербургском периоде своей жизни: «Я уехал в Петербург и стал сотрудничать в газетах, а по летам получал командировки от Географического общества и ездил на Север для этнографических исследований. С 1900 по 1908 год объехал весь север России и часть Пермской губ. и напечатал ряд статей в этнографических журналах и целых три книги („Печорские былины", „Северные сказки" и „Народные драмы"), за что получил от Географического общества одну серебряную и две золотые — малую и большую золотые медали (см. Отчеты Географич. об-ва). За это же время я успел окончить вуз — Археологический институт в Петербурге» [10]. Между тем именно в этот период он выдвинулся в авангард отечественной фольклористики, стал активным членом кружка, группировавшегося вокруг журнала «Живая старина», где сотрудничали Д. К. Зеленин, М. Б. Едемский, В. Н. Чернышев и др. Деятельность группы поддерживали и поощряли такие ученые, как А. А. Шахматов и В. И. Ламанский, которого Ончуков считал своим учителем. Он «вообще первый направил меня на занятия этнографией» [11],— писал Ончуков. С 1900 г. благодаря поддержке Шахматова и Ламанского Ончуков стал «членом-сотрудником» Русского географического общества по Отделению этнографии.

Сотрудничество в петербургских газетах не давало Ончукову гарантированного заработка, а этнографические поездки представляли возможность, хотя бы на летний период, не изыскивать средств к существованию, так как Географическое общество выделяло для этих целей определенные суммы. В «Отчете» Общества за 1902 г. сохранились, например, сведения, что на поездку в Печорский край Ончуков получил 360 рублей [12]. Кроме того, Ончуков заключал с некоторыми газетами соглашения о публикации корреспонденций из своих поездок. Весьма характерным в этой связи является письмо Ончукова издателю газеты «Новое время» А. С. Суворину, написанное в том же году: «Недавно возвратившись с Печоры и работая, по желанию Владимира Ивановича Ламанского, над докладом в Географическое общество, я до сих пор крайне мало сделал в „Новое время" для погашения моего долга Вам. Кроме того, поступил еще вольнослушателем в Археологический институт, что также отнимает немало времени. Очень прошу, Алексей Сергеевич, извинить меня за медленность,— по окончании доклада (в ноябре) займусь работой в „Нов[ом] вр[емени]" всецело.

На Печоре я открыл существование былин, до сих пор там только предполагавшихся, образцы которых переданы Влад[имиром] Иван[овичем] 2-му отделению Академии наук и будут напечатаны в „Известиях" отделения. Кроме материала по этнографии общего характера, я приобрел на Печоре несколько памятников древней русской письменности и очень интересную раскольничью рукопись (еще никем не изданную) о самосожженцах на реке Пижме. Еще раз приношу Вам, Алексей Сергеевич, глубокую благодарность за содействие по поездке на Печору и остаюсь всегда готовый служить. Н. Ончуков» [13].

Первая экспедиция Ончукова состоялась летом 1900 г., когда «с открытым листом Императорского Русского географического общества в качестве собирателя материалов по этнографии» он ездил на Вишеру Чер-

дынского уезда. Исследовав район р. Вишеры, Ончуков «проехал еще всю Колву, всю населенную Унью и Печору в пределах Чердынского уезда». Часть маршрута вместе с Ончуковым проделал вольнослушатель Художественного училища при Академии художеств П. П. Беркутов и фотограф из Чердыни Юхнев. Поездка заняла около двух месяцев, и за этот срок, передвигаясь пешком, на лодках, лошадях, Ончуков собирал этнографический материал. Собиранием фольклора он практически не занимался, лишь однажды записал несколько фольклорных текстов: «Мы прожили в Сыпучих два дня — художник писал этюды, а я записывал песни» [14].

На Вишере его заинтересовали памятники языческих культов вогулов (манси). Он расспрашивал жителей о местах, где они сохранились, осмотрел так называемый «Полюд-камень», пытаясь найти пещеру, где совершались культовые обряды. В районе горной Вишеры ему удалось узнать историю другого памятника, который местные жители называли «Писаный камень», по преданию стоявший на границе между владениями русских и вогулов. Ончуков привел координаты этого памятника, сообщил о его размерах, надписях и рисунках на нем, а также записал легенды, связанные с этим местом. Из Чердыни он переехал в деревню Усть-Улс, которая заинтересовала его главным образом тем, что жители ее были «обрусевшими вогулами». Он подробно зафиксировал детали их быта и образа жизни, занятия, религию, провел лингвистические исследования. Они не знали уже никакого языка, кроме русского, «у них русская одежда, все они православные, одни с русскими интересы...» [15].

Ончуков посетил этот район в период его промышленного роста, и его наблюдения ценны также тем, что показывают, как изменился уклад жизни населения «обрусевших вогулов» — что сохранилось, а что исчезло вместе с развитием капиталистической промышленности в этом «вишерском Париже», как он называл Усть-Улс. Ончуков зафиксировал динамику уклада жизни, что дало ценный материал не только для этнографов, но и для историков, занимающихся проблемами капиталистического развития ранее отсталых районов [16].

В путевых очерках Ончукова много обличительного материала: он писал об эксплуатации вогульских рабочих при постройке завода Кутима, об использовании детей в качестве «гонщиков» лошадей на Велсинском заводе. Однако главное для него — этнографические исследования, и поэтому он записывает рассказ старика вогула о последнем вогульском князе, после убийства которого вогулы «подошли под русского царя»; посещает культовую пещеру в районе Велсинского завода, рассказывает об археологических раскопках, производившихся в этой пещере.

Видимо, вогульская культура заинтересовала Ончукова, и вместе с художником Беркутовым они совершили поездку и к кочевым вогулам. Ончуков подробнейшим образом описал эту поездку: дорогу, почву, деревья, погоду и т. д.— и все это подробно, с пониманием важности подобных деталей. В книге нет иллюстративного материала, но рассказы воссоздают живую картину вогульского быта. Ончуков привел размеры чума, сообщил о материале, из которого он изготовлен, о его внутреннем убранстве. Он рассказал и о религиозных верованиях и церемониях кочевых вогулов, об их посуде, о том, как готовится пища, и т. д. Ончуков дал также подробное этнографическое описание русского населения, живущего по р. Вишере.

Весь июнь и половину июля 1900 г. провел Ончуков на Вишере, а затем отправился на Колву и Печору к раскольникам. «Мечта моя,— писал он,— была пробраться с Колвы на Печору, а оттуда сплыть до устья ее и через Архангельск воротиться в Петербург». В первую очередь интересовал его район по Колве, ограниченный деревнями Ветлан и Тулпан. Когда-то «эта местность была частью, отвергаемой, впрочем, многими учеными, мифической Биармии или Биармландии, страны с довольно высокой культурой, торговой, сносившейся как с далеким Востоком, так и с европейским Западом». Следов Биармии Ончуков не нашел.

С горечью писал он о памятниках старины, которые погибли от огня или от «косности или непростительного индифферентизма лиц, хранить древности которым, казалось бы, прямая обязанность». Сам Ончуков составил подробное описание иконостасов и архитектуры церквей в селах Вильгорт, Цыдва, Янидор, Искор, Ныроб.

Поднимаясь вверх по Колве, Ончуков провел целый комплекс исследований. Изучал назначение и устройство лодок на Колве и записал их местные названия, дал описание реки, посетил пещеру, которая, по его мнению, была «чем-то вроде языческого капища, ибо при ломке камня на дне ее нашли много различных древних вещей и что-то, что крестьяне называли мне „чудскими иконками"». В Тулпанской волости он встретился с живущими там старообрядцами, и тема раскола с его многочисленными ответвлениями захватила его. Изучая историю раскола в Тулпанской волости, он попытался обнаружить воспоминания о протопопе Аввакуме и Иосифе Истомине, которые занесли раскол в Пермский край. Однако, писал Ончуков, «наблюдения над раскольниками на Колве не удовлетворили меня, и я вздумал съездить на Унью и на Печору». Попутно составляя этнографические заметки о районе р. Уньи, он, наконец, попал на Печору в деревню Усть-Унья и, продвигаясь вверх по Печоре, дошел до деревни Камешок: «Камешок — это последняя деревня и вообще какое-то бы ни было жилье на Печоре к вершине» [17].

Два месяца длилась эта поездка, была охвачена огромная территория, и собран обширный и ценный этнографический материал, который лег в основу его работы «По Чердынскому уезду». Одновременно он готовил работу о тулпанских раскольниках, но, отвлекшись другими исследованиями, оставил этот замысел неосуществленным.

Ончуков работал не в стационарных условиях, но тем не менее материал, собранный им, не носит отпечатка спешки: это обстоятельно записанный материал, который трудно получить, даже работая стационарно.

В 1901 г. Ончуков продолжил полевую работу в бассейне Печоры. На этот раз он поехал на среднюю и нижнюю Печору с целью записывать былины. Интерес к былинам возник у него во время поездки по Чердынскому краю. На Вишере, в деревне Велгура он записал два небольших отрывка про «Микиту Добрынтьевича», затем в Усть-Улсе, Голоскове и Акчиме пытался также сделать записи, но безрезультатно: люди неохотно сообщали Ончукову сведения о былинах. На Колве и на верхней Печоре «о былинах слышно плохо, и ничего я там, хотя и был, не записал, хотя утверждать, что былин там нет, не решаюсь» [18].

С Печорой Ончуков связывал большие надежды: «Зная, что два года назад г. Марков записал свои „Беломорские былины" на Зимнем Берегу Белого моря, а А. Д. Григорьев в Поморье, я, естественно, поинтересовался, нет ли былин и на Печоре, хотя наличность их там одним из прежних исследователей-этнографов и отрицалась». Против бытования былин на Печоре говорили сведения С. В. Максимова, прожившего в Поморье, на Мезени и на Печоре 1855—1856 гг. и утверждавшего, что на Печоре про былины он «даже не слыхал», а также данные Ф. М. Истомина, который специально интересовался былинами, два раза был на Печоре (в 1889 и 1891 гг.) и пришел к твердому убеждению, что былин на Печоре нет.

В пользу же существования былинной поэзии на Печоре говорили факты, основанные на выводах, опирающихся на собственные поездки Н. Е. Ончукова по Чердынскому уезду, а также материалы экспедиции других фольклористов, например А. Д. Григорьева, сообщавшего, что и «на Печоре знают старины в окрестных деревнях подле Усть-Цыльмы и поют их еще и теперь». Позже Ончуков написал, что, действительно, «слава сказителей былин на Печоре, можно сказать, гремела не только на самой Печоре, но и далеко за ее пределами» [19]. Марков, Григорьев и Ончуков повторили маршрут Истомина, который был в этих местах за 10 лет до них, и результаты их поездок не только опровергли вы-

вод Истомина, но и были поистине ошеломляющими: Марков в результате своих поездок выпустил том «Беломорских былин», а Григорьев три тома «Архангельских былин». Ончуков был исследователем, поставившим точку в споре о существовании былинной поэзии на Севере.

Русский Север конца XIX — начала XX в. был в некотором смысле местом уникальным. В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» охарактеризовал экономику Севера в эти годы следующим образом: «Не говоря уже об Азиатской России, мы имеем и в Европейской России такие окраины, которые — вследствие громадных расстояний и дурных путей сообщения — крайне еще слабо связаны в хозяйственном отношении с центральной Россией. Возьмем, напр., „дальний север" — губернию Архангельскую; необъятные пространства земли и природных богатств эксплуатируются еще в самой ничтожной степени» [20]. Ончуков писал: «За редкость на Печоре телеги, ездят все больше верхом, а кладь возят на волокушках, и тут же, в этих бездорожных селах, тянутся столбы телеграфа, проволока которого, как нервы, соединяет этот живой кусочек давно прошлой жизни с действительностью XX-го века, кипящего в остальной России» [21].

Поездке предшествовала кропотливая подготовительная работа; был составлен маршрут, изучена литература по истории, географии и экономике Русского Севера. Особенное внимание было уделено Ончуковым работам И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецковского, В. Н. Латкина, С. В. Максимова, Ф. М. Истомина, П. С. Ефименко и др. Однако время поездки на Печору в 1901 г. Ончуков все же выбрал неудачно. Выехав из Петербурга в июне, он «приехал на Печору чуть ли не к Петрову дню». С. В. Максимов писал: «Чтобы добраться туда обычным, самым употребительным летним путем... надо истратить целый месяц и испытать целый месяц десятки препятствий и сотни приключений... Посещение Печоры летом — подвиг» [22]. В июне-июле Печора окончательно освобождается от льда и население занимается рыбной ловлей, ему не до песен. Тем не менее Ончукову удалось записать семь былин, а главное, его предположения о существовании былинной поэзии на Печоре подтвердились.

Эта поездка помогла ему также и в организационном плане. Он точно установил наилучшие сроки записи: это время «от Пасхи до вскрытия Печоры, т. е. время распуты, так как по вскрытии Печоры часть крестьян сейчас же начинают ловить рыбу и кончает это занятие глубокой осенью, когда Печора встанет». Однако приехать раньше тоже было нельзя, так как «я рисковал долго прожить на Печоре без дела, и это непременно бы случилось, если бы я приехал на Печору еще в Великом посту, особенно на его последних неделях печорцы-раскольники, да и печорцы-православные едва ли стали мне петь что-нибудь светское в это время».

Далее, Ончуков всесторонне изучил население низовой Печоры: его историю, религию, быт. Он понимал, что «прежде всего совершенно необходимо полное уважение к убеждениям населения, в особенности к его верованиям, насколько бы они отсталыми и даже дикими ни были в ваших глазах» [23]. Равноправные отношения с населением, которое с недоверием относилось к человеку из столицы,— этот завет П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга [24] Ончуков всегда помнил и применял в своей работе. Именно в забвении этого принципа видел Ончуков причины неудач Ф. М. Истомина, который «важным барином ездил по Печоре. Останавливаясь на съезжих избах, как крупный петербургский чиновник, он приказывал явиться к себе старшине, старосте и „приказывал" привести к себе песенников. Результаты... — самые плачевные» [25].

Ончуков даже с некоторым удивлением отмечал, «что несмотря на то, что Усть-Цильма село раскольничье, а Вишера чисто православная, мне большего труда стоило записывать песни на Вишере, чем былины на Печоре... И я уверен, что, если бы я приехал на Печору только хотя месяцем раньше, записи былин достигли бы, по крайней мере,

сотни». Доклад Ончукова в Географическом обществе произвел настоящую сенсацию. «В этом докладе,— сообщалось в отчете Общества,— особенный интерес возбудило известие Н. Е. Ончукова о записи им нескольких былин, а также и выраженная им надежда, что при внимательном отношении к делу может представиться возможность записи гораздо большего количества этих народных произведений. Вследствие этого Отделение этнографии и командировало... Н. Е. Ончукова в Печорский край специально для записи былин» [26].

Ончуков выехал из Петербурга на Печору 2 апреля 1902 г., имея при себе «Открытый лист» Географического общества. 5 апреля Ончуков прибыл в Архангельск, 7 апреля в справочном отделе «Архангельских губернских ведомостей» появилось сообщение: «Прибыл в Архангельск член-сотрудник императорского Русского географического общества Николай Евгеньевич Ончуков — для исследования р. Печоры». «Открытый лист» обладал большой силой, но «сам по себе в деревне мало значил для какого-нибудь станового пристава, а тем более для урядника — нужно было в губернском городе сходить к губернатору, чтобы он на основании вашего листа из столицы сделал распоряжение своим подчиненным — исправнику этого уезда, куда вы едете, а тот приставам, а те урядникам, иначе всяко могло с вами выйти» [27]. Впрочем, встретиться с архангельским губернатором контр-адмиралом Н. А. Римским-Корсаковым Ончукову не пришлось, так как тот 2 апреля выехал по делам службы в Санкт-Петербург.

Из Архангельска 6 апреля Ончуков направился на Печору. Стояла ранняя весна, и так как большая часть 800-верстного санного пути проходила по рекам (Северная Двина, Пинега, Мезень, Цильма), то поездка была опасной. Но 12 апреля он был уже в Усть-Цильме. Время для записи было самым удачным, «старинщиков» он знал еще по прошлому году, и, отдохнув три дня, он принялся за работу; с 15 по 21 апреля делал записи в Усть-Цильме, а «когда старинщики отчасти поистощились, а отчасти поутомились, в Фомино воскресенье, 21 апреля, выехал в селения на реке Пижме». Обследовав все деревни на Пижме, кроме трех дальних, где, по рассказам, не было былин, он 26 апреля вернулся в Усть-Цильму и стал ждать вскрытия Печоры, чтобы ехать в Пустозерскую волость. В тот год Печора вскрылась поздно, и до 16 мая Ончуков оставался в Усть-Цильме. Больше записей былин он там не делал, а «записывал исторические и другие песни и сказки, заполнял академическую программу говоров, знакомился с архивом усть-цилемского собора, знакомился с старинными рукописями в частных руках и частью приобретал их».

После полного вскрытия Печоры Ончуков покинул Усть-Цильму и до своего отъезда с Печоры (4 июля) объездил всю Усть-Цилемскую и Пустозерскую волости, весь ижемско-зырянский край (до границы с Вологодской губернией), «а также побывал в оседлом... селении — Колва, которое стоит на р. Колве ж» [28]. Многих известных на Печоре «старинщиков» он так и не записал, так как не заставал дома (например, известного на всей Печоре И. И. Горенко). Начинался сезон рыбной ловли и сенокоса, записывать больше было нельзя, и Ончуков выехал в села на р. Мезени, чтобы приобрести там старинные рукописи, пергаментные списки, берестяные книги, которые были переданы затем в Академию наук [29].

Всего в поездку 1902 г. Ончуков проехал по Печорскому краю 1925 км, а общая протяженность его маршрута между Петербургом и Печорой, а также на самой Печоре составила более 5300 км. За это время им было записано 46 былинных сюжетов, «а с вариантами (считая былины неполные и отрывки) 82» [30]. Кроме того, он записал 9 духовных стихов (по сюжетам), а с вариантами — 15, песен различных жанров — 44, сказок — 50. Записи Ончуков делал в 17 населенных пунктах (в Усть-Цилемской волости в 11 селениях от 23 человек и в Пустозерской волости в 6 селениях от 9 человек). Из 32 сказителей было

10 женщин, из них только одна грамотная, а из мужчин грамотных было двое. Кроме того, он выявил 38 человек, которые былины знают, но не поют.

Таким образом, за два месяца Ончуков обследовал огромнейший район. Важность стационарных условий он, конечно, понимал, но считал в то же время, что залог успеха — не только длительное пребывание в одном населенном пункте, а активная «разведка» фольклора, целенаправленная деятельность исследователя. Недаром позднее, давая советы молодым фольклористам, он видел одну из причин неудач того же Ф. М. Истомина именно в «быстром проезде по местности». Однако Ончуков не отрицал, что «не всегда и продолжительное пребывание на местах плодотворно» [31], что и произошло с С. В. Максимовым.

Целью поездки была запись былин. Кроме того, Ончуков хотел выяснить, какие именно былины сохранились на Печоре и в каком виде. «Я решил,— писал он,— так сказать, переписать по содержанию все обращающиеся на Печоре былины и по одному разу хотя бы и такие, которые уже известны в массе пересказов, записывая малоизвестные и совсем неизвестные в большем количестве разноречий». До известной степени обоснованы упреки, которые предъявляли ему исследователи, указывавшие, что он «далеко не исчерпал всего репертуара даже лучших сказителей и пропускал порой наиболее художественные тексты только потому, что сюжет их уже был записан». Однако Ончуков располагал ограниченным временем, считал, что в тот момент наиболее необходимым было записывать былины «все вперед и вперед по содержанию». Основная его задача — выявить былинный репертуар Печоры — была решена (состав печорского репертуара был им в основном выявлен, и в этом его большая заслуга) [32].

Запись былин Ончуков производил только с голоса и фонетически точно. Лишь былину о Святогоре Ончуков записал с пересказа — спеть ее никто не смог. Видимо, Ончуков был одним из последних фольклористов, слышавших эту былину на Печоре хотя бы в пересказе, так как участники экспедиции Карело-Финского государственного университета в 1942 г. и экспедиция Пушкинского Дома в 1965 г. не записали этой былины даже в пересказе [33]. Главный упор собиратель все же делал на смысловую сторону произведения, а не на фонетическую, ибо «запись произведений народного творчества делается все же для их литературной стороны, а не для фонетики» [34]. Этим отличались его материалы от записей А. А. Шахматова, например, которого больше интересовал лингвистический аспект.

На Печоре Ончуков решил проблему, вставшую в 1890 г. перед Истоминым, который записал от коми-зырян несколько былин на ломаном русском языке. Истомин предположил, что те заимствовали былины русских, но, как уже упоминалось, его поиски былин на Печоре ни к чему не привели. Записи Ончукова доказали, что коми-зыряне, действительно, заимствовали былины от русского населения Печоры.

При издании Ончуков классифицировал записанные былины по территориальному признаку. Он подразделил их на былины Усть-Цилемской волости и былины Пустозерской волости. Обратив внимание на разницу в говоре двух волостей и в самом репертуаре, он связал это с историей колонизации края. Тот факт, что в Усть-Цилемской волости не знали сюжетов «Бой Васьки Буслаева с новгородцами», «Вольга», «Кострюк», «Идолище» и др., а в соседней Пустозерской волости их знали и пели, и то, что, наоборот, в Пустозерской волости не знали сюжетов «Бутман Колыбанович», «Лука Данилович» и некоторых других, которые были популярны в Усть-Цилемской волости, позволил Ончукову прийти к следующему выводу.

Усть-Цильму основали в XVI в. новгородцы, а Пустозерск в XV в. заселили служилые люди Московского государства, и, кроме того, он был местом ссылки государственных преступников, таких, как протопоп Аввакум, боярин Артамон Матвеев, князь В. В. Голицын и др.

Несколько схематично Ончуков утверждал: «Потомок новгородцев — он не отличает одного царя от другого, а в сущности неясно представляет себе эту власть. Идеалы его в былинах не государственные и политические, а чисто нравственные, общечеловеческие. Совсем не то пустозер. Он твердо знает, что значит царь, и не спутает его ни с кем. Пустозер не запутается и в хронологии. Его очень интересует судьба государства, царей, политическое положение дел, и старины из цикла исторических песен он особенно знает и любит, а своевольный Васька Буслаев едва ли пользуется его сочувствием» [35]. Следует отметить, что Ончуков не проводил четкой границы между собственно былиной и исторической песней, придерживаясь терминологии самих «носителей» и объединяя их в понятии «старина».

Былины Усть-Цилемской волости Ончуков подразделял на былины Пижмы и былины Печоры, но разницу видел не в содержании, а в говоре сказителей и манере исполнения. Отсутствие взаимного влияния репертуара обеих волостей Ончуков объяснял трудностью и даже иногда невозможностью общения жителей двух местностей из-за сложных географических условий и враждой их населения из-за рыбных угодий, что отметил еще С. В. Максимов.

Ончуков изучил и функциональную роль фольклора в системе духовной жизни печорских крестьян, что было новым для фольклористики того времени. «Старина» не только удовлетворяла эстетические запросы населения. По мнению Ончукова, оторванность этого района от остальной России, его глушь, а также то, что «Печора до самого последнего времени жила укладом жизни и духовными интересами, по крайней мере, конца XVII века», заставили «старину» взять на себя еще одну функцию — ее можно было бы назвать информационной. «Для большинства все удивительное и необыкновенное в старинах то же, что для нас газеты, также доставляющие всю суть необыкновенного и важного, совершающегося в мире»,— писал он. Для печорца чудесное в фольклоре — не особенное, а повседневное явление (устоявшаяся вера в колдунов, домовых и т. п.). По наблюдениям Ончукова, хотя на Печоре и не было профессиональных исполнителей, но каждая рыболовная артель стремилась иметь у себя «былинщика» или сказочника, выступавших в роли «живой газеты». Однако Ончуков понимал, что былинная поэзия на Печоре не сохранится: «Когда Печора покроется заводами, которые с занятием, в качестве рабочих, местных крестьян будут привлекать и полчища „бродячей руси“ из центра России, это нашествие в конце концов свалит старую культуру Печоры, а с ее упадком постепенно исчезнут и былины... Может быть, это и необходимо, как одна из стадий промышленного роста страны, но это грустно» [36].

Открытие Ончуковым былинной поэзии на Печоре было неожиданностью для многих, в том числе и для интеллигенции Печоры: «Эта интеллигенция очень повинна в неисполнении... программы Гильфердинга, служа десятки лет народу, интеллигенция эта, к сожалению, в большинстве совершенно чужда народу; это какие-то две отдельные нации, друг другу чуждые, друг друга совсем не понимающие, если только не враждующие»,— с горечью писал Ончуков. Он отметил, что среди этой интеллигенции был даже действительный член Географического общества по Отделению этнографии [37].

Экспедиция 1902 г. была удачной, но сожаление об утраченных фольклорных богатствах не покидало Ончукова. Он писал: «Я приехал на Печору и вывез оттуда прекрасных былин на целый сборник, который за 10 лет до того Истомин мог бы составить вдвое больше и качеством, может быть, еще лучше» [38].

По возвращении в Петербург Ончуков подытожил всю проделанную им за две экспедиции работу. На заседании Отделения этнографии Русского географического общества 13 декабря 1903 г. он выступил с докладом «Былинная поэзия на Печоре», в 1904 г. вышел из печати

его сборник «Печорские былины». Больше изучением былин Ончуков не занимался, интерес к этой теме у него пропал. Во время второй поездки на Печору он записал 50 сказок, и новая тема полностью захватила его.

Печорские экспедиции выработали у Ончукова правило, которое стало для него главным в исследовательской работе: «... не верить на слово ничему, непременно самому проверить на деле... Существуют предвзятые мнения не только об отдельных лицах или местностях, но и о целых огромных областях» [39].

В экспедициях Ончуков выработал собственную методику исследований. Он осваивал исследуемый район этапами. Чердынский уезд, например, был ему знаком, так как родной Сарапул был совсем недалеко. Постепенно, шаг за шагом продвигался он к северу, в каждом населенном пункте встречая что-то новое, но отчасти и уже известное ранее. Так было и с Печорой. Та же постепенность наблюдается и в ознакомлении его с местным фольклором. Ончуков никогда не записывал все бытовавшие произведения подряд. Если он приезжал записывать былины, то на остальные жанры обращал не очень много внимания, но составлял при этом для себя программу записей наиболее «выгодного» жанра на будущее. Другими словами, он прогнозировал свою деятельность, в каждой экспедиции твердо зная, что он будет записывать в следующей. Отсюда такая последовательность в смене жанров: сначала записи былин, потом записи сказок и, наконец,— народной драмы. Записи других жанров носили случайный характер, и, даже выпуская позднее сборник печорских песен, Ончуков признавался: «Совсем случайно записывал я на Печоре песни, и то, что я записал, конечно, отнюдь не служит исчерпывающим материалом песенного репертуара этой окраины» [40]. При этом к «отработанному» жанру Ончаков не возвращался, хотя наверняка, когда он записывал сказки, ему встречались и былины, но его влекло только новое. Подобная методика работы требовала, конечно, «доработки» исследуемого района, а этого Ончуков не делал. В результате «остальные разновидности народной поэзии на Печоре... в дореволюционное время ни собраны, ни опубликованы не были» [41],— замечали более поздние исследователи фольклора Печоры. Несомненно, недостатком методики Ончукова было иногда механическое соединение вариантов с целью воссоздания целого текста.

С 1903 по 1907 г. Ончуков совершил еще несколько экспедиций на Север России: Поморье, Терский берег Белого моря, Мурманский берег, западное побережье Кандалакшского залива Белого моря (в 1903 г.), Петрозаводский, Пудожский, Каргопольский, Повенецкий уезды Олонецкой губернии, а также Архангельский и Онежский уезды Архангельской губернии (в 1904—1907 гг.). Однако фольклор не был главной целью этих поездок.

После окончания в 1903 г. Петербургского археологического института Ончуков в течение двух лет работал в качестве регистратора в Этнографическом отделе Русского музея в Петербурге. Этнографический отдел находился в стадии становления, и молодой ученый увлеченно работал над разбором и описанием этнографических коллекций. Кроме того, были еще и этнографические экспедиции. В 1903—1904 гг. Русское географическое общество вновь направило Ончукова на Север для сбора фольклора, а Академия наук поручила ему во время этой поездки разыскивать среди населения древние рукописи и старопечатные книги. Им было доставлено в Рукописный отдел библиотеки Академии наук 147 рукописей. Летом 1904 г. по командировке Этнографического отдела музея он выезжал в Олонецкую и Архангельскую губернии для сбора коллекции по материальной культуре. В результате Русский музей получил более ста предметов крестьянского быта. Конечно, столь интенсивная работа по сбору предметов материальной культуры отвлекала Ончукова от записей фольклора, в чем он отдавал себе ясный отчет. В письме к В. И. Срезневскому от 28 июня 1903 г. Ончу-

ков сообщал о результатах своей экспедиции в Поморье: «Моя нынешняя поездка в отношении записей очень бедна — просто не знаю, как я буду отчитываться перед Географ.[ическим] обществом; зато для 2-го отделения академии я сделал все, что было можно: приобрел около 50-ти рукописей разного содержания (есть интересные), побывал во многих старых церквах и привел в известность находящиеся там рукописи» [42]. Все же новых фольклорных материалов, собранных за пять лет экспедиции, оказалось достаточно еще на два сборника: «Северные сказки» и «Северные народные драмы» [43].

В 1908 г. неожиданно для всех Ончуков оборвал научную деятельность и покинул Петербург. В истории русской фольклористики никак не объясняется этот более чем десятилетний период научного «молчания» Ончукова. Сам Ончуков рассказал об этом этапе своей жизни в неопубликованной «Автобиографии»: «В моем родном Сарапуле к этому времени прекратилась газета, и мне предложили ехать туда в качестве редактора новой прогрессивной газеты („Прикамская жизнь".— *А. Н.*). Я уехал в Сарапул в 1908 году. Проживя до этого 10 лет в Петербурге и работая в столичных газетах, в то время уже бесцензурных (после революции 1905 года), я, конечно, и в редактируемую мною провинциальную газету внес приемы столичной прессы: независимость суждений и обличение всяких непорядков, не считаясь ни с кем и ни с чем. Зато я сразу же восстановил против себя всех власть имущих. Городская дума (конечно, купеческая) и земство, полиция и прокуратура, а главным образом купечество сразу же ощетинилось, не будучи в состоянии переварить постоянные обличения газеты. Посыпались жалобы губернатору, возбуждение против меня как редактора судебных процессов за диффамацию, клевету в печати и пр. и тому под. А обличать было что: купцы Бодалевы, распространяя пиво своего производства, спаивали народ, покрыв край сетью своих пивнушек; купцы Пешехоновы эксплуатировали своих рабочих и жестоко обращались со служащими у них и пр. Купцы не выдержали обличений газеты и открыли свою газету „Кама", руководителем которой стала группа местных адвокатов (Ксенократов и др.), с целью защититься от нападок „Прикамской жизни" и если можно, то и совершенно убить... Получалась странная коллизия: прогрессивная, беспартийная газета „Прик.[амская] жизнь" стояла на страже интересов бедного мещанства и рабочих города и крестьянства, а более левая газета „Кама" (эсеровская), издававшаяся на деньги купцов, конечно, замалчивала темные делишки купцов и защищала их интересы. И все время редактирования газеты мне приходилось вести неустанную борьбу на несколько фронтов сразу: с мелкими полицейскими придирками (полиция возбуждала процессы даже за напечатания объявлений без разрешения), с губернской властью, душившей газету тучей циркуляров и запрещений (особенно во время войны и распутиновщины), с местными адвокатами (кадеты и эсеры), горой защищавшими купцов. В 1913 году местный прокурор (Шкляев) за ряд заметок возбудил против меня преследование по ст. 282 и 1138, карающим годом тюрьмы, и я был отдан под гласный надзор полиции. В 1915 году я был оштрафован губернатором Страховским на 500 рублей за корреспонденцию о непорядках на фабрике в Воткинском заводе. В купецко-адвокатской газете все время была травля самая яростная и нашей газеты и меня лично до того, что в 1916 году я был уже вынужден привлечь редактора „Камы" за клевету в печати, и окружной суд приговорил редактора „Камы" Новикова на три недели в тюрьму» [44].

Однако было бы ошибкой считать, что сарапульский период его жизни был всецело отдан журналистике. В 1909 г. при его активном участии был создан Сарапульский земский музей, а в 1913 г. — Общество изучения Прикамского края. С 1910 по 1917 г. музей, а затем и Общество издавали «Известия Сарапульского земского музея» и «Известия Общества изучения Прикамского края».

Долгим и мучительным был путь возвращения Ончукова в науку. Во время гражданской войны он находился в Сибири, работая фельдшером в больницах. В письме к А. И. Соболевскому от 19 июня 1922 г. он рассказывал: «Что касается меня, то я уже 4 года в Сибири, в добровольной ссылке... Моя жизнь за это время — сплошная фантастика, калейдоскоп какой-то! В 20 г., напр., весной был мобилизован как „лекпом" „...для бой-работы с тиф-эпидемией" (хорош русский язычок!) в Забайкалье и жил на берегу Байкала. Срочно вызвали лекпомов, желающих стать врачами в Иркутск, для отправки в Томск, в университет. Я выехал. Не только в Томск не отправили, но и в Иркутск[ий] унив[ерситет] на мед-фак не приняли („стар, не способен учиться, был слишк[ом] долгий перерыв в мед[ицинской] практике". А летом работал на Байкале и даже заведовал целой тифозн[ой] больницей — это ничего?!). На мед[ицинский] факульт[ет] я, одним словом, не попал. Но меня легко приняли на историческое отдел[ение], и я с увлечением начал учиться (всю жизнь чувствовал пробел высш[его] философск[ого] и историческ[ого] образования)»[45]. В это время Ончукову исполнилось уже 50 лет. О годах гражданской войны Ончуков впоследствии написал воспоминания, понимая, какими ценными для будущего историка окажутся свидетельства современника событий тех лет[46]. О своей учебе в Иркутском университете Ончуков рассказывал в письме от 30 мая 1921 г. В. И. Срезневскому: «На старости лет вздумал было учиться в местн[ом] университете и поступил на 1-й курс Исторического отделения. Но через 2½ месяца моего студенчества, по представлению одного профессора (петроградца, он скоро приедет в Петр[оград] и зайдет к Вам в Академию), был избран профессорск[им] стипендиатом по кафедре истории русской литературы и теперь готовлюсь к магистерскому экзамену. Не знаю, что из этого выйдет... Вы же не удивляйтесь. Ныне таких „молодых" (под 50 л.) ассистентов и стипендиатов из „подающих надежды" и „начинающих" „ученых" — очень много.

Но, Вс[еволод] Изм[айлович], не лежит душа моя к Сибири! Тянет меня в Европ[ейскую] Россию... Годы мои уходят, но интерес к науке (истории и литературе) как будто еще обострился, во всяк[ом] случае стал шире и глубже; благо, теперь уж не отвлекают разн[ые] влечения молодости. Все почти страсти потухли, но осталась одна большая и ничем неугасимая потребность к знанию. Да кроме того, все время тревожит сознание, что остаток дней своей жизни нужно провести с пользой для родины»[47].

Правда, в иркутский период жизни пятидесятилетнего «профессорского стипендиата» произошло и крайне важное для ученого событие. После 15-летнего перерыва возобновилась его экспедиционная работа, и за лето 1922 г. он совершает две поездки — в Забайкальский край и Балаганский уезд для сбора фольклорного и этнографического материала по заданию Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. В 1922 г. Ончуков переехал из Иркутска в Пермь и начал преподавать в Пермском университете. Он сотрудничал в «Пермском краеведческом сборнике», принимал участие как представитель Губернского выставочного комитета в этнографических экспедициях по Чердынскому, Пермскому и Усольскому уездам для сбора предметов материальной культуры для Всероссийской сельскохозяйственной выставки. Он также участвовал в этнографических экспедициях по Чердынскому уезду. Осенью 1924 г. Ончуков возвратился в Петроград и снова активно включился в научную деятельность. В эти же годы в Ленинград вернулся Д. К. Зеленин, чей приезд в значительной мере способствовал возрождению интенсивного изучения фольклора. В своей неопубликованной статье «Изучение фольклора» Ончуков так характеризовал этот период: «В Ленинградском университете есть даже специальный курс по записи произведений народного творчества, ведшийся сначала академиком Е. Ф. Карским, а затем за его отказом переданный пишущему эти

строки. При научно-исследовательском институте сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при Гос[ударственном] университете прошлой осенью образовалась особая секция „живой старины“ — по изучению фольклора, которая при 14 секциях института по составу и по значению приравняется по кр[айней] мере одной трети института. Председателем ее избран известный ученый, уралец по происхождению (Сарапульского уезда) проф[ессор] Д. К. Зеленин, а секретарем — также уралец по рождению (тоже сарапулец) доцент университета Н. Е. Ончуков». Среди членов секции «Живой старины» были также Е. Ф. Карский, П. А. Лавров, Л. В. Щерба и др., и была она «очень разнообразна по составу: этногр[афы], восточники, классики и пр.»

В 1925 г. Ончуков написал для «Сборника памяти Н. А. Котляровского» большую работу «Верования наших дней», где была предпринята попытка проанализировать изменения в религиозной жизни России после Октябрьской революции, которая предоставила возможность старообрядцам свободно «оказывать» свою веру.

«Попробую отметить те психологические сдвиги,— писал Н. Е. Ончуков,— происшедшие за это время в русском расколе старообрядчества, в сектантстве и быв[шей] господств[ующей] церкви, поскольку все это могло попасть в мое поле зрения. Мои наблюдения были случайны, и приводимое, конечно, не отражает всего того, что произошло за время революции в верующей части русского народа»[48]. Используя материал, собранный им во время пребывания в Сибири, Ончуков впервые попытался показать эволюцию баптизма, старообрядчества и православной церкви, их приспособляемость к новым социальным условиям. Особый интерес представляют сообщаемые Ончуковым факты о возникновении в этот период произведений фольклора с острой религиозной окраской: «Глубокие события в церковной жизни вызвали появление мистических настроений, вызвали целый фольклор специфического характера. Выступили на сцену вещие сновидения, предчувствия, легенды и пр.»[49]. Рукопись иллюстрируется рядом примеров; она композиционно стройна и аргументирована. К этой теме Ончуков вернулся еще раз в 1927 г., когда по заданию Отделения этнографии Русского географического общества выезжал в Уральскую область для сбора сведений о быте уральских старообрядцев[50]. Им были исследованы секты «бегунов», а также так называемая «австрийщина» (секта «белокриницкое согласие»).

Особенно много научных удач принес Ончукову 1926 год, когда он был командирован для этнографических исследований в Верхотурский округ на Урале. Приехав в Свердловск, Ончуков решил ознакомиться с фольклорными материалами, хранящимися в архиве Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). Материал показался Ончукову настолько интересным, что он даже отложил свою командировку и 11 дней работал в архиве. Обзоры просмотренных им материалов — «Фольклор в рукописном отделе библиотеки УОЛЕ в Екатеринбурге» и «Заветные песни. Выписки из архива УОЛЕ» — хранятся в настоящее время в ЦГАЛИ СССР[51]. В Свердловске Ончуков познакомился с заведующим Тюменским окружным музеем Л. Р. Шульцем, который попросил Ончукова «съездить с ним в Тюмень — разобраться в материалах фольклорного характера, оставшихся после смерти местного собирателя П. А. Городцова, и определить их пригодность. Поехал я в Тюмень на 2—3 дня, но материалы оказались настолько интересны и ценны, что я пробыл в Тюмени 8 дней, сделал в местном ученом обществе доклад о них и с благодарностью воспользовался предложением Тюменского исполкома, предложившего мне съездить в Тавдинский край — место работы П. А. Городцова — для статистико-экономического исследования края и чтобы продолжить работы Городцова по фольклору. В Тавдинском крае я пробыл три недели, интересуясь главн[ым] образ[ом] состоянием фольклора в крае. В Верхотурский округ на это лето я уже не поехал»[52].

Петр Алексеевич Городцов с 1894 г. жил и работал в Западной Сибири в качестве юрисконсульта тюменских отделений Государственного банка. Он, разъезжая по делам службы по сибирским деревням, вплоть до кончины в 1919 г. проводил любительские этнографические исследования. Возможно, идею эту подсказал ему брат — выдающийся русский и советский археолог В. А. Городцов. Известно ценное по материалам исследование П. А. Городцова «Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда». Менее знакомы другие его работы: «Азап-юрты (западносибирская легенда)», «Западносибирские легенды о сотворении мира и борьбе духов», «Чудь. Западносибирская легенда», «Два гаданья у крестьян Тюменского уезда» [53] и некоторые другие.

Ончукова настолько привлекли материалы П. А. Городцова, что лето 1926 г. он посвятил поездке по местам его работы. Ончукова интересовали изменения в крестьянских обрядах и праздниках, происшедшие со времени фиксации их Городцовым. Свои наблюдения и выводы Ончуков изложил в рукописи 1926 г. «Уходящий быт» [54]. Ончуков всегда утверждал, что «фольклор каждой местности глубоко, неразрывными узами связан с краем, где фольклор бытует: не только с его историей, а еще больше с физической природой края, с его экономикой наконец», и именно поэтому он так много внимания в статье уделил описанию Тавдинского края, включив в него: районирование, рельеф местности, природные условия, растительный и животный мир, национальный состав населения, формы хозяйства, количество сельсоветов и школ, особенности диалекта и др. Обнаружил Ончуков и многие зафиксированные в 1906—1908 гг. Городцовым обряды, «которые хотя и приурочиваются к христианским праздникам, но, несомненно, содержат, носят в себе и много чисто языческих пережитков». Говоря об отмеченной еще Городцовым вариантности некоторых обрядов, Ончуков подчеркивал, что «это значит только, что обряды уже отживают свой век, население перестает серьезно к ним относиться, не считает важным придерживаться точно установленного ритуала, если таковой был». Так, Городцовым был описан праздник «Яичное заговенье» (перед Петровым постом), когда «в разгар веселья женщины и девушки бегают взапуски; затем женщины начинают борьбу между собой (девушки в борьбе отнюдь не участвуют), затем начинают борьбу и мужики, но обязательно с холостыми парнями. Заканчивается праздник общим купанием в реке или озере». Ончуков отмечал, «что многие обряды держатся ныне чисто по традиции, исполняются полушутя, „смехом", превращаются в игру. Один из моих сказочников, умный и развитой П. И. Липчинский, когда я стал расспрашивать его про Яичное заговенье, он, подтверждая мои расспросы и сам дополняя их, все время оговаривался, что многое на празднике делается как бы в шутку. Напр[имер], в шутку ныне бабы бегают оперегонки друг с дружкой, в шутку перескакивают через колышек, особенно в шутку борются друг с дружкой. Однако одно уже то, что девицы в борьбе не участвуют, показывает, что прежде борьба женщин была вполне серьезным делом, ей придавалось какое-то ритуальное значение». Обряд заготовления впрок на целый год в Великий четверг «молчальной» воды, которая якобы исцеляет «от уроков, испугов и пр.», также претерпел, по мнению Ончукова, существенные изменения: «Обряд, несомненно, интересен, но берет сомнение, что он уже бытует теперь. Дело в том, что он уже пародируется в сказках. Я записал в дер[евне] Самарьянах от старика 76 лет очень остроумную сказку-анекдот, в которой играет роль „молчальная вода". А то, что вводится в шутку и пародируется, в то уже потеряна вера и то в непродолжительном времени серьезно исполняться не будет, по кр[айней] мере частью населения. Таким же образом превращен ныне в сплошную буффонаду и обряд проводов масленицы, некогда исполнявшийся, несомненно, вполне серьезно. Мною записана в 1907 г. в селе Нижмозере на р. Онеге игра „Маврух", где налицо очень кощунственная пародия на церковное отпе-

вание,— разве это не говорило за падение серьезного отношения к церковному обряду в известной части крестьянства уже в то время?» [55].

Ончуков отмечал также, что все еще значительная часть местного населения продолжала верить в силу заговора: это тоже черта «уходящего быта», и он подробно классифицировал народные представления такого рода. «Я записал, действительно, необычайно мрачные способы,

Изображения земельных знаков (*а, б*) в письме П. А. Городцова к брату В. А. Городцову

при которых, по представлению на Тавде, можно вступить в сношения с темной силой. Напр[имер], нужно идти в полночь без креста, без пояса в баню, отрекаться от отца и матери и всего святого, предаваться сатане и пр.» Ончуков приводит список бытовавших на Тавде во времена Городцова (по рукописи того) «способов использования темных демонических сил для блага человека».

В этом перечне указаны поверья об «огненном крылатом змее», помогающем разбогатеть, о «способах передачи заговоров и заучивания их», о способе «счастливо играть в карты», «получить неразменный рубль» и т. п. Есть в нем и колдовской «прием при скидке смолы, чтобы промысел был удачен» и пр.

Большое место в рукописи Ончукова занимают живые этнографические зарисовки и рассказы об уже отживших обычаях и традициях. В частности, он сообщает о существовавшем еще в начале века на Тавде «институте гостеприимной проституции». Плодотворная работа фольклориста, считал Ончуков, невозможна без четкого представления о быте, обычаях, верованиях населения данной местности. «Вообще я считаю,— писал он,— что фольклористы выясняют „живую старину" быта местностей, где работают, во всей ее широте и многообразии. Многое, что считается созданием фантазии или сатирой, оказалось бы взятым из действительности» [56].

В Тюменском архиве Ончуков обнаружил также тетрадь сказок и легенд, записанных Городцовым в 1906—1908 гг. (39 сказок и 24 легенды) [57]. Ончуковым была продолжена работа по собиранию сказочного материала в местах, где работал за двадцать лет до него Городцов. Всего Ончуков записал 85 сказок и предполагал выпустить сборник, состоящий из двух частей: 1) сказки, записанные Городцовым и 2) сказки, записанные Ончуковым; однако этот замысел оказался, к сожалению, неосуществимым. Замечательна была сама идея сборника — показать динамику изменения жанра сказки одного региона за двадцать лет, в период резкого изменения социальных устоев глухой сибирской деревни. Научная общественность ознакомилась лишь с обзором этих сказок, опубликованным Ончуковым в трудах Сказочной комиссии [58]. Ончукову удалось издать незначительную часть материалов П. А. Городцова. В 1928 г. в «Пермском краеведческом сборнике» появился известный очерк Ончукова «Масленица» [59], где были воспроизведены записи масленичных игр, сделанные Городцовым в 1908 г.

Материалы Городцова, хранящиеся в архиве Ончукова, представляют несомненный интерес для этнографов. В частности, заслуживает внимания сохранившееся письмо П. А. Городцова своему брату (очевидно, В. А. Городцову) от 4 августа 1916 г. Приведем его полностью:

«Дорогой брат!
Последнее письмо твое я получил 22 июля, да замешкался с ответом; за письмо искренно благодарю, только не сердись на меня за то, что я мешкаю с ответом, ничего уж с этим не поделаешь. Твои рисунки земельных знаков для меня очень полезны, они раскрыли мне глаза, ибо именно на такие знаки я мало обращал внимания, так как мне казалось, что эти и подобные изображения представляют собой простое искажение букв нашего алфавита, а также других письменных знаков. Я лично видел такие знаки и тому под[обное].

Такие знаки сибирские крестьяне кладут всего чаще на жердях для отметки своей части городьбы в общинных поскотинах, кладут их и на другие предметы для обозначения своего на них права собственности; так, на лесных работах крестьяне кладут такие знаки на срубленные деревья, на заготовленные дрова и на мочало и т[ому] под[обное]. Я имел случай узнать, что некоторые крестьянские семьи имеют свой особый знак, который переходит в данной семье из поколения в поколение, так что по данному знаку крестьяне определяют лицо собственника отмеченной вещи и безошибочно знают, кому данная вещь принадлежит. Я не помню только, даются ли этим знакам такие названия, какие записаны у тебя: „закрутка", „костыль" и т[ому] под[обное], но думаю, что такие названия существуют и у сибирских крестьян.

С получением твоего предыдущего письма мне казалось, что знаки, о которых ты писал, имеют, так сказать, изобразительную форму, в роде элементарного рисунка, как это практикуется у вогулов (манси. — *А. Н.*), а вот теперь твои рисунки заставляют меня обратить внимание и на эти знаки. Жаль только, что у меня прошло бесполезно текущее лето, я побоялся ехать в деревню, т. к. там свирепствовала эпизоотия сибирской язвы, иначе я уже в этом году собрал бы кое-что.

Вогульские знаки правильнее назвать иероглифами, так как ими обозначаются довольно сложные торгово-промышленные отношения и денежные расчеты; эти иероглифы очень интересны и, безусловно, заслуживают внимания и обследования. Но я сделать этого не могу, т. к. поездка к вогулам потребует большой затраты и времени и денег, да не мешает и знакомство с языком. Вот некоторые изображения вогулов (см. рисунок. — *А. Н.*):

1) изображает шкуру медведя,
2) рыбу,
3) лисицу, вернее — лисью шкуру.

Должен тебя предупредить, что земельные знаки крестьян и иероглифы вогулов я изобразил тебе так, как они сохранились в моей памяти, и за полную точность их я не ручаюсь; собрать же и записать эти знаки мне не удалось, п[отому] что для этого я не имел времени. Поэтому не пользуйся этим письмом в своих работах, как документом, так как возможны ошибки. Когда я соберу на месте эти знаки и проверю их, я тогда пришлю их тебе.

Не может быть сомнения в том, что земельные знаки крестьян имеют большую древность и идут к нам от времен такой глубокой древности, когда грамоты еще не знали и современного шрифта еще не существовало, но едва ли можно отрицать и то, что на начертание современных знаков собственности мог иметь влияние и современный алфавит. В более элементарных формах такие знаки свойственны всем народам мира и, по-видимому, даже сходны у них, а потому едва ли можно допустить предположение, что эти знаки представляют собой буквы древнеславянского, теперь уже забытого алфавита...

Городцов. Должен сознаться, что я рисую хуже вогула» [60].

Интерес П. А. Городцова к земельным знакам крестьян был не случаен. Его брат В. А. Городцов в течение двадцати лет пытался воссоздать систему древнеславянского алфавита, которая, по его мнению, походила на руническую. В 1897—1898 гг. при раскопках погребений близ села Алеканова в Рязанской губернии В. А. Городцовым были обнару-

жены два сосуда (погребальный и бытовой) X—XI вв. с не поддающимися расшифровке знаками. В. А. Городцов предполагал, что эти знаки — в большей мере «памятники доисторической письменности, чем клейма или родовые знаки... Остается одно более вероятное предположение, что знаки представляют из себя литеры неизвестного письма, а комбинации их выражают какие-нибудь мысли мастера или заказчика. Если же это верно, то мы имеем в своем распоряжении до 14 букв неизвестного письма»[61]. После того как лингвисты не смогли расшифровать знаки алекановских сосудов, В. А. Городцов в своих многочисленных трудах к этой проблеме более не возвращался. Хранящееся в архиве Ончукова письмо П. А. Городцова свидетельствует, что В. А. Городцов не считал эту тему закрытой для себя. Видимо, накапливался материал (в том числе и тот, который собирал в Сибири брат), привлекались данные смежных с археологией наук, и помощь брата-этнографа была как нельзя кстати. Остается надеяться, что эти материалы будут когда-нибудь обнаружены и опубликованы.

Ончуков делал все от себя зависящее, чтобы «открыть» для русской этнографической науки имя нового оригинального ученого — П. А. Городцова. В его архиве сохранились заметки к биографии Городцова, а также ряд этнографических очерков и материалов по фольклору, принадлежавших Городцову. Ончукову не удалось осуществить задуманное, и работы П. А. Городцова все еще неизвестны для исследователей, хотя даже хранящиеся в архиве Ончукова немногочисленные материалы Городцова несут на себе печать научной уникальности. Исследователям предстоит потратить еще много усилий, чтобы разыскать основной массив архива этого интересного сибирского этнографа.

В течение многих лет Ончуков являлся членом различных научных обществ и организаций:

с 1901 г. — Русского географического общества; с 1903 г. — Петербургского археологического института; с 1907 г. — Вятской ученой комиссии; с 1909 г. — член-учредитель Сарапульского музея; с 1913 г. — член-учредитель Общества изучения Прикамского края; с 1925 г.— научный сотрудник Центрального бюро краеведения, член Библиографической комиссии Центрального бюро краеведения; с 1925—1926 гг. — действительный член и ученый секретарь Ленинградского отделения Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока; с 1927 г. — почетный член Общества изучения Чердынского края.

Летом 1928 г. в составе экспедиции Отделения этнографии Русского географического общества Ончуков совершил поездку в Лодейнопольский округ Олонецкой губернии. Экспедиция ставила своей целью изучить фольклор одной деревни (Шокшозеро), и Ончуков записывал сказки. Результаты поездки в Шокшозеро Ончуков обобщил в статье «Сказки одной деревни»[62]. Это была последняя экспедиция Ончукова. В сентябре 1928 г. Ончуков с огорчением писал А. И. Соболевскому: «Я записал 100 сказок. Только, что я с ними буду делать, теперь у меня два ненапечатанных сборника»[63].

В тридцатые годы Ончуков отходит от собирательской деятельности и активно начинает заниматься исследовательской работой. В 1930 г. вышла в свет его статья «Запрещенные песни о Константине и Анне», а в 1935 г. «Песни и легенды о декабристах»[64] — самое известное исследование Ончукова в этот период. Все эти годы Ончуков работал в тесном контакте с В. Д. Бонч-Бруевичем, который писал, что в 1930—1932 гг. Ончуков «был занят написанием своей работы „Песни и легенды о декабристах", которая ныне печатается в 5-м выпуске сборника „Звенья", которые я редактирую и в редакционном портфеле которых имеются еще работы Н. Е. Ончукова».

В первую очередь необходимо назвать статью «Песня о Пугачевском бое», предназначенную для VIII выпуска «Звеньев». В фонде Ончукова в ЦГАЛИ сохранились автограф и верстка с правкой автора[65]. Ончуков располагал фольклорным сборником поэта пушкинской поры

Д. П. Ознобишина, в котором он обнаружил неизвестную историческую песню о Пугачеве. Ознобишин в свое время готовил к печати тексты, доставшиеся ему после смерти П. В. Киреевского и не вошедшие в сборник последнего. Ончуков подробно проанализировал текст этой исторической песни, но статья объемом в 29 машинописных страниц пока ещё не увидела света. В 1957 г. В. И. Чичеров заинтересовался этой работой Ончукова и предполагал вторично подготовить ее к печати. 7 мая 1957 г. С. И. Минц, работавшая в Литературном музее, отправила ему текст статьи [66], однако подробно ознакомиться с ней он не успел — 11 мая 1957 г. В. И. Чичеров скончался.

До 1934 г. Ончуков работал «научным сотрудником I разряда» Института речевой культуры, а в 1934 г. ему была назначена академическая пенсия, и он переехал в Пензу. 8 января 1937 г. в газете «Рабочая Пенза» была напечатана последняя статья Ончукова «Бова Королевич и Бова Пушкина» [67].

Ряд других работ ученого все еще остается неопубликованным. В ЦГАЛИ СССР хранится обширная статья Ончукова «Пушкин в фольклоре» [68], где автор впервые попытался проанализировать бытование образа великого русского поэта в народно-поэтическом творчестве. Статья «Песни в лубках» [69] рассказывает об отражении песенного фольклора в искусстве лубка, а статья «Лубочные картинки» [70] представляет собой подробное описание лубочных картин, находившихся в V отделении библиотеки Академии наук СССР.

Эти и многие другие работы представляют несомненный интерес для советской фольклористики и этнографии. Их издание было бы полезно, так как ввело бы в научный оборот многие неизвестные материалы русского фольклора. Николай Евгеньевич Ончуков был вдумчивым и талантливым ученым, много сил отдавшим изучению народно-поэтического творчества своего народа.

[1] *Бонч-Бруевич В. Д.* В. И. Ленин. Об устном народном творчестве // СЭ. 1954. № 4. С. 118.

[2] *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1963. Т. 2. С. 244; *Ольденбург С. Ф.* О трудах Н. Е. Ончукова // Отчет ИРГО за 1908 год. СПб., 1909. С. 17; *Елеонская Е. Н.* Северные сказки // ЭО. 1909. № 1.

[3] *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Пермской губернии. СПб., 1914; *Он же.* Великорусские сказки Вятской губернии. СПб., 1915; *Соколовы Б. и Ю.* Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

[4] *Григорьев А. Д.* Архангельские былины. М., 1904. Т. 1. С. XVI.

[5] БСЭ. М., 1939. Т. 43. С. 166; Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. Т. 5. С. 445.

[6] *Чистов К. В.* Заметки о сборнике Н. Е. Ончукова «Северные сказки» // Тр. Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1957. Вып. VIII; *Петрыкина Н. С.* Предложные конструкции в севернорусских сказках (на материале сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1952; *Чекрыжов Ю. Н.* Н. Е. Ончуков (1872—1943): Из истории русской фольклористики // Тез. докл. науч. конференции молодых ученых МГУ. М., 1968; *Иванова Т. Г.* Н. Е. Ончуков и судьба его научного наследия // Рус. лит. 1982. № 4.

[7] ЦГАЛИ СССР. Ончуков Н. Е. Ф. 1366. Оп. 1—2.

[8] Там же. Оп. 1. Д. 11.

[9] Там же. Д. 1. Л. 1.

[10] Там же.

[11] См.: *Ончуков Н. Е.* М. Б. Едемский (Некролог) // СЭ. 1934. № 1—2. С. 233; *Он же.* Печорские былины. СПб., 1904. С. 1.

[12] Отчет РГО за 1902 год. СПб., 1903. Ч. 1. С. 29.

[13] ЦГАЛИ СССР. Суворин А. С. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3075.

[14] *Ончуков Н. Е.* По Чердынскому уезду. Поездка на Вишеру, на Колву и на Печору. СПб., 1901. С. 1, 7.

[15] Там же. С. 10.

[16] *Введенский А. А.* Урало-печорский край на рубеже XIX—XX вв. // Київський державний університет. Наукові записки. Київ, 1946. Т. 1. Вип. 2.

[17] *Ончуков Н. Е.* По Чердынскому уезду... С. 21—23, 25, 31, 34. В 1923 г. Ончуков еще раз совершил поездку в Чердынский край. В этой поездке записей он делал мало, главным образом приобретая для Пермского университета, где он работал в то время, предметы народного быта. По тону его отчета чувствуется, что ему грустно было проезжать по местам своей научной юности. См.: *Ончуков Н. Е.* Поездка в Чердынский край летом 1923 года // Пермский краеведческий сборник. 1924. Вып. 1.

[18] *Ончуков Н. Е.* О расколе на Низовской Печоре. СПб., 1902. С. 19.

[19] *Ончуков Н. Е.* Печорские былины. С. 1;

Он же. Что и как записывать по народному творчеству // Краеведение. 1925. № 3/4. С. 281; *Истомин Ф. М.* Предварительный отчет о поездке на Печору. СПб., 1891; *Григорьев А. Д.* Архангельские былины. М., 1904. Т. 1. С. 16.

20 *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 596.

21 *Ончуков Н. Е.* Печорская старина (Рукописи и архивы церквей Низовой Печоры). СПб., 1906. С. 2.

22 *Ончуков Н. Е.* Былинная поэзия на Печоре. СПб., 1903. С. 1; *Максимов С. В.* Год на Севере // Собр. соч. СПб., 1907. Т. 9. С. 272.

23 *Ончуков Н. Е.* Былинная поэзия... С. 1; *Он же.* Что и как записывать... С. 272, 279—280.

24 См.: *Гильфердинг А. Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // ВЕ. 1872. № 3.

25 *Ончуков Н. Е.* Что и как записывать... С. 279.

26 *Ончуков Н. Е.* О расколе... С. 18; Отчет ИРГО за 1902 год. СПб., 1903. Ч. 1. С. 27.

27 *Ончуков Н. Е.* Что и как записывать... С. 283.

28 *Ончуков Н. Е.* Былинная поэзия... С. 2.

29 *Срезневский В. И.* Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в рукописное отделение библиотеки Императорской Академии наук в 1903 году. СПб., 1904.

30 *Ончуков Н. Е.* Былинная поэзия... С. 4—5.

31 *Ончуков Н. Е.* Что и как записывать... С. 281.

32 *Ончуков Н. Е.* Былинная поэзия... С. 4—5, 10; Былины Печоры и Зимнего Берега. Л., 1966. С. 10.

33 См.: Былины Печоры и Зимнего Берега.

34 *Ончуков Н. Е.* Что и как записывать... С. 274.

35 *Ончуков Н. Е.* Былинная поэзия... С. 13.

36 Там же. С. 18, 27.

37 Там же. С. 22.

38 *Ончуков Н. Е.* Что и как записывать... С. 279.

39 Там же. С. 282.

40 *Ончуков Н. Е.* Печорские стихи и песни. СПб., 1908. С. 2.

41 Песни Печоры. М.; Л., 1963. С. 5.

42 ЦГАЛИ СССР. Срезневские И. И., В. И., О. И. Ф. 436. Оп. 1. Д. 2855. Л. 1.

43 *Ончуков Н. Е.* Северные сказки. СПб., 1909. *Он же.* Северные народные драмы. СПб., 1911.

44 ЦГАЛИ СССР. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—2. П. С. Богословский ошибочно указал, что Ончуков редактировал перед Октябрьской революцией газету «Кама». См.: Пермский краеведческий сборник. 1926. Вып. 2. С. 103.

45 ЦГАЛИ СССР. Соболевские А. И., Н. И., С. И., И. Т. Ф. 449. Оп. 1. Д. 277. Л. 1.

46 Там же. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 36.

47 Там же. Ф. 436. Оп. 1. Д. 2855. Л. 3—4.

48 Там же. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

49 Там же. Л. 6.

50 Там же. Д. 112.

51 Там же. Д. 56. 59.

52 Там же. Д. 57.

53 Ежегодник Тобольского музея. 1915. Вып. 26; ЭО, 1906. № 1—2. С. 108—114; 1909. № 1. С. 50—63; Зап. ЗСОРГО. Тюмень, 1916. Т. XXXVIII.

54 ЦГАЛИ СССР. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 57.

55 Там же. Л. 2, 4—6.

56 Там же. Л. 7, 7а, 12.

57 Там же. Д. 80.

58 Сказочная комиссия в 1927 году. Л., 1928.

59 *Ончуков Н. Е.* Масленица // Пермский краеведческий сборник. 1928. Вып. IV.

60 ЦГАЛИ СССР. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 95.

61 *Городцов В. А.* Заметка о загадочных знаках на обломках глиняной посуды // Археологические известия и заметки (Тр. Московского археологического общества). М., 1898. Т. VI. № 11—12. С. 371; *Городцов В. А.* Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками // Археологические известия и заметки (Тр. Московского археологического общества). 1897. Т. V. № 12.

62 В кн.: С. Ф. Ольденбургу: К 60-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934.

63 ЦГАЛИ СССР. Ф. 449. Оп. 1. Д. 277. Л. 36.

64 Изв. Отделения по русскому языку и словесности Всесоюзной академии наук. 1930. Т. 2, кн. 1; Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М.; Л., 1935. Вып. V.

65 ЦГАЛИ СССР. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 121. Л. 1; Д. 34.

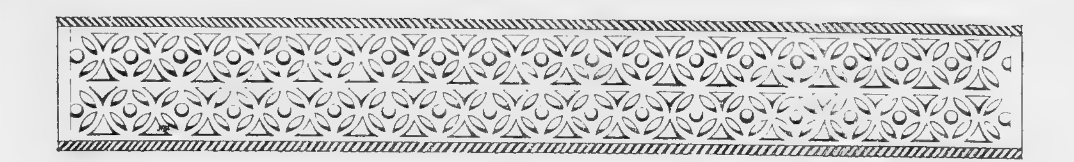
66 Там же. Чичеров В. И. Ф. 1549. Оп. 1. Д. 194.

67 В 1983 г. текст статьи был опубликован. См.: *Налепин А. Л.* Исследователь фольклора Русского Севера Николай Ончуков // Лит. учеба. 1983. № 4. С. 197—198.

68 ЦГАЛИ СССР. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 41.

69 Там же. Д. 32.

70 Там же. Д. 18.



Н. М. Щербанов

ИЗ ИСТОРИИ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ПЕСЕННОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ
(Сборник А. В. и В. Ф. Железновых, 1899 год) *

Александра Владимировна и Владимир Феофилактович Железновы известны как собиратели музыкального фольклора уральских казаков. Наибольшую значимость для истории русской музыкальной культуры имеет их сборник «Песни уральских казаков», впервые вышедший в свет в 1899 г. и выдержавший три издания. До настоящего времени сборник Железновых — единственное собрание уральских песен, опубликованных с напевами [1].

Собирательская и исследовательская деятельность А. В. и В. Ф. Железновых протекала в русле пристального интереса научной общественности России в XIX — начале XX в. к казачьему фольклору, в частности — к уральскому.

Уральские (яицкие) казаки привлекали внимание передовой интеллигенции в основном как исторически своеобразный слой русского населения, активно участвовавший в движениях Разина и Пугачева, как носители мятежного фольклора, хранившие традиции песен русской вольницы.

В конце XIX в. (1888 г.) было переиздано с существенными дополнениями богатое фольклорным и этнографическим материалом собрание сочинений И. И. Железнова «Уральцы. Очерки быта уральских казаков» [2]. Почти одновременно (1890) вышел «Сборник уральских казачьих песен» Н. Г. Мякушина, положительно оцененный в «Вестнике Европы» А. Н. Пыпиным [3]. Былины и исторические песни, записанные на Урале И. И. Железновым, Н. Ф. Савичевым, Н. Г. Мякушиным, А. В. и В. Ф. Железновыми, Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер включили в издание «Русские былины старой и новой записи» (1894); позже В. Ф. Миллер поместил их в сборнике «Былины новой и недавней записи из разных местностей России» (1908) и «Исторические песни русского народа XVI—XVII вв.» (1915). Он опубликовал также большое исследование «Казацкие эпические песни XVI—XVII вв.», многие страницы которого посвящены анализу эпической традиции на Урале (Яике) [4].

Особый интерес представляют записи песенного фольклора уральских казаков, произведенные на Урале летом 1900 г. В. Г. Короленко [5].

Музыкальный песенный фольклор уральских казаков привлек известную собирательницу Е. Э. Линеву. В статье «Народные песни и их запись посредством фонографа» она писала, что ей удалось собрать «небольшой хор казаков-певцов», которые находились в Петербурге, и «положить начало коллекции казацких песен», предприняв «опыт записи их в фонограф» [6]. К записи музыкального фольклора уральских казаков Линева обращалась неоднократно и даже предполагала издать отдельный сборник. По свидетельству Е. Канн-Новиковой, хорошо знавшей архив

* Анализ особенностей музыкального стиля песен сборника проведен при участии Т. И. Калужниковой, старшего преподавателя Свердловской консерватории им. М. П. Мусоргского.

собирательницы, Линева записала в г. Нижнем Новгороде (Горьком) от небольшой группы уральских казаков четыре песни [7].

Интерес к музыкально-песенному творчеству уральского казачества в конце XIX — начале XX в. был стойким и определенным не только в центре, но и на самом Урале.

В конце века среди передовых кругов уральской интеллигенции наблюдается повышенный интерес к песенному фольклору и этнографии Уральского казачьего войска. В этот период на страницах газеты «Уральские войсковые ведомости», которая служила важным краеведческим центром Уральской обл., появилась серия фольклорно-этнографических статей и очерков, содержащих песенные тексты. Особенно интенсивно вопросы казачьей песни обсуждались на страницах местной печати накануне издания «Сборника уральских казачьих песен» Н. Г. Мякушина. Вклад Н. Г. Мякушина в дело собирания и изучения песенного фольклора Урала бесспорен. «Сборник уральских казачьих песен», по определению составителя, «представляет первый опыт восстановления в памяти нашего казачества своих родных песен» [8]. В него были включены 162 песни и 18 стихотворений Уральского и других казачьих войск.

Н. Г. Мякушин сыграл значительную роль в активизации собирательской деятельности в крае. Начиная с 1885 г. он публикует еще до выхода из печати сборника в газете «Уральские войсковые ведомости» ряд статей под общим названием «Уральские казачьи песни» [9], в которых разработал своеобразную программу для уральских собирателей, где предложил «войсковому сословию» «содействовать составлению» своего «Сборника» «присылкою ... тетрадей, записок или просто выписок песен, касающихся вообще жизни наших казаков» [10].

Принципы собрания казачьих песен, изложенные Н. Г. Мякушиным, отвечали тогдашним научным требованиям. В них собиратель ратовал за бережное отношение к тексту песни, за сохранение диалектных особенностей речи исполнителя, «чтобы песни эти, по приемам и простоте, не отклонялись от тех песен, кои имеются в среде казачества, и не искажались по усмотрению любителей, а записывались ... с теми выражениями, которые сохранились у казаков до настоящего времени». Н. Г. Мякушин ориентировал своих корреспондентов преимущественно на казачьи песни «как исторического, военного, бытового, так и другого содержания, поющиеся как в строевых частях, так и по станицам». Как видим, Н. Г. Мякушин отдавал явное предпочтение стационарному методу собирания фольклора перед экспедиционным. Проживая в разных уголках Уральского казачьего войска, собиратели-любители глубже знали бытующие в их среде произведения устного народного творчества. «Без сомнения,— писал Н. Г. Мякушин,— в каждом поселке, хотя бы и самом маленьком, всегда найдутся грамотные люди, как в лице казаков, так и в особенности урядников, которые, конечно, сочувствуют нашему предприятию и, следовательно, непрочь в свободное для них, в особенности в предстоящую масленицу, и самое удобное для всех время позаимствовать от известных в своем жительстве лиц, знающих казачьи песни, и записать что-либо, а если возможно — сообщить имя того лица, которое передает песню». Н. Г. Мякушин адресовал свою программу в основном «ко всем учителям народных школ в войске, а также к станичным и поселковым атаманам, фельдшерам и писарям» [11].

Эта широкая и в целом верная программа, сориентированная на привлечение к собирательской работе широких слоев населения, имела существенный недостаток, а именно — не учитывала отсутствия определенных навыков у большей части любителей-фольклористов, для которых она предназначалась. Вместе с тем программа Н. Г. Мякушина сыграла положительную роль в организации дальнейшей работы по собиранию и исследованию песенного фольклора уральских казаков. Она стимулировала работу значительной группы фольклористов из числа образованных офицеров и грамотных казаков, хорошо знающих народную жизнь [12], и способствовала многочисленным публикациям в местной печати, завер-

шившимся изданием сборников Н. Г. Мякушина и А. В. и В. Ф. Железновых.

В 1886 г. «Уральские войсковые ведомости» печатают большое исследование неизвестного автора под скромным названием «Заметка об уральских казачьих песнях»[13]. Данная публикация была непосредственным откликом на статью Н. Г. Мякушина. В ней приведены двадцать редчайших песен, преимущественно исторических, с обширными историко-этнографическими комментариями. По сути дела, автор «Заметки» определил свой принцип публикации казачьих песен: «При издании сборника было бы желательно видеть наши казачьи песни в связи с теми событиями исторической жизни нашего казачества, коими песни эти вызваны, снабдить их историческими сказаниями, преданиями, легендами, так сказать, осветить их по возможности, вложить в них душу живую»[14].

Из данной публикации в сборник Н. Г. Мякушина вошла только одна песня «На заре было, братцы, на зориньке». По всей вероятности, собиратель использовал в своем сборнике только определенную часть присылаемых песен. По крайней мере, сам он указывал: «Несмотря на обилие собранных песен, считаю долгом сказать, что здесь, однако, далеко не все существующие на Урале казачьи песни. Пробелы, надеемся, со временем будут пополнены если не мною, то кем-либо из любителей этого дела; мне же при всем моем желании за неимением достаточно свободного времени и средств не представляется возможности осуществить это желание в настоящее время». Пробелы эти и были восполнены изданием сборника Железновых «Песни уральских казаков».

А. В. Железнова — одна из первых женщин-композиторов, внесших определенный вклад в русскую музыкальную культуру конца XIX — начала XX в. Творческое наследие Железновой изучено слабо, хотя к нему неоднократно обращается музыкальная общественность[15].

История русской науки XIX — начала XX в. знает немало имен женщин, способствовавших развитию отечественной этнографии и фольклористики. Одни из них работали самостоятельно (Е. А. Линева, Е. Н. Елеонская и др.), некоторые были сподвижницами своих мужей (А. В. Потанина, О. К. Позднеева и др.) или братьев (В. Н. Харузина).

А. В. Железнова родилась 17 сентября 1870 г. в Петербурге в семье чиновника. Отец рано умер. Мать ее вторично вышла замуж за А. А. Строганова, главного врача городской больницы в Петергофе. А. В. Железнова росла в атмосфере высокой культуры. Ее мать прекрасно играла на рояле и была первой учительницей дочери, которая с раннего детства полюбила музыку, как и литературу, обладала большой способностью осваивать языки. Основы музыкального образования она получила под руководством профессоров Петербургской консерватории Б. Чези и Ф. Черни. Затем она совершенствовала мастерство у Антона Григорьевича Рубинштейна. Большую поддержку Железновой оказал М. А. Балакирев — основатель «Могучей кучки». Из сохранившихся писем Железновой к Балакиреву (см. письмо от 7 апреля 1906 г.)[16] видно, что он способствовал развитию ее композиторской деятельности, содействовал изданию ее произведений (в основном романсов) в самых известных в то время музыкальных издательствах П. И. Юргенсона и Ю. Г. Циммермана[17]. Дружеские отношения между ними, начавшиеся в середине 90-х годов прошлого века, поддерживались долгие годы. В это время она лично общалась и с Н. А. Римским-Корсаковым; сохранилось ее письмо к Римскому-Корсакову, относящееся ко второй половине 90-х годов[18]. По воспоминаниям дочери Ксении Владимировны Осечкиной-Железновой, Александра Владимировна поддерживала длительные годы общение и с А. К. Глазуновым[19].

Среди споров о музыке, о литературе и искусстве, в окружении выдающихся музыкантов шло формирование Железновой — композитора и собирателя народных песен. Под непосредственным воздействием Бала-

4 Заказ № 891



А. В. Железнова



В. Ф. Железнов

кирева и Римского-Корсакова она создает и публикует многочисленные инструментальные сочинения.

Однако как человек исключительной скромности, требовательности к себе и трудолюбия Железнова не сразу и не все отдавала в печать, хотя Балакирев и настаивал на издании ряда других ее произведений [20]. Опубликованное представляет лишь незначительную часть из всего созданного ею. В последние же годы жизни (она умерла 6 марта 1933 г.) А. В. Железнова занималась в основном преподавательской деятельностью.

Судьба архива А. В. Железновой, находящегося в Ленинграде, печальна. Он погиб почти полностью. «Рукописи были в большом количестве,— пишет в своих воспоминаниях К. В. Осечкина-Железнова,— их была целая корзина. Позднее в блокаду они погибли» [21]. Дочери удалось собрать немного по крупицам из ее сочинений и эпистолярного наследия *.

Без сомнения, влияние творчества и идей «Могучей кучки», тесно связанное с народно-песенной основой, способствовало обращению Железновой к изучению и непосредственному собиранию памятников музыкального фольклора. По-видимому, Балакирев привлек Железнову к работе в Песенной комиссии Русского географического общества, с 1884 г. развернувшей активную собирательскую деятельность. Как известно, Балакирев был одним из инициаторов учреждения этой Комиссии, а также организации ежегодных экспедиций для записи русского музыкального фольклора.

Немаловажное значение для Железновой имела и практическая деятельность композиторов «Могучей кучки». Известно, например, что с целью глубокого изучения народного творчества Балакирев в 1860 г. ездил на Волгу, где записывал песни непосредственно от бурлаков и крестьян. Находясь летом 1868 г. в Кисловодске, сам Балакирев живо интересовался песенным фольклором терских казаков, задумывал поездку по стани-

* За предоставленную возможность ознакомиться с архивом А. В. Железновой выражаю благодарность ее дочери Ксении Владимировне Осечкиной-Железновой.

цам Терской области. В письме к отцу А. К. Балакиреву от 4 июля 1868 г. он сообщает о предварительной договоренности с командующим войсками края М. Т. Лорис-Меликовым, который «может мне дать все удобства при проездах через казачьи станицы, где я могу останавливаться для собирания песен. Особенно мне хочется этим заняться в Червленой станице»[22]. К сожалению, поездки Балакирева по Волге и по Терскому краю остались почти не освещенными в исследованиях жизни и творчества композитора. Римский-Корсаков также неоднократно совершал поездки по стране, чутко прислушиваясь к звучавшим вокруг народным песням. Активизирующее воздействие композиторов «Могучей кучки» на полевую работу собирателей народной песни было более глубоким и разносторонним, чем это нередко представляется.

Желание услышать народную песню в живом исполнении привело и А. В. Железнову к уральским казакам. Выбор маршрута экспедиции определился не только интересом к казачьим песням, но и обстоятельствами ее личной жизни. В середине 90-х годов она вышла замуж за казачьего офицера Владимира Феофилактовича Железнова, служившего в то время в Петербурге. У них нашлось много общего. Особенно объединяла их любовь к музыке. Железнов тонко чувствовал народную песню, сам прекрасно играл на музыкальных инструментах[23]. Все это благоприятствовало их совместному обращению к собиранию музыкального фольклора.

В. Ф. Железнов родился 4 февраля 1863 г. в Уральске, по происхождению он сам уральский казак. Закончив Петербургский археологический институт[24], что сказалось впоследствии на его научных интересах, он все же долгое время служил в казачьих частях Уральска и Петербурга. Участник первой мировой войны, в 1914 г. он был дважды тяжело ранен и контужен, в результате чего потерял большой процент зрения (дату смерти выяснить не удалось). Железнов был членом Отделения этнографии Русского географического общества, как и его жена, а также действительным членом Русского военно-исторического общества[25].

Научные интересы Железнова были многогранны. Ряд своих исследований он посвятил истории ремесел и холодного оружия в России, организации военного дела, живописи, библиографии. Он работал также в области изучения истории Уральского казачьего войска, исторической этнографии[26]. Изучением устного творчества уральского казачества он занимался, привлекая этнографию и историю края, что было характерно для большинства собирателей и исследователей фольклора в то время.

В 1913 и 1914 г. Железнов вел библиографический отдел в «Журнале Русского военно-исторического общества», где напечатал около двадцати обзоров содержания журналов «Исторический вестник», «Русская старина», «Русский архив», «Военно-исторический вестник» и другие работы[27].

Среди собирателей уральских казачьих песен Александра Владимировна и Владимир Феофилактович Железновы занимают особое место не только потому, что ими записаны малоизвестные сюжеты, но в большей степени потому, что песенные тексты зафиксированы вместе с напевами, что в XIX — начале XX в. делалось не всегда; также записи были достижением «Могучей кучки». Искусством нотной записи редко кто владел, фонографы только-только стали применяться и были несовершенны, а другой звукозаписывающей аппаратуры вообще еще не было.

К работе над составлением сборника «Песни уральских казаков» А. В. и В. Ф. Железновы приступили после основательного знакомства с существующими сборниками русских песен, в частности с изданием: «Сборник русских народных песен, составленный М. Балакиревым» (1866). Не случайно Балакирев утверждал: «Мой сборник открывает новую их (песенных сборников.— *Н. Щ.*) серию, и в подражание ему вскоре явился сборник Римского-Корсакова и многих других»[28].

Сборник «Песни уральских казаков» был итогом нескольких поездок Железновых по станицам и поселкам Уральского казачьего войска в

1896—1898 гг. За это время собиратели сумели охватить район протяженностью более 500 километров.

Правда, еще в 1880-х годах В. Ф. Железнов один записал несколько песен с напевами, но эти записи представляют собой только небольшую часть всего собрания.

Маршруты поездок Железновых восстановить сейчас можно только приблизительно, основываясь главным образом на примечаниях к песням. Можно наметить два маршрута. Первый: Уральск — Трёкинская станица—Гниловский поселок—Рубежинская станица—Требушинский поселок (населенные пункты, расположенные от Уральска вверх по Уралу); второй маршрут: Уральск—Круглоозерская станица—Бударинская станица—Кожехаровская станица—Лбищенский поселок—Горяченская станица—Мергеневский поселок—Кулагинская станица—Сарайчиковская станица (населенные пункты, расположенные от Уральска вниз по Уралу).

Собиратели открыли на Урале таких замечательных певцов, как Моисей Болдырев, Григорий Калягин, Яков Любин, Лев Морунов, Савватий Пискунов, Петр Плаксин, часть текстов сообщил отец собирателя — Феофилакт Сергеевич Железнов. От них записаны наиболее ценные и полные тексты. Все они были искусными, музыкально одаренными певцами, что подтверждается мелодиями песен, записанными от них Железновыми и представленными в сборнике. Многие песни зафиксированы в непосредственной бытовой обстановке: на казачьей «вечерке», на свадьбе, на багренном рыболовстве. Комментарии к песням не всегда обширны, порой даже слишком лаконичны, но все же в них четко указаны место и время записи, имя, фамилия и возраст исполнителя. Известно, что указания на географию бытования фольклорного материала имеют большое значение, так как позволяют судить о конкретно-исторических условиях его возникновения.

Сборник «Песни уральских казаков» содержит 61 песню в обработке для голоса с сопровождением фортепиано; он представляет собой только часть всего песенного собрания Железновых. В одной из статей, «Ответ В. П. Бородину на его заметку „Наши песни“», Железнов подчеркивал: «Песен мною собрано около 150, не считая вариантов ... Одной лишь песни „Яикушка“ записано 9 вариантов, лишь отдаленно напоминающих друг друга; если эти и других песен варианты не помещены в сборнике, то причиной этому является исключительно недостаток средств, а никак не доброго желания с моей стороны» [29]. Местонахождение всех записей песен неизвестно.

Собиратели ориентировались в основном на старинную казачью песню, ценную в эстетическом отношении, несколько игнорируя народно-песенное творчество позднего происхождения: городской романс, рабочую песню. В предисловии «Несколько слов от собирателя» Железнов определяет основную идею сборника — сохранить для искусства, спасти от забвения уцелевшие сокровища народной поэзии: «С каждым днем старинные песни все более и более забываются, вытесняются другими — современными (солдатскими и фабричными), а иногда мотив переделывается или заменяется каким-либо другим, слышанным где-нибудь на стороне. Сохранить хотя бы часть того немногого, что осталось еще в памяти у некоторых казаков от той массы песен, которые пелись нашими предками, составляет мою цель, цель издания настоящего сборника» [30].

В содержании сборника отразилось стремление собирателей полнее изучить казачью песню в историко-этнографическом аспекте. Обращая главное внимание на старинную песню, представляющую, по их мнению, «наибольший музыкальный интерес», они учитывали, однако, отчасти и песни позднего происхождения: «...исключить последние песни нельзя, так как они дополняют историческую картину музыкального развития нашего казачьего войска от древних времен и почти по настоящее время» [31].

Таким образом, собиратели еще в конце прошлого столетия обратили внимание на значительные изменения в судьбах казачьей песни на Урале, на сложные процессы смены и взаимодействия старых и новых песенных форм и сделали попытку осмыслить эти процессы на материале такого относительно замкнутого фольклорного региона, как Уральское казачье войско.

Особая заслуга собирателей состоит в том, что они сумели записать и тем самым сохранить для потомков значительное количество древних жанров эпического характера.

Сборник «Песни уральских казаков» содержит редкие образцы былин, исторических, балладных, лирических, военно-бытовых, тюремных, свадебных, колыбельных песен. К достоинствам сборника следует отнести отсутствие в нем песен официозного, казенного характера и бравурных строевых, сочиненных на разные случаи походной жизни казачьими офицерами. В этом смысле сборник «Песни уральских казаков» Железновых отличается в лучшую сторону от «Сборника уральских казачьих песен» Н. Г. Мякушина.

В сборник Железновых включены следующие былинные сюжеты: «Добрыня и Маринка», «Ставр Годинович», «Илья Муромец на „Соколе-корабле“», «Сыр-матерый дуб» (Спор сокола с конем). Былина о Ставре Годиновиче известна у уральских казаков только по этой единственной записи. Ни до Железновых, ни после она не была зафиксирована собирателями уральского казачьего фольклора. Несмотря на это, уральский вариант былины о Ставре был использован В. Ф. Миллером для весьма широкого обобщения: «Из сюжетов, известных исключительно на севере и представляющих продукт новгородского творчества ... известен казакам сюжет о Ставре и его жене» [32]. Вместе с тем полной уверенности о проникновении в казачий эпос новгородской былины у В. Ф. Миллера не было. Он склонен был допускать, что имя Ставра внесено «в сюжет другого содержания». Свои сомнения исследователь основывает на том, что в казачьем варианте «Ставер не хвалится, как обычно в этом сюжете, хитростью-мудростью своей жены, которая обманет всех князей-бояр и самого Владимира, а просит у князя дозволенья „боярам правду сказать“» [33]. В данном случае В. Ф. Миллер не учел специфики казачьего песнопения. То, что для классической русской былины в ее северном варианте считалось пропуском или неполнотой эпизода, для казачьей былины было нормой. Без сомнения, данный сюжет бытовал среди уральских казаков; следовало бы проследить возможные исторические пути проникновения его на Яик.

Былины, записанные Железновыми, а также их предшественниками, в частности И. И. Железновым, Н. Ф. Савичевым, Н. Г. Мякушиным, А. П. Хорошхиным и другими, В. Ф. Миллер рассматривал как отрывки классических былин, отличающиеся «краткостью, скомканностью содержания, контаминациями» [34]; но есть и другая точка зрения, которую разделяет А. М. Астахова, что это «особые песенные сюжеты, рисующие богатырей в различных обстоятельствах» [35]. Былины, зафиксированные в наше время (50—70-е годы), по-видимому, подтверждают эту вторую точку зрения.

Тексты былин и примечания к ним собирателей вызывают ряд важных вопросов. Во-первых, почему именно данные сюжеты былин были распространены среди казачества в конце XIX в., и, во-вторых, какие изменения претерпели эти сюжеты во время длительного бытования на Урале.

В середине XIX в. И. И. Железнову удалось зафиксировать, что старый казак И. М. Бакиров знал былину «Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши» [36]. В тот же период создаются собственно казачьи сюжеты былин, такие, как «Илья Муромец на „Соколе-корабле“», «Спор сокола с конем» и др. Основой этих последних двух произведений послужили местные события, опоэтизированные в духе классической эпической традиции.

На поздней стадии, приблизительно с конца XVIII в. былина, сохраняя традиционную общерусскую основу, значительно от нее отличается. Текст ее очень краток, опущены отдельные эпизоды. Основное внимание сосредоточивается на распеве наиболее важных, центральных ситуаций. Иногда же распевается только начало былины с прибавлением к нему какого-либо эпизода или краткой концовки. К концу XIX в., т. е. собственно к моменту записи Железновыми былинных сюжетов, эти тексты отличались выраженной краткостью и вместе с тем композиционной завершенностью. Особенно ярко это своеобразие, сложившееся за период многовекового бытования среди уральских казаков, видно в текстах «Былина про Ставра Годиновича» и «Добрыня Никитич» («Добрыня и Маринка»). В былине о Ставре в более или менее полном виде дано только описание пира у князя Владимира и хвастания пирующих:

Не во матушке было да во Рассеюшке,
Не во славном было городе во Киеве,
Что во каменных палатах государевых,
Что у ласкового князя Владимира,
Собиралась пир-беседушка почетная,
Что честная-то, хвальная, больше радостная.
Они пьют-то, гуляют, прохлаждаются,
Промежду себя бояре похваляются:
Как богатый-то он хвалится богачеством своим,
А как сильный-то он хвалится да силою своей,
Уж он силою своею богатырскою,
А убогий-то хвалится божьей милостью...
Как один из них, Ставер-то, он не хвалится,
Он не хвалится, Ставер, все улыбается.

Особое внимание в былине сосредоточено на словах Ставра, обращенных к боярам:

Уж вы, глупые бояре, неразумные,
Да вы сильные, могучие, нерассудливые!
Да нашли же чем, бояре, похвалятися,
Да нашли же чем, могучи, величатися.
Да и кто бы из вас какой город взял?
Да и кто бы из вас каку силу отогнал? [37]

Этим вполне исчерпывается конфликт былины. Основная же сюжетная линия, связанная с верной и мудрой женой Ставра, посрамившей бояр и самого князя Владимира, в уральской былине утрачена. Возможно, на былину оказали влияние казачьи исторические песни о Ермаке, в которых мотив непосредственного столкновения казачьего атамана с боярами Грозного является доминирующим, как, например, в песне «Как на Волге-реке, на Камышинке»:

Да возговорил один думчий боярин:
«Еще мало нам Ермака казнити, вешати».
Да возговорил Ермак, сын Тимофеевич:
«Злодей боярин, не царский думчий!
Без суда хочешь меня казнити, вешати!»
Богатырская его сила подымалася,
И богатырская его кровь разгоралася:
Вынимал Ермак из своих ножен саблю вострую —
Буйная голова от плеч могучих отвалилася
И по царским палатам покатилася [38].

Былина «Добрыня и Маринка», записанная собирателями в Бородинской станице от урядника Льва Морунова, также приобрела к концу XIX в. свои чисто «казачьи» черты. В ней имеется только главный эпизод — столкновение Добрыни и Маринки. Причем особое внимание в былине сосредоточено на «двух голубчиках», которые показаны как противники Добрыни. Голуби олицетворяют собой в данном тексте чародейство, идущее от Маринки, поэтому действия Добрыни, когда он стреляет в них, вполне естественны. Былина даже дает разъяснение, почему Добрыня стреляет именно в голубей:

Не убил-то Добрыня голубчика сизенькова,
А убил у Маринки друга миленькова —
Друга милого, змея Тугарина! [39]

Былина «Как доселева про кияп-море не слыхано» («Илья Муромец на „Соколе-корабле"»), содержит в основном эпизод отъезда богатыря из дома, само же действие в ней очень кратко. Получилась на первый взгляд странная картина: запев былины стал основным в новом тексте, а самое главное — подвиг богатыря как бы выпал из поля зрения сказителей. Объяснение этому факту, вероятно, следует искать в условиях жизни казачества, особенностях их военно-бытового уклада. Былинные запевы, в которых рассказывается об отъезде богатыря, выборе и седлании им коня, о сборах в дальнюю дорогу, были наиболее близки казакам, импонировали их чувствам. Следует также указать и на то, что тема отъезда казака на военную службу, прощания его с родиной и родными — одна из самых популярных в казачьем фольклоре. В сборнике Железновых довольно много песен с подобными мотивами: «Проводы казака на службу», «Отправился казаченька на воевальнице», «Что закручинился, служивый», «Как не ясен-то сокол» и др. Можно предположить, что некоторые былины могли исполняться во время проводов казаков на службу или на войну. Классическая былина, попадая в казачью среду, кроме указанных изменений, приобрела, по всей видимости, функциональное разнообразие. Интересно, что былина «Добрыня и Маринка» в современном фольклорном репертуаре уральских казаков квалифицируется как свадебная песня. Исполнительница В. Н. Красильникова, передавая в 1973 г. нам эту былину, сообщила, что впервые услышала ее на свадьбе.

Исполнение былинных текстов в качестве обрядовых давно известно в науке. Так, А. А. Краевский сообщал из Сибири о том, что былина о Соколе-корабле исполнялась там во время святок как обычная колядка [40].

Особое внимание собиратели уделили историческим песням. Записи этих песен произведены в крае, где в прошлом происходили народные восстания, «волнения» и «бунты» свободолюбивого казачества. Это наложило определенный отпечаток на тематику ряда записанных текстов.

Большая часть исторических песен связана прямо или косвенно с историей Уральского казачьего войска. Из исторических песен Железновы поместили в сборнике песни о Ермаке: «Как на Волге-реке, на Камышинке» (Ермак в казачьем кругу); о Разине: «Ой не вечор то ли, не вечор» (Сон Стеньки Разина), «Как по морю, морю синему» (Разин в казачьем кругу); об Отечественной войне 1812 г.: «Не со гор-то, со гор» и др.

Внимание собирателей привлекали и песни, отразившие примечательные события, происшедшие непосредственно в Уральском казачьем войске. Это прежде всего песни, в которых звучат мотивы противопоставления уральской казачьей общины царизму. Время создания этих песен можно отнести к началу XIX в. Среди них следует выделить песню «Год князя Волконского на Урале», правдиво передающую события 1803 г., когда были, по сути, уничтожены в казачьем войске остатки самоуправления.

Довольно полно в сборнике представлены песни о военных походах уральских казаков в Хиву. Это песни: «Поход Шамая в Хиву», «Утвинские горы», «Как по этой по дороженьке», «Сине море зашумело». Они отличаются достоверным отражением исторических событий. В них часто упоминаются точные даты военных походов, названия городов, рек, мест сражений и пр. Многочисленны военно-бытовые песни, в которых отражены эпизоды, связанные с несением воинской повинности: проводы на службу, сама служба, возвращение в родные места, а также ранения и смерть в бою [41].

В предисловии к сборнику Железнов определяет устойчивость живой песенной традиции на Урале рядом причин: «Если песня изменилась все-таки сравнительно мало, то благоприятной тому причиной, мне кажется, послужила распространенность по всему войску старообрядчества, имеющего и в настоящее время в среде казаков массу приверженцев,—

оно „обособило“ казаков, заставило их жить своей особой жизнью от других поселенцев в войске и ближайших соседей: киргиз, татар и калмыков»[42]. В. Ф. Миллер считал, что влияние старообрядчества В. Ф. Железновым «несколько преувеличено, но, несомненно, верно замечание и наблюдение собирателя, что это влияние заметно в манере петь»[43]. Особенность этой манеры заключается, по мнению Железнова, в том, что «очень мало казаков, поющих не в „нос“, что производит, так же как и отсутствие низких голосов у мужчин, странное впечатление»[44].

По замечанию музыковеда Т. И. Калужниковой, устно сообщенному мне, связи с древнерусским певческим искусством в уральских казачьих песнях не очень сильны, о чем свидетельствуют и современные нам записи. Правда, есть одна черта в казачьих песнях, сближающая их с некоторыми древнерусскими песенными жанрами: это особого рода декламационные запевы, которые начинаются с речитации на одном звуке мелкими длительностями, а заканчиваются распевно, с постепенным укрупнением ритма. В сборнике таковы, например, запевы песен «Утвинские горы» и «Долина моя, долинушка». Характерно обозначение Т. И. Калужниковой темпа в них: senza tempo (букв. «без темпа»), что указывает на свободно-импровизационную декламационную манеру исполнения. Но подобных примеров не так много. Наиболее «открыто» связи с русской культовой музыкой проявляются в духовных стихах — там стилистика знаменного распева зачастую является определяющей[45]. Впрочем, в сборнике Железновых записей духовных стихов нет.

Что касается «восточных влияний» в напевах, о которых говорится в предисловии, то собиратели, обладая тонким слухом, подметили некоторые «нарушения чистоты великороссийского стиля» в уральских казачьих песнях, которые и могли быть восприняты как проявление восточных влияний. Зачастую восточный колорит привносится фортепьянным сопровождением.

Более определенно можно говорить о признаках городской народной песни, ассимилировавшей западноевропейские музыкальные традиции: это и свойственные городской песне лады (мелодический и гармонический минор) и значительная роль гармонии в напевах (движение мелодии по тонам аккордов). Особенно это характерно для песен «На дубу сидел, дубочке», «Отправился казаченька на воевальнце», «Уж ты зоренька, заря» и др.

Запись песенных мелодий осуществлялась авторами «на слух», гармонизация песен была произведена профессором Петербургской консерватории А. А. Петровым[46]. Соотнося метод создания данного сборника с поисками фольклористов-собирателей рубежа XIX—XX вв., напомним, что лишь с 1896 г. начинается фиксация народных песен с помощью фонографа. Появляется также ряд публикаций, целиком составленных из нотаций фонозаписей, воспроизводящих реальное звучание песен. К их числу относятся, в частности, «Песни уральских казаков», записи былинных напевов сказителя И. Т. Рябинина, нотированные А. Аренским и Н. Янчуком и опубликованные в приложении к статье Е. Ляцкого «И. Т. Рябинин и его былины»[47], «Великорусские песни в народной гармонизации» Е. Линевой (вып. 1 — 1904 г., вып. 2 — 1909 г.) и др. В 1906 г. появляются первые публикации расшифрованных с фонографа А. Листопадовым донских казачьих песен в многоголосом изложении[48].

Сборник Железновых, созданный на основе слуховых записей, а не расшифровок с фонографа, тем более представляющий народные песни в обработке, по своему характеру ближе собраниям более раннего периода, в частности сборникам Балакирева «40 русских народных песен» (1866) и Римского-Корсакова «100 русских народных песен» (1876—1877). Сходство особенно заметно благодаря близости фортепьянного сопровождения А. А. Петрова стилю гармонизаций Римского-Корсакова: в обоих случаях соединяются условно-восточные и западноевропейские гармонические обороты с элементами русской песенной стилистики. Все это послужило предметом оживленной полемики, в которой участвовал, в частности, ре-

дактор «Уральских войсковых ведомостей» В. П. Бородин, утверждавший, что «аккомпанемент не дает той своеобразной мелодии, которой отличаются наши старинные песни» [49]. Он считал также необходимым применение фонографа для записи нескольких вариантов одной песни и «„выработки" настоящего мотива» [50]. Следует, однако, подчеркнуть, что, хотя записи Железновых производились без помощи фонографа, собиратели признавали, конечно, перспективность применения звукозаписывающих устройств в работе фольклористов, но просто не могли обеспечить свои поездки фонографом, бывшим еще редким и дорогим аппаратом. «Применение фонографа к записям песен,— подчеркивал В. Ф. Железнов,— действительно желательно, и г-жа Линева за это именно применение была награждена в 1899 г. серебряной медалью от Отделения этнографии императорского Русского географического общества, действительным членом коего я имею честь состоять, и на этих демонстрациях фонографа я и присутствовал». Однако сами Железновы не смогли использовать фонограф по материальным соображениям. «Нужны очень большие средства»,— писал он далее, полемизируя с В. П. Бородиным; «вполне годный для записей фонограф стоит от 450 до 600 р., каждый валик от 75 к. до 90 к., а также нужно присчитать дорожные расходы, проезды и пр., вплоть до угощения певцов, ибо большинство из них без угощений не поет (последнее говорю из опыта)» [51].

Сравнение материала Железнова с живой песенной практикой уральского казачества [52] обнаруживает некоторое расхождение при фиксации народной основы песни. Наши наблюдения над современным бытованием уральского казачьего фольклора основываются на материалах фольклорной экспедиции, проведенной летом 1981 г. Уральским педагогическим институтом (руководитель Н. М. Щербанов) совместно со Свердловской консерваторией (руководитель Т. И. Калужникова), а также на записях, сделанных собирателем уральских казачьих песен, сотрудником редакции газеты «Приуралье» (г. Уральск) Б. Б. Пышкиным. Однако не следует забывать, что время издания сборника было как бы переходным этапом в развитии музыкальной культуры того времени. Сборник Железновых завершал большой этап изучения и записи народной песни, связанный, что надо еще раз подчеркнуть, с именами выдающихся русских композиторов, введших народную песню в «большую музыку».

Репертуар казачьего музыкального фольклора подразделяется на мужские и женские песни. В сборнике «Песни уральских казаков» преобладают мужские. Основу сборника составляют былины, «разбойничьи» (по терминологии авторов), исторические, бытовые песни, определяющие «мужской» песенный репертуар. Песни «женские», к которым принадлежат свадебные, любовно-лирические, а также духовные стихи, в собрании Железновых представлены слабо или отсутствуют [53]. Возможно, предпочтение, отданное именно «мужским» песням, объясняется их своеобразием, обусловленным влиянием воинского быта. Однако подобное жанровое ограничение, не оговоренное и, к сожалению, произвольно исключающее из поля зрения целый раздел песен, искажает представление о реальной системе песенных жанров, бытовавших у уральского казачества сто лет назад.

Записи Железновых не всегда отражают и специфику хорового казачьего пения. Песни в рассматриваемом сборнике даны для одного голоса в сопровождении фортепьяно (иногда в вокальной партии дается эпизодическое двухголосие; хоровые голоса, по мысли собирателей, должны прослушиваться и в фортепьянном сопровождении). Более точно, чем в нотной записи, особенности уральского казачьего многоголосия переданы в словесном описании В. Ф. Железнова. Так, он указывает на наличие в песнях двух и трех голосов, т. е. отмечает многоголосную природу казачьих песен. При этом распределение голосов в ансамбле, по его словам, таково: два голоса движутся в основном «в терцию», третий противопоставляется им регистрово и темброво [54].

Приведенные замечания совпадают с наблюдениями Т. И. Калужниковой о разделении мужского казачьего ансамбля на две партии, определяемые терминами «басовать» и «дишканить»[55]. «Басующая» партия может расслаиваться на два голоса, верхний же подголосок всегда развивается индивидуально. Выражение «подголосок пущать», употребляемое Железновым и встречающееся до сих пор у казаков, метко определяет орнаментальный характер верхнего голоса.

Интересны в этом смысле наблюдения над характером казачьей песни, манерой ее исполнения, изложенные В. Г. Короленко в очерках «У казаков». Короленко подтверждает, правда, в художественной форме, наличие у уральских казаков многоголосия: «Старый, приятный, дрожавший сначала тенор Юносова окреп и зазвенел слезами и тоской старинной думы... Стены трактира опять будто раздвинулись, и опять влились в них отголоски степи. Каюрчай, сдвинув лохматые брови, пристал к Юносову, и печаль старой песни полилась ровным могучим потоком ...

Да распахана там пашня яровая —

В пение вступил третий старик и в лад присоединил к прочим свой могучий бас:

Пашня пахана не плугом, не сохою,
Она пахана булатными копьями,
Взборонена конскими копытами...

Эта дума, в которой войско до сих пор вспоминает о гибели целого отряда в жестокой степной сече с киргизами,— видимо, не умерла еще и в сердцах казачьей молодежи. Запевала (Юносов.— *И. Щ.*) опять вскинул голову, подпер щеку рукой, и его тонкий, несколько дикий фальцет взвился и заплакал над тремя старыми голосами, точно это был крик чайки над шумящей степью...

И засеяна та пашня яровая
Все казачьими удалыми головами[56].

Современные Железновым исследователи песенного фольклора уральских казаков зафиксировали на Урале многочисленные случаи пения в многоголосной мощной манере. Так, Ф. Неусыпов отмечал: «Бывало соберутся казаки гулять ... Десятки грудей богатырских мощно басами выводят, вторые воркуют; звенят, замирая в выси, тенора-подголоски»[57].

Однако всему этому противоречит тезис В. Ф. Железнова о том, что «пение уральских казаков унисонное»[58]. Возможно, в такой форме им выражено ощущение строгости уральского казачьего многоголосия, особенно заметной при сравнении песенного стиля казаков-уральцев с искусством казачества других областей. Правда, в предисловии Железнов не столь категоричен. Он пишет: «Большинство песен начинается запевом одного человека, потом вступает хор, хотя бы пение это и было „унисонное", зачастую хор вступает на половине слова»[59].

Сопоставление песенного репертуара, запечатленного В. Ф. Железновым, с кругом известных нам в настоящее время «мужских» песен позволяет выявить не особенно много общих произведений. Это былины «Добрыня Никитич» и «Как доселева про киян-море не слыхано», историческая песня «Взятие Азова», балладная — «Конь мой верный, конь ретивый». Эти песни, кроме последней, бытуют к тому же с иными, чем в сборнике Железновых, напевами. Современная мелодия песни «Конь мой верный, конь ретивый» лишь отдаленно напоминает железновский напев. Все эти факты свидетельствуют о том, что почти за столетие, отделяющее нас от времени создания сборника, в песенном репертуаре уральского казачества наметились изменения, которые связаны с угасанием старых песенных традиций и появлением песен с новой тематикой и поздним интонационным строем.

Сборник Железновых был высоко оценен еще при жизни собирателей. Он был подробно рассмотрен Художественным советом Петербургской

консерватории под председательством Н. А. Римского-Корсакова. Композитор, как пишет Железнов, «кроме официального и вполне благоприятного отзыва, удостоил меня еще частного не менее милостивого, но более сердечного» [60]. Рецензии и отклики на «Песни уральских казаков» появились в ряде солидных изданий. Откликнулись на сборник Е. Э. Линева, Н. И. Привалов, В. Ф. Миллер. Были и газетные отклики [61].

О ценности «Песен уральских казаков» говорят многочисленные факты обращения к нему фольклористов, музыковедов, композиторов. Издание Железновых наряду с другими сборниками казачьего фольклора позволило В. Ф. Миллеру, как уже упоминалось, установить существование былинной традиции в казачьих районах в целом [62]. Основоположник и организатор оркестра народных инструментов В. В. Андреев черпал из сборника Железновых пьесы для исполнения, а песня «Посажу ли я калинушку» до сих пор звучит в репертуаре этого оркестра. Ряд песен о Степане Разине из сборника неоднократно перепечатывался и в научных, и в популярных изданиях [63].

Наследие А. В. и В. Ф. Железновых еще слабо изучено. Предстоят поиски их архива. Но и то, что выявлено, имеет научную ценность в истории музыкальной фольклористики. Об общении обоих собирателей с музыкальным миром того времени свидетельствует не только деловая переписка А. В. Железновой с М. А. Балакиревым, Н. А. Римским-Корсаковым и Н. И. Приваловым [64], но и с тем же Приваловым ее мужа.

Сохранились письма В. Ф. Железнова к Н. И. Привалову, освещающие не только авторскую, но и редакторскую деятельность Железнова в «Альманахе армии и флота» (об историко-этнографических очерках, помещенных Железновым в этом издании, см. выше). В одном из писем он напоминает: «Милостивый государь Николай Иванович! Прошлой зимой и весной я говорил с Вами по поводу желательности помещения в „Альманахе" Вашей заметки „О народной музыке (песне) в войсках", и тогда же мы с Вами наметили программу этой заметки, которую Вы соглашались составить для „Альманаха" 1902 г. В настоящее время работа по „Альманаху" в полном ходу, и я беру на себя смелость напомнить Вам о выраженном Вами любезном согласии принять этот труд на себя». Дальше идет речь о сроках, о размере гонорара и говорится, что редакция надеется, что автор не откажет в „помощи изданию". Обращает на себя внимание уважительный тон, принятый, видимо, в редакции по отношению к авторам. «Для личных объяснений редактор всегда дома от 9 до 12 утра» [65]. Это письмо — официальное, на бланке. В других письмах к Н. И. Привалову Железнов обращается к нему на ты, местами шутливо и тоже называет часы, когда он дома,— «остальное время я занят работами в императорском „Эрмитаже"» [66]. Напомним, что в «Эрмитаже» коллекции В. Ф. Железнова располагались в отдельном зале. Железнов был связан и с Отделением этнографии Русского географического общества, приглашал туда Н. И. Привалова на концерт Д. В. Вучипича, который «покажет сербский музыкальный инструмент — односторонние гусли и исполнит под его аккомпанемент несколько сербских былин» [67]. Надо отметить, что деятельность В. Ф. Железнова как фольклориста и военного историка отмечается и в современной, советской литературе [68].

И в том, что до нашего времени дошли напевы (порой очень древние) уральских казачьих песен в записях прошлого века, пусть и не полностью удовлетворяющих, что естественно, требованиям современной науки о музыкальном фольклоре,— огромная заслуга авторов сборника «Песни уральских казаков».

[1] Сборник «Песни уральских казаков» был переиздан дважды: в 1901 и 1903 гг. в издательстве Ю. Г. Циммермана без всяких изменений.

[2] *Железнов И. И.* Уральцы: Очерки быта уральских казаков // Собр. соч.: В 3-х т. 2-е изд. СПб., 1888. 1-е изд. вышло в 1859 г.

[3] *Пыпин А. Н.* Рец. на кн.: Сборник уральских казачьих песен. Собрал и издал Н. Г. Мякушин. 162 песни и 18 стихотворений Уральского и дру-

тих казачьих войск. СПб., 1890 // ВЕ. 1899. Кн. 2. С. 887—890.

[4] ЖМНП. 1914. № 5, 6 (Перепечатано в кн.: *Миллер Вс. Ф.* Очерки русской народной словесности. М.; Л., 1924. Т. III).

[5] См.: *Щербанов Н. М.* В. Г. Короленко и уральское казачество // В. Г. Короленко. У казаков. Из летней поездки на Урал. Челябинск, 1983.

[6] Вестник казачьих войск. СПб., 1900. № 5.

[7] *Канн-Новикова Е.* Собирательница русских народных песен Евгения Линева. М., 1952. С. 63.

[8] *Мякушин Н.* Предисловие // Сборник уральских казачьих песен / Собрал и издал Н. Г. Мякушин. СПб., 1890. С. VI.

[9] *Мякушин Н. Г.* Уральские казачьи песни // УВВ. 1885. № 50; 1886. № 7; 1887. № 6.

[10] *Мякушин Н. Г.* Уральские казачьи песни // УВВ. 1885. № 50.

[11] Там же. 1886. № 7.

[12] Н. Г. Мякушин составил и опубликовал в предисловии к своему сборнику поименный список 18 наиболее активных уральцев-собирателей. См.: *Мякушин Н.* Предисловие. С. IX.

[13] Уралец: Заметка об уральских казачьих песнях // УВВ. 1886. № 22. 25—27.

[14] Там же. № 27.

[15] Так, 1 марта 1980 г. в Ленинградском театральном музее состоялся вечер, посвященный 110-й годовщине со дня рождения А. В. Железновой, на котором выступили с оценкой ее творчества музыковеды, были исполнены ее музыкальные произведения. Несколько передач посвятило А. В. Железновой ленинградское телевидение: почти постоянно произведения композитора звучат на музыкальных «средах», которые устраивает ленинградский музыковед Ю. Б. Перепелкин. Издательство «Музыка» готовит к печати сборник избранных сочинений Александры Владимировны Железновой. Романс ее «К звездам» помещен в сборнике «Старинный русский романс» (Л., 1981).

[16] Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 162. Оп. 4. Д. 401. Архив М. А. Балакирева. В отделе хранятся девять писем А. В. Железновой к А. М. Балакиреву на двенадцати листах, относящиеся к началу 1900-х годов. Без сомнения, они не представляют всего объема переписки. Многие письма Железновой к Балакиреву утеряны, неизвестно местонахождение писем Балакирева к Железновой.

[17] Там же.

[18] Отдел рукописей ГПБ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 904.

[19] *Осечкина-Железнова К. В.* Композитор Александра Владимировна Железнова: К 100-летию со дня рождения. Рукопись. Л. 3. Хранится у автора рукописи.

[20] Там же. Л. 4.

[21] Там же. Л. 16.

[22] Балакирев Милий Алексеевич: Летопись жизни и творчества. Л., 1967. С. 144 (Письмо хранится в Отделе рукописей ГПБ. Ф. М. А. Балакирева. № 41).

[23] *Осечкина-Железнова К. В.* Композитор Александра Владимировна Железнова. Л. 3.

[24] Ценные биографические сведения о В. Ф. Железнове содержатся в ежегодном издании уральского областного статистического комитета «Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области» (за 1897—1914 гг.).

[25] Об этом в письме В. Ф. Железнова см.: Отдел рукописей ГПБ. Ф. 1001. Д. 443. Архив Г. С. Габаева.

[26] См.: *Железнов В. Ф.* Исторические сведения о булате в России // Беляев Н. Т. О булатах. СПб., 1908; *Он же.* Указатель мастеров русских и иноземцев горного, металлического и оружейного дела и связанных с ними ремесел и производств, работавших в России до XVIII века. СПб., 1907; *Он же.* Шашка атамана Данилы Ефремова //Альманах армии и флота на 1902 год. СПб., 1902; *Он же.* Казаки // Воен. альм. на 1901 г. СПб., 1901; *Он же.* Джигитовка // Там же; Фехтование // Там же; *Он же.* Бурдюки и способы пользования ими для переправы через реки // Альманах армии и флота на 1902 год. СПб., 1902; *Он же.* Орден «За храбрость», учрежденный Шамилем // Там же; *Он же.* Урядник уральского казачьего войска Евстигней Давидович Рожков. Вахмистр Александр Афанасьевич Родобишин // Военный альманах на 1901 год. СПб., 1901; Памяти П. А. Федотова // Военный альманах на 1903 год. СПб., 1903.

[27] *Железнов В.* Некоторые данные, подтверждающие участие уральских казаков в войнах императора Петра Великого // Журнал русского военно-исторического общества. СПб., 1910. Кн. 3.

[28] Из письма М. А. Балакирева к С. М. Ляпунову от 17 октября 1899 г.// Балакирев Милий Алексеевич: Летопись жизни и творчества. Л., 1967. С. 119.

[29] Уралец. Газета 1901. № 32.

[30] *Железнов Владимир.* Несколько слов от собирателя // *Железновы А.* и *В.* Песни уральских казаков. СПб., 1899. С. 3.

[31] Там же. С. 4.

[32] *Миллер Вс. Ф.* Очерки... Т. III. С. 287.

[33] Там же. С. 281.

[34] Там же. С. 249.

[35] *Астахова А. М.* Вопросы изучения донской былины // Народная устная поэзия Дона: (Материалы науч. конференции по нар. творчеству донского казачества 18—23 декабря 1961 г.). Ростов-на-Дону, 1963. С. 61.

[36] *Железнов И. И.* Уральцы: Очерки быта уральских казаков // Собр. соч.: В 3-х т. 3-е изд. СПб., 1910. Т. III. С. 230.

[37] *Железновы А.* и *В.* Песни уральских казаков. С. 2.

[38] Там же. С. 24.

[39] Там же. С. 4.

[40] См.: *Краевский А. А.* Сибирская песня // Рус. старина. СПб., 1874. Т. 11. С. 185—186.

[41] Из текста «Ах, ты поле мое», «В чистом поле огонек горит», «Ой, вы мои туманы», «Полноте, снежочки, на талой земле лежать», «Как со вечера нащ атаманушка», «Казак съезжает со квартирушки», «По волнам плывет золотой корабль», «Мы служили, братцы, на границе», «Солетались соколы», «Сторона моя, сторонушка» и др.

[42] *Железнов Владимир.* Несколько слов от собирателя. С. 3.

[43] *Миллер Вс. Ф.* Очерки... Т. III. С. 256.

[44] *Железнов Владимир.* Несколько слов от собирателя. С. 3.

[45] *Успенский Н. Д.* Древнерусское певческое искусство. М., 1965, 1971.

[46] *Железнов Владимир.* Несколько слов от собирателя. С. 4.

[47] ЭО. 1894. Кн. XII.

[48] *Листопадов А. М.* Народная казачья песня на Дону: (Песенная экспедиция 1903—1905 гг.) // Тр. музыкально-этнографической комиссии. М., 1906. Т. 1.

[49] *Бородин В.* Наши песни // УВВ. 1901. № 6.

[50] Там же.

[51] *Железнов Владимир.* Ответ В. П. Бородину на его заметку «Наши песни» // Уралец. Газета. 1901. № 32.

[52] Записи хранятся в архиве Педагогического института им. А. С. Пушкина г. Уральска.

[53] Подразделение уральских казачьих песен на «мужские» и «женские» условно, так как иногда встречается исполнение «мужских» песен женщинами, и наоборот, а также тех и других — смешанными ансамблями. Однако случаи эти единичны, и тенденция к дифференциации репертуара, а также наличие стилистических особенностей, своеобразных исполнительских приемов в целом четко прослеживаются.

[54] *Железнов Владимир.* Ответ В. П. Бородину на его заметку...

[55] Подобная организация исполнительского ансамбля свойственна ряду казачьих песенных стилей.

[56] Русское богатство. СПб., 1901. № 10—12. (Перепечатано в кн.: *Короленко В. Г.* У казаков // Полн. собр. соч.: В 6-ти т. СПб., 1914. Т. V. С. 241—242.) Очерки «У казаков» были высоко оценены Л. Н. Толстым и А. П. Чеховым. Как писал Ф. Д. Батюшков, «признал он (Толстой.— *Н. Щ.*) его вполне несомненный талант, лишь познакомившись с очерками Короленко „У казаков", особенно высоко оценив сцену в трактире „Плевна"». См. В. Г. Короленко как человек и писатель. М., 1922. С. 43.

[57] *Неусыпов Ф.* О песнях казачьих // Уральский листок. 1912. № 5.

[58] *Железнов Владимир.* Ответ В. П. Бородину на его заметку...

[59] *Железнов Владимир.* Несколько слов от собирателя. С. 4.

[60] *Железнов Владимир.* Ответ В. П. Бородину на его заметку...

[61] *Линева Е.* Народные песни и их запись посредством фонографа // Вестн. казачьих войск. СПб., 1900. № 5; *Привалов Н.* О народной музыке в войсках // Альманах армии и флота на 1902 год. СПб., 1902; *Миллер В. Ф.* Казацкие эпические песни XVI и XVII вв. // ЖМНП. 1914. № 5, 6; Песни уральских казаков / Собр. А. и В. Железновы // Новое время. СПб., 1890. С. 7.

[62] *Миллер В. Ф.* Очерки... Т. III. С. 250.

[63] Песни народов СССР в рабочем клубе. Музыкальный сектор Госиздата. М., 1927. Тетр. V; *Лозанова А. Н.* Песни и предания о Разине и Пугачеве. М.; Л., 1935; Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях. М.; Л. 1956.

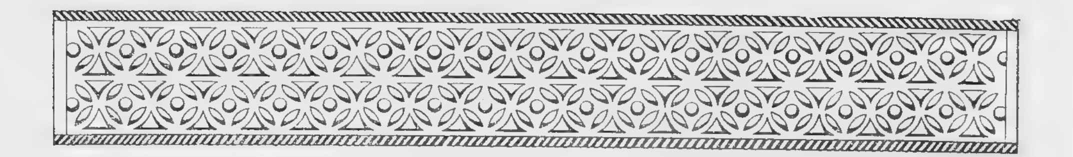
[64] Письмо А. В. Железновой к Н. И. Привалову от 3 сентября 1908 г. ОР ГПБ. Ф. 615. Оп. 1. Д. 436.

[65] Письмо В. Ф. Железнова к Н. И. Привалову от 28 июля 1901 г. ОР ГПБ. Ф. 615. Оп. 1. Д. 435.

[66] Письмо В. Ф. Железнова к Н. И. Привалову от 12 августа 1901 г. ОР ГПБ. Ф. 615. Оп. 1. Д. 435.

[67] Письмо В. Ф. Железнова к Н. И. Привалову от 5 августа 1903 г. ОР ГПБ. Ф. 615. Оп. 1. Д. 435.

[68] *Бернард Г. Б., Ямпольский И. М.* Кто писал о музыке: Библиографический словарь музыкальных критиков и лиц, писавших о музыке в дореволюционной России и СССР: В 3-х т. М., 1971—1979. Т. 1. С. 305



В. В. Богданов

ВСЕВОЛОД ФЕДОРОВИЧ МИЛЛЕР. К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ (1848—1948). ОЧЕРК ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И РУССКОЙ НАУКИ

Р. С. Липец

К ПУБЛИКАЦИИ РУКОПИСИ В. В. БОГДАНОВА (Жизненный путь В. Ф. Миллера)

Неопубликованная монография В. В. Богданова, посвященная В. Ф. Миллеру, представляет двойной интерес для истории этнографической науки. Не только В. Ф. Миллер выступает в этой монографии как организатор этнографической науки своего времени и один из ведущих исследователей. Сам автор рукописи В. В. Богданов также занимает почетное место в истории этой науки как принесший большую практическую пользу для ее развития и в дореволюционный период, и после Октябрьской революции. Крайняя требовательность к себе, стремление исчерпывающе осветить ту или иную тему, скрупулезность, даже излишняя, при обширном территориальном охвате материала стали причиной того, что относительно немногие его работы были завершены и опубликованы. Вообще он был склонен больше к реферативным работам. Одновременно В. В. Богданов в совершенстве владел жанром этнографического очерка, почти утраченным в наше время. Личный фонд В. В. Богданова в архиве Института этнографии АН СССР (в Москве) содержит 122 папки (помимо документального, эпистолярного и иллюстративного материала, а также ряд его рукописей). Наиболее близка была к завершению его многолетняя работа по эволюции конноупряжного транспорта, построенная в сравнительно-историческом плане, свойственном в то время и изысканиям Д. Н. Анучина.

Самим В. В. Богдановым были подготовлены к печати две рукописи, выполненные им по заданию Института этнографии АН СССР, сотрудником которого он состоял, в 1948 и 1949 гг.: «Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848—1948). Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки» (АИЭ. Ф. 21. Личный фонд В. В. Богданова. 1948 г. Д. 8а. Л. 1—569) и «Этнография в истории моей жизни» (АИЭ. Поступление 1949 г.). Однако вторая рукопись не была завершена, так как в том же 1949 г. В. В. Богданов умер.

В. В. Богданов, секретарь Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, один из редакторов «Этнографического обозрения», преподаватель высших учебных заведений, музейный работник, в силу широты своих занятий знал многих представителей русской науки. Особенно тесно он был связан с В. Ф. Миллером и работал вместе с ним. В значительной мере рукопись В. В. Богданова о В. Ф. Миллере написана по личным воспоминаниям о своем старшем коллеге. Если бы не организационные способности В. В. Богданова и его стремление заниматься именно этой стороной жизни науки, не постоянная помощь по делам ОЛЕАЭ, едва ли

бы и В. Ф. Миллер был в состоянии охватить все, что требовалось от руководства Обществом: редакционную работу, добывание средств для издания трудов и журнала Общества, посылку экспедиций в разные края страны, служебную переписку и пр. Всегда рядом было выносливое плечо В. В. Богданова. Многогранность, характерная для В. Ф. Миллера как ученого, отразилась в композиции труда В. В. Богданова (пятнадцать глав посвящены отдельным областям деятельности Миллера: штудиям по востоковедению, деятельности его как музееведа, экспедиционным изысканиям (в том числе и археологическим), организации ученых обществ и пропаганде знаний в широких слоях населения России и т. п.).

Ученый показан в рукописи не изолированно, а среди других деятелей русской науки, принадлежавших к нескольким поколениям: профессуры, местных «любителей», студенческой молодежи, из среды которой В. Ф. Миллером заботливо выращивалась достойная смена. В монографии передана атмосфера научной жизни русского общества того времени.

В. Ф. Миллер был связан с широким кругом людей, будучи не только кабинетным, но и «полевым» работником в области лингвистики, фольклора, этнографии и археологии. Как глава Лазаревского института восточных языков и профессор Московского университета, как председатель Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии он добился создания первых национальных кадров кавказоведов, мечтал о привлечении к научной деятельности молодежи народов Сибири и других регионов России.

Имеются работы, посвященные разным сторонам научной деятельности В. Ф. Миллера, но у нас не было четкого представления о нем как о человеке. Этот пробел в истории науки в какой-то степени заполнила публикация заключительной, 15-й главы рукописи «Всеволод Федорович Миллер у себя дома» (ОИРЭФА. Вып. VIII), где облик ученого дан сквозь призму воспоминаний о нем одного из его ближайших помощников — В. В. Богданова.

Публикуемые три главы из рукописи В. В. Богданова о В. Ф. Миллере, о его работе («В научных обществах», «В научных экспедициях», «В работах по музейной этнографии») выбраны из всех пятнадцати глав как наиболее близкие к профилю издания. Остальные главы содержат, помимо историко-этнографических и фольклористических обзоров, также экскурсы исторического, литературоведческого и лингвистического характера, беглое аннотирование трудов В. Ф. Миллера и отчасти освещение его научного метода в различных областях науки *.

В. В. Богданов, проработавший рядом с В. Ф. Миллером четверть века, выступает как непосредственный свидетель его работы и жизни, как участник конкретных предприятий в ученых обществах и музеях.

Университетская деятельность В. Ф. Миллера, которой посвящены главы 4—6, содержит относительно мало конкретного материала, хотя дает галерею профессоров, преподававших в бытность В. Ф. Миллера студентом, и коллег его по преподаванию. Сам же он показан главным образом как санскритолог.

---

* Ниже приводится оглавление всей рукописи (л. 1—569), но несколько суммированное. Гл. 1 — вводная (л. 3—29). Гл. 2—3 — «Родина и семья В. Ф. Миллера», «Школьные годы» (л. 30—41). В гл. 4—6 сосредоточено все связанное в жизни Миллера с Московским университетом (учение его там и преподавание). Гл. 4 — «Университетские годы» (л. 42—80). Гл. 5 — «Послеуниверситетская подготовка к научной деятельности» (л. 81—88). Гл. 6 — «Университетская аудитория проф. Миллера» (л. 88—106). Гл. 7 — «В научных обществах» (л. 106—184). Гл. 8 — «В научных экспедициях» (л. 184—191). Гл. 9 — «В работах по музейной этнографии» (л. 192—221). Гл. 10 — «О научном методе по основным проблемам науки и культуры в трудах Вс. Ф. Миллера» (л. 221–245). Гл. 11 – «„Слово о полку Игореве" в критическом анализе Вс. Ф. Миллера» (л. 246—255). Гл. 12 — «Русские старины (былины), исторические песни и сказки» (л. 256—327). Гл. 13 — «Востоковедение» (л. 328—386). Гл. 14 — «Кавказ и осетиноведение» (л. 387—500). Гл. 15 — «Вс. Ф. Миллер у себя дома» (л. 501—542). «Список печатных работ Вс. Ф. Миллера» и «Список авторов, писавших о нем» (л. 543—569).

Глава 14 «Кавказ и осетиноведение» более насыщена конкретными данными, рисует В. Ф. Миллера как собирателя и этнографа-исследователя, а также людей, вовлеченных им в работу (в основном из местных уроженцев), и его творческую дружбу с М. М. Ковалевским; глава была широко использована в двух книгах Б. А. Калоевым (см. примеч. 13). Частично кавказоведческие занятия В. Ф. Миллера отражены в главах, публикуемых в настоящем издании *.

Главы 7—9 рукописи В. В. Богданова (в оригинале л. 106—221) публикуются с небольшими купюрами в тех случаях, где автор приводит особенно обширные цитаты из опубликованных сочинений, но библиографические ссылки на них оставлены. Купюры отмечены отточиями. Сняты отдельные повторы и отсылки к неопубликованным главам. В редких случаях, где были при купировании необходимы связующие вставки или внесены поправки к опискам и пр., они взяты в прямые скобки. Примечания публикатора даны курсивом.

Нередко В. В. Богданов использует (очевидно, для краткости) название «Общество любителей естествознания» (присвоенное Обществу в 1863 г.) вместо «Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии» (присвоенное ему в 1867 г.). Это оставлено без изменений. В ссылочном аппарате оба названия даны сокращенно — ОЛЕ и ОЛЕАЭ. Проведена унификация некоторых сокращений имен упоминаемых лиц и названий журналов и пр.

Публикацию трех избранных глав предваряет очерк, в котором намечены некоторые моменты жизненного пути Всеволода Федоровича Миллера, преимущественно на основе материалов рукописи В. В. Богданова, чтобы дать более полное представление о ее содержании и чтобы восстановить в какой-то степени образ этого ученого, так много сделавшего в области гуманитарных наук в конце XIX — начале XX в.

Анализ места В. Ф. Миллера в истории науки требует специальных и углубленных исследований в соотношении с современными достижениями в области этнографии, фольклористики, лингвистики и других наук. В данном обзоре намечены лишь некоторые грани проблематики, которая привлекала ученого.

Всеволод Федорович Миллер (7.IV 1848—5.XI 1913) был одним из наиболее активных ученых, направлявших и объединявших деятельность научной интеллигенции в области гуманитарных наук в России. Это помогает понять напряженность его жизни, относительно недолгой: он умер в возрасте 65 лет от болезни сердца.

В доме отца В. Ф. Миллера, литератора — поэта и переводчика — Ф. Б. Миллера, часто собирались представители науки и искусства. В. Ф. Миллер рано приобщился к интересам этой среды. Может быть, этим объясняется и очень редкий для ученого стиль научных работ В. Ф. Миллера: наряду со строгой академичностью для них характерно художественное восприятие явлений.

Первоначальное образование В. Ф. Миллер получил в пансионе Эннеса в Москве, где преподавание велось на немецком и французском языках; кроме того, Миллер самостоятельно занимался английским. Впоследствии он овладел и итальянским. Как востоковед он знал древние и но-

---

* Отдельные стороны научной деятельности В. Ф. Миллера не раз освещались и другими авторами на страницах выпусков «Очерков истории русской этнографии, фольклористики и антропологии». О фольклористических концепциях В. Ф. Миллера много говорится в статье В. П. Аникина «Историко-фольклорная концепция А. В. Маркова» (Вып. II). Востоковедческие разыскания В. Ф. Миллера в соотношении с русским эпосом представлены в статье Р. С. Липец «Идея о восточных влияниях в былинах (Книга В. Ф. Миллера „Экскурсы в область русского народного эпоса I—VIII”» (Вып. VI). Вкладу ученого в грузиноведение посвящена статья Г. В. Цулая «Грузиноведческие интересы В. Ф. Миллера» (Вып. VIII). Помимо того, концепции ученого трактуются частично в обзорных статьях других авторов об «исторической школе» в фольклористике, об этапах развития науки в России.

вые языки ряда народов Востока. Латынь же усвоил настолько полно, что свободно писал на ней (л. 37) *.

Языкового барьера для него, по сути, не существовало. Он свободно осваивал достижения мировой научной литературы, общался с западноевропейскими учеными, когда, окончив в 1870 г. Московский университет, был оставлен при нем «для подготовления к профессорскому званию» и в течение двух лет (1874—1876) занимался у виднейших ученых Западной Европы. С 1883 г. В. Ф. Миллер стал доцентом по кафедре сравнительного языковедения и санскритского языка Московского университета, с 1884 г.— профессором. С 1892 г. он начал читать лекции и на кафедре русского языка и литературы, а также на Высших женских курсах. Востоковедческие интересы ученого содействовали тому, что он стал преподавать и в Лазаревском институте восточных языков, а после смерти директора Г. И. Кананова взял на себя в 1897 г. и эту должность. В 1911 г. В. Ф. Миллер был избран академиком и переехал в Петербург.



В. Ф. Миллер

Не меньшее место в жизни В. Ф. Миллера, чем преподавательская работа, занимала деятельность в научных, или ученых, обществах — в первую очередь в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете; с этим Обществом он был связан свыше 30 лет, руководя в нем всей этнографической работой. С 1881 по 1913 г. (год смерти) он был председателем Этнографического отдела Общества, с 1889 по 1891 г.— президентом ОЛЕАЭ, с 1901 г.— редактором основанного Обществом журнала «Этнографическое обозрение», с 1910 г.— председателем Комиссии народной словесности. Переехав в Петербург, он, не оставляя аналогичной должности в ОЛЕАЭ, был избран председателем Отделения этнографии Русского географического общества и, по свидетельству В. В. Богданова, успел во многом перестроить работу этого научного учреждения.

Заметную роль играл В. Ф. Миллер и в Московском археологическом обществе (о чем подробнее идет речь в публикуемых главах). В течение шести полевых сезонов В. Ф. Миллер выезжал в филологические и этнографические экспедиции по Кавказу. Одним из результатов этих поездок было издание трех томов «Осетинских этюдов» [1] и «Осетинско-русско-немецкого словаря» [2]. Казалось бы, непосильная нагрузка! Но ученого влекла к себе еще и музейная работа. С 1882 по 1896 г. он директор Отдела промышленной этнографии Музея прикладных знаний (позднее — Политехнический музей), а с 1884 по 1897 г.— хранитель Дашковского этнографического музея (подробнее о музейной работе см. ниже), фундаментальное описание коллекций которого в четырех выпусках он составляет [3]. Это «Описание...» потребовало от него обширных познаний в области материальной и духовной культуры многочисленных народов России и зарубежных стран.

---

* Здесь и далее в скобках указаны листы рукописи В. В. Богданова. Библиографические ссылки на печатные издания даны в конце статьи.







Отец В. Ф. Миллера — Ф. Б. Миллер

Мать В. Ф. Миллера — Н. Ф. Миллер

Большое место в жизни В. Ф. Миллера занимала фольклористика, к которой он подходил не только как ученый-теоретик, но и как организатор ряда практических мероприятий, на деле доказывая плодотворность комплексности изучения исторических явлений. Лингвист по образованию, он сопрягал занятия языком и народным творчеством с собственно историческими и даже археологическими изысканиями; чтобы объяснить пути развития фольклора и языка, занимался «вещественной» этнографией, пропустив через свои руки тысячи экспонатов двух музеев; редактировал горы рукописей.

Публикуемые главы рисуют В. Ф. Миллера, как уже упоминалось, в основном как организатора этнографической науки (включая и фольклористику в широком понимании того времени), а отчасти и археологической науки. Трактовка его научного метода и разработки отдельных проблем составляют часть содержания других глав, как и его преподавательская деятельность. По необходимости В. В. Богданов ограничивался большей частью беглым изложением (иногда и упрощенным) взглядов ученого. Нельзя в данном случае требовать от автора пристального исследования теоретических, очень сложных концепций ученого. К тому же трактовка этих концепций дана с позиций науки почти сорокалетней давности. Автор приводит оценку значения научной деятельности В. Ф. Миллера учеными (в том числе Н. С. Державиным, Л. Я. Штернбергом), работы которых опубликованы в 40-х годах, когда была закончена рукопись. В настоящее время все это нуждается в большой и сложной корректировке и, конечно, доведении историографической части до современности.

Интерпретация взглядов Миллера на различные вопросы в области многих дисциплин требует углубленной работы не одного биографа или историка науки, а группы ученых разных специальностей, притом опирающихся, конечно, непосредственно на исследования самого Миллера в сопоставлении с данными научных достижений в этих областях более чем за последние три четверти века. И в период каких сдвигов и преобразований! Публикация остальных глав рукописи В. В. Богданова — дело будущего. В той или иной форме это сможет послужить подспорьем при фундаментальном анализе и исследовании научного наследия В. Ф. Миллера.

Можно лишь утверждать и теперь, что многие предвидения В. Ф. Миллера, которых в той или иной степени коснулся автор рукописи, выдер-

жали испытание временем и получили подтверждение или остаются дискуссионными до настоящего времени. Наметим все же, что счел нужным отразить в своей рукописи В. В. Богданов.

Так, В. Ф. Миллер пришел к заключению, что культура великих цивилизаций Древнего Востока — Месопотамии, Индии и Египта — содержала элементы общности (см. его исследование легенды о всемирном потопе[4] и другие работы). Он считал, что лингвистические материалы убеждают в этом, но наука еще не располагает достаточными доказательствами. Надо отметить скользкость самой темы о библейском потопе в царской России, как затрагивающей религию. В Германии аналогичное исследование немецкого ученого Ф. Делича вызвало отрицательную полемику в присутствии Вильгельма II, на что обратил внимание В. В. Богданов (л. 254).

В. Ф. Миллер подверг пересмотру установившееся мнение о происхождении древнерусского алфавита, указав, что некоторые знаки имеют особое происхождение, и высказал свое суждение о причинах этого[5].

В противовес имевшему хождение в то время мнению, что «Слово о полку Игореве» — устное поэтическое произведение певца типа Баяна, В. Ф. Миллер доказывал, что это воинская повесть, созданная под влиянием того же жанра византийской литературы[6] (л. 246—255).

В. Ф. Миллер был как сложившийся ученый характерным явлением русской культуры того времени. Его биографические данные позволяют видеть, что, помимо квалифицированной подготовки у корифеев тогдашней русской и зарубежной науки (а лучшие профессора Московского университета составляли славу русской науки, например — Ф. И. Буслаев, учеником которого он был, Н. С. Тихонравов, С. М. Соловьев), помимо дружеского общения с прогрессивными учеными (М. М. Ковалевским и др.), было существенно и другое. Благотворное влияние оказывало ознакомление В. Ф. Миллера со все новыми и новыми научными фактами, доставляемыми так называемой низовой интеллигенцией, с которой он широко и планомерно поддерживал связь, как и со студенчеством. Именно этот поток фактов, полученных из гущи жизни, способствовал обилию свежих выводов, отсутствию застойности во взглядах ученого.

О размахе научных связей ученого с деятелями всех рангов свидетельствует его переписка. В ЦГАЛИ хранится свыше 400 писем к нему разных корреспондентов (ЦГАЛИ. Ф. 323. Миллеры В. Ф. и Ф. Б.). Это конкретно подтверждается и другим, «техническим», так сказать, штрихом. При составлении аннотированного указателя (767 имен) ко всей рукописи В. В. Богданова выяснилось, что людей, так или иначе связанных по работе с В. Ф. Миллером, в ней упомянуто в общей сложности больше половины *. Даже прилагаемый к трем публикуемым главам указатель содержит свыше полутораста имен. И среди них не только фольклористы, этнографы, историки, музыковеды, но и многие естествоиспытатели — физики, биологи, физиологи, ботаники и др. Особенно сложным был состав Музыкально-этнографической комиссии при Этнографическом отделе ОЛЕАЭ. Вопросы музыковедения соприкоснулись с некоторыми интересами математиков, биологов и др.[7]

Надо сказать, что критический склад ума, свойственный В. Ф. Миллеру, и присущий ему здравый смысл оградили его от слепого следования какой-либо идее, воспринятой извне. Недаром до сего времени ученые не пришли, например, к единому мнению, был ли он последователем Бенфея с его теорией заимствования или нет; насколько велико влияние на него Куна, и т. д. Можно сказать, что не эклектизм воззрений, а разносторонние аспекты изучения материала характеризуют его метод. Выводы его всегда соотнесены с данными других наук.

Будучи санскритологом, В. Ф. Миллер, видимо, кружным путем пришел к изучению русских былин в плане выяснения этнокультурных исто-

* Указатель составлен А. И. и В. Н. Тарасовыми и хранится в архиве Института этнографии АН СССР. В настоящем, X выпуске выделена часть его — имена, упоминаемые в публикуемых главах.

рических взаимосвязей праноязычных и иных народов Европы и Азии. В своем первом крупном фольклористическом исследовании «Экскурсы в область русского народного эпоса» [8] он, уверенно привлекая параллели к былинам, найденные им в праноязычном, тюркоязычном и иных эпосах, ввел в литературу целый мир эпосов народов евразийских степей и Кавказа, опираясь при этом и на данные лингвистики, прослеживая конкретные исторические ситуации, при которых могли осуществляться этногенетические и культурные контакты между этими народами. Появление книги В. Ф. Миллера вызвало сильную и противоречивую реакцию в ученом мире вследствие своей новизны и по другим причинам. (Специальное исследование этого труда В. Ф. Миллера было проведено мною и опубликовано; отсылаю к нему, чтобы не повторяться [9].)

Напомню лишь, что предшественниками В. Ф. Миллера в исследованиях такого рода были В. В. Стасов, А. Н. Веселовский, Г. Н. Потанин. В устном высказывании С. П. Толстов предположил, что выводы В. В. Стасова, верные в основном, страдают от слишком поздней датировки: общность субстрата эпоса народов этого ареала следует отнести еще к скифо-сарматской эпохе.

Многие гипотезы В. Ф. Миллера, как уже говорилось, основывались в значительной мере на интуиции, однако зачастую он решался лишь наметить направление поисков из-за уровня современной ему науки. Однако, не отойди Миллер от исследования генезиса эпоса, он, возможно, спустился бы и в глубь многих тысячелетий.

В своих воспоминаниях о В. Ф. Миллере В. В. Богданов касается и высказываний ученого о проблемах истории Древнего Востока. К глубинным месопотамско-индийско-египетским связям, к взаимодействию в области традиций, языка, культуры народов ареала Древнего Востока В. Ф. Миллер обращался в ряде работ вплоть до последнего года своей жизни. Его исследование «Древнеиндийское сказание о потопе», опубликованное в 1913 г., завершается словами, приведенными В. В. Богдановым: «Трудно еще представить себе, к каким выводам может прийти впоследствии наука относительно древнейшего местопребывания предков индийцев ранее их переселения в Индию и относительно культурных влияний, испытанных ими в этом отдаленном от нас периоде». Опираясь на ту же работу, В. В. Богданов отмечает установку В. Ф. Миллера на утверждение широкого влияния духовной культуры цивилизаций Древнего Востока, в особенности Месопотамии, на культуру «народностей, живших на путях мировых сношений» [10]. Кроме этой работы, В. В. Богданов рассматривает подробнее две других: «Всемирная сказка в культурно-историческом освещении» и «Ассирийские заклинания и русские народные заговоры» [11]. Помимо печатных работ, В. В. Богданов привлекает, что особенно ценно, устные выступления ученого, свидетелем которых был он сам. Так, он приводит слова Л. Я. Штернберга о том, как на заседании Русского географического общества «одно замечание В. Ф. о древнейших связях между культурами Индии и Африки, подкрепленное ценными данными из области истории и этнографии, сразу перенесло вопрос из области гаданий на твердую почву истории и фактов» [12]. В. В. Богданов вспоминает также, что на лекции по санскриту профессора В. Ф. Миллера в Московском университете «Древний Восток ... предстал перед студентами как страна, в которой таятся жизненные пути многих народов, не только индоевропейских, но и урало-алтайских и кавказских» (л. 92), т. е. в данном случае речь идет о возможных границах распространения культуры древневосточных цивилизаций, о длительных контактах с нею народов разных языковых семей и регионов, о воздействии ее на более позднюю евразийскую культуру.

Однако недостаток аргументов при состоянии науки того времени заставил В. Ф. Миллера отказаться от планомерных исследований в этой области, как и некоторых других проблем (этническая и языковая принадлежность гуннов, а также скифов, причем последних он подразделял

на две этнические группы, находя в их составе разные этнические элементы.— См. л. 280, 380—382, 442—453 и др.).

В последние десятилетия огромные достижения археологии и лингвистики, самоотверженные путешествия Тура Хейердала, предпринятые им в обоснование своей теории, вновь привлекли и обострили внимание исследователей к глубокому прошлому ареала Древнего Востока, вызвали попытки наметить какие-то контуры его ранней истории, выявить сложнейшие процессы миграции, диффузии, контактов или же факторы синстадиальности и конвергентности, игравшие роль во взаимодействиях с народами разных регионов.

Заключая обзор востоковедческих интересов В. Ф. Миллера на основе рукописи В. В. Богданова, привожу отзыв советского индолога В. К. Шохина, ознакомившегося с нею в этом аспекте: «С именем В. Ф. Миллера связан значительный этап развития отечественной индологии. Он был по существу первым систематическим санскритологом, совмещавшим блестящую лингвистическую подготовку с первоклассной научной школой и сделавшим очень серьезную, самостоятельную попытку критически расценить развитие индологии его времени ... В ретроспективном труде В. В. Богданова освещаются два главных научных направления санскритологических штудий Миллера: веддийской религии и проблемы индийско-месопотамских культурных связей (в последней области он во многом предвосхитил важные достижения современной науки)». Само же изложение В. В. Богдановым концепций В. Ф. Миллера он считает ценным в основном в фактологической части. В. К. Шохин отмечает малоизвестность в современной литературе многочисленных индологических работ В. Ф. Миллера.

Как видно из публикуемой главы 8, В. Ф. Миллер не ограничивался кабинетными занятиями. К голому теоретизированию он вообще не был склонен — его тянуло на проверку своих знаний и гипотез «полевым» материалом, лингвистическим и этнографическим, а отчасти и археологическим, в сборе которого он принимал участие и сам.

Еще в 1871 г. он вместе с Ф. Ф. Фортунатовым совершил фольклорно-лингвистическую «экскурсию» (т. е. экспедицию) в Сувалкскую губернию. Результаты ее — тексты и переводы — были опубликованы в «Записках Московского университета». Об экспедициях на Кавказ с 1879 по 1886 г. уже упоминалось [13].

В своих археологических работах ученый проявляет сосредоточенное внимание к отдельным памятникам и находкам и одновременно нежелание делать на основе их преждевременные выводы, предоставляя решение возникших у него вопросов будущим поколениям исследователей. Он неизменно верил в развитие науки, касалось ли это этногенетических, лингвистических или других проблем.

Развитие археологии в России потребовало более тесного общения ученых, работавших в этой области, с целью соединить разрозненные усилия, демонстрировать друг другу свои находки, делиться теоретическими выводами. Так возникло Московское археологическое общество, организовавшее ряд съездов. Оно нуждалось в трудолюбивых и умелых руках, в поистине черновой, кропотливой самоотверженной работе и привлекло к этому В. Ф. Миллера. Граф А. С. Уваров проводил многочисленные раскопки в средней полосе и на юге России в значительных по тому времени масштабах; результаты раскопок обогатили сокровищницу русской науки (несмотря на некоторый дилетантизм в их проведении), составив коллекции созданного в то время Исторического музея. Когда А. С. Уваров умер, его жена П. С. Уварова, работавшая и раньше вместе с мужем, заменила его на посту председателя Московского археологического общества и взяла дело в свои руки. Она была немало обязана и помощи В. Ф. Миллера, продолжавшего участвовать в организации и проведении археологических съездов, а также в публикации их материалов и описаний находок. Сам В. Ф. Миллер сделал в МАО 50 докладов [14].

Но еще одна сторона научной деятельности надолго заняла Миллера — музееведение (о чем вкратце см. выше). В 80-х годах понадобилось систематизировать или хотя бы привести в относительный порядок скученно хранившиеся экспонаты этнографической выставки 1867 г., переданные после ее закрытия в названный впоследствии Дашковским этнографический музей. Помимо этого, этнографические экспонаты после Политехнической выставки 1872 г. сконцентрировались в Музее прикладных знаний. А известный антрополог, один из инициаторов обеих выставок, А. П. Богданов, мечтал объединить все коллекции. Причастным к этому проекту (так и не осуществленному) стал В. Ф. Миллер. Именно поэтому он согласился взяться за этнографическую работу в обоих музеях (см. выше) в целях единообразия систематизации и описания коллекций будущего единого музея. Трудоемкость этой работы при всей исключительной работоспособности Миллера нельзя себе представить. Так, при одном техническом сотруднике он, как уже упоминалось, успел составить и издать скрупулезное систематическое описание коллекций Дашковского музея, содержащее, кроме описания 278 манекенов в одежде и двух с половиной тысяч предметов в коллекциях, краткие очерки о каждом народе или группе народов, включающие и более общую этнографическую проблематику — генезис этих народов и пр. [15] Этот труд не потерял своего научного значения до настоящего времени, хотя самого музея в прежнем виде уже не существует.

К сожалению, подготовленный В. Ф. Миллером большой иллюстративный материал в это издание не вошел, так как у руководства музея не нашлось на это средств (л. 235). (История конфликтных ситуаций в связи с администрированием В. А. Дашкова подробно освещена в публикуемой главе 9.) В то же время пополнение музейных коллекций по этнографии в московских музеях шло постоянно через Этнографический отдел ОЛЕАЭ.

Действительно, «наподобие радиусов» раскинулись исследования самого В. Ф. Миллера и руководимых или объединенных им ученых, главным образом молодежи, в различных областях науки («лингвистика, древняя письменность, история, археология, антропология, география, юридическая наука, социология, психология, наконец, музыкальное творчество») [16]. Результатом этой разносторонней деятельности была посылка экспедиций, собирание коллекций, фольклорных и этнографических материалов по квалифицированным программам, выработанным членами ученых обществ, оживленные заседания, издание исследовательских трудов и фольклорных текстов, библиографическая работа и многое другое.

Невероятная работоспособность В. Ф. Миллера зависела не только от его одаренности и трудолюбия, но и от систематичности его занятий, строгого распорядка каждого дня. (Описанию этой стороны жизни ученого посвящена глава 15 рукописи.) За письменным столом он занимался с раннего утра, затем в течение дня читал лекции в университете и Лазаревском институте и даже давал уроки словесности в женской гимназии З. Д. Перепелкиной (он проходил и некоторые школьные предметы со своими сыновьями, так как был не согласен с официальной методикой преподавания в школе), работал в музеях, ученых обществах. Все это не мешало ему принимать в определенные часы (обычно к завтраку) столичных и приезжавших из провинции посетителей, делать визиты коллегам, не различая маститых и молодых, по субботам вечером принимать их у себя, как и студенческую молодежь, причем он успевал с 6 до 8 часов провести еще дома занятия со студентами. На равных правах с учеными, композиторами, артистами к нему приезжали народные сказители, выступали, как и те, работали с композиторами, общались с другими гостями. Дом В. Ф. Миллера стал таким же открытым для представителей науки и искусства, молодежи, каким был дом его отца. Несмотря на огромную занятость, он был постоянным посетителем концертов классической музыки, художественных выставок и пр.

Миллер не прерывал научных занятий и летом, на даче, не желая выбиваться из трудового режима. Он и там не замыкался в кабинетном одиночестве, а поддерживал общение с привычным кругом людей. В. В. Богданов, сообщивший все эти сведения, вспоминает и его всегдашнюю подтянутость, аккуратность в костюме: с утра — никаких халатов!

С некоторыми из близких ему людей у В. Ф. Миллера была, конечно, особенно тесная дружба. В первую очередь среди них надо назвать М. М. Ковалевского — спутника по кавказским экспедициям, по зарубежным путешествиям, сотрудника по ОЛЕАЭ, а в ранней молодости — и по издательской деятельности (в журнале «Критическое обозрение»). Из университетских коллег выделялся И. И. Янжул, экономист, работавший в области фабричного законодательства. Среди молодежи, окружавшей В. Ф. Миллера, были будущие собиратели и исследователи фольклора и востоковеды рубежа XX в.

Заботливо вел Миллер по жизненному пути двух сыновей своего университетского коллеги, рано умершего М. И. Соколова,— известных впоследствии фольклористов, братьев-близнецов Б. М. и Ю. М. Соколовых. Он снаряжал их в первую самостоятельную экспедицию по Белозерскому краю, печатал ранние статьи Б. М. Соколова в «Этнографическом обозрении». Были учениками В. Ф. Миллера или сотрудничали с ним в ОЛЕАЭ и МАО А. В. Марков, А. Д. Григорьев, П. Г. Богатырев, В. А. Гордлевский, М. В. Никольский и др. Не только научная «школа» В. Ф. Миллера отличала братьев Соколовых, влияние на них оказал весь стиль его научной работы: те же еженедельные встречи на дому у них людей, занятых общей по направлению работой, хлопотливая помощь молодым ученым и студентам в организации экспедиций, книги из своей библиотеки, гостеприимство, а главное — внимательный индивидуальный подход к каждому из тех, с кем он вступал в общение, умение заставить человека поверить в себя и в свои возможности. «Одно из крупнейших значений для науки» В. Ф. Миллера его современник С. К. Шамбинаго видел «в способности вызывать в других интерес и желание работать», в его «веселой бодрости в отношении к материалу и слушателям» [17]. Студенты ценили то, что профессор возбуждает в них «стремление к самостоятельности», «собственным выводам» [18].

В. Ф. Миллер вел обширную переписку со своими коллегами, поддерживал бодрость духа в них и в своих учениках, заброшенных на далекие окраины как добровольно, так и недобровольно — многочисленных политических ссыльных. Об этом свидетельствуют и их письма в ОЛЕАЭ и к нему самому, и к В. В. Богданову, в которых они пишут о животворности той связи с научной и общественной жизнью страны, какую предоставлял им В. Ф. Миллер как председатель Этнографического отдела ОЛЕАЭ, печатая их материалы и статьи в «Этнографическом обозрении» и других изданиях Общества (притом под подлинными фамилиями, а не псевдонимами, как до этого практиковалось в других журналах), посылая им книги. Его бывшие студенты, разъехавшись из Москвы, сообщали ему о своих этнографических и фольклорных занятиях, просили хлопотать за них по устройству на работу и пр.

Наиболее характерны отношения В. Ф. Миллера с его любимым и наиболее талантливым учеником — А. В. Марковым. Алексей Владимирович Марков много крови испортил своему учителю вследствие своей резкости, непримиримости, когда дело касалось научных концепций и своих более левых убеждений, вступал с ним в постоянные «дебаты». Речь шла в основном о хронологизации былин и о путях их географического распространения, но эти, казалось бы, «академические» проблемы связывались с общими историческими судьбами России. И тем не менее В. Ф. Миллер писал Маркову, что доброе отношение к нему никогда не изменится. Марков же, чей полемический пыл не утишила даже смерть Миллера, свой обзор его трудов по народной словесности снабдил подзаголовком «Памяти дорогого учителя» [19]. Этот полемический, но проникнутый симпатией к покойному ученому труд, по сути развернутый

некролог, сильно шокировал, кстати, В. В. Богданова. Он вообще недолюбливал Маркова, возможно, не только за его резкость, но и, конечно, неосознанно за то, что той особой духовной близости, какая была между Миллером и его учеником, притом как бы на основе равенства, ему самому, видимо, достичь не пришлось. История взаимоотношений В. Ф. Миллера и А. В. Маркова подробно прослежена В. П. Аникиным [20].

Характерна для облика В. Ф. Миллера одна деталь: еще живя в Москве, он в 1900 г. передал часть книг (полторы тысячи названий) из своей громадной библиотеки Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии, а позже, при переезде в Петербург в 1911 г.— дополнительно свыше тысячи названий книг. Многие из этих книг были тогда в России редчайшими, так как Миллер приобретал их и во время своих поездок по разным странам (л. 43).

Отношение близких к нему ученых-современников во многом единодушно. Л. Я. Штернберг отмечал, что В. Ф. Миллеру наряду с разносторонностью интересов были свойственны «научная чуткость, широта и свежесть мысли. Отсюда его широкая научная терпимость, столь необходимая для руководителя сменяющихся поколений, отсюда не прерывавшийся до конца жизни живой, радостный научный контакт с ученой молодежью» [21]. «Научную трезвость» В. Ф. Миллера отмечал Н. В. Васильев [22]. А. Н. Максимов в статье, посвященной памяти ученого, пишет: «Вся его сорокалетняя деятельность была проникнута духом свободного искания, духом свободной научной критики, которая не может остановиться перед посторонними авторитетами и перед которой замолкает голос собственного самолюбия» [23]. Максимов приводит выдержку из предисловия В. Ф. Миллера, предпосланного тем к одной своей ранней работе: «Если многое окажется неверным в глазах компетентной критики, если многое будет исправляемо и дополняемо впоследствии самим автором, по мере изучения новых данных, все же ему служит утешением сознание, что он идет путем самостоятельным и что его могут винить лишь за его собственные ошибки, а не за некритическое повторение чужих авторитетных мыслей» [24].

В. Ф. Миллер, отличаясь независимостью мысли, не только высказывал суждения и гипотезы, идущие вразрез с общепринятыми, но и ставил при этом целью воздействовать на поступательное движение науки, увести ее с боковых дорог, ведущих в тупик, как он это понимал (см. его суждения о жанре «Слова о полку Игореве», о восточных влияниях в русском эпосе).

В практической деятельности, как и в своих воззрениях, он не опускался до угодничества перед сильными, открыто руководствовался своими симпатиями и антипатиями. «Национализм был ему совершенно чужд всю жизнь»,— пишет о нем В. В. Богданов. Именно эту сторону личности А. С. Пушкина сам В. Ф. Миллер отмечает в статье «Пушкин как поэт-этнограф» (л. 74) [25]. Только при отсутствии малейшего оттенка шовинизма и национальной исключительности могла осуществляться научная деятельность В. Ф. Миллера, нелицемерно полная уважения к культуре всех народов, каков бы ни был уровень ее, какова бы ни была численность этих народов.

Современники неизменно подчеркивали эту определяющую — тем более существенную для этнографов и фольклористов — установку самого В. Ф. Миллера и руководимого им Этнографического отдела ОЛЕАЭ, где «никогда не допускалось и тени какой-либо национальной исключительности, нетерпимости или неуважения к правам или бытовым особенностям той или иной народности», причем «коренная русская народность» не была забыта» [26]. Б. М. Соколов отмечал у В. Ф. Миллера «полное отсутствие узконационалистических тенденций» [27] и т. п.

А ведь по России прокатывались тогда мрачные отзвуки Мултанского дела и других таких же «дел», инспирируемых царскими властями. Нужна была гражданская смелость, чтобы противостоять этому, а коллективу Этнографического отдела — писать в приветствии В. Ф. Миллеру: «Не



В. Ф. Миллер с семьей: (сидят слева направо — Б. В. Миллер (сын), В. Ф. Миллер, Н. В. Бирюкова (дочь) с дочерью и мужем; стоят – Ф. В. Миллер (сын), Е. В. Миллер (жена), В. В. Миллер (сын)

руководствуясь никакими предвзятыми идеями и не отдавая предпочтения какой-нибудь одной этнической группе, Вы в этнографии явились истинным ученым» [28].

В. Ф. Миллер предвидел, какие богатые научные возможности и патриотический накал таят в себе нерастраченные силы народов Сибири, если они будут допущены к образованию; он сам способствовал духовному развитию молодежи из числа многих народов Кавказа, особенно осетин. О молодежи он заботился деятельно. Учащиеся, нуждающиеся материально, получали от него личную посильную помощь, когда их настигала какая-нибудь беда или вообще положение становилось тяжелым. Его беспокоила судьба кавказцев, болевших малярией дома, плохо переносивших северный климат во время учения. Они отдыхали на родном юге у него на даче, во время летних каникул, живя вместе с его сыновьями, втягиваясь одновременно в научную работу: составление словарей их языков и пр.

По мере сил В. Ф. Миллер старался оградить студенчество от произвола царской администрации. Когда в 1894 г. были высланы студенты Московского университета, освиставшие одного из профессоров за похвальную речь об Александре III, сорок два профессора, добиваясь их возвращения, подписали петицию московскому генерал-губернатору, в их числе – К. А. Тимирязев, Д. Н. Анучин, В. Ф. Миллер, В. И. Герье (а последние два и отвозили ее) [29].

Будучи директором Лазаревского института восточных языков, В. Ф. Миллер, узнав о готовящемся обыске у студентов, предупредил их об этом, чтобы они успели убрать имевшееся у них оружие. Впоследствии по доносу одного своего «презренного ученика», как писал В. В. Богданов (так и не назвав его фамилии, но намекнув, что тот после Октябрьской революции эмигрировал из России), дело дошло до министра просвещения Л. А. Кассо, прославившегося своей реакционностью и травлей прогрессивной профессуры. В. Ф. Миллера хотели было снять с его поста, но, возможно, потому, что авторитет его был слишком велик, все осталось в конце концов без последствий. «Что за оказия? – писал в

недоумении Миллер.— К чему все это проделывается?» Однако первым «глубоким и тяжелым приступом грудной жабы» он был обязан именно этому случаю (л. 103—107). Характерно, что в Петербурге, когда В. Ф. Миллер был избран академиком, он «отказался просвещать своими лекциями одного из представителей династии Романовых, несмотря на усиленные, несколько раз повторенные просьбы»,— пишет В. В. Богданов. И тогда же «он стал читать курс народной словесности в Педагогическом институте» (л. 102).

Получение кресла академика за два года до смерти едва ли было благоприятным для всей научной деятельности Миллера и даже для самой его жизни. В Петербурге его приняли, по-видимому, хорошо, да со многими учеными он тесно общался, конечно, и раньше. Но переезд из Москвы оторвал его от привычного круга близких людей, от выпестованных им или при его содействии московских учреждений. К тому же такая ломка в пожилом возрасте всегда тяжела и опасна...

Несомненно, что В. Ф. Миллер, доживи он и увидя многие свои мечты сбывшимися, сотрудничал бы с Советской властью так же интенсивно, как Д. Н. Анучин, К. А. Тимирязев, Л. Я. Штернберг и многие другие. Сыновья В. Ф. Миллера стали видными советскими учеными: Борис — востоковедом, Виктор — ботаником; учеными стали и внуки. Через жену Всеволода Федоровича, Евгению Викторовну, урожденную Насонову, семья была связана с другой линией представителей русской науки, давшей выдающихся деятелей в области зоологии, истории, архитектуры.

Глава 12 рукописи В. В. Богданова «Русские старины (былины), исторические песни и сказки» (л. 276—342) посвящена работам В. Ф. Миллера в области русского фольклора.

В центре его внимания в русском фольклоре стояли эпические жанры: былины, исторические песни. Но при этом он в отличие от многих других ученых того времени признавал важность собирания, помимо сугубо традиционных, и более новых жанров, например частушек. В Комиссии народной словесности был издан «Сборник великорусских частушек» на 506 страницах, под редакцией Е. Н. Елеонской (л. 175—177) [30]. «Библиографический указатель» той же комиссии составил три выпуска (л. 174). В ОЛЕАЭ включили в сферу изучения фольклора не только богатые архаикой регионы Севера, но и Подмосковье с его модернизированным репертуаром песен и сказок.

В. В. Богданов не счел нужным заострять внимание на главной «ошибке» В. Ф. Миллера в области былиноведения, которую тому приписывала критика, особенно пристрастная к нему в 1940-е годы, когда Богданов писал свою монографию. Это так называемая «теория аристократического происхождения эпоса». Но несколько слов об этом нельзя не сказать.

Если вчитываться в труды В. Ф. Миллера без предвзятости, то окажется, что социальной средой, в которой создавались (как жанр!) и бытовали первоначально былины, он считал древнерусскую дружину. Как известно, эта дружина существовала и действовала не сама по себе в феодализирующемся обществе, к которому принадлежала и ранняя, домонгольская Русь, и при дворах князей, крупных феодалов, «господы» Новгорода и других городов. Но состояла она из разных по социальному положению людей. Если во главе дружины стоял чаще сын феодала, а иногда и военачальник, выдвинувшийся благодаря своим боевым достоинствам, то родовые дружинники были даже не все лично свободны; по существу, в массе они составляли довольно обширную категорию «военных слуг». С князем и всей социальной верхушкой дружинники находились в противоречивых взаимоотношениях. С одной стороны, дружинники получали от него воинское снаряжение, коней, кормились за его счет и вследствие этого имели возможность участвовать в различных воинских предприятиях, где только и могли поднять свое материальное положение и упрочить свои социальные позиции. С другой стороны, приниженное состояние зависимости и промежуточность социального положе-



Дача В. Ф. Миллера в Аше

ния, принадлежность по происхождению зачастую к низам городского населения или к сельскому населению, эксплуатация со стороны феодала (в мирное время младшие дружинники исполняли различные хозяйственные и иные функции при его дворе), нередко непродуманность и беспринципность политики князя, половинчатость его дипломатии — все это создавало конфликтную ситуацию, которая в былинах выпукло выступает в пренебрежительной характеристике князя и его окружения его же дружинниками. Если же интересы социальной верхушки не противоречили общенародным интересам, когда князь выступал в роли защитника Русской земли (хотя и бывал склонен к компромиссам и уступкам), конфликтная ситуация ослабевала. «Аристократию» в русском эпосе представляют в основном отрицательные персонажи — князь Владимир и «князья-бояре».

Без конца повторяется в научной литературе цитата из предисловия к «Экскурсам в область русского народного эпоса» о былинах как о заброшенных хоромах, где жили последовательно князья, казаки и крестьяне. Да, жили в них и князья; и при их дворах (как и на всем средне-

вековом Западе и Востоке) исполняли свои произведения народные певцы, которые должны были развивать и совершенствовать форму своих сказаний, чтобы удовлетворить прихотливый художественный вкус этой аудитории. А кто был заказчиком великолепных храмов Древней Руси, как не те же князья или городская верхушка, теократическая или светская — землевладельческая, торговая? Осуществителями же этого заказа были архитекторы и ремесленники из народа. И этого почему-то никто не оспаривает. Могли ли былины в течение долгих веков, когда уже распалась породившая их как жанр социальная среда, потерять что-то из прежней богатой художественной формы? Конечно,— ведь и в изображениях на бытовой утвари, одежде и пр., копировавших высокие образцы древнерусского искусства, заметна тенденция что-то искажать, что-то упрощать. Вот только такую тенденцию и имел в виду В. Ф. Миллер, когда говорил об известной деградации жанра былин по сравнению с профессионализмом древних певцов.

Значит ли это, что древнерусские «профессионалы» творили на пустом месте? Нет, в их распоряжении было огромное богатство традиционного фольклора, накопленное тысячелетиями и теряющееся хронологически в истоках доклассового общества. Эпические певцы щедро черпали в своем творчестве из этого общего художественного фонда, потому что героический эпос — это новый жанр, слагавшийся в дифференцирующемся обществе периода военной демократии и становления раннеклассового государства. Эпос жил не изолированно. Он включал в себя и отдельные художественные элементы, и целые мотивы, и даже сюжеты разных жанров фольклора былых времен, но подчинял все эти фрагменты новой идее — воинской, оборонной мощи и создания государства. Архаизировать же эпос бесполезно, тогда теряется специфика социальной функции этого жанра.

Вероятно, следовало бы больше акцентировать роль дружинных певцов (широко известных в истории других народов, даже исполнявших нередко свои песни перед началом боя или в походах, чтобы поднять дух воинов) по сравнению со скоморохами, чем это делал Миллер. Но не слишком ли узко представление о скоморохах, как только о своего рода потешниках, плясунах, фокусниках? Не досталась ли им все-таки часть древнего эпического наследства в более поздние периоды жизни Древней Руси? Дружинные певцы могли многое принять как эстафету не только от сказителей еще родового общества, но и от жречества, бывшего, по-видимому, несравненно более развитым и «образованным», чем считается обычно. Волхвы, скупо упоминаемые в летописях, были реальной авторитетной корпорацией, силой, с которой светская власть после принятия христианства боролась с трудом. Но в течение веков они были забыты, и их мифы и легенды могли попасть в репертуар светских народных певцов, переходивших индивидуально из города в город, из селения в селение, вливавшихся в ватаги бродячих скоморохов или же оседавших на одном месте. А иногда, возможно, они совмещали пение сказаний с прежней практикой волхвования (как это было распространено на Востоке). Тенденция же к секуляризации эпоса у всех народов неуклонно усиливалась с течением времени.

Теперь обратимся к содержанию былин. Откуда могли крестьяне в глухих далеких селениях не только знать, но и с профессиональным интересом и знанием дела описывать в былинах сложный набор вооружения богатырей и снаряжения их боевых коней? Даже в ополчении оружием были рогатины, дубины и т. п., а защитной одеждой — стеганые кафтаны. Металлическое оружие и доспехи были слишком дороги, да и редки. Не идеализация в большинстве случаев имеет место в былинах, а исторические реалии — комплекс снаряжения древнерусского воина-конника, профессионала. Этот комплекс детально изучен в наше время по данным археологии и иконографии. Но многие дружинники были связаны с селом, из которого выходили на военный сбор (ср. съезд былинных богатырей в Киев), куда возвращались и где их зачастую хоронили, как по-

казывает смешение сельского и городского инвентаря на некоторых древнерусских селищах. В целом же обстановка былин — городская; сложные по планировке и богатые по убранству жилища, рынки с разнообразными товарами, пристани с многочисленными судами, одежда из дорогих привозных тканей. А в городах облик воина-дружинника был хорошо знаком населению. Русь называлась в иноземных источниках страной городов. Кроме того, надо согласиться с предположением Б. А. Рыбакова, что былины могли слагаться не только в Киеве, Новгороде и других городах, но и на пограничных заставах. Содержание былин было наиболее близко сторожевым воинам — защитникам пограничья; на заставах объединялся эпический репертуар разных регионов Руси, откуда воины прибывали на линии южных укреплений [31].

Из всего этого достаточно ясна надуманность приписывания В. Ф. Миллеру роли адепта «теории аристократического происхождения былин» и уж, во всяком случае, необходимость при таком утверждении серьезных оговорок, меняющих суть дела. Он просто был объективным историком, а писал не об эпосе вообще (как это практикуется иногда фольклористами в настоящее время), а о русском эпосе определенного исторического периода.

В науку вошли как аксиома некоторые важнейшие выводы В. Ф. Миллера (например, о реальных прототипах некоторых персонажей былин в Древней Руси и кочевническом мире, о значении новгородской колонизации для географического распространения былин). В большинстве учебников по фольклору еще в послевоенные годы эпические жанры освещаются в основном по Миллеру: ведь авторами первых учебников были его ученики — Б. М. и Ю. М. Соколовы, а более поздних — уже ученики этих учеников. Но при всем этом в теоретическом аспекте значение В. Ф. Миллера в истории науки, как правило, недооценивалось. Мало известны и многие из его работ: об историческом значении сказки, об ареале культур Древнего Востока — Месопотамии, Египта, Индии и — опосредованно — других отдаленных регионов, об истории создания древнерусского алфавита и происхождении его отдельных знаков и др. А ведь любая из этих тем до настоящего времени дискуссионна. Нередко ученые более позднего времени заново «открывали» уже сделанное Миллером, будучи незнакомыми с его работами или обходясь без ссылок на него. Некоторые же забытые его гипотезы так и не привлекались к разработке сложнейших проблем; между тем эти гипотезы, основанные во многом на интуиции, как уже упоминалось, не раз предвосхищали грядущие открытия.

В то же время сам В. Ф. Миллер был талантливым и вдумчивым интерпретатором взглядов ученых его времени — В. В. Стасова, А. Н. Веселовского, Г. Н. Потанина и др. И при этом крайне щепетильным при использовании источников и скромным в освещении своей роли, хотя многое было развито им самим.

Ученик Ф. И. Буслаева, Миллер воспринял исторический аспект его метода, оставив в стороне мифологические построения, отягощавшие буслаевские исследования. Как бы ни расценивать отдельные положения Миллера в его историко-фольклорных разысканиях, невозможно опровергнуть того, что историческое изучение фольклора и привязка его к конкретным явлениям истории были им продвинуты далеко вперед. Вместе с тем он как бы абсорбировал сделанное его предшественниками. Спокойное, грамотное, местами художественно-образное изложение В. Ф. Миллером их мыслей при ясности логического построения делало находки этих ученых общим фондом науки. Идентификацию образа былинного Тугарина с половецким ханом XI — начала XII в. Тугором знают широко не по А. Н. Веселовскому (определившему исторический прототип Тугарина), а по В. Ф. Миллеру. Почти забыто (во многом не всегда заслуженно!) исследование В. В. Стасова, но то, что он писал о значении образа коня в кочевническом эпосе, о составе эпической дружины и многом другом, знают тоже по В. Ф. Миллеру. Долгое время так же незаслуженно замалчивались труды Г. Н. Потанина, основан-

ные на его полевых материалах, собрать которые тому удалось поистине подвижническими усилиями, а ряд фольклорных образов, мотивов, ситуаций, обнаруженных Потаниным в сердце Центральной Азии и в степях Казахстана, введен в науку опять-таки В. Ф. Миллером.

До настоящего времени В. Ф. Миллер продолжает оказывать влияние и на зарубежную фольклористику. Конечно, некоторые его идеи там утрированы, доведены произвольно до «логического» конца (например, в трудах супругов Чэдвиков), но велико и положительное значение для мировой науки русской «исторической школы», главой которой был В. Ф. Миллер [32].

Печатная продукция В. Ф. Миллера очень обширна и основательна, хотя публиковать что-либо в его время было нелегко из-за слабых технических возможностей полиграфии и недостатка средств у научных обществ, а также стесненности в выборе тематики. В письме к А. Н. Пыпину Миллер просил его поместить в Петербурге его «заметку» в «Журнал министерства народного просвещения» или в «Вестник Европы». Московским ученым, писал он, приходится публиковаться даже в иллюстрированных изданиях для широкой публики, и не кому-нибудь только, но и Ф. И. Буслаеву [33]. При этих условиях В. Ф. Миллером было все же опубликовано свыше 200 работ; из них большинство при жизни. В их числе ряд крупных монографий, некоторые в 2—3 томах. В значительной степени благодаря его усилиям увидели свет работы других ученых в изданиях ОЛЕАЭ и МАО.

В. Ф. Миллер уделял много времени и такому литературному жанру, как рецензии, и они далеко выходили по значимости за обычные пределы этого жанра. Стремясь популяризировать в более широких кругах общественности России достижения этнографии, фольклористики и лингвистики, В. Ф. Миллер чутко откликался в печати на новые издания в этих областях науки, в том числе провинциальные. Так, им были написаны рецензии на 26 выпусков (а всего на 60 статей) «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», продолжающегося издания, выпускаемого в Тифлисе на русском языке Управлением Кавказского учебного округа. Эти рецензии, первоначально напечатанные в «Журнале министерства народного просвещения», были затем почти все переизданы Управлением в виде отдельных книжек [34], в основном для местных учителей; часть была включена в другие издания Управления. Эти рецензии до настоящего времени не потеряли научной значимости, так как в них высказано много оригинальных идей, введен в русло науки богатый фактический материал, получающий всевозрастающее историческое значение.

Надо сказать несколько слов о стиле и языке работ В. Ф. Миллера. Уровень культуры литературного языка в конце XIX — начале XX в. был достаточно высок, но современники особо отмечали слог В. Ф. Миллера. В юбилейном приветствии Общества любителей российской словесности подчеркивалось: «Высоко ценя Ваши научные труды, Общество любителей российской словесности не может умолчать о том, что эти труды всегда облекались в безукоризненную литературную форму ... Язык Ваших разнообразных произведений служит прекрасным примером того, что всякие специальные вопросы можно излагать, нисколько не жертвуя ради научности простотой, изяществом и выразительностью русского языка» [35]. О том же писал в своих воспоминаниях о В. Ф. Миллере А. Розенфельд: «Простая в своем изяществе и изящная в своей простоте, всегда строго научная речь его дается легко пониманию» [36]. С. К. Шамбинаго видел в изложении В. Ф. Миллером своих мыслей «обаяние его высокой культурности», «сознание, что историку поэзии самому нужно быть в известной степени поэтом» [37].

О дореволюционной фольклористике в России, о ее значении для поступательного развития науки объективно написал в самые последние годы Л. И. Емельянов: «Конец XIX — начало XX столетия были.. для русской науки временем окончательного становления лучших ее тради-

ний, получивших мировое признание... Этот период, отмеченный именами А. Н. Веселовского и С. Ф. Ольденбурга, В. Ф. Миллера и А. В. Маркова, В. Н. Перетца, А. С. Орлова и других крупнейших ученых, не только обогатил науку многими выдающимися исследованиями, но и по существу создал то направление в мировой науке, которое по справедливости было названо русской школой фольклористики», влияние которой испытала и молодая советская наука о народном творчестве [38]. Можно считать, что выдержала испытание временем характеристика В. Ф. Миллера, непосредственно после его кончины данная его учеником Б. М. Соколовым, впоследствии одним из виднейших советских фольклористов: «Покойный ученый много потрудился, пролил ясный свет и внес много новых освежающих мыслей в область сравнительного языкознания, сравнительной этнографии и фольклора, востоковедения и кавказоведения, археологии и истории русской словесности. С целым рядом крупных научных фактов его имя уже неизменно будет связывать история перечисленных научных дисциплин» [39].

Перечень опубликованных работ В. Ф. Миллера и литературы о нем, приложенный В. В. Богдановым к своей обширной рукописи (л. 543—569), повторяет в основном составленный им же список, помещенный в «Этнографическом обозрении» (1913, № 3—4) после кончины ученого. Но он дополнен посмертно опубликованными работами В. Ф. Миллера и литературой о нем по 1948 г.— время завершения рукописи.

Следовало бы подумать об издании полной современной библиографии как работ самого В. Ф. Миллера, так и литературы о нем. И, конечно, о переиздании всех его трудов, давно ставших библиографической редкостью, тем более что в последние десятилетия исследователи вновь стали обращаться к его богатому научному наследию.

1 *Миллер Всеволод.* Осетинские этюды. М., 1881. Т. I.: Осетинские тексты; 1882. Т. II: Исследования; 1887. Т. III: Исследования.

2 *Миллер В. Ф.* Осетинско-русско-немецкий словарь/Под ред. и с доп. А. А. Фреймана. Л., 1927. Т. I; 1929. Т. II; 1934. Т. III.

3 Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея, составленное хранителем музея профессором В. Ф. Миллером. М., 1887. Вып. 1; 1889. Вып. 2; 1893. Вып. 3; 1895. Вып. 4.

4 *Миллер Вс.* Древнеиндийское сказание о потопе: Сборник в честь семидесятилетия профессора Дмитрия Николаевича Анучина. М., 1913.

5 *Миллер Вс.* К вопросу о славянской азбуке // ЖМНП. 1884. Ч. CCXXXII.

6 *Миллер Вс.* Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877.

7 О составе лиц, связанных с этой комиссией, см.: Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе ОЛЕАЭ. Т. I // Изв. ОЛЕАЭ. М., 1906. Т. CXIII; *Яворский Б. Л.* Статьи, воспоминания, переписка. 2-е изд. М., 1972.

8 *Миллер Всеволод.* Экскурсы в область русского народного эпоса I—VIII. М., 1892.

9 *Липец Р. С.* Идея о восточных влияниях в былинах (Книга В. Ф. Миллера «Экскурсы в область русского народного эпоса I—VIII») // ОИРЭФА. 1974. Вып. VI.

10 *Миллер В. С.* Древнеиндийское сказание о потопе. С. 57.

11 Всемирно-историческая сказка в культурно-историческом освещении // Рус. мысль. 1893. Кн. IX; Ассирийские заклинания и русские народные заговоры // Рус. мысль. 1896. Кн. VII.

12 *Штернберг Л. Я.* В. Ф. Миллер как этнограф // ЖС. 1913. Вып. III—IV. С. 422.

13 Литовские народные песни, собранные Ф. Ф. Фортунатовым и В. Ф. Миллером: (Текст и перевод) // Зап. Московского ун-та. 1873; об экспедициях на Кавказ см.: *Калоев Б. А.* В. Ф. Миллер — кавказовед: (Исследование и материалы). Орджоникидзе, 1963; *Он же.* М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979. Гл. II; *Цулая Г. В.* Грузиноведческие интересы В. Ф. Миллера // ОИРЭФА. 1978. Вып. VIII.

14 *Уварова П. С.* В. Ф. Миллер как исследователь Кавказа // ЭО. 1913. № 3—4. С. 1—10; *Она же.* Памяти В. Ф. Миллера // Древности. 1914 (Тр. МАО. Т. XXIV). С. 267—270.

15 Выборка сделана автором данной статьи по «Систематическому описанию коллекций Дашковского этнографического музея».

16 Чествование тридцатилетия учено-литературной деятельности профессора Всеволода Федоровича Миллера // ЭО. 1900. № 4.

17 *Шамбинаго С. К.* О значении В. Ф. Миллера в науке народной словесности // Древности. 1914 (Тр. МАО. Т. XXIV). С. 261.

18 Чествование тридцатилетия... С. 173.

19 *Марков А. В.* Обзор трудов В. Ф. Мил-

лера по народной словесности. Памяти дорогого учителя // Изв. ОРЯС. Пг., 1916. Т. XIX, кн. 2; Т. XX, кн. 1; Т. XXI, кн. 1 (Отдельный оттиск).

20 *Аникин В. П.* Историко-фольклорная концепция А. В. Маркова // ОИРЭФА. М., 1963. Вып. II.

21 *Штернберг Л. Я.* В. Ф. Миллер как этнограф. С. 422.

22 *Васильев Н. В.* Вс. Ф. Миллер как исследователь народной словесности // ЭО. 1913. № 3—4. С. 76—77.

23 *Максимов А. Н.* Научные методы Вс. Ф. Миллера в этнографии // Там же. С. 36—37.

24 *Миллер В. Ф.* Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. М., 1876. I: Асвины — Диоскуры.

25 *Миллер В. Ф.* Пушкин как поэт-этнограф. С приложением неизданных народных песен, записанных А. С. Пушкиным // ЭО. 1899, № 1—2.

26 25-летие бессменного председательства в Этнографическом отделе профессора Всеволода Федоровича Миллера, исполнившееся 15 декабря 1906 года // ЭО. 1907. № 1—2. С. 256.

27 *Соколов Б.* Вс. Ф. Миллер как исследователь русского былевого эпоса // ЖС. 1913. Вып. III—IV. С. 334.

28 Чествование тридцатилетия... С. 167.

29 *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 191.

30 Сборник великорусских частушек/Под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914; Библиографический указатель литературы по народной словесности на русском языке. М., 1913. Вып. 1; 1914. Вып. 2; 1915. Вып. 3.

31 *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 60—62, 76—77, 348—349; *Липец Р. С.* Эпос и Древняя Русь. М., 1969. С. 33—34, 71, 74.

32 См.: *Налепин А. Л.* Изучение и преподавание русского фольклора в университетах Великобритании и США // СЭ. 1981. № 4. С. 131—132; *Он же.* Изучение русского фольклора в США // Фольклор. Поэтика и традиции. М., 1982. С. 334—335, 339.

33 *Мельц М. Я.* А. Н. Пыпин и русская фольклористика конца XIX — начала XX в. // ОИРЭФА. М., 1963. Вып. II. С. 113—114.

34 *Миллер В. Ф.* О Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа, издаваемом Управлением Кавказского учебного округа: Отзывы проф. Вс. Миллера, напечатанные в ЖМНП (Вып. I—XIV). Тифлис, 1893. *Он же.* О Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа. Изд. Управления Кавказского учебного округа. Тифлис, 1896—97. Вып. XXI—XXII. (Рецензии о выпусках, начиная с XV, были перепечатаны в «Приложениях к циркулярам Кавказского учебного округа».)

35 25-летие бессменного председательства... С. 172.

36 *Розенфельд А.* Памяти Всеволода Федоровича Миллера // ЖС. 1913. Вып. 3—4. С. 337.

37 *Шамбинаго С. К.* О значении В. Ф. Миллера в науке... С. 262.

38 *Емельянов Л. И.* Методологические вопросы фольклористики. Л., 1978. С. 36.

39 *Соколов Б.* Вс. Ф. Миллер как исследователь... С. 318.

ТРИ ГЛАВЫ ИЗ РУКОПИСИ В. В. БОГДАНОВА

В научных обществах

Русская научная интеллигенция Москвы начиная с 60-х годов XIX столетия развивала свою широко разросшуюся во всероссийских масштабах научно-общественную деятельность главным образом в двух научных обществах: в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (год основания 1863-й) и Московском археологическом обществе (год основания 1864-й)...

В эти 60-е годы в Москве были и другие заслуженные научные общества, как: Московское общество испытателей природы (одно из самых старых, с 1805 г.), Московское математическое общество, Физико-медицинское общество, Общество акклиматизации животных и растений, Московское общество сельского хозяйства (старейшее в Москве), Московское общество любителей астрономии, Общество русских хирургов в Москве, Русское агрономическое общество, Московское политехническое общество, Московское физическое общество,.. Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений,.. Московское общество распространения естественнонаучных знаний,.. Общество истории и древностей российских (основано в 1804 г.), Общество любителей российской словесности и др.

Редкий член всех названных обществ не входил в многочисленный состав членов Общества любителей естествознания по одному из десяти его специальных отделов или шести его специальных комиссий. Такую концентрацию научно-общественных деятелей разных научных специаль-

ностей в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, источники и характер этого научного объединения хорошо обосновал и объяснил профессор-академик А. П. Павлов в одной из своих речей в Обществе любителей естествознания.

Он указал прежде всего на знаменитое учение Дарвина, которое заставило все научные специальности — естественноисторические, математические, технические и гуманитарные — пойти по пути дарвиновского эволюционного учения и созерцать единую мировую материю во всех ее дифференциях, превращениях и движениях. В обществе любителей естествознания представлены все эти дифференции, и любой специалист может углубленно заняться своей научной специальностью в том или другом отделе или в специальной комиссии Общества. Это, сказал А. П. Павлов, первая причина, создавшая в Обществе любителей естествознания единение наук.

В то же время, продолжал А. П. Павлов, между научными специальностями, не только одними естественными или техническими, но и между естественноисторическими и гуманитарными, существует известная материальная неразрывность, и разные специалисты естественных наук нередко являются в Обществе членами и того или другого отдела по наукам гуманитарным. При этом А. П. Павлов указал на себя: занимаясь четвертичным периодом в геологии, встречаясь с костными остатками человека и животных этого периода, с предметами древней культуры, он весьма заинтересован в работах отделов Общества — антропологического, этнографического и зоологического, а также в работах Московского археологического общества, и сам А. П. Павлов во всех этих отделах принимал участие. Далее он указал на ряд других примеров: на большую заинтересованность физиков в работах Музыкально-этнографической комиссии, где проблема звука и гармонии звуков поставлена едва ли не впервые демонстративно, а не отвлеченно, на строго научном основании. Указал А. П. Павлов также на проблему обуви, ее гигиены и техники, что ведет к изучению ее специалистами — антропологами, этнографами и медиками-гигиенистами. Не приводя других многочисленных примеров «содружества наук» в Обществе любителей естествознания, указанных проф. Павловым, отмечу, что это содружество он назвал «ступенью к познанию единства материального мира» и в этом он видел вторую причину концентрации научных сил в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Далее А. П. Павлов указал, что в Обществе любителей естествознания ставятся большие научные темы синтезирующего содержания на больших публичных заседаниях. Публичные доклады таких светил науки, как И. И. Мечников, К. А. Тимирязев, А. Г. Столетов, А. И. Воейков и многие другие, были построены на строго научном синтезе созерцания материи в природе, в жизни человека, в аспекте эволюционного движения материи. Русские ученые, отметил А. П. Павлов, не замыкаются в какой-нибудь маленькой клетке с микроскопом или химической колбой, но широко изучают мировую материю... В этом синтезирующем направлении русских ученых, удачно выявленном в структуре Общества любителей естествознания, А. П. Павлов признал третью причину, создавшую в Обществе единение наук.

Наконец, А. П. Павлов обратил внимание на общественный характер и научно-общественные достижения Общества любителей естествознания. Куда идет вся жаждущая знаний Москва, на заседания какого научного общества, спрашивает А. П. Павлов и отвечает: в Общество любителей естествознания. «Я сам,— говорил А. П.,— не мог развить в своих студентах-геологах понимания привычки самодеятельного научного творчества, не мог сделать этого даже на семинарах при кафедре геологии, пока, наконец, с разрешения Совета Общества любителей естествознания, не было основано геологическое отделение Общества, давшее возможность мне, как руководителю, студенческой молодежи, выращивать подлинных ученых-геологов, и притом во множестве».

В этом широком научно-общественном характере деятельности Общества любителей естествознания, в широко открытых входах в аудитории Общества А. П. [Павлов] признал еще одну, очень немаловажную причину, благоприятную для единства наук в подлинно демократической, общественно-научной их постановке в Обществе любителей естествознания.

Заключая свою замечательную речь о единстве наук в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, А. П. Павлов сказал: «В единстве наук есть великий смысл научных знаний. Оно приведет человечество к подлинно научному познанию единой мировой материи и всего материального мира во всех его разновидностях ...»

Действительно, и на деятельности Всеволода Федоровича Миллера, как руководителя московских и многих немосковских этнографов, сказалось самым благотворным образом вовлечение в единую научную работу таких специалистов, как выдающиеся русские композиторы, как ученые — физиологи, физики, антропологи, археологи, историки, языковеды и многие ученые других научных специальностей до техников включительно (и притом таких авторитетных, как профессор технологии Петр Петрович Петров, почетный член Общества и долголетний руководитель Политехнического музея).

Вс. Ф. Миллер стал членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в конце 60-х годов, будучи привлечен в Общество своими университетскими профессорами Ф. И. Буслаевым, П. Я. Петровым и особенно Н. А. Поповым, который был первым председателем Этнографического отдела Общества с 1867 по 1881 г. В 81-м году Н. А. сложил с себя звание председателя Отдела и председателем был избран единогласно Вс. Ф. Миллер.

В настоящей главе очерка излагается деятельность Вс. Ф. в Отделе исключительно как организатора и руководителя работ Отдела.

Вс. Ф. в это время был всесторонне образованным, авторитетным ученым, заслуги которого признавали такие ученые, как Д. Н. Анучин, С. М. Соловьев, Н. А. Попов, Ф. Е. Корш, М. М. Ковалевский и др. Все они выступают со своими докладами в Этнографическом отделе под председательством Вс. Ф. На этих заседаниях часто присутствуют президент Общества Г. Е. Щуровский и два последующих президента А. Ю. Давидов и А. П. Богданов. Сам Вс. Ф. Миллер был четвертым президентом (после Богданова, в 1889 и 1890 гг.), а пятым — Д. Н. Анучин (1890—1923), шестым и последним был академик А. Н. Северцов (1923—1930).

С первых же заседаний Этн[ографического] отдела Вс. Ф. привлекает в президиум отдела М. М. Ковалевского сначала секретарем Отдела, а затем товарищем председателя. М. М. положил в Отделе начало обстоятельному изучению обычного права русского [народа] и других народов России, причем им были привлечены в Отдел выдающиеся московские юристы: А. И. Чупров, С. А. Муромцев, Ю. С. Гамбаров, Н. О. Нерсесов, а также многочисленные студенты-юристы, начавшие своими экспедиционными поездками собирать материалы по обычному праву и докладывать о них на заседаниях Отдела. В Отделе образовалась большая группа молодых этнографов-юристов, среди которых выделялся Н. Н. Харузин. После смерти Н. Н. Харузина в 1900 г. и после вынужденного отъезда М. М. Ковалевского из России работы по обычному праву в Этнографическом отделе значительно пошли на убыль, но не прекращались. Московский кружок этнографов-«обычников» пустил живительные корни в областных кругах русской интеллигенции, откуда в Этнографический отдел поступали ценные материалы и доклады. Деятельность Ковалевского, Муромцева, Чупрова в Этнографическом отделе, а потом в Московском юридическом обществе сказалась и на известном этнографе-«обычнике» Е. И. Якушкине, сыне декабриста И. Д. Якушкина. Е. И. с конца 50-х годов служил в Ярославле, проводил крестьянскую реформу в Ярославской губернии, близко изучил крестьянское дело и кресть-

янский быт. Среди прочих своих историко-литературных трудов Е. И. оставил после себя четырехтомный библиграфический труд «Обычное право». Он был в постоянной научной переписке с Этнографическим отделом и принимал участие в некоторых работах Отдела по вопросам обычного права.

Обычное право и общественный быт народов вообще были слабым местом в русской этнографии, пока не появились замечательные труды М. М. Ковалевского, на которые навел его Вс. Ф. Миллер, о чем пишет и сам Ковалевский: «Еще до моего приезда в Россию я захвачен был полемикой сторонников и противников теории материнства, группового родства, первобытного коммунизма, позднейшего происхождения частной собственности на землю, смены эндогамических порядков экзогамическими и т. д. и т. д. В лекциях по истории права, которыми я открыл свою преподавательскую деятельность в Москве, я старался заинтересовать этими вопросами и свою аудиторию. В это время едва ли кто, за исключением Вс. Ф. Миллера, не считал в Москве праздным и ненаучным занятие подобными вопросами. Но Миллер не только сочувствовал работам этнологов, он еще ясно сознавал возможность использовать для осуществления их задач не известный Западу и богатейший материал русской этнографии. Этот материал становился доступным, благодаря прекрасной библиографии, только что начинавшей выходить в это время. Я разумею работу Якушкина, сына декабриста. По совету Миллера я стал заниматься, с библиографией Якушкина в руках, в Чертковской библиотеке и собирать материал для древнейшей истории семьи, брака, отношений родителей и детей, родовых и племенных порядков, родовой и сельской общины... В то же время я печатал на столбцах издаваемого вместе с Миллером „Критического обозрения" статью о том сравнительно-историческом методе, которого я старался держаться в моих работах. При выборе самих примеров исследования беседы с Миллером принесли мне величайшую помощь. Он был для меня кладезем премудрости по всем вопросам, связанным с древнеарийской и иранской культурой, которыми он специально занимался и в это время (1879 и 1880 г.— *В. Б.*). Для меня же, не знакомого с языком ни Вед, ни Авесты, эта культура оставалась книгой за семью печатями. «Критическое обозрение» сблизило меня также с многими товарищами Миллера по занятию филологией и историей. Миллер читал в это время в университете не один санскрит, но также лекции по истории Древнего Востока... Благодаря ему я познакомился и с известным английским изданием „Священные книги Востока", и со всей той литературой, какую вызывали быстро следовавшие одно за другим открытия клинообразных надписей, их чтение и истолкование. В Миллере не один я, но каждый, кто обращался к нему за указаниями, мог всегда найти необыкновенно доступного руководителя в занятиях, готового поставить в его распоряжение массу фактов, кропотливо собираемых им во время долгих вечерних часов, проводимых за письменным столом» (ЭО. 1913. № 3/4. С. 11—13).

Это одно из многих правдивых, неголословных свидетельств о Вс. Ф. Миллере как собирателе русских научных сил, их руководителе, сотруднике, в частности в том вопросе об обычном праве, который стал специальностью М. М. Ковалевского и целого кружка этнографов-юристов в Этнографическом отделе.

М. М. Ковалевский сообщает еще один факт, когда Вс. Ф. Миллер привлек в сотрудники «Критического обозрения» В. О. Ключевского, который стал помещать в журнале свои критические разборы. По этому поводу М. М. Ковалевский сообщает: «В числе его (Вс. Ф. Миллера) заслуг было, несомненно, проведение на кафедру русской истории В. О. Ключевского. Когда он начал печататься на страницах „Критического обозрения", его работы были известны немногим специалистам. „Боярская дума" еще не появлялась, и для большой публики Ключевским ничего не было написано. Но его блестящие критические разборы... вызвали сразу к нему восторженное отношение. И когда Ключевский вошел

в Совет (университета.— *В. Б.*), он был принят дружными рукоплесканиями. Это на моей памяти единственный пример триумфальной встречи университетской семьей будущего ее члена» (Там же. С. 15).

Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии как коллектив русской научной интеллигенции, прогрессивной, демократической, активно заявившей о своей деятельности организацией выставок, музеев, народных аудиторий и научных публичных выступлений, нашло в лице Вс. Ф. Миллера деятеля, с большой энергией, талантом и научным достоинством возглавившего один из десяти специальных научных отделов Общества — Этнографический отдел. Его предшественником, первым председателем Отдела был [, как уже упоминалось,] его учитель... профессор Московского университета по кафедре литературы и истории славянских народов Нил Александрович Попов. Н. А. много потрудился при устройстве этнографической выставки 1867 года, и в частности ее славянского отдела. Как председатель Этнографического отдела Общества любителей естествознания (1867—1881) Н. А. Попов привлек к научным занятиям Отдела таких выдающихся славистов, как А. Л. Дювернуа (в Москве), Карл Яромир Эрбен (в Праге), Я. Ф. Головацкий в Вильне, С. И. Веркович (в Сересе), К. И. Жинзифов (в Москве), Петар Маткович (в Загребе), К. Н. Палаузов (болгарин, в Одессе), И. И. Смоляр (в Будышине), Янко Шафарик (в Белграде), Алоизий Шембер (в Вене) и другие. Привлекая этих славянских ученых в среду московских историков и этнографов, Н. А. Попов имел в виду с их помощью поставить основательное изучение славян и славянские дисциплины не только в Обществе, но главным образом в университете. В 80-х и 90-х годах студенты историко-филологического факультета не знали бы ни славянских языков, ни славянской истории и литературы, если бы не занимались ими самостоятельно. Лишь благодаря Н. А. Попову русские филологи, в том числе и Вс. Ф. Миллер, имели живую связь с вышеназванными славянскими учеными.

На первых же порах научной работы Этнографического отдела Н. А. Попов, а за ним его преемник Вс. Ф. Миллер разрабатывали вопросы и программы организации этнографических полевых работ по связи с народным земледельческим бытом, промыслами, ремеслами и другими сельскими занятиями. Докладывались и печатались... сводки по научным достижениям в славянских землях. Первый секретарь Этнографического отдела А. Л. Дювернуа тогда же взял на себя большой труд составления болгарско-русского словаря. Эту работу студенты конца 80-х годов застали еще в доработке и доделке умом и руками ученика А. Л. Дювернуа — П. А. Лаврова.

Вс. Ф. Миллер высоко ценил работу Н. А. Попова и А. Л. Дювернуа по славяноведению, указывая при этом, что он и сам многому у них научился.

При Н. А. Попове Этнографический отдел все шире и шире раскрывал горизонт своих научных устремлений по всей территории народов, населявших Россию, а также и далеко за ее пределами. Здесь же, при Попове, Вс. Ф. Миллер сделал свой первый научный доклад из области древнеиндийской мифологии в сравнении с мифами других народов.

В 1881 году Н. А. Попов, за сложностью своих занятий, сложил с себя обязанности председателя Этнографического отдела и сам предложил кандидатуру Вс. Ф. Миллера, которую очень сочувственно поддержали президент Общества Г. Е. Щуровский, член-основатель Общества А. П. Богданов и другие. Вс. Ф. был избран единогласно и с тех пор также единогласно переизбирался через установленные уставом два года до конца его жизни.

С самого начала своего председательства в Этнографическом отделе Вс. Ф. Миллер привлек в него выдающегося ученого и своего друга Максима Максимовича Ковалевского, сначала в должности секретаря Отдела, затем товарища председателя и наконец полевого исследователя в

кавказских экспедициях совместно с Вс. Ф. Миллером. М. М. Ковалевский внес очень благотворную новь в программу работ Отдела — изучение семьи, общины и обычного права. Будучи в то же время профессором юридического факультета, М. М. привел за собой в Отдел своих талантливых учеников-юристов, в том числе Н. Н. Харузина, продолжавшего это начинание Ковалевского, когда М. М. должен был оставить Россию.

В 80-х и последующих годах в русской научной среде накопилось много очередных вопросов, требовавших компетентного обсуждения и решения их специалистами. В конце 1881 года один из таких вопросов — «о народности гуннов» — поставил перед московской научной общественностью известный историк Д. И. Иловайский. На заседаниях Этнографического отдела 23 и 30 декабря 1881 года под председательством Вс. Ф. Миллера обсуждали этот сложный и важный вопрос, являющийся и до настоящего времени окончательно не разрешенным... Весь этот диспут с подробными авторскими резюме напечатан в «Трудах» Этнографического отдела (Изв. ОЛЕАЭ. 1886. I. XLVIII, вып. 1. С. 23—39).

Для дальнейшей постановки таких ответственных вопросов Вс. Ф. Миллер предложил пользоваться археологическими съездами, которые с большим научным успехом через каждые три года организовывались Московским археологическим обществом по широкой программе, с привлечением дисциплин антрополого-этнографических, лингвистических и фольклорных. В них деятельное участие принимал и сам Вс. Ф. Миллер.

...Основателем Московского археологического общества был граф А. С. Уваров; после его смерти продолжательницей его дела была его жена П. С. Уварова. Она привлекла к работе на съездах и в Археологическом обществе Вс. Ф. Миллера, который стал при этом во главе Восточной комиссии Общества. Об этой стороне научно-общественной деятельности Вс. Ф. Миллера ценные сведения сообщает профессор М. В. Никольский [в своих воспоминаниях о Вс. Ф. Миллере как востоковеде в чтении на заседании Московского археологического общества 7 декабря 1913 г.]: «Первая попытка учреждения большого общества востоковедения была сделана в начале восьмидесятых годов в среде кавказоведов Лазаревского института восточных языков. Вс. Ф. в этой среде всегда пользовался симпатиями и влиянием, и ему следует приписать если не инициативу, то самое деятельное участие в возбуждении этого вопроса. Формально инициаторами этого предприятия стали армянские ученые Г. И. Кананов и Н. О. Эмин, но первый был поглощен своей административной деятельностью, а Н. О. Эмин, в то время уже престарелый ветеран науки, не был в силах взять на себя все трудности пред[по]лагаемого большого предприятия. Было ясно до очевидности, что все надежды возлагались на молодого, талантливого и уже авторитетного кавказоведа, каким был В. Ф. Миллер». После некоторой задержки в осуществлении этого дела инициаторы предприятия снова вернулись к нему и на этот раз решили «опереться уже не на Лазаревский институт, как на специальное учреждение по восточным языкам, а на Московское археологическое общество, как на заявившее себя на разработке древностей Кавказа и авторитетное по своему положению в науке и обществе». Археологическое общество обратилось к Вс. Ф. с просьбой составить проект новой комиссии при Обществе. Была образована Восточная комиссия Общества. «Из всех участников в этом предприятии,— продолжает М. В. Никольский,— В. Ф. был наиболее старейший и авторитетный член Общества... У нас было два равноценных кандидата на должность председателя Комиссии: Ф. Е. Корш и В. Ф. Миллер. Но В. Ф. решительно отклонил от себя кандидатуру... и принял на себя более скромную роль товарища председателя. 31 октября 1887 года в первом ученом заседании Комиссии первый реферат, нами выслушанный, принадлежал В. Ф. и был посвящен его исследованиям о кавказских евреях. Этим он положил начало нашим ученым сообщениям и беседам. Тон прозвучал,

той опытного кавказоведа, и наши работы начались и продолжались преимущественно в этом направлении — кавказоведении... Ровно 10 лет спустя после основания Комиссии, в 1897 году, В. Ф. формально принял на себя обязанности ее председателя, когда Ф. Е. Корш сложил их с себя. Почти одновременно с этим, по смерти Г. И. Кананова, он стал и во главе Лазаревского института в качестве его директора» (Древности. Труды МАО). Все это характеризует Вс. Ф. Миллера как человека, способного объединять не только разных научных деятелей, но и близкие по специальности научные общества и учреждения. Эта способность свойственна далеко не всем. Сами члены Этнографического отдела вслед за своим председателем принимали деятельное участие в археологических съездах, в самом Археологическом обществе и в его комиссиях (Славянской, Восточной, Комиссии по сохранению древних памятников). Это единение помогало многим членам Этнографического отдела совершать свои кавказские экспедиции и печатать свои труды на средства и в изданиях Московского археологического общества. С другой стороны, профессора, преподаватели и студенты Лазаревского института в директорство Вс. Ф. Миллера переносили свои востоковедные знания большей части по языку в область этнографии и фольклора.

Не всегда в дореволюционной России в среде научных деятелей можно было наблюдать такое единение ученых и научных обществ. [Это сказалось, например, по мнению В. В. Богданова, в работах XII съезда русских естествоиспытателей и врачей, где была впервые организована подсекция этнографии, в работе которой выявился разлад между учеными Москвы и Петербурга. Подробно об этом съезде см.: *Бартольд В. В.* XII съезд русских естествоиспытателей и врачей. Занятия подсекции этнографии // ЖС. 1910. Вып. 1—2. Листы 128—131 рукописи В. В. Богданова представляют в основном цитирование и пересказ этого отчета.] Должен сказать, что именно в Москве ... по инициативе А. П. Богданова и других выдающихся деятелей Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с одобрения и от имени Совета Общества была задумана ассоциация русских ученых на широких общественных началах, с вовлечением в эту ассоциацию не только столичных ученых, но всех больших и малых деятелей науки во всей России, во всех ее провинциях. Был составлен проект устава ассоциации; много раз представление его в высшие инстанции получало отказ либо примирительное: «Подождите». Этот проект пролежал без движения более 25 лет до самой Февральской революции, когда он получил утверждение с исключением из него слова «ассоциация» и заменой словом «объединение». Запоздавший устав оказался уже нежизненным.

...И еще должен указать на ... план создания московской Академии наук на базе объединения московских научных обществ. Этот план обсуждался в предварительной стадии... но, дойдя до слуха академического Петербурга, был, как говорится, «принят в штыки», и «были приняты меры».

Организованные Московским археологическим обществом съезды — это [была] тоже форма объединения ученых России и притом, несмотря на графский титул Уваровых, не чиновничья, не бюрократическая и не аристократическая форма. Достаточно заглянуть в любой отчет любого съезда, чтобы увидеть свободную ассоциацию людей всяких званий и знаний. Ученые жрецы не сразу привыкли к этому «провинциальному жаргону» науки, но привыкли, потому что здесь был слышен голос науки на всю Россию.

И Вс. Ф. Миллер, и Дм. Н. Анучин, и многие другие выдающиеся русские ученые не только критически воспринимали зарубежные научные труды, но и сознавали свое превосходство перед ними. На немецких ученых Вс. Ф. Миллер смотрел определенно как на узких специалистов, совершенно не способных видеть предмет вне своей узкой специальности, синтезировать данные для какого-либо общего вопроса, идущие из разных смежных и даже далеких друг от друга источников...

Во всех упомянутых мною начинаниях москвичей — в проекте ассоциации ученых, в проекте московской академии наук, в предварительных комитетах по созыву археологических съездов и в самих съездах — Вс. Ф. Миллер принимал самое деятельное участие, ратуя за привлечение к науке молодых сил провинциальной и столичной интеллигенции.

Как руководитель научной молодежи Вс. Ф. Миллер особенно много сделал, пользуясь своим положением в Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Следуя примеру первых президентов Общества Г. Е. Щуровского и А. П. Богданова, Вс. Ф. сделал заседания Этнографического отдела не только публичными, но и открытыми, в аудиториях Политехнического музея, широкодоступными для всех. В университете... он совершенно не имел ни места, ни времени, ни подходящих условий для широкой просветительной деятельности среди студенчества. Наоборот, привлекая студентов на заседания Этнографического отдела, он ставил их в положение участников большого научного коллектива, в котором они не только знакомились с текущими вопросами науки, но также принимали участие в обсуждении докладов, а потом и сами делались докладчиками. Эти начинающие ученые по специальности были весьма различных направлений: филологи, историки, классики, восточники, юристы, агрономы, географы, антропологи, даже зоологи и ботаники. Все они жадно стремились познать науку о народах, задачи и возможности этой науки, хотели найти и свое место в изучении того или другого народа. Благодаря широкой программе руководимых Вс. Ф. работ в Отделе все названные специальности не только сживались с этнографией, но еще ее и обогащали, разнообразили.

Кроме того, Вс. Ф. как председатель Этнографического отдела и член Совета Общества давал возможность совершать молодым людям ответственные командировки в пределах империи с «открытым листом» от имени Общества... Для того чтобы получить такой открытый лист, надо было сделаться членом-сотрудником Отдела, а это звание, согласно уставу, давалось лишь после научного доклада в Отделе. Однако и здесь Вс. Ф. очень часто действовал неформально. Если, например, он знал, что студент успешно работает у того или другого профессора, он представлял его в Отделе к избранию в члены-сотрудники, мотивируя это успехами его в университетских занятиях. Благодаря такому поощрению и заботливости Вс. Ф., очень и очень многие молодые люди изъездили и исходили разные углы России, собрали ценнейшие научные данные, поработали над ними сами и пустили в общий оборот путем печатных изданий.

Кадры научной молодежи не только росли численно на заседаниях Этнографического отдела, но и крепли как начинающие эрудиты. Вс. Ф. держал себя в этой среде, как равный с равными, выслушивал замечания и критику на [себя] и либо разъяснял правдивость своих суждений, либо соглашался с критикой. Эта атмосфера свободного научного общения не шла в ущерб авторитету Вс. Ф. и других крупных ученых; наоборот, она поднимала их авторитет, делала их подлинными руководителями и друзьями научной молодежи.

Благодаря широкой известности Вс. Ф. Миллера в разных университетских городах России, особенно среди молодежи Кавказа, в Этнографическом отделе Общества любителей естествознания получили свое научное крещение многие молодые (и даже нередко пожилые) «провинциалы»: казахи (тогда их называли киргизами), коми, белорусы, украинцы, литовцы, латыши и особенно кавказцы. Здесь русские и нерусские представители науки не только видели и слышали людей, стоявших за равноправие всех народов, за их этническую равноценность, но и узнали людей, которые боролись с мракобесием. Так, например, члены Этнографического отдела С. К. Кузнецов, П. М. Богаевский выступили мужественно на известном «мултанском процессе»... Усилиями В. Г. Короленко и названных этнографов позорное обвинение провалилось.

И другие вопросы, стоявшие на очереди в этнографической науке, но не поощряемые чиновной цензурой, в Этнографическом отделе никакой цензурой стесняемы не были. А что эти вопросы некоторым даже университетским профессорам внушали страх и опасения, можно кратко подтвердить случаями из университетской действительности.

Пожелал один такой профессор дать студенту тему для семинара о двух русских святителях, которые не могли договориться по вопросу о том, два ли божественных рая существуют, один на земле, другой — небесный, или один. Студент прочитал обстоятельный доклад, но через каждые две-три фразы был прерываем профессором: «Об этом не надо», «Это к делу не идет», «Читайте, что у вас дальше». Студент же излагал последовательно и спокойно, что и «святой» Иоанн Дамаскин признавал два рая, что и «святой» Василий Великий не мог решить, куда девался земной рай. Наконец, доклад коснулся народных легенд о земном рае, о святых, удостоенных «райского жития». Профессор был сам не свой. Придя в профессорскую, он стал докладывать одному из «сочувствующих» о «происшествии на семинаре». Услышал его рассказ профессор Герье да так стал отчитывать профессора, стыдить его за гонение на свободу научной мысли в университете, что тот не знал, куда и деваться.

Тот же профессор не допускал никаких докладов (на семинаре) о Пушкине, а услышав от студента его желание прочитать доклад о болдинском периоде Пушкина, замахал руками и бросил реплику: «Такая тема — курам на смех»,— и отказал.

Не все профессора могли быть хорошими руководителями научной молодежи. Среди профессоров-зоологов были такие «дарвинисты» (т. е. не отрицавшие заслуг Дарвина), которые пропагандировали возможность партеногенеза у человека для оправдания «святых слов о непорочном зачатии». Но в общем Московский университет во вторую половину XIX века блистал своей передовой профессурой. Вс. Ф. Миллер был одним из достойнейших, уважаемых коллегами-профессорами и студенчеством профессоров университета.

В этой прогрессивной атмосфере мысли и научного общения в Этнографическом отделе Общества любителей естествознания Вс. Ф. Миллер не только объединил большой коллектив молодых этнографов, но и дал им открытый путь к самостоятельным научным занятиям. Этот коллектив Вс. Ф. скромно называл «московским кружком этнографов», а другие больше того — «московской этнографической школой» [как, например, профессор Л. Я. Штернберг]. На заседании Этнографического отделения Русского географического общества, посвященном памяти Вс. Ф. Миллера, Л. Я. Штернберг произнес свою речь «Вс. Ф. Миллер как этнограф». Вс. Ф. после своего переезда из Москвы в Петербург по инициативе академика С. Ф. Ольденбурга, председателя Этнографического отделения, был единогласно избран взамен отказавшегося Ольденбурга председателем. Таким образом, в течение двух лет (1911—1913) Вс. Ф. был председателем и руководителем двух этнографических отделений — московского и петербургского... Вспоминая первые научные выступления Вс. Ф. Миллера, Л. Я. Штернберг сказал: «То были времена, когда сравнительное языковедение, с которого Вс. Ф. начал свой научный путь, устремилось из тесного круга чистой филологии на заманчивый путь исканий в области сравнительной культуры арийских народов, основав две новых гуманитарных дисциплины — сравнительного изучения религии и сравнительной мифологии. То было время, когда в области исторического знания с блеском выступила так называемая антропологическая школа, произведшая глубокий переворот в целых областях гуманитарных наук. То было время, когда впервые в явлениях примитивной культуры стали видеть настоящий ключ к пониманию позднейшего, новейшего — ключ к пониманию самого процесса развития культуры.

Эти новые течения не могли не сказаться на таком умственно чут-

ком и разностороннем человеке, каким был Вс. Ф., и с тем большей силой, что все его интересы, как мы видели, с первых же шагов тяготели к этнографии. У Вс. Ф. было такое же тяготение к этой области знания, как и у его старого друга и товарища молодости ... М. М. Ковалевского. И если М. М. это тяготение привело к эмбриологии права, то Вс. Ф. оно привело к эмбриологии эпоса».

Обращаясь далее к специальным интересам Вс. Ф. в области этнографии, Л. Я. Штернберг продолжал: «Я имею в виду его многолетнее руководительство двумя этнографическими учреждениями в Москве — Этнографическим отделом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и Дашковским этнографическим музеем...» Говоря об Этнографическом отделе, Л. Я. Штернберг сказал: «С 1881 года в течение 33 лет он бессменно стоял во главе этого учреждения, столь много сделавшего по фольклору и этнографии России и группировавшего вокруг себя всю так называемую московскую этнографическую школу, общепризнанным главою и создателем которой был Вс. Ф. Необыкновенно счастливо сочетались в нем все данные, необходимые для научного руководителя вообще и в области этнографии в частности. Прежде всего, особенно ценна была в нем как руководителе его необычайная разносторонняя научная образованность, столь необходимая для того, чтобы самому ориентироваться и руководить в таких энциклопедических отраслях знания, как этнография и фольклор. В этом отношении едва ли он имел равного себе в России. Во время дискуссий не раз приходилось поражаться богатством его знаний в таких областях, которые казались совершенно чуждыми кругу его собственных научных интересов.

Вспоминаю его первое появление еще в качестве гостя в нашей среде — здесь, в заседании нашего Этнографического отделения. Дискутировался доклад о применении статистического метода в вопросе о заимствованиях в культурах африканских негров. Одно замечание Вс. Ф. о древнейших связях между культурами Индии и Африки, подкрепленное ценными данными из области истории и этнографии, сразу перенесло вопрос из области гаданий на твердую почву истории и фактов.

Другая не менее ценная черта — это его научная чуткость, широта и свежесть мысли, не дававшая ему, как это часто случается со многими специалистами, застаиваться на раз навсегда принятых теориях и доктринах,— дар беспрерывного движения и развития... Отсюда — его широкая научная терпимость, столь необходимая для руководителя сменяющихся поколений, отсюда — не прерывавшийся до конца жизни живой, радостный научный контакт с ученой молодежью.

Наконец, у него был ценный дар привлекать людей. У него было то природное доброжелательство, которое не дается никакой тренировкой, которое является истинным даром божиим». Далее Л. Я. приводит цитату из речи Вс. Ф. ... о положении этнографии в России.

Указав, что обширную помощь и руководство Вс. Ф. Миллер оказывал многим, откуда бы к нему ни обращались, проф. Штернберг далее останавливает внимание еще раз на созданной Вс. Ф. Миллером московской этнографической школе.

«Если так тепло,— говорит Штернберг,— Вс. Ф. умел относиться к „дальним“, незнакомым ему людям, проявившим интерес к этнографии, то что уже говорить о тех, которые окружали его в родной Москве. Он сумел сгруппировать вокруг себя для научной работы целый кадр как своих многочисленных слушателей и слушательниц, так и сотрудников по Этнографическому отделу для дружной и совместной работы. И без преувеличения можно сказать: если в Москве вырос широкий интерес к этнографии, как нигде в России, если в Москве возможно стало университетское преподавание этнографии, если в Москве стали возможны такие преподаватели, как Николай и Вера Харузины, то этим она обязана главным образом Вс. Ф. Миллеру» (ЖС. 1914, № 3/4. С. 417—425).

Вс. Ф. Миллер, как организатор первого русского этнографического журнала «Этнографическое обозрение» с периодическим выходом четырех

книг в год, с подпиской, доступной для учащихся и широкой русской общественности, сделал возможным распространение научных этнографических знаний и вовлечение в сотрудничество многих и многих читателей. Пример «Этнографического обозрения» сейчас вызвал новых спутников: «Живую старину» в Петербурге, а в Москве — «Русский антропологический журнал», «Землеведение» и другие научные журналы. Уже издававшееся им совместно с М. М. Ковалевским «Критическое обозрение» (1879—1880) было чисто научным журналом, который в критических обзорах и библиографических заметках освещал текущие успехи русской науки в области историко-филологических, юридических, экономических и государственных наук. Его сотрудниками, кроме Вс. Ф. и М. М., были авторитетнейшие русские ученые того времени: историк С. М. Соловьев, экономист И. И. Янжул, юрист С. А. Муромцев, историк В. О. Ключевский, филолог А. Н. Веселовский, философ-эмпирик М. М. Троицкий, экономист (русские артели, кустарные промыслы) А. А. Исаев и многие другие. Это ценное периодическое издание показало всю свою жизненность. Вс. Ф. не раз возвращался к мысли о необходимости такого научного журнала если не по широкой программе «Критического обозрения», то хотя бы в рамках этнографических наук. В то время «протоколы» заседаний Этнографического отдела Общества любителей естествознания, краткие резюме докладов, отдельные критические статьи печатались в «Трудах» Этнографического отдела, громоздкого издания, выходившего крайне редко. Даже научные круги почти не знали его. Оно шло главным образом в обмен на издания других научных обществ и учреждений.

В конце 1887 года Вс. Ф. Миллер поднимает в президиуме Этнографического отдела вопрос об издании своего научного журнала. Тогда товарищами председателя были М. М. Ковалевский и В. М. Михайловский, секретарем — М. Н. Харузин. Затруднения встречались со стороны материальных возможностей издательства, но М. М. Ковалевский и М. Н. Харузин обнадеживали, что средства найдутся, тем более что это издание при бесплатном сотрудничестве дорого не обойдется. Обстоятельства складывались так, что уже в 1888 году можно было ожидать выхода журнала, которому решено было дать название «Этнографическое обозрение» по примеру бывшего «Критического обозрения». Но в этом году случились два тяжелых для Этнографического отдела происшествия.

В отчете Московского университета за 1888 год помещено краткое сообщение: «Уволен от службы ординарный профессор по кафедре государственного права Ковалевский». За что был уволен М. М. Ковалевский, об этом, говорит Д. Н. [Анучин] (в статье «Памяти М. М. Ковалевского.— *В. Б.*), «едва ли знал в точности и сам тогдашний министр народного просвещения... В разговоре со мной граф Делянов, помню, сказал: „Вот жена Эрисмана (уволенного в 90-х годах.— *В. Б.*) спрашивает меня, за что уволен ее муж, а что я могу ей сказать. Представьте себе, что в комнате пахнет духами, я это явственно чувствую, но если вы спросите меня, откуда пахнет, я вам не в состоянии ответить“» (ЭО. 1916, № 1—2. С. 6). Можно подумать, что увольнял не сам Делянов, а... к Делянову доходил только жандармский аромат. Увольнение М. М. Ковалевского и отъезд его из Москвы в 1888 году были неожиданными. Осень того же года тяжело заболел и умер Михаил Николаевич Харузин. Начало издания «Этнографического обозрения» задержалось почти на год. В то же время в Этнографическом отделе начинает выступать его младший брат Николай Николаевич Харузин, также недолговечный (умер в 1900 г.). Н. Н. Харузин внес много своей энергии в начинавшееся издание «Этнографического обозрения», первый том которого в количестве трех номеров вышел в 1889 году. Не только инициатива, но и ответственная редакция нового журнала принадлежала Вс. Ф. [Миллеру]. Н. Н. Харузин предложил свои услуги технического редактора (по сбору статей, переписке с сотрудниками и по типографским работам), но по молодости

лет отказался поставить свою фамилию на обложке журнала*. Тогда Вс. Ф., ценя технический труд своих молодых сотрудников больше, чем свое научное руководство журналом, заявил, что так как имя редактора на обложке имеет чисто формальное значение, можно остановиться на фамилии секретаря Отдела Н. А. Янчука. ...Львиную долю технического труда, а также большую нагрузку по научному труду (свои статьи, критические обзоры и библиография) взял на себя Н. Н. Харузин. В 1891 году в состав редакции был приглашен В. В. Богданов, сначала для библиографических обзоров по журналам славянских народов и провинциальной русской периодике. «Этнографическое обозрение» выходило беспрерывно по 4 номера в год по 1916 год включительно [с общей нумерацией книг от I до CXII **]... Книга [сотая] осталась ненапечатанной, будучи предназначена для общего указателя всего журнала с 1889 года. [Этот указатель был составлен В. В. Богдановым и окончательно дополнен по CXII книгу в 1917 году, но не был издан. В настоящее время хранится в ЦГАЛИ.]

...Кроме общего указателя, составлялись указатели к «Этнографическому обозрению» Г. И. Куликовским по частям (пять указателей) с книги I по LXXXIII включительно (1889—1909); они все напечатаны при журнале и отдельными оттисками.

По инициативе Д. Н. Анучина, в то время президента Общества, в конце 1900 года Этнографический отдел просил Вс. Ф. Миллера согласиться печатать его фамилию в качестве ответственного редактора и руководителя им основанного журнала. С № 1 1901 года на титуле журнала печатались две фамилии: Вс. Ф. Миллера и Н. А. Янчука. Мотивом своего предложения Д. Н. Анучин выставил желание многих читателей журнала, в том числе его учеников по кафедре географии и этнологии, иметь возможность обращаться к Вс. Ф. Миллеру как к руководителю журнала со всякого рода своими запросами и предложениями. Также по инициативе Д. Н. Анучина Этнографический отдел, с согласия В. В. Богданова, постановил печатать его фамилию как третьего редактора «Этнографического обозрения» с № 1 1909 года.

Издатели «Этнографического обозрения» ставили целью дать широкую осведомленность о народах России и об основных достижениях в деле их изучения. Поэтому Вс. Ф. Миллер очень дорожил материалами, статьями и корреспонденциями с мест от интеллигенции нерусской национальности, как и вообще от авторов, изучавших нерусскую Россию. «Не могу не напомнить,— говорил Л. Я. Штернберг,— про одну особенную заслугу Вс. Ф. Ему первому пришла счастливая мысль привлечь из среды учащейся молодежи представителей различных национальностей России и славянских стран для изучения культуры и фольклора родных им народов. Благодаря этой счастливой мысли русская этнография обогатилась целым рядом ценных работ лиц, интимно знакомых с языком и жизнью описываемых народов». Этими научными трудами богата каждая книга «Этнографического обозрения», и они, действительно, сыграли большую роль в развитии русской этнографии. Мало того, редакция [журнала] в лице Вс. Ф. привлекала большое число политических изгнанников, которых почти нигде не допускали к печатанию под их собственной фамилией. Когда Л. Я. Штернберг приехал из ссылки «на вольное житье» и привез свою ценную монографию «Гиляки», он не мог ее напечатать нигде в Петербурге: там в то время Горького не пускали в Академию наук. Переговорив с Вс. Ф., Штернберг был удивлен, что его статья будет принята и напечатана в «Этнографическом обозрении» под его собственной опальной фамилией. Такой же прием был оказан в Москве В. Г. Богоразу, В. И. Йохельсону и многим другим политическим изгнанникам.

---

* Отметим, что журнал издавался в значительной мере на его личные средства.— *Ред.*

** Параллельно с отдельной нумерацией номеров на каждый год.— *Ред.*

...Вс. Ф. был особенно щедр для кавказских авторов и, привлекши в сотрудники Этнографического отдела и «Этнографического обозрения» грузинского молодого ученого А. С. Хаханова, обеспечил журнал многими статьями и материалами его лично и других грузин-этнографов. В журнале рядом с этим появились авторы из среды армянского, азербайджанского и других народов Кавказа.

Сам Вс. Ф. продолжал эту пропаганду изучения народов Кавказа в «Журнале министерства народного просвещения», в котором он печатал обстоятельные обзоры статей и материалов всех выходивших книг «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа». В Тифлисе эти [обзоры] перепечатывались, сводились в один сборник за несколько лет и распространялись среди кавказских учителей и учащейся молодежи.

Большим достижением «Этнографического обозрения» был за все время его издания обширный отдел критики, библиографии и хроники. Читатели знакомились здесь с главными течениями русской и зарубежной этнографической науки, с авторитетной оценкой многих очередных вопросов этнографии, требовавших собирания и изучения новых материалов, что побуждало этнографов-собирателей к активному и сознательному участию в этом научном деле.

За все время своего существования «Этнографическое обозрение» приобрело репутацию ценного научного органа не только в России, но и в [других] славянских странах..., им дорожили ученые Швеции и Норвегии.

Характерно отношение к русским этнографическим изданиям американской общественности. Публичная библиотека в Вашингтоне, одна из богатейших, обратилась в Общество любителей естествознания с просьбой прислать ей бесплатно всю серию «Этнографического обозрения» (около 80 книг в то время), «Трудов Этнографического отдела», «Трудов Антропологического отдела» и журнала «Землеведение». Когда ей было отказано в бесплатной посылке и предложено выслать деньги, Вашингтонская библиотека повторила свою просьбу о бесплатной посылке с такой мотивировкой: «Вам самим должно быть лестно, что ваши русские издания будут находиться в такой всему миру известной библиотеке, как Вашингтонская, которую посещают и некоторые славяне». Д. Н. Анучин и Вс. Ф. Миллер предложили вторично послать отказ. Заказ не состоялся.

Зато этнографам всех национальностей [в России] «Этнографическое обозрение» рассылалось бесплатно более чем в ста экземплярах: да в обмен на издания русских научных обществ, университетов, губернских и архивных комитетов, некоторых музеев, земств посылалось не менее 150 экземпляров, скорее — ближе к двумстам. Всего печаталось 600 экземпляров журнала. Много отдельных начинающих этнографов, через Вс. Ф-ча, получали от Этнографического отдела не только его журнал, но и «Труды», иногда целую серию книг бесплатно. Это не была благотворительность. Вс. Ф. смотрел на это как на необходимую и очень ценную пропаганду научных знаний в России, которая [была] бедна университетами, профессорами и учеными.

Перехожу к такой отрасли этнографических наук, о которой писалось очень мало. Ей Вс. Ф. Миллер помог стать впервые наукой. Этой отраслью этнографии является музыкальная этнография.

Вс. Ф. Миллер не только знал и любил музыку, но и глубоко ее понимал. Он хорошо знал, что до сих пор еще не разрешен вопрос о том разрыве, который существует между архаическим складом народной мелодии и так называемой европейской музыкой, что большая проблема науки — создать точную систему записи народной песни, расходящуюся с существующей нотной системой.

В доме Вс. Ф. на его гостеприимных вечерах бывали авторитетные музыканты и композиторы и не раз заводили разговор на эту тему...

Соблюдая хронологию музыкально-этнографических событий в Этнографическом отделе, остановлюсь на первом этнографическом концерте Этнографического отдела Общества. В конце 1892 года молодой композитор Н. С. Кленовский, бывший в то время одним из дирижеров оркестра Большого театра в Москве, подал мысль некоторым из членов Этнографического отдела устроить большой этнографический концерт из мелодий разных национальностей России, причем на себя брал гармонизацию народных песен и оркестровый аккомпанемент под личным управлением.

Этот концерт он предложил устроить в Колонном зале Благородного собрания (теперешнего Дома союзов). Многие члены Отдела, и в первую очередь его секретарь Н. А. Янчук, горячо восприняли эту мысль. Поддержали ее представители московской музыкальной критики Ю. Д. Энгель и Н. Д. Кашкин, обещая широко анонсировать концерт в газетах. Устройство этого концерта требовало очень больших расходов, за один концертный зал с освещением надо было заплатить 1500 руб., причем половину за неделю до концерта и остальную сумму перед самым началом концерта. Таким образом, материальная ответственность за это предприятие ложилась на Этнографический отдел, а персонально — на его председателя Вс. Ф. Миллера. Не желая тормозить это дело энтузиастов народной музыки, он спросил только: сумеет ли Отдел расплатиться с расходами? Его успокаивали Кленовский, музыкальные критики и другие.

Концерт был назначен на 11 марта 1893 года. За целую неделю до концерта развешивали и расклеивали анонсы и афиши по всей Москве, до рабочих кварталов включительно. Газеты также писали немало о концерте. Много билетов первых рядов было развезено и продано московскому купечеству по весьма высоким ценам. Наступило 11 марта... Накануне был убит московский городской голова Н. А. Алексеев по мотивам личной мести за оскорбление. Сейчас же купцы из городской управы стали звонить в Общество, президенту Анучину и Вс. Ф. Миллеру, с просьбами отложить концерт. Выставляли мотивы — «политическое убийство»!

Концерт состоялся в назначенный день. Первые ряды были пусты. Московское купечество наложило на себя траур по убитому голове купеческой Москвы. Зал концерта был переполнен, особенно выручили сбор входные рублевые билеты, взятые студенчеством и рабочими. И все-таки Вс. Ф. пришлось оплатить из собственного кармана несколько десятков рублей дефицита по концерту. Пресса и после концерта писала о его необычном успехе в московском обществе. Но энтузиасты-организаторы надолго замолкли.

Только один Вс. Ф. Миллер не переставал думать крепкую думу о научной постановке музыкально-этнографической работы в Этнографическом отделе ... с привлечением реального материала — мелодий, записей и их вокальной демонстрации — и крупных музыкальных специалистов. Дело приняло благоприятный оборот во время одного посещения Вс. Ф. П. И. Бларамбергом. Этот разговор был при мне в 1898 году. Но я не мог бы удержать его в своей памяти по специальности вопроса, в котором я не был компетентен, если бы Вс. Ф. не предложил Бларамбергу весь их разговор оформить в статью, доложить ее на одном из публичных заседаний Отдела с демонстрацией песен и затем текст статьи напечатать в «Этнографическом обозрении». Все это П. И. Бларамбергом было исполнено. Его доклад на заседании Этнографического отдела сопровождался выступлением хора под управлением Привалова (статья напечатана в ЭО. 1898, №2. С. 65—83).

Эта статья и сейчас не потеряла своего значения, а в Этнографическом отделе сыграла решающую роль в деле образования по инициативе Вс. Ф. Миллера Музыкально-этнографической комиссии и [выработке] научно-исследовательской и общественно-просветительной программы [ее] работ.

Статья Бларамберга называется «Русская народная песня и ее влияние на музыку». Основные положения статьи Вс. Ф. Миллер сделал программой научных занятий Этнографического отдела в области музыкальной этнографии.

Прежде всего П. И. Бларамберг указал, что у нас и за границей принято говорить о «русской музыке» не в смысле народной музыки — песни, а в смысле художественной музыки русских композиторов — Глинки, Даргомыжского, Чайковского и других. Но не все русские композиторы могут быть отнесены к этой школе.

«...Не только у нас,— говорит Бларамберг,— но и за границей, или, вернее, еще больше за границей, чем у нас, признается русская музыка за отдельную, самостоятельную школу. На нее смотрят, как на оригинальный и ценный вклад в общеевропейскую музыкальную сокровищницу, и она приобретает все больший круг поклонников и ценителей».

«...Заслуга русских композиторов в том, что в основу общеевропейской музыки они положили склад своей народной песни с ее мелодическими и ритмическими особенностями. Особенности же эти настолько своеобразны и значительны, что явились живым и богатым вкладом в искусство...»

Старая русская церковная музыка, вышедшая из византийской церковной... совсем не коснулась русской народной песни, за очень редкими исключениями в некоторых духовных стихах. Таким образом, старая русская музыка выражалась в народной песне, «равной которой по своеобразной, чарующей красоте нигде не найти... Богатство и разнообразие песен былинных, обрядовых, лирических, плясовых и прочих просто изумительны. Неудивительно, что народная песня вдохновила наших композиторов. Ее-то дух [они] и внесли в музыку, обогатив последнюю мелодическими оборотами, гармоническими и даже контрапунктическими приемами, заимствованными из песенного склада...

Наоборот, западноевропейская музыка давно утеряла свою народную архаическую песню. Она развилась из византийской церковной музыки, греческий строй которой для церковных песнопений был окончательно узаконен в IV веке. «Греческие лады: дорийский, фригийский, миксолидийский, гиподорийский и другие — стали вместе с тем и церковными ладами; такими они слывут и поныне. От этой греко-византийской церковной музыки развивалась западноевропейская музыка путем постепенной замены натуральных тонов искусственными». Французским музыкантом Рамо в 18 ст. «впервые введен был выравненный, так называемый темперованный строй, сначала, в виде опыта, неравномерно темперованный, а потом равномерный. Дело Рамо было довершено Себастианом Бахом ...».

Если Глинка, Даргомыжский, Чайковский стоят на высоте европейской музыки и в то же время чаруют даже иностранцев своим русским музыкальным складом, то в чем же может состоять задача этнографической науки при изучении народной музыки и ее отношения к искусственным композициям? На этот вопрос Вс. Ф. Миллера П. И. Бларамберг развил обстоятельную программу, отчасти изложенную в его статье.

«Народная песня,— говорит автор,— зиждется на звукоряде естественном, на естественном, натуральном тоне; музыка же наша — на звукоряде искусственном, на гамме, и на тонах, подлаженных к этой гамме. Такой особенный строй народной песни придает ей как бы характер архаизма, несколько чуждый нам, но полный неизъяснимой прелести... Архаический первобытный склад песни не есть какая-либо исключительная особенность русского народа; склад этот свойствен всем народам, стоящим на известной ступени культуры. По крайней мере, такая песня, несомненно, была у всех европейских народов, разумеется, у каждого из них получившая свойственную ему национальную окраску. Только на Западе она почти забыта, у нас же сохранилась полностью».

...Слова о всеобщности архаической культуры имеют значительную ценность в постановке ее изучения, и Вс. Ф. заметил, что русской му-

зыкально-этнографической науке открыто обширное поле действия среди всех национальностей России.

Чтобы поставить на научные основы музыкальную этнографию, необходимо изучать и древнегреческую искусственную музыку, и средневековую церковную (византийскую, западную и русскую), и высокие достижения русских композиторов.

Необходимо изучать все особенности и вариации народных мелодий в их натуральном строе, при котором «модуляция в песнях совсем отсутствует; гармонизации же они поддаются с большой натяжкой...». «Хорошие певцы, вполне освоившиеся с песенным складом, позволяют себе вольности, делают украшения, видоизменяют тему; вследствие этого голоса в хоре раздваиваются, расходятся, и в итоге получается нечто вроде своеобразного контрапункта, который не нашел только своего теоретика, чтобы привести все это в систему... Эти прикрасы и видоизменения основного напева слывут в народе подголосками, и термин этот был вполне удачно зарегистрирован покойным Ю. Н. Мельгуновым». П. И. Бларамберг отмечает и другие особенности [народной музыки]: «...не только своеобразие ритмов, но и необычайное их разнообразие».

...Наконец, одной из весьма ответственных и сложных задач является система записывания народных песен. Бларамберг, указавши на многие искажения, неизбежные при нотной записи, останавливается на необходимости широкого применения фонографа. Русскую народную песню надо спешить записать и изучать. «Под ее здоровым влиянием,— говорит Бларамберг,— и возникла русская школа, которая, в свою очередь, явилась как бы музыкальным откровением для Запада».

Эту широкую постановку задачи, научно обоснованную, Вс. Ф. Миллер предложил Этнографическому отделу для организации при Отделе специальной Музыкально-этнографической комиссии. Она и была организована в 1902 году, проект инструкции был принят Отделом 22 января 1902 года, утвержден Советом Общества любителей естествознания 29 января 1922 года. Вс. Ф. Миллер не сразу после своей беседы с П. И. Бларамбергом и его выступления в Этнографическом отделе в 1898 году решился на организацию Музыкально-этнографической комиссии, потому что в самом Отделе не было достаточно компетентных музыковедов. Их пришлось предварительно приглашать в члены Отдела, вовлекать их здесь в научную работу и в дальнейшем составить из них коллектив музыкантов-этнографов. Этот коллектив начал складываться еще в 1897 году при Этнографическом отделе, и неофициально он называл себя тогда Этнографической комиссией в составе самого Отдела (см. отчет Этнографического отдела за 1897/98 год: ЭО. 1899. № 1—2).

Одной из первых задач музыкально-этнографического коллектива был вопрос о точной записи народных мелодий. В 1896 году (или раньше) в Москву приехал из Америки инженер-эмигрант* А. Л. Линев для постройки первых линий московского трамвая. Его жена Е. Э. Линева, бывшая солистка московского Большого театра, организовала в Америке хор и пропагандировала там с большим успехом русскую хоровую песню. Познакомившись через П. И. Бларамберга с Линевыми, Вс. Ф. Миллер пригласил их в Этнографический отдел — Линеву как музыканта, ее мужа как инженера, знакомого с новейшими системами граммофона... Е. Э. Линева первая стала демонстрировать фонографические записи в Этнографическом отделе, первая поехала с фонографом записывать русские песни в разных губерниях и за несколько лет собрала большую коллекцию фонограмм, которую в 1917 [году] принесла в дар Этнографическому отделу.

Всеволод Федорович в том же 1896 году после одного из разговоров с членом Отдела композитором С. И. Танеевым решил поставить в Отделе вопрос о точной записи многоголосной хоровой песни. А. Л. Линев как инженер говорил, что в принципе такая запись возможна при помо-

* Ему не было даже разрешено проживать в Москве. См.: ОИРЭФА. Вып. VIII.

щи особой конструкции фонографа или целой системы фонографов. Было созвано заседание Этнографического отдела, в котором приняли участие С. И. Танеев, композитор А. Н. Корещенко, С. В. Смоленский, известный знаток церковной музыки, Е. Э. и А. Л. Линевы и ряд других московских музыкантов. Ставилось задание: 1) точная запись отдельного поющего в хоре голоса на отдельной части одного и того же валика; 2) иметь при Отделе хотя бы один такой аппарат для записи в Москве, если он окажется громоздким для поездок. Все признавали важность такого изобретения, но в то время вопросы изобретательства не были так популярны и осуществимы, как в советское время.

Этот вопрос был поставлен снова на обсуждение Этнографического отдела в ноябре 1902 года. Когда Вс. Ф. узнал от своего брата доктора Н. Ф. Миллера, что в одной из клиник Москвы для медицинских целей сделан по ее заказу музыкальный инструмент с четырьмя клавиатурами, игру на котором освоил профессор-физиолог А. Ф. Самойлов, Вс. Ф. поехал к Самойлову и договорился с ним продемонстрировать инструмент на публичном заседании Этнографического отдела. Собралось много специалистов музыкантов. А. Ф. Самойлов познакомил присутствующих с конструкцией инструмента и продемонстрировал игру на нем.

Это был энгармониум Аппуна. Он имеет нормальный * строй, у него четыре клавиатуры, построенные каждая по Пифагоровой системе (по чистым квинтам), в каждой клавиатуре — свой исходный пункт. Проф. Самойлов, демонстрируя игру на энгармониуме, высказался за возможность одновременной игры многоголосной песни. Музыканты-этнографы заинтересовались инструментом, но указали на чрезвычайную трудность беглой игры на нем. Остался открытым вопрос о записи мелодии для демонстрации на энгармониуме.

Благодаря энергичной инициативе Вс. Ф. и его авторитетному положению в научном мире, деятельность Музыкально-этнографической комиссии развивалась успешно. В ее состав вошли видные композиторы и музыканты. Кроме упомянутых выше, в Комиссии приняли участие А. Т. Гречанинов, Н. А. Римский-Корсаков, М. М. Ипполитов-Иванов, из музыкантов-этнографов — А. Л. Маслов, Д. И. Аракчиев, А. К. Лядов, П. А. Карасев, А. М. Листопадов, В. П. Прокунин, очень деятельное участие принимал энтузиаст народной украинской песни Н. А. Янчук (председатель Комиссии). Здесь же стал демонстрировать свой воронежский народный хор Митрофан Ефимович Пятницкий, создавший своему хору неувядаемую славу в советское время.

На заседаниях выступали публично и сами создатели народной песни: сказитель былин Иван Трофимович Рябинин (сын знаменитого Трофима Григорьевича Рябинина, который сказывал свои былины еще П. Н. Рыбникову в 60-х годах), вопленица Ирина Федосова и другие. Многие представители других научных специальностей выступали в Комиссии. Между прочим, профессор физики А. А. Эйхенвальд выступил с докладом «О натуральном и темперованном строе» (1909 г.).

В Этнографическом отделе зашла речь и об образовании народной консерватории, учреждение которой Вс. Ф. приветствовал и советовал самую организацию ее ввести в Общество народных университетов, что и было осуществлено. Деятельными преподавателями народной консерватории были члены Музыкально-этнографической комиссии.

Наконец, Вс. Ф., при участии некоторых других лиц, представил правительству ходатайство об ассигновании специальных сумм на издание «Трудов» Музыкально-этнографической комиссии. Средства были ассигнованы, и на них изданы четыре больших тома.

...Когда 15 декабря 1906 года чествовали Вс. Ф. Миллера по случаю 25-летия его председательства в Этнографическом отделе, композитор А. Т. Гречанинов обратился к юбиляру с адресом от имени Музыкально-этнографической комиссии. «Еще в 1893 году,— говорится в адресе,—

* Натуральный.— *Ред.*

когда в Этнографическом отделе возникла мысль о необходимости представить публике образцы народной музыки в художественном концертном исполнении, Вы были одним из самых усердных деятелей по осуществлению этой идеи, причем уже тогда сама собою выделилась особая временная музыкальная комиссия из нескольких лиц при Вашем ближайшем участии, и ей, как известно, удалось организовать первый в России этнографический концерт... Рядом с этим Этнографический отдел под Вашим председательством всегда обращал большое внимание на чисто народных исполнителей музыкальных произведений, приглашая их в свои заседания для публичной демонстрации народной песни в ее естественном виде, причем Вами лично в таких случаях посвящались этому вопросу предварительные объяснительные чтения для публики. Вспомним, напр., выступление в публичных заседаниях Отдела таких виртуозов из народной среды, как известные северные сказители: Щеголенок, Рябинин, Арина Федосова, удостоенные от Общества награждения медалями по предложению Этнографического отдела».

Далее в адресе отмечается, что Вс. Ф. поощрял музыкально-этнографические командировки для точной записи песен фонографом и предложил специально заняться проблемой усовершенствования фонографа для этой цели, а также «заняться вообще изучением народной музыки более систематично».

«Для этой цели,— говорится в адресе,— в число членов Этнографического отдела был введен целый ряд новых лиц из среды московских музыкантов (выше указанных.— *В. Б.*), которые... стали выступать в заседаниях Этнографического отдела со специальными докладами по народной музыке, что было не только совершенной новинкой в нашем Обществе, но и вообще редким явлением в этнографической науке. Таким образом, здесь едва ли не впервые народная музыка была введена в круг серьезных исследований ученого Общества не только в идее, но и в действительности, как это сказалось наглядно в ряде научно-музыкальных образцов народного творчества... Явилась естественная и настоятельная необходимость учреждения при Этнографическом отделе постоянной Музыкально-этнографической комиссии, которая и продолжает теперь начатую Отделом деятельность ... Это была Ваша давнишняя идея. По выделении этой комиссии в особое учреждение, Вы постоянно оказываете ей свою моральную поддержку...» (ЭО. 1907. № 1/2. С. 259—260). Приведенный документ с убедительной ясностью показывает, что Вс. Ф. Миллер по личной инициативе и с большим сочувствием пошел навстречу назревшему в русском обществе требованию не только пропагандировать народную музыку, но и изучать ее. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии явилось той естественной научной средой, в которой Вс. Ф. мог оказать наибольшее содействие молодой музыкальной отрасли этнографии.

Однако Вс. Ф. хорошо понимал, что не одна этнографическая наука может содействовать успеху этого дела, что здесь едва ли не главное значение должна иметь музыкальная наука, еще слабо развитая в то время в России, но уже заложенная основательно такими музыкантами-композиторами, как П. И. Чайковский, С. И. Танеев, Н. А. Римский-Корсаков и другими, читавшими в Московской и Петербургской консерваториях теорию и историю музыки. Вс. Ф. и обратился еще в 1889 году к С. И. Танееву, который в 1885—1889 гг. был директором Московской консерватории, с предложением [создать] при поддержке Общества любителей естествознания кафедру народной музыки в Московской консерватории и при ней, в виде филиала консерватории, особую школу народной музыки. Это предложение Вс. Ф., сделанное в 1889 году, нашло известное отражение в том адресе, который был послан Этнографическим отделом С. И. Танееву 16 сентября 1905 г., с сожалением по поводу выхода Танеева из состава профессоров Московской консерватории. Обе русские консерватории состояли в Министерстве внутренних дел, с которым научная интеллигенция еще труднее уживалась, чем с министерст-

вом народного просвещения. Танеев ушел в отставку после одного из инцидентов [из-за] неприемлемых для него требований.

В адресе высоко оцениваются музыкальный талант и крупный ученый авторитет С. И. Танеева в области теоретического исследования музыки вообще, и в частности в вопросах музыкальной этнографии. Указывается, что С. И., многолетний член Этнографического отдела, был «объективным посредником между художественной европейской музыкой и музыкой народной», что при возникновении вопроса о введении в консерватории курса народной музыки С. И. Танеев принял самое сочувственное участие в осуществлении программы курса. «Эта наука,— говорится в адресе,— еще не завоевавшая себе прочного места среди других научных дисциплин, не была допущена в круг преподавания музыкальных школ, так как среди официальных и неофициальных представителей музыкального мира господствовал неправильный взгляд на народную музыку, не признававший органической связи между народным и современным европейским музыкальным творчеством» (ЭО. 1905. № 4. С. 176).

Когда Вс. Ф. приводил доводы о желательности инициативы С. И. Танеева во введении курса музыкальной этнографии и преподавании народной музыки в консерватории, С. И. не отказывался действовать в этом направлении, но считал благоприятное решение вопроса безнадежным. Он сказал, что Общество любителей естествознания ... сделало очень много для музыкальной этнографии и только одно оно может продолжать успешно это дело и впредь.

Так было и в действительности. Общество при деятельной поддержке Вс. Ф. Миллера не только развивало изучение народной музыки, но и пропагандировало изучение ее среди грузинских, армянских, украинских, белорусских и других музыкальных этнографов России. Особенно энергично Общество вступалось за притесняемых народных певцов, за руководителей народных хоров, в том числе и за М. Е. Пятницкого, за его хор, за беспрепятственный доступ его к изучению песен и к организации хоровых исполнителей в разных губерниях России.

В самом Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии специалисты всех его десяти научных отделов с большим вниманием и сочувствием признали музыкальную этнографию как научную дисциплину, часто бывали на заседаниях Этнографического отдела, когда демонстрировались народные мелодии и производился их научный анализ. Особым поклонником этих заседаний был профессор-гистолог И. Ф. Огнёв, выражавший Вс. Ф. Миллеру свое восхищение подлинной народной музыкой, и особенно ее анализом. «Вы ее анатомируете много искуснее и совершеннее, чем я своего угря»,— говорил профессор Огнёв.

Вице-президент Общества Н. Е. Жуковский однажды пришел в нескрываемый восторг, когда хор исполнял песни родной его Владимирской губернии: «Узнаю мою владимирскую,— сказал радостно Н. Е.,— это — она». Каждое лето Н. Е. Жуковский отдыхал у себя на родине, целыми днями ходил с ружьем по лесам и болотам и безошибочно знал голос и песню каждой владимирской птицы. А здесь вдруг он и крестьянскую песню узнал: «Вот не думал, что в Москве услышу ее». С большим участием к научному анализу народной мелодии относились члены Отделения физики и Отделения физиологии Общества любителей естествознания: профессор П. Н. Лебедев, академик П. П. Лазарев, профессор А. А. Эйхенвальд, профессор Л. З. Мороховец, профессор А. Ф. Самойлов и другие. Здесь же надо назвать знаменитого лингвиста академика Ф. Е. Корша.

Это сочувствие и участие специалистов доставляло Вс. Ф. Миллеру большое удовлетворение. Огромное впечатление произвел на специалистов-естественников доклад композитора П. И. Бларамберга «Русская народная песня и ее влияние на музыку». На любом симфоническом концерте или в опере того времени, когда исполнялись произведения Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова и других русских ... композиторов, университетская профессура заполняла очень многие места в зале

или в театре. Однажды знаменитый чешский дирижер оркестра Артур Никиш исполнял подряд в течение шести недель все шесть симфоний Чайковского. Абонемент на все шесть концертов был взят московскими профессорами — и среди них Вс. Ф. Миллером — в большом количестве.

И вот на докладе Блaрамберга они услышали не гениальное исполнение оркестра под управлением Никиша, а профессорскую лекцию композитора о тех народных музыкальных источниках, из которых вышли на новый путь русские мастера-художники — Чайковский, Глинка и другие. Об этой лекции в Обществе любителей естествознания отзывались, как о начале новых достижений на просветительном научном и научно-общественном пути Общества.

В 1906 году в приветствии Вс. Ф. Миллеру ректор Московского университета А. А. Мануилов выразил ему благодарность от имени университета «за обильные и ценные труды в области сравнительного языкознания, санскрита, истории Востока, истории русского языка, литературы и исследования русского народного творчества» (ЭО. 1907. № 1/2. С. 261). Среди стольких специальных наук заняло в научной деятельности Вс. Ф. Миллера большое место русское народное творчество — словесное и музыкальное.

И другая большая научная задача — собирание и изучение памятников народной словесности — была выполнена под руководством Вс. Ф. Миллера успешно в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии. Здесь, в Этнографическом отделе, сосредоточился многочисленный коллектив русских этнографов, сюда стекались обильные материалы по народному творчеству многочисленных народов России. Сюда приезжали и сюда писали этнографы-собиратели, ища советов и руководства у Вс. Ф. Миллера и у его сотрудников.

Еще в 70-е и 80-е годы к Вс. Ф. приезжали в Москву и с ним вели обширную переписку такие этнографы-собиратели, как П. В. Шейн, Е. Р. Романов, В. Н. Добровольский, Н. Я. Никифоровский, которые своими замечательными сборниками народных песен, сказок и других словесных произведений значительно дополнили старые сборники Киреевского, Сахарова, Барсова и других. Когда с 1889 года начало выходить «Этнографическое обозрение», стали печататься в нем тексты, статьи и заметки по народной словесности не только великорусов, но также украинцев, белорусов, народов Кавказа и Сибири. Однако журнал не мог уделить большого места текстам словесных произведений и обзору многочисленных материалов в провинциальной периодической печати. Наконец, коллективное обсуждение всего, что собиралось и печаталось в этой области, требовало отдельных заседаний Этнографического отдела, который и без того уже был перегружен.

Тогда на одном из заседаний Отдела в 1910 году Вс. Ф. Миллер внес предложение образовать при отделе специальную комиссию для занятий по собиранию, изучению и печатанию произведений народной словесности. Первым вопросом, который нужно было обсудить, было название комиссии. Предлагались два варианта: Комиссия народной словесности и Фольклорная комиссия. Вс. Ф. решил выступить последним, чтобы дать возможность своей университетской молодежи высказываться свободно. Значительное большинство было за первое название, находя, что термин «фольклор» покрывает гораздо большее содержание и объем понятий, чем термин «народная словесность». Запросили мнение президента Общества Д. Н. Анучина. Анучин также высказался против термина «фольклор». Д. Н. указывал, что русский язык богат и выражает любое понятие с наилучшей возможностью. Так, например, для своего журнала Анучин избрал термин «Землеведение», содержание которого шире, чем «География». Для словесников нужен термин более узкого содержания, чем фольклор, что по-английски означает в буквальном смысле «этнология»,— Анучин предложил словесной комиссии термин Народнословес-

ная комиссия либо Комиссия народной словесности. На последнем термине и остановился Этнографический отдел.

Вместе с тем, по мнению Вс. Ф., с которым все согласились, Комиссия основной задачей своей деятельности должна считать народнословесные тексты: их запись, общую и индивидуальную характеристику певцов, сказителей (былин) и рассказчиков, территориальное распространение словесных произведений, анализ их с точки зрения формы и содержания, историческую преемственность и изменяемость, национальные и специально местные особенности, наконец роль обрядовых традиций в тех или других словесных произведениях. Что же касается общих этнографических вопросов по обрядам и верованиям, по традициям семейного и общественного быта, то все это не должно загружать работу комиссии, поскольку такая работа ведется в самом Этнографическом отделе.

Первый состав Комиссии народной словесности сложился из ближайших учеников Вс. Ф. по университету, Лазаревскому институту и Этнографическому отделу Общества любителей естествознания. Комиссия оказалась очень многолюдной. В нее вошли, например, следующие молодые этнографы, сделавшие много ценного для народной словесности: В. А. Гордлевский (впоследствии тюрколог), А. В. Марков и А. Д. Григорьев (собиратели олонецких и архангельских былин), Е. Н. Елеонская (исследовательница сказки, заговоров и др.), Б. М. и Ю. М. Соколовы (собравшие и напечатавшие свой «Белозерский сборник»), А. С. Орлов, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Соколов, Н. Н. Дурново и другие (собравшие много ценных диалектологических материалов и составившие первую диалектологическую карту восточнославянских народов), С. К. Шамбинаго, Н. Л. Бродский, Н. А. Янчук, М. Н. Сперанский, Н. В. Васильев, Р. С. Данковская, М. В. Довнар-Запольский, Г. И. Куликовский, А. Е. Грузинский и многие другие, принявшие ближайшее участие в Комиссии народной словесности. Комиссия должна была избрать свой первый президиум и внести в Совет Общества положение и программу Комиссии на утверждение.

Вс. Ф. настаивал на том, чтобы председателем Комиссии был избран кто-либо из молодежи: тогда она будет деятельной и плодотворной. Но члены Комиссии решительно остановились на кандидатуре Вс. Ф., которому пришлось уступить общему желанию и руководить еще одним научным коллективом в составе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Это руководство кончилось лишь со смертью Вс. Ф. Даже живя в Петербурге, Вс. Ф. держал тесную связь с Комиссией, содействовал печатанию работ членов Комиссии в «Сборнике Отделения русского языка и словесности Академии наук», чем оказал немалую услугу и самой Академии. Приезжая в этот период в Москву, Вс. Ф. созывал несколько заседаний Этнографического отдела и Комиссии народной словесности, внося много новых начинаний в их работу.

С первого же года своего существования Комиссия начала составлять «Библиографические указатели» всех вышедших в печати материалов за каждый текущий год. Первым был напечатан указатель за 1911 год (вышел в 1913 г.), [затем —] за 1912 г. (напечатан в 1914 г.) и за 1913 г. (напечатан в 1915 г.).

Начались поездки членов Комиссии для собирания народнословесных материалов. Следует отметить, что Вс. Ф. указал на важность собирания сказок и песен в подмосковных уездах, несмотря на существовавший предрассудок об отсутствии «настоящих» народных сказок и песен в фабрично-заводских районах и вблизи железных дорог. Этот предрассудок был блестяще опровергнут обильными сборами прекрасных народных произведений в Звенигородском, Верейском и в других уездах Московской губернии, где их записали П. Г. Богатырев, Р. О. Якобсон, Н. Ф. Яковлев и другие. Эта работа послужила началом собирания памятников народной словесности в самих фабрично-заводских поселениях, уездных городах и посадах.

Рассеялся и другой предрассудок, относительно песни-частушки.

В образованном русском обществе частушку совсем не признавали за народную песню. Указывали, между прочим, что частушку может импровизировать любой человек, деревенский и городской. Когда об этом зашла речь в одном из заседаний Комиссии народной словесности, Вс. Ф. указал на древность стихотворной формы частушки, на присущую этой форме рифму; что же касается импровизации, то и она присуща народным произведениям, а некоторым — даже специально. Поэтому решено было обильный материал частушек, собранный в архиве Этнографического отдела, систематизировать и издать. Этот сборник был издан в 1914 году под редакцией Е. Н. Елеонской под названием «Сборник великорусских частушек».

В Комиссии под руководством Вс. Ф. были подвергнуты [критике] приемы и методы записи народнословесных произведений в сборниках прежних собирателей: Шейна, Добровольского, Романова и других. Были определены очень многие недостатки этих записей. После ряда заседаний по предложению Вс. Ф. была выработана и издана «Программа для собирания произведений народной словесности» (1911 г.) и широко распространена бесплатной рассылкой и раздачей. В 1915 году вышло 2-е издание этой программы.

Деятельность Комиссии народной словесности была значительно подкреплена Московской диалектологической комиссией, состоявшей из молодых московских диалектологов, учеников Вс. Ф. Миллера, Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова, бывших в то же время членами Этнографического отдела Общества любителей естествознания и его Комиссии народной словесности. Деятельность диалектологов началась еще в 1901 году. Когда понадобилось придать ей общественное положение, Вс. Ф. Миллер и Ф. Е. Корш обратились к академику А. А. Шахматову с просьбой узаконить положение Диалектологической комиссии при Отделении русского языка и словесности Академии наук. Это произошло в 1904 году, причем председателем Комиссии был избран академик Ф. Е. Корш, его товарищем Д. Н. Ушаков, и вся Комиссия продолжала работать и издавать свои труды в Москве. Многочисленные поездки и сборы членов Комиссии доставили очень много записей народных сказок, рассказов и песен. За 10 лет (1904—1914) Диалектологическая комиссия имела 76 заседаний с 72 докладами, для собирания материалов было выполнено 22 поездки. В деятельности Комиссии принимал самое близкое участие А. А. Шахматов, и сам Вс. Ф. поддерживал молодую диалектологическую организацию многими своими советами и указаниями, а также — содействием ее изданиям при Академии наук.

Все протоколы Этнографического отдела с наглядностью указывают, что Вс. Ф. в Отделе посвятил значительную часть своих научных докладов народной словесности и что в Отделе он собрал и все умножал большой коллектив московских народнословесников среди своих учеников. Организация Комиссии народной словесности в 1910 г. знаменует собой крупный поворот русской науки на новый путь серьезного пересмотра полноты и качества имеющихся народнословесных материалов, их публикации и, наконец, их возможного пополнения и контроля новейшими сборами, их изучения с новых точек зрения.

Вс. Ф. ввел в научный обиход два ценных сборника, составленных из разрозненных печатных материалов: 1) в сотрудничестве с Н. С. Тихонравовым — «Русские былины старой и новой записи» (М., 1984); 2) «Исторические песни русского народа XVI—XVII веков», вышедший посмертно (Пг., 1915). Оба сборника тщательно подбирались Вс. Ф. еще в самом начале 90-х годов.

Московское археологическое общество, основанное в 1864 г., явилось в Москве таким же очагом научной общественности для изучения русских древностей, каким было основанное... в 1863 году Общество любителей естествознания для наук естественных и антропологических...

В Московском археологическом обществе Вс. Ф. Миллер принял деятельное участие уже в свои молодые годы... Общество стремилось

[достичь] широкого ознакомления с археологической наукой в [России], выявить древний быт народов, населявших территории Восточной Европы [и Азии], на высоком уровне научных изысканий и исследований. Для восточноевропейских, сибирских, среднеазиатских древностей, для изучения культуры древнейших народов Евразии было в России еще очень мало компетентных специалистов... и среди них был Вс. Ф. Миллер одним из специалистов по древностям Востока.

Излагая характеристику основателя Московского археологического общества графа Уварова, Вс. Ф. дает меткое представление о том, что требовалось тогда, в 60—80-е годы, для организатора и руководителя научных работ в России, в стране, едва вступившей на путь [создания] научных коллективов, без которых отдельным специалистам, даже весьма достойным, нельзя было и думать поднять археологическую целину России. Говоря об Уварове, Вс. Ф. спрашивает: «В чем лежала тайна его влияния на окружающих, что делало его настоящим, не только по званию, но и по значению, председателем и вождем всяких научных собраний и предприятий, почему все, чем он руководил, устраивалось как-то скоро, дружно, просто и всякая цель достигалась легко ...и всякий разлад, к сожалению, часто препятствующий у нас общественным предприятиям, устранялся сам собою?.. Он привлекал к себе тем научным увлечением, которое всегда красной нитью проходило в его беседе, той широтой образования, которая дозволяла ему интересоваться предметами, по-видимому, лежащими в стороне от его специальности, той опытностью хорошего мастера, который сам умеет работать и других учить работе». Вс. Ф. выделяет Уварова как ученого, который «обладал способностями и стремлением к общественной деятельности в отличие от ученых «исключительно кабинетных» (Изв. ОЛЕАЭ, Т. XLVIII, вып. 2, С. 2—5).

Ко времени основания Московского археологического общества в России уже действовали некоторые более старые общества: так, напр., Общество истории и древностей российских (с 1804 г.), давшее русской науке печатные тексты летописей и других исторических памятников, Одесское общество истории и древностей (с 1839 г.), основавшее богатейший музей эллино-скифских древностей, Археологическая комиссия (с 1859 г.) ... собиравшая свои древности в Государственном Эрмитаже, Русское археологическое общество в Петербурге (с 1846 г.) с двумя отделениями: восточным и славяно-русским. Такие же общества были в Прибалтике: в Митаве (Елгаве) с 1817 г., в Риге с 1834 г., в Дерпте (Юрьеве) с 1838 г., в Нарве с 1861 г.; в Литве с 1855 г. формируется Виленский музей.

Все названные научные коллективы дали науке немало ценных материалов и исследований о древностях России. Но все они действовали разрозненно, в отрыве друг от друга, своим опытом и научными достижениями делились только посредством своих изданий, доходивших далеко не до всех, интересовавшихся древностями России. Энергичный Уваров ... решил объединить все эти разрозненные коллективы и дать им планомерное направление по изучению всей территории России. Для этого он [организовывал] знаменитые русские археологические съезды начиная с 1869 года по 1911 год, через каждые три года в разных городах: 1-й и 8-й в Москве, 3-й и 11-й в Киеве, остальные до 15-го включительно в Петербурге, Казани, Тифлисе, Одессе, Ярославле, Вильне, Риге, Харькове, Екатеринославе, Чернигове и Новгороде. К каждому съезду работал предварительный комитет в Москве и его филиал в том городе, где назначен был съезд. Этой широкой организацией съездов Уваров привлек к изучению древностей... самоё местную интеллигенцию, которой близки были древности своего края. Всероссийские археологические съезды значительно подняли интерес к археологии на местах, и уже с 70-х годов организуются одно за другим местные археологические общества. Устроенная в 1879 году Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии по инициативе А. П. Богданова в Москве

первая в России Антропологическая выставка представила огромное собрание материалов по доисторической антропологии и палеоэтнографии древнейшего населения России. Антропологическая выставка (труды ее напечатаны в четырех больших томах «Известий» Общества) сомкнулась с работами археологических съездов и русских археологических обществ в едином научно-общественном плане развития археологической и антропологической науки в России. Уже с 90-х годов на археологических съездах образуются специальные секции по этнографии и антропологии.

Во всех организационных и во многих научно-исследовательских работах русских археологических съездов, как и в работах Антропологической выставки (с большим уклоном к этнографии), Вс. Ф. Миллер был непременным участником. Он внес много научных коррективов и личной инициативы в изучение древностей Кавказа, Крыма, иранского и эллино-скифского мира, в историю древней культуры переднеазиатских народов.

Вс. Ф. привлек к проблемам археологии многих кавказских молодых ученых и молодежь из своих университетских и лазаревских учеников. Археологическая наука с 70-х годов и особенно в 80-е, 90-е и 900-е годы росла очень заметно, о чем говорят и мног[очисленные] солидные томы «Древностей» и «Трудов» археологических съездов, издававшихся Московским археологическим обществом. В них напечатаны и многие ценные исследования Вс. Ф. Миллера: о «лютом звере» народных песен; об одном литовском предании; археологические экскурсии в Терской области; археологические разведки в Алуште; о сарматском боге Уатафарне; о древнеосетинском памятнике из Кубанской области; отголоски кавказских верований на могильных памятниках; названия днепровских порогов у Багрянородного; о семитском элементе в татском наречии горских евреев; о древнеперсидских надписях; о митаннийском языке и другие *.

Весьма значительный вклад в русскую археологическую науку вносил Вс. Ф. Миллер своими устными замечаниями на заседаниях Московского археологического общества, где [его] обширная эрудиция и исключительная специализация знаний помогала выходить из тупика неведения многим авторам, делавшим свои сообщения.

Но едва ли не самым ценным из его деятельности в Московском археологическом обществе было его неизменно аккуратное и деятельное участие в Восточной комиссии Общества.

...С трудом, поздно и помаленьку стал развертывать свой восточный факультет Петербургский университет; еще позднее и крайне мизерно появились восточные кафедры в специальных классах Лазаревского института восточных языков; с большим опозданием был основан владивостокский Восточный институт; кое-что делалось в Казанском университете. Сама Академия наук, обладая несметным богатством восточных рукописей, по преимуществу лишь хранила их и крайне мало изучала.

...Вложил свою долю научных знаний в восточные древности и Вс. Ф. Миллер при образовании и дальнейшей деятельности Восточной комиссии Московского археологического общества. Вс. Ф. мог себя считать санскритологом, ведистом, иранистом и кавказоведом. Объем специальности — немалый. Но для русского востоковедения этого все же мало. Вс. Ф. дополнял Ф. Е. Корш, полиглот, тюрколог, арабист и так же, как Вс. Ф., с широкой эрудицией во многих областях истории культуры. Известный русский ассириолог М. В. Никольский [пишет] о том, как образовалась Восточная комиссия Московского археологического общества.

В широкой программе нового Общества центральным должно было сделаться изучение Кавказа. Участники организации Общества настаивали на том, чтобы труды Общества печатались на всех языках народностей Кавказа и Переднего Востока, а русский язык должен был играть роль объединяющего языка. Это предложение поддерживали Канапов и

* См. библиографические ссылки на эти работы в приложении к статье В. В. Богданова в «Этнографическом обозрении» (1913. № 3—4).— *Ред.*

Эмин. Принцип равноправия языков оказался неосуществленным, и проект Общества не был принят.

Сам проект организации секции или комиссии по востоковедению при Московском археологическом обществе возник в среде Лазаревского института, и также с участием Вс. Ф. Миллера. Археологическое общество во главе с его председателем графиней П. С. Уваровой пошло навстречу новой инициативе, и была организована при Обществе Восточная комиссия... «С признательностью,— говорит профессор Никольский,— мы должны вспомнить, что успехами нашей деятельности на первых порах во многом мы обязаны В. Ф. Так, если к нам дружно и с полным доверием примкнули все московские кавказоведы ... то этим мы главным образом обязаны В. Ф-чу, одно присутствие которого среди нас внушало доверие всем ученым из армян и грузин. С самого начала нашей деятельности к нам стали поступать с Кавказа от местных лиц, личных знакомых В. Ф-ча и большей частию через его собственные руки, древние предметы, рукописи, надписи и сообщения; некоторые же лица, привлеченные им, лично прибывали к нам и участвовали в наших заседаниях. Не менее ценно было для нас привлечение В. Ф-чем к Комиссии некоторых личных его друзей из видных представителей научного знания. Таковым, например, был ... иранист, барон Ром. Штакельберг, сделавшийся одним из самых деятельных членов Комиссии и поместивший немало основательных исследований в наших „Трудах". Даже такой ученый, как М. М. Ковалевский, далекий от нас по специальности, посещая в то время Кавказ с научной целью, присылал в Комиссию через Вс. Ф. Миллера приобретенные им там древние рукописи и другие предметы со своими о них сообщениями.

Мысль В. Ф. Миллера поставить изучение Кавказа во главе нашего востоковедения в значительной степени осуществилась. Если само Московское археологическое общество не переставало ... собирать и изучать вещественные памятники Кавказа, то его Восточная комиссия, воодушевляемая в этом отношении личным примером В. Ф. Миллера, начала усердно заниматься древними языками и литературами народностей Кавказа и привлекла к своему составу немало основательных знатоков по этой части ... каковы: А. С. Хаханов, Г. А. Халатьянц, Х. И. Кучук-Иоаннесов, Л. З. Мсерианц, Г. Е. Церетели, барон Р. Р. Штакельберг». В этой среде принял живое участие и сам М. В. Никольский как ассириолог. «С Кавказа,— говорит он,— стали поступать к нам известия и о клинообразных надписях, начертанных на скалах и на камнях построек, результатом чего была и моя экспедиция на Кавказ» (Древности. 1914. С. 256).

Бывали в Комиссии трудные дни, иногда упреки в смелости возбуждавшихся в ней задач. В этих случаях Комиссия находила твердую опору в Вс. Ф.: «На редкость уравновешенный человек,— говорит профессор Никольский,— чуждый аффектации, он, будучи всецело предан общему делу и разделяя с нами наши продолжительные беседы, не всегда, однако же, разделял наши чрезмерные увлечения, но зато хранил полное спокойствие в трудные минуты. Это не было спокойствие равнодушия. Нет, это было трезвое сознание действительности и вера в нашу правоту. Последствия всегда нас оправдывали» (Там же. С. 257).

Можно видеть, что и здесь, в области изучения Кавказа, Вс. Ф. Миллер прежде всего собирал и собрал научную общественность, ученых представителей самих кавказских народов, кавказскую интеллигенцию.

...Конечно, кавказоведение есть лишь малая часть востоковедения. Вс. Ф. Миллер к этой малой части внес и некоторые дополнения: Иран, Причерноморье и отдельные вопросы из культуры Передней Азии. Вс. Ф. Миллер сделал очень много, положил крупные камни в фундамент востоковедной науки... Востоковедная наука требовала уже и в то время очень многих специалистов, научных институтов, университетских кафедр и государственных средств. Всего этого многого не было в России.

Когда я беседовал с Вс. Ф. Миллером... о проблеме буддизма в русской науке, Вс. Ф. сказал, что ... пока о буддизме пишут разные очерки справочного характера, изображают буддийских монахов как тунеядцев и эксплуататоров народа, самый буддизм, подлинное философское учение его основоположника останутся для науки и общественности тайной за семью печатями. Эта проблема, говорил Вс. Ф., требует большой научной организации, сложного анализа коллективом многих специалистов. Ведь и христианство, прибавил Вс. Ф., замаскированное церковными и политическими наслоениями, остается также еще почти не изученным так, как этого требует методика научного анализа.

— А что может сделать Академия наук? — спросил я Вс. Ф.

— В Академии наук Ольденбург и Ольденбурги будут собирать рукописи, буддийские иконы, статуэтки, а большее им недоступно за неимением средств и настоящей организации.

Если бы, сказал Вс. Ф., среди русской научной общественности нашлось два-три-четыре таких талантливых энтузиаста-буддолога, каким был для синологов Иакинф Бичурин, тогда еще можно было бы ожидать, что Россия шагнет далеко и в изучении буддийской проблемы.

Такие же мысли Вс. Ф. высказывал в частной беседе среди знакомых и о проблеме изучения Передней Азии, Китая, Тибета, Монголии, Японии. Он был в душе большего масштаба востоковед.

В Русском географическом обществе с момента своего переезда в Петербург в 1911 году Вс. Ф. Миллер явился таким же ученым-общественником, авторитетным руководителем научной молодежи, организатором разных научных совещаний, как и раньше в московских научных обществах, которых, как уже было сказано выше, он также не оставлял без своего личного участия.

Вс. Ф. появился на заседании Отделения этнографии Географического общества впервые 28 октября 1911 г. Вот как об этом сообщает протокол заседания: «Председательствующий предложил Отделению приветствовать присутствующего на заседании председателя Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, действительного члена Географического общества, академика Вс. Ф. Миллера. Вс. Ф. Миллер благодарил Отделение за приветствие, сообщил о возникновении при Этнографическом отделе в Москве Комиссии по народной словесности, деятельность которой будет состоять в собирании материалов по народной словесности, в описаниях архивов, в изучении сказочных тем и т. д., и предложил Отделению совместную работу». С этого объединенного сотрудничества началась деятельность Вс. Ф. в Русском географическом обществе.

Вслед за этим Вс. Ф. принимает постоянное и деятельное участие в заседаниях Отделения этнографии, внося в них свою обширную эрудицию при обсуждении докладов. Здесь следует привести один-два образца его дискуссионных выступлений. ...Прослушав доклад Я. В. Чекановского на тему «Объективные критерии в этнологии», «Вс. Ф. Миллер (как отмечено в протоколе заседания), оговорившись, что он мало знаком с новейшими приложениями метода объективных критериев в этнологии, выразил как общее впечатление, вынесенное им от сообщения Я. В. Чекановского, сочувствие к его попыткам применения статистического метода к наблюдению этнологических явлений. Вопросом о внесении точного метода в этнологию был всецело занят, по воспоминаниям Вс. Ф. Миллера, Э. Тэйлор, посетивший Москву в 80-х годах и развивавший тогда свои методологические идеи, которые он затем изложил в своей известной работе 1888 года в журнале английского Антропологического института. Упомянув о пользе и наглядности построения картограмм (на основании статистического подсчета сосуществования и различных комбинаций этнологических явлений), Вс. Ф. Миллер, однако, заметил, что для решения главной задачи этнологии — уяснения культурной эволюции у племен, не имевших истории, самым важным источ-

6 Заказ № 891

ником должно, на его взгляд, служить изучение их языков. Язык какого-нибудь племени может сохранять следы культурного влияния на него других племен как в области материальной, так и в области духовной культуры. Если, напр., какое-нибудь орудие в языке изучаемого племени носит не туземное, а заимствованное название, то в данном случае язык обнаруживает нам такие течения культурных влияний и взаимодействий, которые не уяснятся никакими статистическими подсчетами. Если языки Африканского материка, который дал г. Чекановскому материал для его картограммы, еще в недостаточной степени исследованы, то все же и в этой области лингвистика дала некоторые ценные для культурных течений указания. Так, уяснилось, что языки бушменов и готтентотов, которые ученые прежде сближали между собой, совершенно различны по типу, несмотря на то, что в том и другом существуют характерные т[ак] называемые прищелкивающие звуки... Таким образом, лингвистика дает в данном случае точный ответ на этнологический вопрос, и можно надеяться, что она откроет в эволюции культурных течений в Африке многое из таких периодов отдаленного прошлого, которые не разъясняются другими этнологическими приемами. Переходя к частностям, Вс. Ф. Миллер выразил недоумение, почему в свою картограмму (С. XXXII) г. Чекановский внес не только те культурные явления, которые, напр., Анкерманом, считаются следами самой примитивной африканской культуры, но и такие, как музыкальные инструменты, которые распространяются, как культурный взнос от народов, более развитой среди других. Так, напр., музыкальный инструмент *маримба*, внесенный г. Чекановским в таблицу, считается инструментом, перешедшим в Африку из Азии. Техника изготовления материи из лыка (не из коры, как неточно сказано у г. Чекановского), как полагают, была изобретена в Индии и перешла отсюда как в область Тихого океана, так и в Африку. Из следов примитивной африканской культуры г. Чекановский не внес в свою таблицу такие явления, как выбивание передних зубов, украшение тела рубцами, примитивный инструмент копалку для выкапывания съедобных кореньев (обязанность женщин), и Вс. Ф. Миллер попросил у референта разъяснения о принципе, которым он руководился при внесении тех или других культурных явлений в картограмму» (ЖС. 1911. Вып. III–IV. С. XXX–XXXV).

Другое столь же характерное, весьма обычное на всех научных заседаниях с участием Вс. Ф. Миллера дискуссионное замечание было высказано им на заседании Отделения этнографии Русского географического общества 27 января 1912 года по докладу Н. С. Державина (в то время магистранта) ... на тему: «Следы древнегрузинских цеховых организаций в современной жизни грузинских ремесленников». В докладе Н. С. Державин привел сведения по восьми цехам (кузнечному, шапочному, портняжному и т. д.). Казалось бы, трудно было ожидать каких-либо замечаний на эту тему со стороны лингвиста и филолога. Однако Вс. Ф. и здесь раскрыл «кладезь своих научных знаний» (Ковалевский).

«Указав на интерес обстоятельного сообщения Н. С. Державина,— говорится в „журнале“ заседания,— Вс. Ф. Миллер выразил сожаление, что референт должен был ограничиться в своих наблюдениях областью одного города Гори, так как легенды, прикрепляемые горийскими ремесленниками к патронам цехов, недостаточно уясняют связь этих патронов с тем или другим ремеслом. Остановившись затем на легенде об Амиране, прикрепленной к кузнечному цеху, Вс. Ф. Миллер привел некоторые черты подобных легенд у других кавказских народов, указал следы таких легенд, отразившихся в ритуальных ударах кузнецов в определенные дни в Западной Европе, например в Тироле, в Баварии, в связи с преданиями о скованном Люцифере или черте, и привел из кавказских сказаний вариант, объясняющий иначе, чем горийский, ненависть Амирана к кузнецам. Перейдя к цеху шапочников, Вс. Ф. заметил, что среди многочисленных апокрифов о праотце Енохе нет ни одного, который объяснял бы избрание его цехом шапочников своим

патроном, и предположил, что сведения, собранные в более обширном районе, быть может, разъяснят этот вопрос. Покровительство пророка Илии цеху чувячников и Давида цеху медников также не разъясняются источниками, которыми пользовался Н. С. Державин. Отношение св. Иосифа к цеху плотников вполне разъясняется легендами апокрифического евангелия о младенчестве Иисуса Христа. Но легенда об Аврааме, прикрепленная в г. Гори к цеху цирульников, содержит натяжки. В апокрифе об Аврааме, обстригшем Мельхиседека, можно было бы, повидимому, найти более логическое прикрепление к ремеслу цирульников, чем в легенде, рассказанной референту в Гори. В заключение Вс. Ф. Миллер выразил надежду, что дальнейшее изучение следов грузинских и других кавказских цеховых организаций, которое имеет в виду предпринять Н. С. Державин, вероятно, значительно пополнит и, быть может, разъяснит собранный им легендарный материал» (ЖС. 1912. Вып. 1. С. III—IV).

Выступления Вс. Ф. Миллера на научных заседаниях... всегда были обстоятельны, изложены логично и кратко, всегда ясно, так что их легко было записать. Я знал Вс. Ф. и слышал его в подобных дискуссионных выступлениях с 1891 года на научных заседаниях в Обществе любителей естествознания и Московского археологического общества. Если бы все эти выступления были записаны и напечатаны хотя бы в таком кратком изложении, как два вышеприведенные, они составили бы два, три и больше томов ценнейших научных знаний, которыми делился Вс. Ф. Миллер со своими слушателями на научных заседаниях.

В 1912 году академик С. Ф. Ольденбург сложил с себя обязанности председателя Отделения этнографии за перегруженностью многими работами. Отделение тогда же единогласно избрало своим председателем Вс. Ф. Миллера. Недолго пришлось Вс. Ф. руководить, организовывать научную работу, собирать и объединять русских этнографов в Отделении этнографии Русского географического общества. В последний раз он председательствовал на заседании Отделения 25 октября 1913 года. А на следующем заседании 29 ноября 1913 года председательствующий академик А. А. Шахматов предложил почтить память Вс. Ф. Миллера, скончавшегося 5 ноября. Незадолго до этого рокового дня Вс. Ф. приезжал в Москву, председательствовал в Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, где делал свой очередной доклад из цикла о былинном эпосе.

До конца жизни Вс. Ф. Миллер не отрывался от научной общественности, не уединялся в тиши своего ученого кабинета, меньше всего чувствовал себя академиком, пришедшим в Академию наук на мирный покой ученого ветерана. До конца жизни он не только сам работал, но и стремился также следить за научной работой других, особенно молодежи и начинающих ученых, и, где возможно, помогать им своими знаниями и советами.

В истории русской научной интеллигенции ... Вс. Ф. Миллер занял одно из самых почетных мест.

В научных экспедициях

В своих научно-исследовательских работах Вс. Ф. Миллер в основу исследования ставил фактические данные. Их он почерпал из литературы, которою владел в больших масштабах, а вторым источником подлинных фактов был для него материал, добываемый «полевыми» наблюдениями и исследованиями на месте. Эти подлинные факты он начинал собирать еще в студенческие годы, когда жил одно лето вместе со своим товарищем Г. А. де-Волланом в новгородском имении его родителей, где записывал песни и сказки новгородских карел и изучал их язык.

Второй собирательской полевой работой Вс. Ф. была поездка вместе с Ф. Ф. Фортунатовым в 1871 г. в Сувалкскую губернию для записи литовских песен и сказок и изучения литовского языка. Обе эти поле-

вые работы Вс. Ф. принесли ему значительную пользу как в овладении живыми языками, так и в практических навыках наблюдать и собирать материал на месте по языку, по семейному и общественному быту, по материальной культуре, верованиям и фольклору. Для этого нужна была предварительная научная подготовка.

После пребывания в двухлетней заграничной командировке (1874—1875) Вс. Ф. Миллер уделяет все свое внимание индоиранскому Востоку. Он 22 апреля 1876 года, уже как действительный член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, делает в Этнографическом отделе Общества сообщение: «Семейный быт Индии ведийского периода» ... [Он] остановился на разборе истории некоторых терминов родства — обычае давать имена не по отцу, а по матери, наконец, «о ведийском культе отцов, в котором он видел не культ личных предков семьи, а вообще „боготворение" (культ.— *В. Б.*) усопших богатырей, защитников общины» — и многих других чертах культуры ведийского периода («Протоколы» Этнографического отдела). В 1875 и 1876 гг. Вс. Ф. печатает свои очерки об индусских сказках и по ведийской мифологии. Он в 1876 г. печатает и защищает свою диссертацию «Очерки арийской мифологии. I: Асвины — Диоскуры».

К этому времени у Вс. Ф. назревает интерес к иранской ветви индоевропейской семьи языков, и в частности к осетинскому языку, который «между всеми живыми иранскими языками отличается наибольшей архаичностью», а в связи с этим к иранству на юге России. Все, о чем только что сказано, и было предварительной научной подготовкой Вс. Ф. к экспедиционным полевым работам. С 1879 года Вс. Ф. Миллер начинает ряд своих экспедиций в Осетию, которые привели его к очень ценным научным результатам ... Всего с 1879 по 1886 год Вс. Ф. выполнил шесть летних поездок в Осетию и в другие местности Кавказа в 1879—81, 83, 85 и 86 гг. В 1883 и 1885 гг. Вс. Ф. совершил свои поездки совместно с М. М. Ковалевским, которого он заинтересовал семейным и общественным бытом осетин в аспекте древней индоиранской культуры.

Горная природа Осетии требовала от путешественника большой выносливости ... [и] большой неприхотливости к пище и ночлегу. М. М. Ковалевский сообщает, в каких условиях ему и Вс. Ф. приходилось путешествовать. «Лучшего товарища в путешествии,— говорит Ковалевский,— нельзя было пожелать. Выносливость и непритязательность Миллера были удивительны. Когда не было дороги, мы входили в русла горных потоков и по ним подымались до перевала. Лошадь перескакивала с камня на камень или временами погружала нас с собою в прохладные волны. Ночь мы проводили в лучших условиях на бревнах, а в худших — и прямо на земле, закутавшись в бурки. Питались мы сухарями и консервами, к которым иногда прибавлялась пойманная нашим проводником Дунаем форель. За отсутствием иных приспособлений он ловил ее руками, стоя одной ногой на одном берегу, другой — на другом... Когда попадали в аулы, мы ели шашлык и кислое молоко, а иногда и кефир, который незадолго перед тем, именно в татарских обществах Кабарды, был испробован Керном и прославлен на весь мир».

Так путешествовали не мальчики, не любители-туристы, а уважаемые русские ученые, профессора, из которых один своими поездками по Осетии дал [впоследствии] науке знаменитые «Осетинские этюды», а другой — труды мировой известности: «Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» (М., 1886), «Закон и обычай на Кавказе» (1887). М. М. Ковалевскому в 1883 году было 32 года, а Вс. Ф. Миллеру — 35 лет.

Свое первое путешествие в Осетию в 1879 году Вс. Ф. совершил один, собрав материал главным образом по языку осетин. Здесь он получил и первые навыки к овладению живой осетинской речью. Много внимания было им уделено семье и общине, о которых потом передавал свои живые впечатления М. М. Ковалевскому, сравнивая с семейно-общинны-

ми порядками в ведийской культуре. «Для меня же,— говорил М. М.,— не знакомого с языком ни Вед, ни Авесты, эта культура оставалась книгой за семью печатями».

В 1880 году Вс. Ф. совершил второе путешествие в Осетию, во время которого, подготовляя материалы для первого выпуска «Осетинских этюдов», записал много рассказов и преданий из осетинской старины. Между прочим, желая уяснить вопрос о предках осетин, Вс. Ф. Миллер собирал и записывал слова, относящиеся к той или другой стадии осетинского быта, к разным формам хозяйства, к знакомству с металлами, орудиями земледелия, породами домашнего скота и т. п. Это помогло ему проверить данные грузинских и армянских летописей о предках осетин.

В 1881 году Вс. Ф. Миллер совершает третье путешествие в Осетию, после которого приезжает на 5-й археологический съезд в Тифлис (с 8 по 21 сентября). Все осетинские тексты, записанные им в первые три путешествия, вышли в печати в 1881 г.: «Осетинские этюды. I. Осетинские тексты». Отчет о 5-м археологическом съезде Вс. Ф. напечатал в «Русской мысли» (1881.IX. С. 45—105).

Гр. П. С. Уварова в своей статье «Вс. Ф. Миллер как исследователь Кавказа» говорит, что на тифлисском съезде он поднял вопрос «О значении Кавказа для языкознания» (см.: Труды V археологического съезда. Протокол XL) и предложил «Программу для собирания материалов по осетинскому языку...»

В 1883 году Вс. Ф. едет в свое четвертое путешествие в Осетию, на этот раз вместе с М. М. Ковалевским, начав свои исследования в Нальчике, «где Миллер,— говорит М. М.,— записывал говор евреев, продолжавших держаться в своем разговорном языке средневекового персидского, и [мы] продолжали наши этнографические странствования в области горских татар и осетин, живущих на северном склоне Кавказа». «В Гюлькарах,— продолжает Ковалевский,— мы сделали с Миллером раскопку кургана и нашли следы культуры несравненно более старинной, чем та, которую мы искали. Искали же мы следов возможного проезда через эту местность знаменитого венецианца Марко Поло, который в своем путешествии в Китай двинулся из Таны, теперешнего Азова, к болгарам, а оттуда уже далее на восток». У Вс. Ф. этот вопрос стоял в связи с проблемой кубанских болгар, которой он уделил место в III части «Осетинских этюдов».

В эту же поездку 1883 года Вс. Ф. и Ковалевский были у кабардинцев, князь которых Атажухин, «один из четырех некогда державных „пше“», или князей, принял ученых путешественников, «сидя на высоком деревянном кресле вроде трона, окруженный почтительно стоявшими вокруг него узденями». Указав на некоторые характерные обычаи и порядки в Кабарде, М. М. Ковалевский говорит: «Вообще кабардинские порядки во многом схожи с теми картинами раннего средневековья, которые встают перед глазами при чтении, скажем, Огюстена Тьери и его известных рассказов из эпохи Меровингов» (ЭО. 1913. № 3/4. С. 16—18).

В это посещение Кабарды Вс. Ф. Миллер записал, кроме образцов [кабардинского] языка, сказания об участии кабардинцев в походе Петра на Азов. Вс. Ф. нашел в этих сказаниях следы христианства у кабардинцев еще в XVII и XVIII веках, факт, использованный обоими учеными — [Вс. Ф. Миллером] в «Осетинских этюдах» и [М. М. Ковалевским] в «Современном обычае и древнем законе».

В протоколе заседания Этнографического отдела Общества любителей естествознания от 13 декабря 1883 года сообщается, что Вс. Ф. Миллер доложил Отделу краткий отчет о летней поездке этого года на Кавказ, причем им изучались главным образом южные осетины и собирались материалы для осетинско-русского словаря. Вс. Ф. привел некоторые из записанных им на Северном и Южном Кавказе народных преданий, в которых либо отразились исторические воспоминания (например, о царице Тамаре, Оси-Бакатаре, о присоединении Грузии к России),

либо к местным легендам были приурочены исторические имена (например, предание о рве Тамерлана). Текст обеих легенд напечатан при протоколе (Изв. ОЛЕАЭ. Т. XLVIII, 1. С. 47—50). Кроме того, Вс. Ф. Миллер напечатал очерк «О поездке в горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 года» (Изв. КОРГО. Т. VIII). Это же путешествие описано в очерке «В горских обществах Кабарды» (ВЕ. 1884. IV).

В 1885 году Вс. Ф. Миллер совершает пятое путешествие, на этот раз вторично с М. М. Ковалевским. О своем путешествии этого года М. М. Ковалевский сообщил в трех докладах на заседаниях Этнографического отдела Общества любителей естествознания 31 октября и 14 ноября 1885 года, а также — 31 января 1886 года. Маршрут шел от Кисловодска через область горских татар в Сванетию. Ковалевский собирал данные по обычному праву горских татар и об отношении их к осетинскому, а также готовил доклад об обычном праве сванетов.

Свое шестое путешествие на Кавказ Вс. Ф. Миллер совершил в 1886 году. На этот раз Московское археологическое общество командировало Вс. Ф. для обследования древних памятников и могильников Терской области. В результате собранных сведений и материалов Вс. Ф. составил очерк «Археологические экскурсии в Терской области», который был напечатан в «Материалах по археологии Кавказа» (1888. Вып. 1) с 80-ю рисунками и 26-ю таблицами. В этой же экспедиции Вс. Ф. попутно продолжал свои занятия в Осетии.

Такова продолжительная, с 1879 по 1886 год, упорная полевая обследовательская работа Вс. Ф. Миллера. Научное достоинство всех изысканий и материалов, [собранных] во время его кавказских, и главным образом осетинских, поездок уже давно признано учеными-специалистами. Известно и о том, какое место заняли кавказские исследования в научной тематике работ Вс. Ф. Миллера.

В работах по музейной этнографии

Вс. Ф. Миллер в течение нескольких лет (1882—1897) вел музейно-этнографическую работу в двух музеях, основанных Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии: в Этнографическом музее при Румянцевском музее (1884—1897) и в Политехническом музее (1882—1896).

О деятельности Вс. Ф. в Этнографическом отделе Румянцевского музея сведения, существующие в литературе, очень неточны и неполны. Его же четырнадцатилетняя музейно-этнографическая работа в Политехническом музее совершенно замалчивалась. С этими недочетами в биографии Вс. Ф. связана и сама история этнографических коллекций в обоих музеях.

Как многолетний сотрудник Общества [естествознания] (с 1891 по 1930 г., ученый секретарь с 1905 по 1930 г.) и как биограф Вс. Ф. Миллера я считаю своим долгом восстановить в настоящем очерке истину, опираясь на печатные отчеты, заметки и прочие документы.

Прежде всего — что такое «Дашковский этнографический музей»? Кто его создал? Откуда появилось его название?

Инициатором и главным организатором, основателем Московского Этнографического музея, как и всего Общества любителей естествознания, был профессор Московского университета Анатолий Петрович Богданов (при участии других выдающихся московских профессоров и ученых: Щуровского, историка Соловьева, Нила Попова, Беляева — историка права, Зенгера, Керцели, Киттары и многих других, среди которых совсем не было имени Дашкова). При основании Общества (1863 г.) у А. П. Богданова был уже составлен план организации большой антропологической выставки, а на основе коллекций выставки — большого антропологического музея, исходя из того широкого понимания антропологии как науки, которое тогда было у французских антропологов и которым руководился профессор Богданов. Антропологическая выставка и

антропологический музей должны были в 1867 году, по плану А. П. Богданова, состоять из трех антропологических разделов: физической антропологии, этнической антропологии, или этнологии (этнографии), и доисторической антропологии, или палеоэтнологии (доисторической археологии). Проектируемый антропологический музей должен был стать не только научным публичным музеем, но и учебным университетским [музеем], коллекции которого должны были служить наглядным пособием для чтения курсов антропологии (физической, этнической и доисторической). Антропология в то время ни в одном русском университете еще не читалась, а поэтому А. П. Богданов предложил Обществу содействовать, научно и материально, образованию в Московском университете кафедры антропологии, что и было выполнено в 1872 году на специально пожертвованный Обществу капитал в 25 000 рублей.

По одобрении всего этого плана Советом Общества А. П. Богданов приступил к его осуществлению, начав с организации антропологической выставки в ... трехсоставном объеме. Скоро, однако, первые опыты подбора коллекций обнаружили, что физическая и доисторическая антропология не могут быть с успехом и полнотой (для всей России) представлены к намеченному сроку — в 1867 году, а этнография, наоборот, обещает полный успех. Тогда А. П. Богданов с согласия Совета Общества, не прерывая собирания коллекций по физической и доисторической антропологии для будущей антропологической выставки, на данный момент организует этнографическую выставку, которая и была открыта 23 апреля 1867 года.

Какими научными силами, чьими руками и под чьим руководством собиралась, составлялась и оформлялась этнографическая выставка, на это имеются точные данные в печатных протоколах и отчетах Общества. Там имя Дашкова отсутствует. Коллективным собирателем коллекций выставки являлась демократическая русская интеллигенция во всех концах России: учителя, агрономы, земские врачи, сотрудники статистических комитетов, архивных губернских комиссий и многие другие. Коллекции были собраны с удивительной добросовестностью и любовью, что и обеспечило их большую научную достоверность и точность. Коллекционирование сопровождалось многочисленными рукописными замечаниями. Ценность коллекций, по скромным расчетам, была не менее 100 000 руб., и все они были предоставлены науке и обществу их собирателями бесплатно. Все это явилось ценным материалом [для] музейно-этнографических работ будущих музейных специалистов, главным образом Вс. Ф. Миллера.

Сам А. П. Богданов тщательно подобрал фотографический материал и антропометрические данные для всех (по возможности) народов России, и на основании их под его руководством были изготовлены лучшими художниками 300 манекенов с соблюдением точных размеров лица, цвета волос и глаз, роста и общего облика физиономий. Для выставки и этнографического музея было собрано, кроме манекенов... еще до 500 костюмов (комплексов), а отдельных частей костюма и других предметов (много моделей) — 1200, всех фотографий и рисунков — до 2000. А. П. Богданов доставил собрание около 600 курганных черепов из его различных раскопок, обошедшихся ему до 2000 рублей и подаренных им Обществу, а также до 300 экземпляров курганных древностей. (Эти черепа и курганные древности были переданы Обществом после антропологической выставки 1879 года в основанный Обществом Антропологический музей Московского университета.)

Во всей этой огромной собирательской и руководящей деятельности Дашков никакого участия не принимал, и это надо иметь в виду при изложении дальнейшего развития плана А. П. Богданова по устройству большого (самостоятельного) антропологического музея в Москве с включением в него этнографического и доисторического отделов.

...Для выставки 1867 года А. П. Богданов получил в распоряжение Общества манеж на Моховой улице против здания университета. Кол-

лекции поступали все в большем и большем количестве и переполняли временное помещение Общества в доме Степанова на Пречистенке (ныне — улица Кропоткина). Предстояло начать оформление выставки в манеже, на что требовалась небольшая сумма (10—15 тысяч рублей), и А. П. Богданов нашел бы ее, зная, что сбор с выставки будет обеспечен.

Как раз в этот злополучный момент В. А. Дашков [бывший в то время директором московского Публичного и Румянцевского музеев] и воспользовался случаем показать свои заслуги перед русской общественностью и наукой. Он предложил ссудить необходимую сумму, с тем, однако, чтобы она была возвращена ему из первых же поступлений от продажи билетов на выставку. Она и была возвращена ему. В протоколе Общества записано, что от продажи билетов на выставку было получено (вместе с некоторыми пожертвованиями) 63 315 рублей... и что из этой суммы была выплачена Дашкову вся взятая у него ссуда — 18 000 рублей. «Этот капитал,— говорится в протоколе о 18 000 рублей,— расходовался до открытия выставки и был возвращен В. А. Дашкову из суммы, поступившей от продажи билетов» (Изв. ОЛЕАЭ. Т. III, вып. 2. С. 87).

...Дашков [заранее] заявил, что после выставки он может принять (экспонаты) в свой музей (не Румянцевский, а Публичный, как и значится в протоколе) ... Он был избран председателем Выставочного комитета и стал держать себя как глава и хозяин всего научного предприятия: этнографической выставки и этнографического музея... Дашков заставил сказать почтенного Григория Ефимовича Щуровского (против своей совести) похвальную речь ему 5 апреля 1867 г., незадолго до открытия выставки, а совесть Гр. Е. заставила его сказать еще более похвальную речь на том же заседании Совета А. П. Богданову как полное противоречие первой речи (Там же. С. 58—59).

Этой речью Щуровского члены Общества не были удовлетворены и на 24-м заседании Общества от 5 июня 1867 года преподнесли А. П. Богданову вместе с присужденной ему Обществом большой золотой медалью адрес, в котором, между прочим, было сказано: «Вы были первым основателем Общества и главным деятелем, неутомимо содействовавшим развитию и успехам его. Вам принадлежит мысль об устройстве русской этнографической выставки, осуществленной ныне по плану и программе, Вами выработанным, и благодаря тому участию, которое Вы принимали по выполнению этого предприятия». «Вместе с адресом,— говорится в протоколе,— Г. Е. Щуровский передал А. П. Богданову письмо», подписанное всеми членами, пожелавшими выразить А. П. свою признательность «в более сердечной, дружеской форме» (Там же. С. 73).

В противоположность только что приведенным сведениям о признании заслуг А. П. Богданова по устройству этнографической выставки Дашков на торжественном открытии выставки 23 апреля, в присутствии многих членов Общества, других ученых и (что было особенно важно для Дашкова) великого князя Владимира, произнес напыщенную речь, в которой ни слова не проронил об А. П. Богданове, не назвал подлинных создателей выставки — русскую интеллигенцию. В его речи на первом плане — он сам: «На мне, как на председателе Комитета по устройству выставки, лежит обязанность указать тот путь, которым мы шли ... и т. д.» И это свое самозванство Дашков не стеснялся разукрашивать, несмотря на то, что перед ним говорил Щуровский, который с самого начала сказал об Обществе, а не о дашковском Комитете. «Открывая русскую этнографическую выставку,— сказал президент Щуровский,— а с тем вместе основывая русский этнографический музей в Москве, Общество почитает долгом объяснить: почему в настоящее время оно нашло наиболее полезным обратить свое внимание на устройство этих двух учреждений» (Там же. С. 66—67).

Тем не менее через два с половиной месяца после открытия выставки, на заседании Общества 14 июля 1867 года Дашков добился того,

к чему так сильно стремился: его имя было присвоено этнографическому музею. В протоколе так и записано: «... С помощью выставки Общество приобрело в собственность обширное этнографическое собрание, которое теперь, по окончании выставки, Общество, вследствие постановления своего, высочайше утвержденного 15 июля 1865 года, имеет передать безвозмездно в собственность Публичного музея с тем, чтобы оно именовалось: Дашковским этнографическим музеем, устроенным при содействии императорского Общества любителей естествознания при Московском университете».

В этом постановлении некоторые факты возбуждают недоумение: 1) каким образом в постановление 1865 года вошел титул Общества «императорское», который был дан ему лишь 27 марта 1867 года (Там же. С. 64), 2) почему «постановление» 1865 года докладывалось в Обществе через два года, в 1867 году? 3) почему этнографические коллекции были присоединены к Публичному музею, который самостоятельного помещения не имел, а сам находился в помещении Румянцевского музея?.. Документально в этой истории предстоит разобраться будущим историкам музейного дела в СССР.

Вс. Ф. Миллер, поступив на должность хранителя Дашковского этнографического музея в 1884 году, получил в свое ведение не только этнографические коллекции этого музея, но еще и специальное Отделение иностранной этнографии, состоявшее из так называемых румянцевских коллекций. Как этнографический музей, так и иностранное отделение входили в состав московских Публичного и Румянцевского музеев. ... Этнографический музей в составе названных объединенных музеев сразу оказался в великой тесноте и одновременно был обузой для Румянцевского музея и его публичной библиотеки. Уже в девятисотые годы директор Румянцевского музея профессор Цветаев решил вывести «всю этнографию» из Румянцевского музея на Сухаревскую площадь... в Сухареву башню, в еще более тесное помещение, о чем Цветаев предварительно сговорился с городской головой. ... Мне как представителю Общества любителей естествознания пришлось обратиться с протестом к русской общественности и восстановить в ее памяти историю... Этнографической выставки 1867 года, ее значение для России [7] и для науки, ее неповторимую научную и национальную ценность. Моя статья в «Русских ведомостях» (перепечатана в ЭО. 1910 № 1–2) под названием «Выделение этнографии из Румянцевского музея» произвела должное впечатление, и этнографические коллекции остались в Румянцевском музее.

В свою очередь А. П. Богданов ... продолжал осуществлять свой большой план русского антропологического музея, действовал энергично и, конечно, считал нетрудным делом вернуть «свои» коллекции, т. е. с бывшей Этнографической выставки, в организуемый им антропологический музей. Вс. Ф. Миллер, как уже было сказано, принял участие и в этой организации большого плана, и здесь он получил в свое ведение целый этнографический отдел, образовавшийся пока еще в Политехническом музее *.

История Румянцевского музея и история планируемого Богдановым антропологического музея переплелись прежде всего в деле собирания [и объединения] этнографических коллекций. Вс. Ф. Миллер в своей музейно-этнографической работе должен был ее построить на два фронта: на развитие плана А. П. Богданова и на учет, охрану и описание этнографических коллекций, находившихся в Румянцевском музее.

Прежде чем говорить об этой двухфронтовой работе Вс. Ф. Миллера, необходимо дать краткие указания: 1) о происхождении Румянцевского музея и появлении его в Москве, 2) о дальнейшем развитии музейного плана А. П. Богданова после этнографической выставки [1867 года].

---

* Первоначально назывался — Музей прикладных знаний. В. В. Богданов употребляет преимущественно позднее название.— *Ред.*

Только в исторической перспективе ... можно будет понять роль и значение Вс. Ф. Миллера как этнографа-музееведа.

У графа Николая Петровича Румянцева, известного ревнителя русской науки и просвещения, еще в 1814 году явилось желание основать «национальную библиотеку» в Петербурге *. Обладая сам ценнейшим собранием книг и рукописей и все время пополняя это собрание [новыми покупками] при деятельном участии своих ученых знакомых из известного «румянцевского кружка», Румянцев все же не мог не считаться с тем, что хотя и медленно, еще с XVIII столетия, в Петербурге организуется императорская публичная библиотека, штат которой и положение о библиотеке были утверждены в 1810 году, а открытие для публики состоялось 2 января 1814 года. Несмотря на это, Румянцев верил в свое просветительное начинание и... намечал большой план создания не только национальной библиотеки, но и национального музея при ней. В подобном единении библиотеки и музея эта идея Румянцева нашла свое неполное осуществление в Москве... При жизни Н. П. Румянцева и по его желанию Указом 1822 года все дома графа Румянцева и капитал, предоставляемые Румянцевым на устройство музея и публичной библиотеки в Петербурге, передаются в ведение министерства народного просвещения... Ему указано было, чтобы «сии дома и принадлежащие к ним места, а равно все доходы с оных были всегда употребляемы ни на что иное, как на содержание или умножение коллекций Румянцевского музеума» *. В этот музеум и вошли все этнографические коллекции, монетное собрание, картины, древности, рукописи, книги, собранные на средства Румянцева.

Румянцевский музей в Петербурге был открыт лишь в 1831 году, уже после смерти Румянцева... Во главе музея стоял известный «рюрикович» и литератор В. Ф. Одоевский, который, при всех своих литературных заслугах, оказался весьма плохим музейным деятелем, и когда музей перевели в Москву, друг Пушкина С. А. Соболевский написал очень язвительную эпиграмму на Одоевского по этому поводу. Как указывают источники, недостаток средств (?), полная заброшенность музея и другие неудачи явились причиной указа правительства о перенесении Румянцевского музея и его библиотеки в Москву в 1861 году. Это дело было поручено генерал-адъютанту Н. В. Исакову (человеку, близкому к романовской династии), причем ему было указано приобрести для Румянцевского музея дом на Моховой, принадлежавший некогда Пашкову (творение знаменитого Баженова), перевезти туда румянцевские собрания и «приступить к учреждению публичного музея, переместив туда также коллекции Московского университета; при этом румянцевские коллекции должны были сохраняться отдельно под прежним названием Музея графа Румянцева» (Там же. С. 28). Здесь и таится источник двуглавого названия: Публичный и Румянцевский музей (или «музеи»).

...Отделение иностранной этнографии является подлинным румянцевским собранием, чрезвычайно ценным и разнообразным. Оно составилось на средства Румянцева из предметов быта разных первобытных народов, посещавшихся русскими кругосветными путешественниками, а также членами русских посольств, имевших свое пребывание в Австралии, в Африке, в Индонезии и в других зарубежных странах. В этом иностранном собрании были и коллекции китайские, японские, корейские. Вс. Ф. Миллер, заведуя всем отделом этнографии Румянцевского музея, высоко ценил это собрание и хорошо его знал, что, между прочим, сказалось при отмеченном выше выступлении Вс. Ф. по докладу Чекановского о его путешествии в Центральную Африку.

Таким образом, Вс. Ф. Миллеру предстояло оформить экспозицию этнографических коллекций России в каком-то общем плане с экспозицией

---

* Материалы по истории Румянцевского музея даны В. В. Богдановым по книге: *Варб Е.* Одно из наших центральных просветительных учреждений: Очерки Румянцевского музея. М., 1888. С. 18—28 и др.— *Ред.*

бытовых предметов зарубежных народов, тем более, что те и другие находились в общем музейном помещении.

...Сначала остановлюсь на энергичной деятельности А. П. Богданова по дальнейшему собиранию этнографических коллекций для проектируемого им русского антропологического музея, а предварительно размещенных в Политехническом музее, куда им был привлечен и Вс. Ф. Миллер.

Сейчас же по окончании Этнографической выставки 1867 года А. П. Богданов ставит в свой организационный план два крупных предприятия: 1) организацию московской политехнической выставки, включая в нее обширное собрание «предметов промышленной этнографии» (слова А. П. Богданова), а также и других предметов материальной культуры, существующих в народном быту, 2) организацию русской антропологической выставки с полновесным собранием предметов физической и доисторической антропологии, а также коллекций этнографических от разных народностей России и от народов зарубежных, преимущественно соседящих с Россией. Обе выставки должны были дать вещевое содержание для двух музеев: московского политехнического и... антропологического (в трех научных отделах).

О политехнической выставке А. П. Богданов заботился в первую очередь, так как ему уже представлялся вполне реальным Политехнический музей не только как музейное собрание, но и как музейное здание. Политехническая выставка была открыта и с большим успехом демонстрировалась в 1872 году. Вскоре затем было приступлено и к постройке здания Политехнического музея, осуществленной в три очереди: центральное здание, правое крыло, левое крыло.

Много было положено трудов и забот А. П. Богдановым на устройство Политехнического музея. В его плане было построить и оба крыла исключительно и сразу для музейных целей. Но московские купцы, заправилы московской городской управы, вмешались в это строительство и на долгие годы хозяйничали не только в помещениях того и другого крыла, но и в самом комитете по устройству музея. Если бы не они, А. П. Богданов сумел бы осуществить свой план трехсоставного антропологического музея при особом музее прикладных знаний в одном и том же огромном здании, которое ... строилось по инициативе и при ближайшем участии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

А. П. Богданов не ослаблял своей энергии, готовился к следующей выставке — Антропологической — и тем временем создал целый этнографический отдел в Политехническом музее, заведовать которым в качестве директора Отдела был приглашен Вс. Ф. Миллер с 1882 года (Протокол 57-го заседания Комитета Политехнического музея).

В отчетном издании «Десятилетие Музея прикладных знаний в Москве» (30 ноября 1872 г.— 30 ноября 1882 г.) имеются следующие сведения об Отделе промышленной этнографии Политехнического музея.

[Ядром Отдела стали среднеазиатские коллекции, переданные в разные годы генерал-губернатором Туркестана К. П. фон Кауфманом; еще ранее, в 1866 г., предшественник Кауфмана М. Г. Черняев передал ОЛЕАЭ туркестанскую коллекцию, «чтобы Общество сделало эту коллекцию доступною для обозрения публики и таким образом дало возможность торговому сословию центра русской промышленности ознакомиться со вкусами, нуждами и продуктами Туркестана». Ту же цель, видимо, преследовал и Кауфман, которого ознакомил «с предположениями М. Г. Черняева» путешественник и участник Туркестанской экспедиции ОЛЕАЭ А. П. Федченко (Там же. С. 60)].

Комитет Антропологической выставки 1879 г., устроенной Обществом любителей естествознания, также передал свои этнографические коллекции в Политехнический музей, «и в настоящее время, сказано в том же отчете, мы обладаем хотя далеко не полными, но уже знакомящими с некоторыми потребностями наших окраин коллекциями. В наших коллекциях имеются предметы из Китая, Японии, со всех концов Сибири,

благодаря помощи частных лиц и отделов Географического общества. Экспедиции, снаряженные Комитетом Антропологической выставки, доставили предметы культуры северных народов России, а статистические комитеты Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний познакомили нас с произведениями и жизнью великорусского населения Севера России. Не менее полные коллекции переданы статистическими комитетами губерний...— Ковенской и Гродненской. Северный Кавказ также представлен в наших собраниях, благодаря управлению Терской и Кубанской областей». [Далее в отчете говорится, что] «в собраниях наших составляются коллекции и по иноземной этнографии. Так, в самое последнее время адмирал А. Б. Асланбегов, О. О. Дюбуан и Н. А. Мазуров передали собранные ими во время их путешествий предметы» (Там же, с. 62).

Кроме Отдела промышленной этногрфии, коллекции по этнографии находились и в некоторых других отделах Политехнического музея. Так, по мысли А. П. Богданова в музее был организован Отдел почтовой техники, в котором были представлены манекенами, чучелами животных, перевозочными орудиями, картинами разные способы перевозки почты на севере: на собаках, на оленях и другие (московский ямщик был представлен еще на выставке 1867 г.). В Морском отделе Политехнического музея были представлены модели и чертежи постройки гребных судов, орудия и иллюстрации китоловного промысла и другие, в отделах шелководства и пчеловодства — очень полные коллекции этих народных промыслов.

Все указанные этнографические коллекции составляли значительное музейное собрание, которое А. П. Богданов не выпускал из зал Политехнического музея. Вс. Ф. Миллеру предстояла сложная задача. Будучи посвящен в организационный план А. П. Богданова и понимая, конечно, те причины, по которым Богданов ни одной вещи не желал передать Румянцевскому музею, Вс. Ф. должен был свою собственную музейно-этнографическую работу планировать в обоих музеях так, чтобы работы в том и другом музее дополняли друг друга. Да кроме того, Антропологическая выставка 1879 года собрала большие этнографические коллекции, которые также А. П. Богданов не пожелал передать в Румянцевский музей, и в свернутом виде они дожидались в университетском помещении и в Историческом музее, пока, наконец, Д. Н. Анучин, преемник Богданова и сотрудник по Антропологической выставке, не сорганизовал университетский антропологический музей, в который вошли коллекции всех трех разделов богдановского плана, но в меньшем объеме. До самой смерти А. П. Богданова в 1896 году этнографические коллекции находились в Политехническом музее. Но «с течением времени,— говорится в отчетном издании „Двадцатипятилетие музея прикладных знаний“,— эти коллекции начали теснить основные коллекции музея». К этому времени Отдел промышленной этнографии был переименован в Отдел промышленности окраин России. Из-за тесноты Комитет Политехнического музея «вынужден был в 1896 году передать все коллекции Отдела промышленности окраин России в дар этнографическому Румянцевскому музею» (С. 22). Имя Дашкова обойдено в этом документе.

Так рухнул план А. П. Богданова, долженствовавший представить в одном самостоятельном антропологическом музее антропологию физическую, доисторическую и этническую (этнографию) в объеме всех народностей России и некоторых сопредельных стран: славянских на западе и восточных по границе с Кавказом, Туркестаном и Сибирью, как об этом свидетельствует подбор этнографических коллекций за время после 1867 года.

На три грандиозных выставки хватило неиссякаемой энергии А. П. Богданова в его творческих замыслах. ... И если бы он мог в четвертый раз напрячь свои организаторские силы и построить второе музейное здание, его большой план мог бы осуществиться: все собранные им и его сотрудниками выставочные и дарованные коллекции вошли бы

полностью в этот новый музей, освободив от тесноты и Румянцевский и Политехнический музеи.

Теперь следует взвесить, что мог и успел сделать Вс. Ф. Миллер с тем обширным собранием этнографических коллекций, которыми он ведал, возглавляя два этнографических музейных отдела. Эта задача не могла быть понята теми, кто о ней писал, не зная [всех] обстоятельств.

При поступлении на должность хранителя Этнографического отдела Румянцевского музея (так обыкновенно назывался «Дашковский» музей), Вс. Ф. Миллер уже два года состоял директором Отдела промышленной этнографии Политехнического музея, где был уже проведен учет этнографических коллекций хранителем этого отдела Н. Ю. Зографом; на Вс. Ф. лежало руководство экспозиционной работой в этом отделе. Кроме того, ему приходилось давать свои указания и советы в отделах: почтовом, морском, шелководства и пчеловодства, и особенно в отделе, где демонстрировалась обширная коллекция по детскому воспитанию у многих народов России. Все эти коллекции, знакомство с письменными документами («музейными легендами»), которыми они сопровождались, были большим подспорьем для Вс. Ф., когда он приступил к изучению и описанию коллекций в Румянцевском музее, т. е. прежде всего предметов с выставки 1867 года.

Вс. Ф. получил в свое ведение эту коллекцию не сейчас же после перенесения ее с выставки в Румянцевский музей, а через семнадцать лет после этого. Директором Румянцевского музея был в это время В. А. Дашков (с 15 мая 1867 г. и до своей смерти 8 января 1896 г.), второй директор после генерала Исакова, который в 1859 г. был назначен также попечителем Московского округа, а в 1881 г. стал членом Государственного Совета. После смерти Дашкова директором был М. А. Веневитинов.

До Вс. Ф. Миллера хранителем («консерватором») Этнографического музея был Н. Г. Керцелли, зоолог, один из старых членов Общества любителей естествознания, а заведующим Отделения иностранной этнографии ... К. И. Ренар, врач, переселившийся в 1832 г. из Германии в Москву. [Свыше сорока лет — с 1840 по 1886 — год смерти] он был связан с Московским обществом испытателей природы, где состоял последовательно секретарем, вице-президентом и президентом. Он был также хранителем Зоологического музея Московского университета.

Вс. Ф. Миллер занимал должность хранителя Этнографического отдела в Румянцевском музее [с 1884 г.] до 7 октября 1897 года, в связи с назначением его с этого дня директором Лазаревского института восточных языков.

Смерть А. П. Богданова в 1896 г. и передача этнографических коллекций из Политехнического музея в Румянцевский в 1896 году сопровождались также отставкой Вс. Ф. Миллера в [том же] году в Политехническом музее. Этот «межевой» 1896 год был в истории московской музейной этнографии переломным и клонился к захуданию этнографии в двух московских музеях.

Вс. Ф. Миллер ... имел дело почти исключительно с коллекциями Этнографической выставки 1867 года и лишь на короткое время (с 1896 по 1897 год) ему пришлось заняться новыми коллекциями. За все время по 96-й год включительно Вс. Ф. пришлось работать при Дашкове, который совершенно отошел от научных интересов, в музее бывал очень редко и держал себя зазнавшимся бюрократом. Таков был отзыв о нем всех, кто служил в Румянцевском музее и кто знал его на стороне.

В течение семнадцати лет после перенесения этнографических коллекций с выставки в Румянцевский музей, при очень скудном их обслуживании двумя штатными единицами (хранитель и один служитель), в ужасной тесноте и темноте, коллекции сильно попортились от пыли, от моли, жучков и [пр.]. Вс. Ф. сразу обратил внимание Дашкова на невозможные условия хранения коллекций. «В 1885 году,— говорится в Отчете Московского Публичного и Румянцевского музея за 1883—85 гг.» (С. 121—122),— вследствие заявления хранителя музея о крайней тесно-

те занимаемого этнографическими коллекциями помещения», директор дал распоряжение «временно отвести еще одну залу».

В этом архинемузейном помещении нельзя было и думать [ни] о специальном фондовом хранилище коллекций, отдельном от экспозиционных зал, ни об отдельном лабораторном помещении для реставрации и чистки коллекций, ни о научных кабинетах для сотрудников музея, ни о помещении для подсобной музейной библиотеки. ... Все это внешнее и штатное неустройство этнографического музея нисколько не тревожило Дашкова. Вс. Ф. напомнил Дашкову о его обязательствах в отношении этнографических коллекций перед Обществом любителей естествознания, на что Дашков, по словам Вс. Ф., ответил: «Здесь я хозяин и начальник, а не Общество. Общество навязало мне эту обузу, от которой я рад буду избавиться» *. У Вс. Ф. оставалась еще слабая надежда на А. П. Богданова: быть может, и в самом деле [тот] своим организаторским талантом еще сумеет если не построить музейное здание, то хотя бы временно заарендовать какой-либо большой особняк, каких в то время в Москве было немало, притом пустующих. Об этом думал и Богданов. Желание же Дашкова избавиться от этнографии благоприятствовало такому плану. ... Мне приходилось слышать от старых членов Общества, Д. Н. Анучина, И. А. Каблукова, Г. А. Кожевникова, что А. П. Богданов все время после Этнографической выставки 1867 года, и особенно после Антропологической выставки 1879 года, был занят серьезно подысканием здания или подходящего участка земли для [строительства] Антропологического музея. Это его желание еще более подогревалось теми успехами, с какими А. С. Уваров начал развивать и осуществлять свой план создания Русского национального музея (как он и назывался с 1873 по 1881 г.), в 1881 г. переименованного в Российский исторический музей. Идея этого музея у Уварова родилась, когда он осматривал Севастопольский отдел в Политехническом музее. Исторический музей был открыт в собственном здании в 1883 году, при нем были аудитория и публичная библиотека. На примере Исторического музея А. П. Богданов видел, что русское музейное строительство может развиваться и в дальнейшем. Но, как видно, силы Анатолия Петровича были уже не те, как в 60-х и 70-х годах.

Вс. Ф. Миллеру приходилось мириться с убийственным помещением в Румянцевском музее, и не только с помещением, но и с материальной скудостью, с отсутствием научных сотрудников. Всю неблагодарную работу по хранению, публичной демонстрации коллекций, по их описанию и учету пришлось взять на себя одного. Экспозицию коллекций, представлявших типы и быт народов России, он должен был перестроить. Вместо бывшего географического их размещения «было предпринято новое, более систематическое размещение коллекций, при котором каждая народность с бытовыми предметами, ей принадлежащими, занимала бы место среди ближайше родственных ей народностей того же племени. Географическое размещение уступило место этнографическому». Цель такого размещения Вс. Ф. Миллер видел в необходимости приспособить музей к систематическому изучению вопросов этнографии в связи с университетским преподаванием по кафедре этнографии и географии, которая была учреждена на историко-филологическом факультете по уставу 1884 года и была замещена профессором Д. Н. Анучиным (Отчет Московского Публичного и Румянцевского музея за 1883—85 гг. С. 121—122).

Вс. Ф. Миллер смотрел на музейно-этнографические коллекции, заботливо собранные для Этнографической выставки 1867 года, как на подлинные и научно достоверные документы истории и быта народов России. Этой оценке много содействовали архивные документы выставки:

* Это высказывание как-то не вяжется с написанным в публикуемой рукописи о роли В. А. Дашкова. Кроме того, часть возвращенной Обществом ссуды В. А. Дашков употребил на издание этнографической литературы. См.: Некролог В. А. Дашкову, написанный В. Ф. Миллером в ЭО (1896. № 1).— *Ред.*

переписка А. П. Богданова, Н. А. Попова и других членов Общества с разными представителями организаций и с отдельными лицами, которые подбирали коллекции, опросные сведения о них и личные их замечания. Этому служил и богатый иллюстративный материал, собранный из разных мест заботами А. П. Богданова, а также инструкции А. П., рассылавшиеся им разным лицам для получения от них антропометрических данных. Наконец, сам Вс. Ф. составил обстоятельный этнографический [в]опросник для получения по нему если не полных, то хотя бы кратко обобщенных сведений о той или другой этнической группе, территории ее расселения, о бытовом укладе, характерных особенностях костюма, построек и прочих предметов материальной культуры. Опросник рассылался от имени Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии разным лицам на места, особенно народным учителям, земской интеллигенции, сельскому духовенству и другим. В ответ были получены многочисленные описания, заметки, иллюстрации, составившие ценное дополнение к архиву Общества по Этнографическому отделу.

Все это позволило Вс. Ф. Миллеру приступить к составлению «Систематического описания коллекций ,,Дашковского этнографического музея''» и закончить его в четырех выпусках, напечатанных в 1887, 1889, 1893 и 1895 годах.

«Описание коллекций» представляет большой научный труд, далеко превосходящий значение и ценность так называемых «путеводителей» по музеям. Последние издавались для ориентации посетителей музея по экспозиции коллекций, очень несовершенной в условиях Румянцевского музея. Что же касается «Описания», то оно было составлено исключительно для людей, занимающихся этнографией, особенно по музейным вещевым документам. Так как коллекции этнографического музея имели очень несовершенные хранение и экспозицию, причем то и другое было сосредоточено нераздельно в одних и тех же шкапах, и так как ... все коллекции музея до времени поступления Вс. Ф. в музей не имели ни общей инвентарной описи, ни инвентарной нумерации и шифра для каждого отдельного предмета, то Вс. Ф. Миллеру пришлось выбирать между двумя решениями: либо заняться научной инвентаризацией коллекций, рукописных легенд к ним, иллюстраций и шифрами их нахождения в хранилище и в экспозиции, либо, если первое решение было трудноисполнимо или невозможно, дать научное систематическое описание коллекций. Первое решение было невозможно: ни одного научного сотрудника, никакого музейного хранилища, скученность коллекций в дешевых грубых шкафах, теснота и убогость всех помещений музея — все это служило непреодолимым препятствием для планомерной научной инвентаризации и хранения музейных коллекций... Поэтому Вс. Ф. остановился на втором решении.

...Уже организаторы Этнографической выставки во главе с А. П. Богдановым ... ставили своей задачей создать научный этнографический музей. Этот характер научности подтверждался неоднократно в заявлениях А. П. Богданова, Г. Е. Щуровского, Н. А. Попова и других членов Общества любителей естествознания. ... Вс. Ф. придал своему «Описанию коллекций» характер систематического обозрения народностей России и некоторых смежных стран по четырем разделам: 1) народы Евразии (неиндоевропейские) ... 2) неславянские народы Восточной Европы и Кавказа... 3) восточные славяне... 4) зарубежные славяне *.

Перед описанием каждой народности или перед отдельной группой народов составитель «Описания» поместил ... этнографическую библио-

---

* Этнические наименования отдельных народов даны В. В. Богдановым в соответствии с употребленными в «Описании...», но не в том порядке и полноте, как в оглавлении, сделанном В. Ф.. Миллером к каждому выпуску; здесь они опущены.— *Ред.*

графию, значительно помогавшую в научных занятиях специалистам и студентам. Например, библиография о чехах и словаках, в то время мало известная в русской печати, приведена Вс. Ф. Миллером с исчерпывающей полнотой как по общей этнографии, так [и] по специальным вопросам: народные обычаи, обряды, верования, сказки, песни, язык, одежда и другие предметы материальной культуры. То же нужно сказать о сербах, хорватах и болгарах. Приведены целые отрывки описаний в русском переводе со славянских оригиналов. Также богата и детальна библиография по кавказским народам.

Что же касается восточных славян, то о них Вс. Ф. Миллер не мог дать большой библиографии, потому что русские этнографы того времени менее всего занимались материальной культурой; даже диалектология восточнославянских наречий была представлена немногими работами.

[Как источник] при описании восточнославянских коллекций Вс. Ф. использовал обширный рукописный материал, поступивший с Этнографической выставки [1867 г.] и из архива Этнографического отдела Общества любителей естествознания. В «Описании» приведены многочисленные выписки и конспективные заметки из рукописных материалов. Этим самым описание восточнославянских коллекций приобретало [значение первоисточников].

Описание коллекций московского этнографического музея, выполненное Вс. Ф. Миллером, имеет еще ту ценность, что по тщательно составленному тексту, относящемуся к тому или другому вещевому документу (костюму, орудию производства, модели жилища и т. п.), можно составить представление не только о том предмете, который находился в музее, но и о разных вариантах его или же о дополняющих его предметах, бытующих на территории их распространения. Напр[имер], в музее имелись женские южновеликорусские костюмы (костюмные комплексы) на трех манекенах из Боровского и Масальского уездов Калужской губернии. К этому Вс. Ф. Миллер дополнительно сообщает ценные сведения и пояснения по предметам костюмного комплекса в уездах Козельском, Лихвинском и Перемышльском той же губернии. Или, например, к описанию девичьего костюма на манекене Полтавского уезда даны детальные дополнительные сведения на шести страницах убористой печати по уездам Роменскому, Лохвицкому, Кременчугскому, Константиноградскому, Гадячскому, Миргородскому и Полтавскому — все это взято из рукописных материалов.

Такими ценными дополнениями богато не только описание великорусских, белорусских и украинских коллекций, но также, например, польских костюмов, с указаниями народных терминов, с историческими справками, обычаями ношения и т. п. Эти детальные сведения были получены уже по упомянутым опросникам Вс. Ф. через Общество любителей естествознания.

По Кавказу, по Сибири, по Туркестану таких вопросов не было послано в то время, и описания этих областей поэтому не столь подробны.

Таким образом, «Описание этнографических коллекций», составленное Вс. Ф. Миллером, охватывает гораздо большее число предметов, чем было их в музее, и значительно большую территорию их распространения, чем та, на которой были собраны коллекции музея. Эта особенность научного труда Вс. Ф. никем до сих пор не отмечалась, и говорилось об этом лишь общими фразами. Все это монументальное научное описание [занимает] в общей сложности 670 страниц. Даже не имея перед глазами музейных предметов, этнограф может почерпнуть из «Описания» совершенно ясные и точные этнографические сведения.

...Вс. Ф. Миллер имел намерение иллюстрировать свое «Описание» многочисленными фотографиями, имевшимися в его распоряжении, но Дашков решительно отказался предоставить на это средства из бюджета Румянцевского музея ...

При всяких научных занятиях по этим коллекциям исследователь не может обойтись без этого «Описания».

...В Политехническом музее положение Вс. Ф. Миллера было иное, чем в Румянцевском музее. А. П. Богданов высоко ценил Вс. Ф. как ученого ... С 1881 года, когда заседания Этнографического отдела Общества любителей естествознания происходили уже под председательством Вс. Ф. Миллера, Богданов был постоянным посетителем этих заседаний. Здесь он не только проникся уважением к Вс. Ф. как к выдающемуся специалисту, но и пожелал привлечь его к осуществлению этнографического раздела того «антропологического музея», план которого он задумал осуществить вместе с организацией Антропологической выставки.

...Как отнесся Вс. Ф. к плану Богданова, дать точный ответ на это я затрудняюсь. В состав Общества я вошел лишь с 1891 года, с конца этого года я в Этнографическом отделе Общества взял на себя некоторые научные обязательства под руководством Вс. Ф. Очень мало знал я в это время А. П. Богданова (которого иногда слушал на его лекциях), уже слабого и стареющего профессора. ...Когда я стал посещать Этнографический отдел Румянцевского музея в 1893 году, когда Вс. Ф. составлял описание восточнославянских и польских коллекций, особенно же в 1894 и 1895 годах, когда он работал здесь по западным славянам, я узнал ближе его основные взгляды на организацию этнографического музея в Москве. Вс. Ф. очень отрицательно относился в это время к Дашкову, прямо говорил, что это — «неприятный бюрократ, который «может угробить всякую науку», и выражал при этом большое сожаление по поводу того, что А. П. Богданов «отошел от Общества». Вс. Ф. мне не указывал прямо, что у Богданова был план создать самостоятельный этнографический музей, но сам лично, вероятно, не без влияния музейного плана Богданова, высказался за объединение трех дисциплин: антропологии, доисторической археологии и этнографии; он ссылался при этом на свои поездки по Кавказу, которые убедили его в необходимости такого единения.

Когда я обратил внимание Вс. Ф. на то, что в коллекциях Румянцевского музея очень слабо представлена производственная деятельность народов России, Вс. Ф. ответил, что эту часть материальной этнографии отлично понимал А. П. Богданов, который и создал в Политехническом музее специальный Отдел промышленной этнографии и некоторые другие отделы, частично с коллекциями по производственной бытовой этнографии. Когда же Вс. Ф. пришлось после смерти А. П. Богданова перемещать все коллекции Отдела промышленной этнографии из Политехнического в Румянцевский музей, он отнесся к этому далеко не радостно. Его не только удручала предстоящая еще бо́льшая теснота, но также и окончательный отрыв этих коллекций от других производственных этнографических коллекций, остававшихся в Политехническом музее: по Туркестану, по Русскому Северу, по судостроительству, по промыслам и ремеслам. Сочувственные воспоминания об А. П. Богданове связывались при этом у Вс. Ф. с крахом цельного музейного плана, который не удалось осуществить Богданову.

Деятельность Вс. Ф. в Политехническом музее в основном сводилась к планированию и руководству, к консультации в Комитете музея, к совместным работам с хранителем отдела. Будучи директором отдела и имея при себе хранителя, Вс. Ф. следил за регистрацией, хранением и экспозицией ...

Строго научная музейно-этнографическая деятельность Вс. Ф. Миллера далеко не исчерпывается моими краткими заметками ... Одно могу сказать с полным убеждением в справедливости моего утверждения, именно, что Вс. Ф. Миллер как музеевед-этнограф был совершенной противоположностью тех директоров и хранителей этнографических музеев Германии и Австрии, которые преследовали цель колониального обогащения обоих государств. Вс. Ф. Миллер, наоборот, серьезно стремился к познанию своих народов (ныне советских) и к выявлению их подлинной культуры в русских музеях.

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН К ПУБЛИКУЕМЫМ 7—9-й ГЛАВАМ РУКОПИСИ В. В. БОГДАНОВА

Анкерман Бернгард (1859–1943), немецкий этнограф, африканист.
Анучин Дмитрий Николаевич (1843—1923), зоолог, антрополог, географ и археолог, профессор МГУ, почетный член АН, председатель ОЛЕАЭ (1890—1923).
Аппун Георг, Август-Игнатий (1816—1885), изобретатель энгармониума.
Аракчиев (Аракишвили) Дмитрий Игнатьевич (1873—1953), композитор, музыковед-этнограф, народный артист Груз. ССР, академик АН Груз. ССР.
Асланбегов (Асламбегов) Авраамий Богданович (1838—1900), адмирал, автор биографий адмиралов Грейга, Нахимова и др.
Атажухин Кази Мусабиевич (1841—1899), кабардинский князь.

Баженов Василий Иванович (1737—1769), архитектор.
Барсов Ельпидифор Васильевич (1836—1917), фольклорист, исследователь древнерусской письменности.
Бартольд Василий Владимирович (1869—1930), востоковед, профессор Петербургского ун-та, академик.
Бах Иоганн Себастьян (1685–1750), немецкий композитор.
Беляев Иван Дмитриевич (1810—1873), историк права, профессор Московского ун-та; один из инициаторов создания ОЛЕАЭ.
Бичурин Никита Яковлевич (в монашестве Иакинф) (1777–1853), востоковед-китаевед, чл.-кор. Петербургской АН.
Бларамберг Павел Иванович (1841—1907), композитор, публицист, член ОЛЕАЭ.
Богаевский Петр Михайлович, этнограф, юрист, специалист по обычному праву.
Богатырев Петр Григорьевич (1893—1971), этнограф, фольклорист, профессор МГУ, член ОЛЕАЭ.
Богданов Анатолий Петрович (1834—1896), антрополог, зоолог, профессор Московского ун-та, чл.-кор. Петербургской АН, основатель и председатель ОЛЕАЭ (1864).
Богданов Владимир Владимирович (1868—1949), этнограф, доцент МГУ, член (1891—1930), ученый секретарь (1905–1930) ОЛЕАЭ.
Богораз Владимир Германович (Тан Н. А.) (1865—1936), языковед, историк религии, этнограф, писатель, ссыльный народоволец, профессор ЛГУ.
Бродский Николай Леонтьевич (1881—1951), литературовед, член ОЛЕАЭ.
Буслаев Федор Иванович (1818—1897), историк литературы и искусства, профессор Московского ун-та, академик Петербургской АН.

Варб Е. (Браве Яков Федорович) (1860—1899), автор исследования по истории Румянцевского музея.
Васильев Николай Васильевич (1879 — после 1930), этнограф, фольклорист, член ОЛЕАЭ.
Веневитинов Михаил Алексеевич (1844—1901), директор Румянцевского музея (1896—1901).
Веркович Стефан Ильич (1821—1892), славист, собиратель болгарских песен.
Веселовский Александр Николаевич (1838—1906), историк литературы, академик Петербургской АН.
Воейков Александр Иванович (1842–1916), метеоролог, климатолог, географ, чл.-кор. АН.

Гамбаров Юрий Степанович, московский юрист, член ОЛЕАЭ.
Герье Владимир Иванович (1837—1919), историк, профессор Московского ун-та, чл.-кор. АН.
Глинка Михаил Иванович (1804—1857), композитор.
Головацкий Яков Федорович (1814—1888), славист, член ОЛЕАЭ.
Гордлевский Владимир Александрович (1876—1956), востоковед-тюрколог, академик.
Гречанинов Александр Тихонович (1864—1956), композитор.
Григорьев Александр Дмитриевич (1874—1940), фольклорист, собиратель русских былин, член ОЛЕАЭ и МАО.
Грузинский Алексей Евгеньевич (1858—1930), историк русской литературы, профессор Московского ун-та, член ОЛЕАЭ.

Давидов Август Юльевич (1823—1885), председатель ОЛЕАЭ.
Данковская Раиса Сергеевна, этнограф, фольклорист, член ОЛЕАЭ.
Дарвин Чарлз Роберт (1809—1882), англ. натуралист, основоположник эволюционного учения, иностр. чл.-кор. Петербургской АН.
Даргомыжский Александр Сергеевич (1813—1869), русский композитор.
Дашков Василий Андреевич (1819—1896), директор Румянцевского музея (1867—1896), этнограф, помощник попечителя Московского учебного округа.
Де-Воллан Григорий Александрович (1847—?), товарищ В. Ф. Миллера по ун-ту; путешественник.
Делянов Иван Давыдович (1818—1897), граф, министр народного просвещения (1882—1897).
Державин Николай Севастьянович (1877—1953), филолог-славист, академик.

Добровольский Владимир Николаевич (1856—1920 или 1921), этнограф-собиратель.
Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867—1934), историк, этнограф, фольклорист, профессор Киевского ун-та; после 1917 г. работал в Белоруссии, член ОЛЕАЭ.
Дурново Николай Николаевич (1876—1936 или 1937), языковед, этнограф, фольклорист, профессор ун-тов в Саратове, Минске и Москве, чл.-кор. АН СССР, член ОЛЕАЭ, МАО.
Дюбуа[н] О. О., собиратель этнографических коллекций.
Дювернуа Александр Львович (1840—1886), филолог-славист, профессор Московского ун-та, секретарь этнографического отдела ОЛЕАЭ.

Елеонская Елена Николаевна (1873–1951), этнограф, фольклорист, член ОЛЕАЭ.

Жуковский Николай Егорович (1847–1921), аэрогидродинамик, чл.-кор. АН, вице-президент ОЛЕАЭ.

Зингер Григорий Эдуардович (1853–1919), филолог-классик, чл.-кор. АН, один из инициаторов создания ОЛЕАЭ.
Зограф Николай Юрьевич (1851—1919), зоолог и антрополог, профессор Московского ун-та, член ОЛЕАЭ.

Иловайский Дмитрий Иванович (1832—1920), историк.
Иохельсон Владимир (Вениамин) Ильич (1856—1942), ссыльный народоволец, антрополог, этнограф, археолог, участник Сибиряковской якутской, Джезуповской и Камчатской экспедиций.
Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович (1859—1935), композитор и дирижер.
Исаев Андрей Алексеевич (1859—1919 или 1924), экономист.
Исаков Николай Васильевич (1821—1891), генерал-адъютант, первый директор Румянцевского музея (в Москве), попечитель Московского учебного округа, член Государственного совета (с 1881).

Каблуков Иван Алексеевич (1857—1942), физикохимик, профессор Московского ун-та, чл.-кор. и почетный член АН СССР, член Совета ОЛЕАЭ.
Канапов Георгий Ильич (1834—1897), армянский ученый, профессор и директор Лазаревского института восточных языков (1881—1897).
Карасев Павел Алексеевич (1879—?), композитор, музыкант-этнограф, член ОЛЕАЭ.
Кауфман Константин Петрович (1818—1882), инженер-генерал, туркестанский генерал-губернатор.
Кашкин Николай Дмитриевич (1839—1920), музыкальный критик, профессор Московской консерватории.
Керцелли Николай Григорьевич (1822—1882), этнограф, зоолог, хранитель Дашковского этнографического музея (1870—1882), член ОЛЕАЭ, МАО.
Киреевский Петр Васильевич (1808—1856), публицист, собиратель народных песен.
Киттары Модест Яковлевич (1825—1880), естествоиспытатель, профессор Казанского, затем Московского ун-та, один из инициаторов создания ОЛЕАЭ, редактор «Промышленного листка» (в 1860-е годы).
Кленовский Николай Семенович (1853—1915), композитор, дирижер оркестра Большого театра в Москве, член ОЛЕАЭ.
Ключевский Василий Осипович (1841—1911), историк, профессор Московского ун-та, академик Петербургской АН.
Ковалевский Максим Максимович (1851—1916), историк, социолог, этнограф, профессор Московского ун-та, академик Петербургской АН, секретарь, позднее товарищ председателя Этнографического отдела ОЛЕАЭ.
Кожевников Григорий Александрович (1866—1933), зоолог, профессор Московского ун-та, член ОЛЕАЭ.
Корещенко Арсений Николаевич (1870—1921), композитор, пианист, дирижер, педагог, музыкальный критик, член ОЛЕАЭ.
Короленко Владимир Галактионович (1853—1921), писатель, общественный деятель.
Корш Федор Евгеньевич (1843—1915), филолог-классик, славист, востоковед, профессор Московского ун-та, академик Петербургской АН, член ОЛЕАЭ.
Кузнецов Стефан Кирович (1854—1913), этнограф, член ОЛЕАЭ.
Куликовский Герман Илларионович (1862—?), географ, этнограф, археолог, филолог и фольклорист, член ОЛЕАЭ.
Кучук-Иоаннесов Христофор Иванович (1852—?), востоковед-арменист, член Восточной комиссии при Московском археологическом обществе.

Лавров Петр Алексеевич (1856—1929), филолог-славист, академик.
Лазарев Петр Петрович (1878—1942), физик, академик, член ОЛЕАЭ.
Лебедев Петр Николаевич (1866—1912), физик, профессор Московского ун-та, член ОЛЕАЭ.
Линев Александр Логинович (1843—1918), инженер, участник строительства московских трамвайных линий, муж Е. Э. Линевой.
Линева (урожд. Паприц) Евгения Эдуардовна (1853/54–1919), солистка московского Большого театра (контральто), пропагандист русской хоровой песни, собирательница русских народных песен.

Листопадов Александр Михайлович (1873—1949), музыковед-этнограф, фольклорист, собиратель и исследователь донских казачьих песен, член ОЛЕАЭ.
Лядов Анатолий Константинович (1855—1914), композитор, дирижер и педагог.

Мазуров Н. А., собиратель этнографических коллекций.
Мануйлов Александр Аполлонович (1861—1929), экономист, профессор и ректор Московского ун-та, профессор Коммерческого ин-та.
Марков Алексей Владимирович (1877—1917), этнограф, фольклорист, историк литературы и искусства, декан Тифлисских женских курсов.
Маслов Александр Леонтьевич (1876—1914), музыковед-этнограф, фольклорист и писатель, основатель московского журнала «Музыка и пение», член ОЛЕАЭ.
Маткович Петар (1830—1898), хорватский географ, историк, иностр. чл.-кор. Петербургской АН.
Мельгунов Юлий Николаевич (1846—1893), музыковед.
Мечников Илья Ильич (1845—1916), биолог-эмбриолог, патолог, микробиолог, зоолог, чл.-кор. и почетный член Петербургской АН, лауреат Нобелевской премии.
Миллер Всеволод Федорович (1848—1913), языковед, фольклорист и этнограф, профессор Московского ун-та и Лазаревского ин-та восточных языков, академик Петербургской АН, председатель ОЛЕАЭ и его Этнографического отдела, член МАО.
Михайловский Виктор Михайлович (1846—1904), товарищ председателя Этнографического отдела ОЛЕАЭ.
Мороховец Лев Захарович (1848—1919), физиолог, профессор Московского ун-та, СПб. медико-хирургической академии, член ОЛЕАЭ.
Мсериянц Левон Зармайрович (1867 — после 1930), санскритолог, член МАО.
Муромцев Сергей Андреевич (1850—1910), юрист, публицист, профессор Московского ун-та, член ОЛЕАЭ.

Нерсесов Нерсес Осипович (1848—1894), юрист, профессор Московского ун-та, член ОЛЕАЭ.
Никифоровский Николай Яковлевич (1846—1910), этнограф-собиратель, учитель народных школ Витебска.
Никиш Артур (1855—1922), венгерский дирижер, профессор Лейпцигской консерватории.
Никольский Михаил Васильевич (1848—1917), востоковед, ассириолог.

Огнев Иван Флорович (1855—1928), гистолог, профессор Московского ун-та.
Одоевский Владимир Федорович (1804—1869), писатель и музыкальный деятель, первый директор Румянцевского музея (в Петербурге).
Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934), востоковед-индолог, академик.
Орлов Александр Сергеевич (1871—1947), историк русской литературы, профессор ЛГУ, академик.

Павлов Алексей Петрович (1854—1929), геолог, палеонтолог, академик, член ОЛЕАЭ.
Палаузов К. Н. (1818—1872), болгарин, славист, член ОЛЕАЭ.
Пашков Е. П., владелец дома на Моховой улице (старое здание б-ки им. Ленина). В 1843 г. «Пашков дом» перешел к государственным учреждениям.
Петр I Алексеевич (1672—1725), император.
Петров Павел Яковлевич (1814—1875), востоковед, профессор Московского ун-та.
Петров Петр Петрович (1850—1928), технолог, библиофил, профессор Московского ун-та, директор технологического отдела Политехнического музея в Москве, член ОЛЕАЭ.
Попов Нил Александрович (1833—1891), историк-славист, архивист, профессор Московского ун-та, чл.-кор. Петербургской АН, первый председатель (1867—1881) Этнографического отдела ОЛЕАЭ.
Привалов Николай Иванович (1868—1928), музыковед-фольклорист, основатель и руководитель оркестра народных инструментов, композитор, сотрудничал с В. В. Андреевым.
Прокунин Василий Павлович (1848—1910), музыкант-этнограф, фольклорист.
Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837).
Пятницкий Митрофан Ефимович (1864—1927), музыкальный деятель, организатор и руководитель Воронежского народного хора.

Рамо Жан Филипп (1683—1764), французский композитор и теоретик музыки.
Ренар Карл Иванович (1809—1886), врач, хранитель Зоологического музея при Московском ун-те (1845—1863), консерватор этнографических коллекций Румянцевского музея (1867—1886). Свыше сорока лет (1840—1886) был связан с МОИП: секретарь, вице-президент и президент.
Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844—1908), композитор, педагог.
Романов Евдоким Романович (1855—1922), белорусский этнограф-собиратель, учитель и инспектор народных училищ.
Румянцев Николай Петрович (1754—1826), граф, государственный деятель, основатель Румянцевского музея в Петербурге.
Рыбников Павел Николаевич (1831—1885), фольклорист.
Рябинин Иван Трофимович (1844—1909), сказитель русских былин.
Рябинин Трофим Григорьевич (1791—1885), сказитель русских былин, отец И. Т. Рябинина.

Самойлов Александр Филиппович (1867—1930), физиолог, профессор Московского ун-та.

Сахаров Иван Петрович (1807—1863), собиратель и исследователь фольклора, этнограф, палеограф, чл.-кор. Петербургской АН.

Северцов Алексей Николаевич (1866—1936), зоолог, академик, председатель ОЛЕАЭ (1923—1930).

Смоленский Степан Васильевич (1848—1909), палеограф, хоровой дирижер, исследователь древнерусского церковного пения, профессор Московской консерватории.

Смоляр И. И., славист (в Будышине). Возможно, речь идет о Смоляре Яне-Эрнесте (1817—1886), издавшем в 1842 г. сборник лужицких народных песен, действительном члене МАО (с 1866).

Соболевский Алексей Иванович (1856—1929), филолог-русист, славист и этнограф, чл.-кор. (с 1893), академик (с 1900).

Соколов Борис Матвеевич (1889—1930), этнограф, фольклорист, профессор Саратовского и Московского ун-тов, директор Центрального музея народоведения.

Соколов Николай Николаевич (1875—1923), языковед, этнограф, педагог, приват-доцент Московского и Юрьевского ун-тов, член ОЛЕАЭ.

Соколов Юрий Матвеевич (1889—1941), фольклорист, профессор Московского ун-та, академик АН Украинской ССР, директор Института фольклора АН УССР, брат Б. М. Соколова.

Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), историк, профессор Московского ун-та, академик Петербургской АН.

Столетов Александр Григорьевич (1839—1896), физик, профессор Московского ун-та.

Танеев Сергей Иванович (1856—1915), композитор, пианист, музыковед, профессор и директор Московской консерватории (1885—1889), член ОЛЕАЭ.

Тимирязев Климент Аркадьевич (1843—1920), ботаник-физиолог, профессор Московского ун-та и Петровской сельскохозяйственной и лесной академии, чл.-кор. АН, член ОЛЕАЭ.

Тихонравов Николай Саввич (1832—1893), историк литературы, профессор Московского ун-та, академик Петербургской АН.

Троицкий Матвей Михайлович (1835—1899), психолог, философ.

Тьерри Огюстен (1795—1856), французский историк.

Тэйлор (Тайлор) Эдуард Бернетт (1832—1917), английский этнограф, эволюционист.

Уваров Алексей Сергеевич (1824 * — 1884), граф, археолог, чл.-кор. и почетный член Петербургской АН, основатель Исторического музея в Москве и Московского археологического общества.

Уварова Прасковья Сергеевна (1840—1924), графиня, археолог, почетный член Петербургской АН, жена А. С. Уварова.

Ушаков Дмитрий Николаевич (1873—1942), языковед, этнограф, профессор Московского ун-та, чл.-кор. АН СССР, член ОЛЕАЭ.

Федосова Ирина (Арина) Андреевна (1831—1899), сказительница, вопленица-импровизатор.

Федченко Алексей Павлович (1844—1873), естествоиспытатель, путешественник, один из основателей и член ОЛЕАЭ.

Фортунатов Филипп Федорович (1848—1914), языковед, профессор Московского ун-та, академик Петербургской АН.

Халатянц Григорий Абрамович (1858—1912), востоковед, профессор и инспектор Лазаревского ин-та восточных языков, член МАО.

Харузин Михаил Николаевич (1860—1888), этнограф-юрист, секретарь Этнографического отдела ОЛЕАЭ.

Харузин Николай Николаевич (1865—1900), этнограф, приват-доцент Московского ун-та, первым в России читал (1898) курс этнографии в ун-те и в Лазаревском ин-те восточных языков, один из организаторов журнала «Этнографическое обозрение», член ОЛЕАЭ.

Харузина Вера Николаевна (1866—1931), этнограф, профессор Московского ун-та, сестра М. Н. и Н. Н. Харузиных, член ОЛЕАЭ.

Хаханов (Хаханошвили), Александр (Азар) Соломонович (1864 **—1912), этнограф-грузиновед, археолог, историк литературы, профессор Лазаревского ин-та восточных языков и Московского ун-та.

Цветаев Иван Владимирович (1847—1913), филолог-классик, историк искусства и археолог, профессор Московского ун-та, директор Музея изящных искусств, чл.-кор. Петербургской АН.

Церетели Георгий Ефимович (1842—1900), грузиновед, археолог, член МАО.

Чайковский Петр Ильич (1840—1893), композитор, профессор Московской консерватории (1866—1877).

Чекановский Ян (1882—1965), польский антрополог и историк, член ОЛЕАЭ.

Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898), туркестанский генерал-губернатор.

---

* По другим источникам — 1825, 1828 г.

** По другим данным – 1868 г.

Чупров Александр Иванович (1842—1908), экономист и статистик, профессор Московского ун-та, чл.-кор. Петербургской АН, член ОЛЕАЭ.

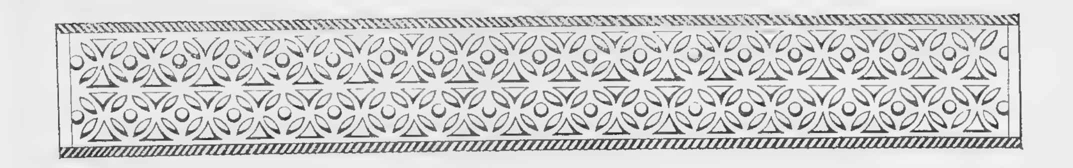
Шафарик Янко (1812—1876), славист, племянник слависта Павла Иосифа Шафарика.
Шахматов Алексей Александрович (1864—1920), языковед-филолог, академик.
Шейн Павел Васильевич (1826—1900), собиратель и публикатор русского и белорусского фольклора, этнограф, член ОЛЕАЭ.
Шембер Алоизий (или Шембера Алоиз) (1807—1882), славист.
Штакельберг Роман Романович (Рейнгольд Рейнгольдович) (1859—1907), барон, востоковед-иранист, филолог, член МАО.
Штернберг Лев Яковлевич (1861—1927), этнограф и языковед, профессор ЛГУ, чл.-кор. АН СССР.

Щеголенок Василий Петрович (1805? — после 1886), сказитель русских былин.
Щуровский Григорий Ефимович (1803–1884), геолог, профессор Московского ун-та, преподаватель физики, естественной истории, врач Московского воспитательного дома, первый председатель ОЛЕАЭ.

Эйхенвальд Александр Александрович (1863—1944), физик, профессор Московского ун-та (1906—1911 и 1917—1930) и исследователь музыки.
Эмин Мкртич (Никита) Осипович (1815—1890), филолог.
Энгель Юлий Дмитриевич (1868—1927), композитор и музыкальный критик.
Эрбен Карел Яромир (1811—1870), чешский поэт, фольклорист, иностр. чл.-кор. Петербургской АН.
Эрисман Федор Федорович (1842—1915), создатель школы ученых-гигиенистов, профессор Московского ун-та.

Яковлев Николай Феофанович (1892—1974), кавказовед, этнограф, лингвист, фольклорист, профессор Московского ун-та, член ОЛЕАЭ.
Якушкин Евгений Иванович (1826—1905), этнограф, юрист, сын декабриста И. Д. Якушкина, член ОЛЕАЭ.
Якушкин Иван Дмитриевич (1793—1857), декабрист.
Янжул Иван Иванович (1846—1914), экономист, профессор Московского ун-та, академик.
Янчук Николай Андреевич (1859—1921), этнограф, редактор журнала «Этнографическое обозрение», член ОЛЕАЭ.

Составлен А. Н. Тарасовой и В. Н. Тарасовым



А. И. Тарасова, В. Н. Тарасов

ОБОЗРЕНИЕ ФОНДА В. В. БОГДАНОВА В АРХИВЕ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

Богданов Владимир Владимирович (родился 9 декабря 1868 г. в местечке Голынка Оршанского у. Могилевской губ.; умер 16 сентября 1949 г. в Москве) — этнограф, географ, музеевед, доктор географических наук с 1943 г.

Член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ОЛЕАЭ) (1891—1930), ученый секретарь (1905—1930), заместитель председателя Этнографического отдела (1913—1930) того же общества; редактор первого этнографического журнала России «Этнографическое обозрение» (1896—1918), издававшегося при ОЛЕАЭ с 1889 г.

Заведующий Отделением иностранной этнографии в Этнографическом отделе (иначе — Дашковском этнографическом музее) Румянцевского музея (1908—1921); хранитель, потом заведующий Этногалереей и заведующий Отделением русской и славянской этнографии Центрального музея народоведения (преобразованного в 1924 г. из Дашковского этнографического музея) (1924—1930); научный консультант Дмитровского краеведческого музея (1918—1919); директор Московского областного музея (позднее — Государственный музей Центрально-Промышленной области) (1919—1930).

Действительный член, председатель Этнологического отделения и заведующий Московской секцией Российской (позднее — Государственной) Академии материальной культуры (РАИМК, ГАИМК) (1919—1930); председатель Московского отделения Центрального бюро краеведения при Российской Академии наук (ЦБК) (1921—1924); член московской секции «Человек» Бюро съездов по изучению производительных сил при Госплане СССР (1920-е годы); заведующий Отделом физико-географических карт Института Большого Советского атласа мира (1935—1938); старший научный сотрудник и заведующий Славяно-русским (позднее назывался Восточнославянским) сектором в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (1943—1949).

Преподаватель московских средних учебных заведений (1894—1908) и кафедры этнографии Университета А. Л. Шанявского (1918), доцент кафедры этнографии МГУ (1920—1937) и кафедры географии Московского областного педагогического института (1936—1941) [1].

Личный архивный фонд В. В. Богданова хранится в архиве Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР [2] и состоит из 122 папок, в которых заключены рукописи работ послереволюционного периода, в подавляющем большинстве неопубликованных и недатированных, материалы биографические и по научно-организационной деятельности, переписка фондообразователя, картографические и иллюстративные материалы, а также материалы других лиц. Значительная часть материалов находится в состоянии россыпи.

Человек широких научных интересов, огромного диапазона знаний, владевший несколькими европейскими языками, В. В. Богданов оставил

значительное число неопубликованных работ по этнографии, географии, языкознанию и смежным с ними наукам. Он был талантливым биографом (опубликованные и неопубликованные работы о Д. Н. Анучине, Н. Н. Миклухо-Маклае, В. Ф. Миллере, П. К. Козлове, А. А. Борзове и других), интереснейшим мемуаристом (написанные в 1948—1949 гг., готовые к печати две части рукописи «Этнография в истории моей жизни» на 913 листах, охватывающие период 1880—[1930] гг.; на 1950 год планировалось написание третьей части мемуаров о периоде 1931—1948 гг., но автор не успел исполнить это намерение).

Около 30 лет посвятил В. В. Богданов изучению одного из важнейших вопросов материальной культуры и быта различных народов мира — сухопутного транспорта. Изучал глубоко, всесторонне. Начав сбор материалов в 1916 г., он занимался этим до конца жизни. Им была разработана специальная программа и методика сбора материалов, что хорошо видно, в частности, из его письма к известному писателю и исследователю Дальнего Востока В. К. Арсеньеву от 25 января 1927 г., которое приводим здесь полностью:

Глубокоуважаемый Владимир Клавдиевич!

Работая сейчас над двухколесной телегой народов Азии, в частности монголии, Тибета, Китая, я встретился с фактом крайней скудости точных и научно поставленных данных по этому вопросу. У меня большая надежда на Вас, что Вы мне не откажете своими знаниями и советами. Мне бы очень хотелось получить сведения от Вас хотя бы только по маньчжурской телеге. Мне важно получить вот какие сведения:

1. Относительно самой арбы: устройство основной рамы, по связи с нею — оглобель (дышловой телеги, вероятно, нет), оси (вращающейся с колесами или неподвижной — с вращающимися колесами), посадки и укрепления колес, формы и техники колес и их отдельных частей. Терминология всего и частей.

2. Относительно упряжных животных: какие животные (лошади, верблюды, яки, быки и пр.) запрягания, когда, в какое время года, по каким дорогам, по скольку корму и т. д., вообще от каких условий зависит выбор того или другого упряжного животного.

3. Упряжь и способы запряжки. Как запрягается одно животное, как пара или больше: цугом, пристяжка боковая и т. п. Какая в каждом отдельном случае упряжь? По частям: рассчитанная на тягу грудью, спиной, шеей; особенно — ⟨...⟩ * хомут и то, что мы назвали бы гужами и дугой; если то и другое отсутствует, и как это отзывается на рациональности упряжки и на работе упряжного животного.

4. Относительно дорог: какие дороги, трудные или легкие вообще, горные, почти непроезжие и т. п., зимние без снега, по ледяным покровам рек, речные броды и т. п.,— и как вызывают потребность в арбе, в особых ее средствах; как служит и насколько рационально в этом отношении каждый вид упряжных животных. Далее: видоизменения в конструкции арбы в связи с усовершенствованием колесных дорог. Разница в этом отношении между китайской и монгольской арбой.

5. Относительно грузов: грузоподъемность телеги всех типов и видов в условиях разных, способы их устройства, [в условиях] * разных дорог, разных упряжных животных.

6. Какая связь может быть отмечена между потребностью кочевников в перевозке всего своего имущества по кочевью и транспортными особенностями двухколесной телеги.

7. Двухколесная телега в смысле ее достоинств, выгодность по сравнению с другими транспортными средствами: вьючением, четырехколесными телегами (там, где они уже появились при наличии двуколок).

Хорошо было бы, если бы при этом были даны специальные чертежи, отчетливые фотографические снимки, детальные зарисовки частей: скрепления, способы запряжки и т. п.

Вот видите, какая у меня большая просьба. Но ее выполнение полезно будет и Вам самим, особенно для Вашего музея [3]. Что касается до меня, то я жажду иметь эти материалы, так как моя работа меня торопит с этим. Буду Вам крайне благодарен, если Вы мне напишете скоро и скажете, как Вы полагали бы возможным дать мне эти сведения. Не знаете ли Вы какую-либо местную литературу по этому вопросу? Издает ли что-нибудь Ваш [4] Хабаровский музей? Как Вы живете и что работаете?

В ожидании Вашего ответа желаю Вам доброго здоровья и успехов.

Москва,
25.I 1927.

Искренне преданный Вам
Вл. Богданов.

---

* Слово неразборчиво.

Приведенное письмо хранится в Ученом архиве Географического общества СССР в личном фонде В. К. Арсеньева (Оп. 3. Д. 10. Л. 7—8) и имеет на л. 7 помету рукою В. К. Арсеньева: «Отвечено дважды. Последний раз весьма подробно. 6.II.1928 г. В. Арсеньев». Эти ответы в фонде В. В. Богданова сохранились. 8 июня 1927 г. В. К. Арсеньев писал из Советской Гавани (откуда вскоре должен был начаться маршрут его последней труднейшей экспедиции, известной теперь под названием «Советская Гавань — Хабаровск»), что для подробного ответа на письмо В. В. Богданова «нужно написать целую монографию», что он охотно поделится имеющимися у него сведениями позднее, а пока что высылает две фотографии двухколесных китайских телег и указывает одну из своих работ[5], в которой напечатаны «очень хорошие рисунки арб». Вернувшись во Владивосток из экспедиции, а затем из поездки в Японию, В. К. Арсеньев посылает В. В. Богданову письмо от 1 февраля 1928 г. с подробными ответами на все 7 пунктов и собственноручными рисунками. Кроме того, он сообщает некоторые библиографические сведения по этому вопросу и адрес востоковеда П. В. Шкуркина, а также высылает еще две фотографии. В дальнейшем В. К. Арсеньев не раз дополнял свои ответы. Так, в письме от 8 ноября 1929 г. сообщалось: «... я распорядился сделать ряд фотографических снимков — деталей китайской упряжи. Как только они будут готовы, я тотчас же вышлю Вам как самые снимки, так и негативы. На снимках — путем особых знаков — я отметил отдельные части китайской упряжи с указанием их названий на китайском языке». Всего в фонде В. В. Богданова сохранилось 10 фотографий на эту тему, полученных от В. К. Арсеньева, на 5 из которых имеются собственноручные поясняющие надписи автора «Дерсу Узала».

Здесь приведен один лишь эпизод из истории собирания В. В. Богдановым материалов по сухопутному транспорту, запечатлевший научную добросовестность и скрупулезность обоих исследователей. Судя по имеющимся в фонде материалам, подобных эпизодов было немало.

К 1928 г. В. В. Богданов систематизировал свои материалы, что позволило ему составить схему мировых культурно-исторических очагов колесно-упряжного транспорта и сопоставить ее со схемой академика Н. И. Вавилова мировых очагов культурных растений и домашних животных, изложенной автором в докладе 15 мая 1934 г. в Московском обществе испытателей природы. Как указывает сам В. В. Богданов, расхождений между этими схемами не обнаружилось.

Следует отметить, что Богданову не удалось полностью завершить обобщение собранных материалов, хотя он написал на их основе большое количество работ, главной из которых является монография (также незавершенная) «Колесно-упряжной транспорт в истории культурного сближения народов Европы, Азии и Северной Африки». В материалах фонда сохранилось оглавление монографии с указанием автора на то, что главы I—IV, X написаны, а главы V—IX, XI—XIII подготовлены. Трудно сказать, какой смысл в данном случае он вкладывал в слова «написаны» и «подготовлены». Укажем только, что в фонде сохранились лишь главы I—V, X—XII, причем последняя из них представляет собой набросок на 2 листках с приложением материалов.

Автор неоднократно пытался опубликовать свою работу о сухопутном транспорте целиком или по частям, придавая ей тот или иной вид, меняя название, структуру, перерабатывая текст применительно к требованиям редакторов и рецензентов, но единственной публикацией по этой проблеме являются тезисы его доклада на Втором этнологическом совещании при Музее Центрально-Промышленной области на тему «Сухопутные средства Волго-Окского района как пережитки старины» («Культура и быт населения Центрально-Промышленной области». М., 1929). Между тем упомянутая монография, а также другие статьи и очерки по сухопутному транспорту, написанные В. В. Богдановым в 1920—1940-х годах, являются поистине уникальными: этнографическая наука до настоящего времени не располагает монографическими исследованиями по дан-

ной проблеме [6]. Поэтому публикация пусть даже незавершенной монографии В. В. Богданова или хотя бы использование ее как материала, несомненно, обогатили бы науку.

Представление о характере этого труда дают названия всех его 13 глав: I. Мировое значение колесно-упряжного транспорта. Принципы и методы изучения; II. Упряжь, ее системы и эффективность в мировом колесно-упряжном транспорте; III. Колесные повозки, их основные типы и технические особенности; IV. Восточноевропейские и азиатские колесные повозки в кочевом быту; V. Колесные повозки в земледельческом быту; VI. Колесные повозки в торговом сухопутном транспорте; VII. Колесные повозки в почтово-пассажирских сообщениях; VIII. Колесные повозки в военном деле; IX. Культовая колесница, ее технические, бытовые и культурно-исторические особенности; X. Восточноевропейская четырехколесная «телега» в свете гото-славянских культурных взаимоотношений; XI. Восточноевропейская двуколка в свете славяно-финских культурных взаимосвязей; XII. Упряжные животные в колесно-упряжном транспорте. XIII. Перспективы регионального изучения колесно-упряжного транспорта в Европе, Азии и Северной Африке.

Сохранилось большое количество иллюстраций, в том числе рисунков автора, а также подготовительных материалов (наброски, выписки, библиография) к этой монографии.

Помимо изучения сухопутного транспорта, у В. В. Богданова прослеживается по крайней мере еще два важнейших направления научных исследований: этнография славян и музееведение. Сохранился ряд его работ (также неопубликованных) и материалов о культуре, быте, взаимосвязи и взаимовлиянии восточных, западных, южных славян и соседних с ними народов. По музееведению в фонде имеется значительное число статей, очерков, программ, инструкций, дневниковых и других записей В. В. Богданова. Как географ В. В. Богданов представлен в фонде очень слабо: всего несколько работ, главным образом тексты лекций.

Среди уже упоминавшихся 122 папок есть 7 папок с материалами, отложившимися в Восточнославянском секторе Института этнографии АН СССР и присоединенными потом к фонду; на них имеется шифр, остальные 115 папок шифра не имеют, так как фонд не обработан. Для выяснения состава и содержания фонда В. В. Богданова авторами этих строк был предпринят в 1979 г. подробный просмотр всех его материалов, причем некоторую часть россыпи пришлось разобрать. В результате была составлена предварительная опись с указанием временных номеров папок и появилась возможность для написания данного обозрения.

Самую крупную по объему часть фонда составляют *научные труды* В. В. Богданова и материалы к ним.

По отдельным вопросам этнографии — «Какие народы живут в СССР»; «Религия на разных стадиях ее развития»; «К изучению орнамента в этнографии»; «Проспект этнокультурных территориальных комплексов и четырех тем на картах Этнографического атласа зарубежной Европы» (1948); «Духовая печь и камин в истории народов Европы и Юго-Западной Азии» (1947); «Колесно-упряжной транспорт в истории культурного сближения народов Европы, Азии и Северной Африки»; «Двухколесная телега: Очерк из истории взаимоотношений восточноазиатской и средиземноморской культуры» — исследование из 4-х глав и дополнительные очерки к нему: «Езда, ездовые животные, средства передвижения, дороги и купеческие грузы в Средней и Восточной Азии в конце 13-го столетия по наблюдениям Марко Поло» и «Многоконная монголо-маньчжурская и китайская упряжка»; «Двухколесная телега в Восточной Европе и ее культурно-исторические связи: Очерки из истории материальной культуры»; «Восточноазиатский и средиземноморский мир в истории колесного упряжного транспорта на территории Азии, Европы и Северной Африки» — очерк 1-й из неосуществленной книги «Очерки по истории техники сухопутного транспорта Азии, Европы и Северной Африки»; «От лямки к оглоблям и дышлу. Ос-

новные тяговые связи между упряжным животным и повозкой» — очерк 2-й из той же неосуществленной книги; «Подковы транспортных животных в Восточной и Западной Иберии и в некоторых странах Азии»; «Колесно-упряжная езда в разных бытовых формах у восточноазиатских, восточноевропейских и средиземноморских народов» — очерк 2-й из неосуществленной работы «Очерки по истории древнего сухопутного транспорта»; «Езда на колесах (Двухколесная и четырехколесная телега в истории культуры восточноазиатского и средиземноморского мира)»; «Четырехколесная средиземноморская культовая колесница»; «Пути сообщения и транспорт в народном быту восточных славян: Проспект»; «Украинский „воз" и русская „телега". Восточноевропейская четырехколесная повозка черноморско-дунайского и восточнобалтийского распространения»; «Изучение конной великорусской упряжи в этнологическом отношении»; «Изображение четырехколесной телеги у монголов и ее отношение к средиземноморской культуре»; «Телега, упряжка и упряжные животные в Китае»; «Средства передвижения в Монголии»; «Воловье ярмо в истории культуры и его изучение»; «Езда на колесах у народов Европы, Азии и Северной Африки»; «Неустойчивость на ходу античной четырехколесной телеги у римлян» и другие материалы по транспорту.

По общей этнографии славян и славяноведению — «О происхождении, расселении и названиях славянских племен и народов» [1940-е годы]; «Некоторые польские гипотезы о происхождении славян и о лужицкой культуре»; «Название „славяне" и „словене": происхождение и значение этих названий в истории культуры славянских народов» (1943); «Очерки по истории культуры славянских народов»; «Славянская общность в истории их материальной культуры с древнейших времен» (1944); «Славяно-эллинские этнокультурные параллели в Понтийском мире» (1944); «Славянская азбука на ее исторических этапах» (1948); «Ярмарка в истории культуры славянских народов» (1946); «Краткая руководящая библиография по этнографии зарубежных славян» (1946); «Культурное влияние славян на неславянские народы Прибалтики, Русского Севера и прилегающих районов».

По этнографии западных и южных славян — «Болгары в истории южновеликорусской культуры» (1947); «Название „болгары": К вопросу о происхождении кубанских болгар» [1940-е годы]; «Название „болгары" — русское» [1940-е годы]; «Сто лет борьбы за национальное освобождение болгарского народа» (1944); «Кашубы и их быт» [1940-е годы]; «Кашубы: Этнографический очерк» (для сборника «Народы Восточной Европы») [1940-е годы]; «Поляки: Этнографический очерк» (для того же сборника).

По этнографии восточных славян — «Восточные славяне и их протославянские сородичи» [наброски, 1940-е годы]; «Восточные славяне. Днепровские пороги в доистории русского народа» (1946); «Восточные славяне: материальная культура» [1930—1940-е годы]; «Сельское хозяйство восточных славян» (1949); «Пути сообщения и транспорт в народном быту восточных славян»; «Народная торговля восточных славян»; «Пища и напитки восточных славян» [не позднее 1930]; «Русские, малороссы, белорусы» [не ранее 1921]; «К вопросу об истории свадебных обрядов у восточных славян»; «Великорусы, украинцы и белорусы в древнейших основах восточнославянской культуры».

По этнографии и фольклору русского народа — «Этнологическое изучение великорусов» (фрагмент); «История великорусского племени и его изучение»; «Задачи этнологического изучения великорусского племени» [1940-е годы]; «Жизнь русского народа на его историческом пути»; «Гипотеза о народном герое Рус'е и о народе рус'ах»; «„Русские" применительно к коллекциям Румянцевского музея», «Древнерусский хозяйственный год с марта»; «Авдотки (этнологическая заметка)» [не позднее 1917]; «Непечатный календарь»; «Деревянное жилище в современной русской деревне»; «Русский народный эпос» [не ранее 1940]; «Смаленскии кристиани. Сказы и песни. 1891».

По этнографии отдельных народов СССР — «Монголы, тунгусы, палеоазиаты» [не ранее 1921]: «Бесермяне» (наброски, 1939); «Татары волжские» (наброски и материалы, 1939); «Башкиры» (очерк для сборника «Народы Восточной Европы») (1947); «Поволжские татары» [не ранее 1946] — очерк для того же сборника.

По этнографии народов зарубежных стран — «Материальная культура Восточной Германии»; «Задачи и перспективы этнографического изучения финнов-суоми»; «Откуда и когда суоми-финны пришли на гранитное плато Финляндии»; «Народы Дальнего Востока (китайцы, корейцы, японцы)».

По исторической этнографии и истории этнографии — «Восточная Европа накануне истории: (Очерк из быта племен и народов, оставивших топонимические, этнокультурные раннеисторические следы на территории Восточной Европы)» (1942); «Неоконченные работы и заметки по теме «Восточная Европа накануне истории» (1942); «Краткие заметки об этнологическом изучении России за 1917—1923 годы»; «Очередной вопрос советской этнографии»; «Задачи и перспективы этнографического изучения финнов-суоми» (1940).

По языкознанию и диалектологии — «Унитарный международный алфавит на основе латинской азбуки» [1930—1940-е годы]; «Транспортные традиции в западнославянских и югославянских языках»; «Скандинавизмы»; «Источники, в которых следует искать термины из романских и германских языков для генезиса русского термина „бусы и бисер“»; «Русский язык» [1940-е]; «Географические названия в русском языке» (1944); «Некоторые мысли о географических названиях в русском языке»; «Обозрение скандинаво-славянских географических названий. Бассейн озер Чудского, Ильменя и Ладожского» (фрагмент); «Образцы говора крестьян Смоленской губернии Бельского уезда».

По исторической географии и по истории географических открытий и путешествий — «Историческая география в ее основных задачах для территории СССР»; «Историческая география Крымского полуострова»; «Русские географические открытия после Баренца до Петра Великого»; «Петр I и его руководящая роль в развитии географических знаний»; «Русские путешествия по Сибири и Средней Азии XVI—XX вв.»; «Последняя экспедиция Альфреда Вегенера в Гренландию 1930—1931 гг.» и другие материалы из курса лекций по истории географических открытий; «Страна шелка, ее древняя китайская и греко-римская картография по новейшим комментариям» [1940-е годы].

По музееведению и краеведению — «Тип областного музея: Основные положения»; «Систематический музей как тип областного музея»; «Организация областных музеев по этнографии»; «Типовое положение о центральных музеях Наркомпроса: Проект»; «Проект организации Российского этнографического музея в Москве»; «Научная работа по музейной этнографии в краеведческих музеях: Проспект»; «Дневник и записи этнолога-собирателя»; «Спутник этнолога-собирателя»; «Общие руководящие замечания для этнографа-собирателя» (1921); «Общие руководящие указания для собирания этнографических предметов и записей»; «Музееведение и музейная техника. Пособие для краеведческих музеев»; «Музейная этнология» [не ранее 1920]; «История культуры в науке и в музее»; «Смоленский народословесный сборник: Объяснительный очерк собирателя» [не ранее 1934]; «О публикации сводных научных каталогов музейных собраний СССР» (1947); «Программа для полевой этнографической работы на Украине»; «Этнологическое собирание игрушек, как памятников народной материальной культуры»; «Сухопутные средства передвижения в истории материальной культуры: Музейно-этнологические задачи и вопросы»; «Краткая программа по изучению народного транспорта» (программа для сбора материалов); «От наблюдения и анализа к синтезу в музейно-областном деле» (1918); «Взаимоотношения краевых научных обществ и музеев»; «Записка о реконструкции этнографических музеев в Москве и Ленинграде»; «Основы краеведения» (1924); «Жела-

тельные типы краеведных обществ и учреждений»; «Общие принципы краеведения в школе».

По истории науки — «История МГУ за 20 лет Советской власти: 1917—1937» (проспект); «Из истории и практики Московского областного музея за первое десятилетие его существования» (готовая к печати рукопись); «Русско-Турецкий научный институт в Константинополе: Проект положения»; «Краткий исторический очерк Московского этнографического музея»; «Биография Д. Н. Анучина и воспоминания из последних лет его жизни»; «Знаменитый русский ученый Дмитрий Николаевич Анучин: К 15-летию со дня смерти»; «Д. Н. Анучин (1843—1923)»; «Главные устроители Антропологической выставки А. П. Богданов и Д. Н. Анучин и их влияние на развитие этнографии в России»; «Александр Николаевич Афанасьев как автор „Поэтических воззрений славян на природу“: (К 50-летию со дня смерти. 23.IX 1871 — 6.X 1921)»; «Биография А. А. Борзова. 29.VII 1874 — 6.III 1939 г.»; «Петр Козьмич Козлов (1863—1935). Некролог»; «Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848—1948): Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки» [1949]; «Миклухо-Маклай» (очерк, 1943); «Несколько слов о Миклухо-Маклае как этнографе-исследователе»; «Николай Михайлович Пржевальский»; «М. К. Сидоров»; «Сырку Полихроний Агапиевич» (некролог); «Проф. И. В. Фигуровский» (некролог); «Н. А. Янчук» (некролог); «Скорбный лист этнографической науки за 1917—1923 гг.».

Научно-популярные и общественно-политические статьи, очерки, заметки — «Нужно идти к познанию России» [до 1917]; «Великий Северный путь в государственной перспективе царской России и Советского Союза»; «Проблема полярной лошади на Советском Севере»; «Строительство на Севере»; «Великий Северный путь»; «Засуха и осеверение народного хозяйства СССР»; «Ближайшие задачи оленеводства СССР в деле наших пищевых ресурсов»; «Азия» (очерк); «К вопросу о реконструкции советских среднеазиатских городов»; «Злонамеренные выдумки о расах»; «Слава советским воинам»; «Первая женщина-воин в русской армии» (очерк о Н. А. Дуровой); «Обновленный Смоленск» [не ранее 1944]; «Из истории переписи населения».

Рецензии и отзывы — всего их в фонде хранится более 30, из них важнейшие: «Общие замечания на работу В. Н. Белицер «Национальный костюм удмуртов» (27 января 1944); «Отзыв на статью С. Б. Бернштейна „Славянские языки“» (12 октября 1946); «Критические заметки и дополнения к статье Н. Н. Воронина „Средства и пути сообщения“» для сб. «История культуры Древней Руси» (1949); «Критический взгляд на очерк Д. К. Зеленина „Женские головные уборы восточных (русских) славян“» (10 апреля 1949); «Отзыв на пять глав, написанных Е. Р. Лепер к очерку „Народные знания восточных славян“» (10 октября 1948); «Отзыв о диссертации Г. С. Масловой „Народный орнамент карел Калининской области“»; «Отзыв о словарном труде Н. Ф. Николаева» (2 декабря 1946); «Отзыв на журнал „Советская этнография“. 1. 1946 г. Изд. АН СССР. Москва; Ленинград» (17 сентября 1946); «Отзыв на очерк С. А. Токарева „История славянской этнографии“» [1940-е годы]; «Замечания на статью М. Д. Торэн „Украинцы“» (16 октября 1946); отзывы о научной деятельности Н. И. Лебедевой, Б. М. и Ю. М. Соколовых; отзывы о работах болгарских и югославских авторов: М. С. Влаховича, М. Дробняковича, Г. И. Казарова, бр. Миладиновых, К. Патча, В. Стоина и др. (1948); рецензии на справочник «Балканские страны» (М., 1946) и на сборник «Славянска археология и етнография в Советския Съюз» (София, 1947).

Библиография, выписки из литературы и другие материалы к научным трудам — библиография по этнографии зарубежных славян (на 278 карточках); библиография о народах России и зарубежных стран (на карточках в 125 конвертах); «Китай: Библиография»; библиография по темам: «Орнамент», «Музеи», «О Дальнем Востоке и Сибири», «На-

родности России», «Языкознание», «Историческая география России» (на карточках); выписки из литературы по темам: «Бирка», «Погребение животных»; материалы (заметки, справки, выписки) по национальному мужскому костюму эстов, латвийцев, литовцев, карело-финнов, русских и белорусов; материалы (тексты песен) для составления описи фонограмм (переданы Е. В. Гиппиусом); «Перепись фонограммархива А. И. Третьяковой»; «Чехословакия» (список чешских научных обществ и ученых); «Югославия» (сведения об университете в Белграде и о его профессорах, список членов Сербской Королевской Академии и ее изданий) и другие подготовительные материалы.

Научно-организационная деятельность В. В. Богданова освещается многочисленными материалами о его работе в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, среди которых имеются: «Инструкция Комиссии по народной словесности при Этнографическом отделе ОЛЕАЭ» (1911); «Вступительная речь при открытии Комиссии доисторической антропологии» В. В. Богданова [до 1917]; программы заседаний Общества и его отделов (1909, 1914—1916); протоколы заседаний Общества (1915, 1920—1923), его Совета (1919—1922) и его отделов (1921—1922); списки членов Общества (до 1917, 1921), его Президиума и Совета (1929); смета Общества на 1922 г.; отчет о деятельности Общества за 1921/22 акад. год; отчеты о деятельности отделов и комиссий Общества (1911—1912, 1917—1920); проект организации Культурно-исторического отдела Сухумской научной станции, составленный В. В. Богдановым [до 1918]; обращение (копия) ОЛЕАЭ к полномочному представителю правительства РСФСР при всех заграничных организациях помощи голодающим с просьбой оказать содействие научным работам местных научных обществ в целях сохранения памятников культуры и быта народов Поволжья, Прикамья и Приуралья (1922); письмо О. А. Федченко к президенту Общества Д. Н. Анучину (1920).

Работа В. В. Богданова в редакции журнала «Этнографическое обозрение» (при ОЛЕАЭ) отражена в следующих материалах: статья «Система указателей к «Этнографическому обозрению» за 30 лет по 1918 год»; статьи разных авторов с сопроводительными письмами на имя В. В. Богданова с просьбой о напечатании; среди авторов — В. И. Анучин, Л. Г. Безрукий, А. М. Бяков, В. Н. Васильев, Н. А. Виташевский, В. Н. Десницкая, В. Добровольский, В. А. Гордлевский, Ф. Егоров, Е. Н. Елеонская, Д. К. Зеленин, В. Зензинов, И. В. Костоловский, Н. И. Лебедева, Л. А. Либерман, А. Н. Максимов, Н. П. Мацокин, М. В. Мратова, В. Ф. Невзоров, Н. Г. Работнов, П. А. Россиев, П. Рыжков, Н. С. Трубецкой, А. П. Устюжанин, И. А. Чеканинский, А. Шемшединов, Я. Шестаков, П. Щапов-Косинский, А. Янковская-Байдина и многие другие; содержание (оглавление) 1-й и 2-й невышедших книг «Этнографического обозрения» за 1923 г.

Сохранились материалы (программа, список авторов и сотрудников, список статей) по организации журнала «Земля и люди» при ОЛЕАЭ (1929—1930).

О деятельности ученого в Румянцевском музее сохранились отрывочные сведения в ряде документов: «Собрание китайских рукописей, составленное К. А. Скачковым и пожертвованное в музей купцом А. А. Родионовым в 1873 г.»; «Основные положения реорганизации Государственного Румянцевского музея» (1921), «Временное положение о Российском Румянцевском музее» (1921); «Задачи и план работ Отдела этнографии Государственного Румянцевского музея по участию во Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1923 г.»; «Проект расширения и организации Отделения иностранной этнографии Государственного Румянцевского музея», «Инструкция для составления инвентарного каталога Этнографического отдела московского Румянцевского музея».

Небольшая группа материалов характеризует работу В. В. Богданова в Центральном музее народоведения (быв. Этнографический отдел Румянцевского музея); среди них: «Положение о Центральном музее на-

родоведения» (1921); докладная записка В. В. Богданова «Музей народоведения в Москве» (1923); «Общий план развития научной работы в Центральном музее народоведения и главные основания экспозиций коллекций в Музее» (тезисы доклада В. В. Богданова, 1924); комплекс документов, связанных с уходом В. В. Богданова из музея (1929).

О деятельности В. В. Богданова в Московском обществе испытателей природы (МОИП) в фонде отложились «Проект организации Всероссийского общества испытателей природы», материалы по возобновлению издания журнала «Землеведение» при МОИП'е (1941), адресная книжка членов секции географии, составленная В. В. Богдановым.

Отрывочные сведения о деятельности ученого в Российской академии истории материальной культуры (РАИМК, позднее — ГАИМК) содержатся в следующих материалах: отчеты о деятельности разряда этнологии РАИМК, составленные заведующим разряда В. В. Богдановым (1919, 1922, 1924, 1925); протоколы заседаний этнологической комиссии Московской секции РАИМК (1924—1925); смета расходов Московской секции (1921).

Ряд материалов относится к работе В. В. Богданова в Московском областном музее (позднее Музей Центрально-Промышленной области — ЦПО), среди них — «Краткая записка об областном музее Московского края (Центрально-Промышленной области)», составленная В. В. Богдановым; его же работы — «Культурно-исторические границы Московского края» и «К вопросу об изучении человека Центральной Промышленной области»; смета Музея на 1923/24 год; протоколы заседания Ученого Совета Музея (1920, 1921, 1925); материалы по изданию журнала «Московский край»; материалы об участии Музея на Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1923 г.; перечень докладов, сделанных В. В. Богдановым на заседаниях Музея ЦПО с 1.X 1924 по 19.I 1927 г.

Работа в Центральном Бюро краеведения при Российской Академии наук частично отразилась в сохранившемся списке докладов В. В. Богданова, прочитанных им на заседаниях ЦБК в 1922—1923 гг. (всего указано 10 докладов).

Работа В. В. Богданова в Институте этнографии АН СССР отражена в группе документов, состоящей главным образом из его план-карт и отчетов (черновики), отзывов о работах (коллективных и индивидуальных) сотрудников института и рабочего дневника (1943), а также планов диссертаций некоторых аспирантов.

Кроме того, в фонде хранятся материалы по деятельности В. В. Богданова в Научно-исследовательском институте краеведческой и музейной работы, в Научно-исследовательском институте Большого Советского атласа мира, в Транскрипционной комиссии, в Группе по освоению Севера при Госплане СССР, в Центральном научно-экспериментальном институте НКПС, в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете, в редакции журнала «На борьбу с засухой», а также по участию в подготовке и проведении Всесоюзной конференции охотничьего хозяйства, звероводства и оленеводства (1931), I съезда деятелей охраны природы (1920-е годы); сохранилась небольшая часть переписки, характеризующая связи В. В. Богданова с научными учреждениями Болгарии, Германии, Польши, США, Франции и Чехословакии.

Значительную группу материалов (1919—1940) составляют лекции по этнографии, по истории географических открытий и путешествий, по музееведению и краеведению, а также тезисы и фрагменты отдельных лекций с материалами к ним, отчеты о занятиях, планы семинаров и другие материалы по педагогической деятельности В. В. Богданова в Московском государственном университете, в Московском областном педагогическом институте, на Музейно-экскурсионных курсах (бывший университет А. Л. Шанявского), на Краткосрочных курсах по переподготовке музейных работников Отдела музеев Главнауки, в Музее Дмитровского края, в Кружке этнографов при Этнографическом отделе Румянцевского музея.

Биографические материалы представлены в фонде такими документами, как «Автобиография» (2 варианта); списки научных трудов (5 списков за [1925] — 1947); служебные характеристики (1943); отзывы учеников и сотрудников о научной деятельности В. В. Богданова; справки с мест работы; удостоверения о членстве в научных обществах; свидетельство (копия) о смерти (1949); автобиографические рукописи: «Моя пешеходная экскурсия по Духовщинскому и Бельскому уездам Смоленской губернии летом 1891 г.» [1940-е годы], «Из наблюдений и заметок в Бельском и Духовщинском уездах Смоленской губ. (в экскурсию 1891 г. 8 июня — 26 августа)», «Маршруты В. В. Богданова 1890 г.» и «Научная и общественно-политическая идеология В. В. Богданова в его научных работах в досоветское время: (Материалы)».

К биографическим материалам относятся также литературные опыты В. В. Богданова и его работы мемуарного характера: «Тысяча девятьсот пятый год...» (рукописный сборник стихов, 1905); «В небольшой стране в недалеком будущем: Драматический очерк в 4-х действиях» (1932); «Рассказы старой деревни» (21 рассказ, 1938) — записи В. В. Богданова 1891 г. рассказов крестьян Смоленской губернии об их жизни; «По дороге воспоминаний» (1940-е годы); «Страницы воспоминаний» [7], «Этнография в истории моей жизни» (в фонде имеются только оглавление и введение к этой фундаментальной, готовой к печати работе, хранящейся в четырех томах в издательских делах архива Института этнографии АН СССР); «Из воспоминаний о народной поэтессе Ирине Андреевне Федосовой»; краткие воспоминания в виде дневниковых записей.

В фонде хранится обширная переписка, отражающая научные, служебные и дружеские связи В. В. Богданова. Писем самого В. В. Богданова сохранилось очень мало — в виде черновиков, набросков, отпусков — к следующим адресатам: академику В. М. Алексееву (2 письма, 1935), С. Н. Быковскому (1 *п., 1928), профессору Я. Бистропу (1928), С. Г. Григорьеву (б. д.), Д. П. Звереву (1938), чл.-кор. АН СССР Д. К. Зеленину (2 п., 1934), профессору Лефевру де Ноэтту (1928), профессору Н. Г. Малицкому (1938), академику В. А. Обручеву (б. д.), академику С. Ф. Ольденбургу (б. д.), академику А. П. Павлову (б. д.) чл.-кор. АН СССР Д. Н. Ушакову (б. д.), А. Фишеру (1928); Смоленскому областному музею (2 п., 1934, 1939), Собранию уполномоченных Дмитровского Союза кооператоров (б. д.).

Писем к В. В. Богданову сохранилось довольно много, среди его корреспондентов — А. В. Адрианов (открытка, 1909), академик В. М. Алексеев (1935), почетный член АН Д. Н. Анучин (9 п., 1910—1920), профессор Ф. Ф. Аристов (1930), В. К. Арсеньев (9 п., 1913—1929), П. Бакланов (б. д.), П. Н. Батин (1925), академик Л. С. Берг (1915), Н. Богданова (1928), профессор И. С. Богословский (б. д.), В. Д. Бонч-Бруевич (2 п., 1932), Д. Варнотт (Warnotte D.) (1913), А. Васильев (2 п., 1920, 1921), В. Н. Васильев (1910), П. Васильев (1930), П. В. Виттенбург (2 п., 1928), Б. Н. Вишневский (2 п., 1935, 1937), Т. Н. Гамильтон (1927), С. С. Геммельман (1921), К. А. Говоров (б. д.), академик В. А. Гордлевский (1908), академик Ю. В. Готье (б. д.), А. Д. Григорьев (1899), С. П. Григорьев (2 п., 1922, 1924), Л. М. Гуляев (б. д.), Б. Н. Дитмар (3 п., 1940), В. В. Дмитриев (1924), С. О. Долгов (1909), профессор И. Е. Евсеев (1921), Е. Н. Елеонская (1909), В. С. Елпатьевский (б. д.), П. П. Ефименко (1939), академик С. А. Жебелев (3 п., 1927, 1928), М. П. Званцев (1928), чл.-кор. АН СССР Д. К. Зеленин (38 п., 1907—1938), Д. А. Золотарев (1927), М. Зубощекин (1941), А. А. Ивановский (открытка, 1910), В. И. Иохельсон (1919), А. Каппист (2 п., 1913), Коблов (1938), И. В. Костоловский (открытка, 1910),

* Далее везде, где имеется только одно письмо, эта цифра не проставляется. Письмо — усл. «п».

В. Клейн (1926), П. К. Козлов (2 п., 1914, 1926), В. А. Кормазов (1929), В. Кравченко (1930), И. Е. Лахерма (2 п., 1916), Лефевр де Ноэтт (1928), В. Лингман (Lingman), (1929), И. Маннинен (11 п., 1 откр., 1926—1930), А. Мансуров (2 п., 1925, 1926), А. А. Миллер (2 п., 1921, 1923), академик В. Ф. Миллер (3 п., 1912), В. П. Налимов (б. д.), В. Ф. Невзоров (1915), А. Некрасов (1919), Л. Нидерле (1912), Н. Е. Олейников (1915), академик С. Ф. Ольденбург (2 п., 1915, 1927), И. Я. Орлов (1909), Д. М. Павлов (2 п., 1928), Пашковский (1927), чл.-кор. АН СССР Э. К. Пекарский (1928), профессор Б. Э. Петри (3 п., 1915, 1922, 1924), Б. О. Пилсудский (2 п., 1914), В. А. де Плансон (1915), Пригоровский (телеграмма, б. д.), Е. С. Радченко (2 п., 1927), профессор Г. Рянк (1940), Н. А. Санин (открытка, 1909), С. Седых (1916), А. А. Семенов (4 п., 1908, 1927, 1928), Н. Синельников (1926), У. Д. Сирелиус (б. д.), Н. Спрыгина (1927), В. И. Смирнов (1927), академик В. В. Струве (1938), А. М. Тальгрен (1927), Г. Тиленнус (1924), Б. И. Топоровский (2 п., 1933, 1940), В. Л. Турбина (1911), П. С. Уварова (1914), Р. Ушаков (1924), Б. Фармаковский (1921), М. Р. Фасмер (письмо и открытка, 1928), А. Ф. Филиппов (б. д.), А. Фишер (3 п., 1913, 1928), У. Фишман (Wichmann) (1927), профессор Г. А. Халатянц (1910), Н. А. Цытович (1931), Е. Цобель (1924), академик А. А. Шахматов (3 п., 1913), М. Шереметева (2 п., 1927), Я. Шестаков (2 п., открытка, 1908, 1909), А. Шидловский (1927), Л. Шифрин (1932), чл.-кор. АН СССР Ю. М. Шокальский (1929), чл.-кор. АН СССР Л. Я. Штернберг (1909), Ю. Д. Энгель (б. д.), Ж. Эрбст (1927), Р. Якобсон (1928) и др.

К переписке можно условно отнести и сохранившиеся визитные карточки дореволюционного периода: К. К. Алелековой, П. В. Гидулянова, А. А. Голомбиевского, В. А. Гордлевского, М. В. Довнар-Запольского, Т. Ф. Ивановской, А. А. Ивановского, А. В. Маркова, К. Н. Романовича, И. Г. Чекана, А. Д. Элькинда.

Иллюстративные материалы (негативы, фотографии, рисунки), а также картографические материалы занимают две папки и один ящик с негативами (стекло). О состоянии и содержании негативов сказать ничего нельзя из-за отсутствия контрольных отпечатков с них.

Все фотографии относятся к дореволюционному периоду, многие из них снабжены пояснительными надписями, но дата съемки указана далеко не во всех надписях. Некоторые фотографии ныне имеют, по-видимому, уникальный характер. Часть фотографий с видами русских городов заключена в конверты с надписью «Коллекция В. В. Богданова».

Из иллюстративных материалов этнографического содержания имеются, кроме фотографий, рисунки (карандаш, тушь, масло) и типографские отпечатки рисунков. Среди них: к работе В. В. Богданова о сухопутном транспорте (десятки фотоснимков с натуры, из книг, журналов, с музейных экспонатов; рисунки и перерисовки из печатных изданий, типографские оттиски с рисунков); к другой его же работе «Духовая печь и камин у народов Европы и Юго-Западной Азии» дублеты рисунков под № 1—29; 5 фотоснимков со штемпелем «Илья Алексеевич Коротков» и с надписями: «Тунгусы у юрты в Забайкалье 1908 г.», «Тунгус-охотник 1909 г.», «Акатуй. Ссыльный политический в тюрьме. Широколобов», «Акатуй. Тюрьма ссыльных политических», «Мол[одежь] в ст[анице] Боровчик. Забайкалье»; 3 фотоснимка с надписью «Самоеды Дальнего Севера» на каждом; фотоснимок крестьянки Архангельской губ.; рисунок (22×15 см, масло) с надписью «Телеуты на Телецком озере. Алтай».

8 фотоснимков из экспедиции В. А. Варсанофьевой по Северному Уралу; 5 фотоснимков с видами Забайкальской железной дороги (1903); десятки фотоснимков с видами городов: Архангельска, Барнаула и его окрестностей, Батуми, Валдая Новгородской губ., Владимира, Коканда, Новгорода, Новочеркасска, Одессы, Симеиза, Тамбова, Череповца, Читы и др.; Новгородской губ.; 17 фотоснимков с видами Соловецкого монастыря.

7 Заказ № 891

Географические карты (однолистные) — карта России под названием «Этнографическая карта славянства». Составлена по новейшим данным проф. Т. Д. Флоринским. Исполнена по проекции проф. Д. И. Менделеева техником В. Л. Войцеховским. М: 190,5 верст в 1 англ. дюйме. Киев, 1906 г.; карта Пермской епархии. Изд. священника И. Шестакова. Масштаб не указан. М., 1906 г. Красным карандашом отмечено место на карте — родина Пилы и Сысойки; «Карта Азиатской России и Туркестанского края» (приложение к изданию «Москва—Сибирь»). М: 250 верст в одном англ. дюйме. Б. м., б. г.; «Большой Советский атлас мира. Важнейшие географические экспедиции и открытия. 1200—1918 гг.» М: 1500 км в 1 см. Б. м., б. г.; «Карта Китая, Японии и прилегающих областей СССР». Составлена в картографическом отделе Управления военных топографов РККА в феврале 1932 г. М: 100 км в 1 см. Б. м., б. г.; «Большой Советский атлас мира. Развитие географических представлений о земле». Масштаб не указан. Б. м., б. г. В правом верхнем углу помета: «3-я красочн[ая] проба. 26.V 1937 г.»

Из трудов и материалов других лиц в фонде сохранились: И. И. Авдеев. «Песни медвежьего праздника у вогулов (доклад на группе фольклора доклассового общества ИАЭ Академии наук»; [Альбов]. «Заметка об этнографических исследованиях на украинско-белорусском пограничье»: В. Г. Богораз-Тан. «Стационарный метод в полевой этнографии» (тезисы доклада); Г. Верещагин. «Религиозный быт и верования вотяков Прикамского края Сарапульского уезда Вятской губернии»; В. А. Гордлевский. «К. Смирнов. Персы. Тифлис, 1916» (рецензия); Он же. «Из деятельности Шведского литературного общества» (заметка); П. П. Ефименко. «Curriculum vitae»; П. И. Кудленок. «Объем и содержание понятия „географический ландшафт“»; С. К. Кузнецов. Материалы о быте местного населения Пермско-Вятского края; Н. И. Лебедева. «Народный костюм и народное жилище Рязанской губ. (по наблюдениям 1923—1924 г.)» (резюме на рус. и франц. яз.); А. Н. Максимов. «Скотоводство малокультурных народов»; Б. О. Пилсудский. «Несколько преданий туземцев о. Сахалина о первых встречах с белым человеком»; В. П. Семенов-Тян-Шанский. «Географический музей Академии наук СССР»; С., П. Тарасенковы. «О хождении с конем на Русальской»; Н. А. Хардина. «Материалы к истории изучения вечной мерзлоты Академией наук СССР (период с 1726 по 1843 г.)»; И. А. Чеканинский. «Краткий отчет этнографических поездок в 1914 г. в при-Чунский край»; А. Янковская-Байдина. «Как гуляет крестьянская молодежь: По описаниям учеников Высшей крестьянской школы им. Г. Е. Степанищева», а также другие работы разных авторов, присланные (для напечатания, рецензирования) в редакцию журналов «Этнографическое обозрение», «Землеведение», в сборники и другие издания, редактированные В. В. Богдановым.

Помимо перечисленных материалов, хранящихся в личном архивном фонде В. В. Богданова, в архиве ИЭ АН СССР имеются рукописи работ и другие материалы ученого в составе издательских дел архива ИЭ, а также в составе фонда ОЛЕАЭ (ф. 22): рукописи трудов В. В. Богданова «На Севере» (1899), «Дополнения к проекту словника 2-го издания БСЭ» (1948), «Промыслы и ремесла восточных славян: Этнографический очерк» [1947], «Этнография в истории моей жизни», части 1-я и 2-я (в 4 т.; 1948 и [1949]); письма В. В. Богданову от А. Диваева (1911) и от неустановленного лица (1920).

Небольшая по объему часть фонда В. В. Богданова хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ. Ф. 1422. Оп. 1. Д. 1—9). Там имеются рукописи: «Смоленские сказы и песни: Сборник материалов, записанных фонетически в Бельском и Духовщинском уездах Смоленской губернии летом 1891 года». На русском и белорусском языках. Автограф. Оттиски с авторской пометой. 1895 г., [Д. 1]; «Сборник этнографических материалов по Смоленской губернии». Ч. II. Песни. Собраны в экспедиции 1891 г. На белорусском языке. Автограф (Б. д. Д. 2—6); Указатель к журналу «Этнографическое обозре-

ппе» за 1889—1916 гг., составленный В. В. Богдановым. Автограф. Б. д. С пометой В. Д. Бонч-Бруевича от 8 февраля 1941 г. (Д. 7—8); Географические карты Смоленской, Псковской и Витебской губерний. Печ. экз. (Б. д.). Кроме того, в ЦГАЛИ в фонде «Собрание фольклорных материалов» (Ф. 1420) в разделе «Материалы отдельных собирателей фольклора» хранится сборник В. В. Богданова «Смоленские сказы и песни» (1895).

[1] Более подробно о В. В. Богданове см.: *Липец Р. С.* К публикации главы по рукописи В. В. Богданова // ОИРЭФА. М., 1978. Вып. VIII. С. 39—42.

[2] Фонд был получен от вдовы ученого вскоре после его смерти.

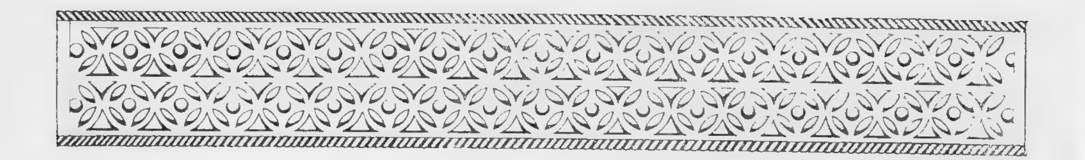
[3] В. К. Арсеньев в это время был заведующим Этнографическим отделом Краеведческого музея во Владивостоке.

[4] В. К. Арсеньев в 1910—1917, 1924—1926 гг. был директором Хабаровского краеведческого музея.

[5] Rassen und Chinesen in Ostsibirien. Berlin, 1926.

[6] Только недавно появились две статьи П. М. Кожина: *Кожин П. М.* К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М., 1985; *Он же.* Первые повозки // Вопр. истории. 1986. № 7.

[7] В последних двух работах автор выступает под псевдонимом В. В. Базальтов.



В. П. Алексеев

РАЗРАБОТКА ГЕНЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В СОВЕТСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ (1920—1950-е годы)

В статьях, содержащих обзор исследований по медицинской и антропологической генетике в Советском Союзе, исследованиям антропологов в области генетики человека уделяется обычно несколько строк, в которых чаще всего упоминаются три фамилии — В. В. Бунака, Я. Я. Рогинского и А. А. Малиновского [1]. Такое изложение резко обедняет историю генетических разработок в нашей стране. Значительное число антропологических исследований, авторы которых собирали и публиковали популяционно-генетические данные, а также разрабатывали генетические основы морфологии человека, остается неоправданно забытым.

История советской антропологии традиционно делилась на три периода. Роль организационного рубежа между первым и вторым периодами сыграл IV съезд зоологов, анатомов и гистологов в Киеве в 1930 г., на котором были прочитаны доклады о теоретических основах советской антропологии. Переход от второго к третьему периоду совпадает с окончанием Великой Отечественной войны и новой эпохой мирного строительства в нашей стране [2].

Автор публикуемой статьи сделал попытку показать, что десятилетия с конца 50-х годов могут быть выделены в качестве четвертого периода, характеризующегося активным развитием исследований в области физиологической антропологии, популяционной генетики человека и математической таксономии [3]. Помимо развертывания генетических работ вообще, специальную роль сыграла в этот период подготовка к VII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук, проведенному в августе 1964 г. в Москве. Однако обстоятельное освещение последнего периода требует специального изложения, и на последующих страницах мы ограничиваемся хронологическими рамками, намеченными в заглавии статьи. Дальнейшее изложение ведется по первым трем периодам.

1917—1930-е годы. После организации в 1919 г. кафедры антропологии, а в 1922 г.— Института антропологии в МГУ основные работы велись в этих учреждениях в области изучения морфологии человека и расового состава народов СССР. На первый взгляд об этих работах не следовало бы здесь говорить, но основной их целью было генетическое истолкование морфологических различий между отдельными человеческими популяциями и группами популяций, т. е. генетический подход к географическим и конституциональным различиям внутри человечества.

Среди работ по морфологии человека в этот период нужно особенно выделить исследования по конституциональной типологии и ее наследственной обусловленности, проведенные В. В. Бунаком и его сотрудниками [4]. В этих работах на основании результатов собственных наблюдений и литературных данных было показано селекционное значение некоторых конституциональных типов, например долихоморфного, при заболевании туберкулезом, предложена схема конституциональной типологии, учитывающая физиологические и эндогенные корреляции, продемонстрирована приблизительно одинаковая доля каждого из конститу-

ционадьных типов в разных районах и среди различных народов земного шара; исходя из этого, проведена пограничная линия между конституциональными, преимущественно морфофизиологическими, и расовыми, преимущественно географическими, вариантами в пределах современного человечества [5].

Уже в эти годы проблемы конституциональной типологии, генетической обусловленности конституциональных типов и их связи со средой решались не умозрительно, а с привлечением огромных антропометрических материалов, полученных при изучении в полевых условиях населения различных этнических, профессиональных, социальных, географических групп и разработанных под определенным углом зрения. Основная заслуга в разработке теории и методов использования антропометрических данных для выделения и характеристики наследственных типов конституции принадлежит московским антропологам, создавшим несколько высокоценных руководств [6], и если не в сборе, то во всяком случае в публикации таких данных в этот период — харьковскому профессору Л. П. Николаеву и его многочисленным ученикам [7].

Большой антропологический материал о расовых типах современных народов собирался практически по всей территории Советского Союза. Очень тщательно и подробно изучалось русское население как в основных областях своего распространения, так и в отдельных локальных районах, а также и в социально и исторически изолированных группах (экспедиции под руководством В. В. Бунака и Д. А. Золотарева). В непосредственной увязке с этими работами проводилось исследование исторически контактного с русским финноязычного населения (В. В. Бунак, П. И. Зенкевич, Д. А. Золотарев). Значительные экспедиции были проведены на Кавказе, где были охвачены антропологической съемкой как северокавказские, так и закавказские народы (Н. И. Ансеров, В. В. Бунак, В. И. Левин). М. Г. Левин собирал антропологические данные среди коренных народов Охотского побережья, В. В. Бунак — в Туве, А. И. Ярхо — среди всех этнических групп Алтае-Саянского нагорья [8].

Отличительной и очень важной с генетической точки зрения чертой всех этих исследований было большое внимание, уделенное вариациям строения мягких тканей лица, форме волос, интенсивности пигментации покровов. Общеизвестные случаи стойкости антропологического типа любой группы при переселении ее на новую территорию, даже резко отличающуюся по своим условиям от старого ареала, сохранение многих комбинаций антропологических признаков при смешении свидетельствуют о наследственной детерминации этих особенностей, несмотря на то что точные законы этой детерминации не были известны в то время, толком неизвестны и теперь. Таким образом, в ходе всех перечисленных экспедиций была накоплена точная и обширная информация о географических и этнических вариациях наследственных морфологических особенностей человеческого тела.

С этой точки зрения (установления наследственных различий в морфологии человека и выяснения с их помощью генетических взаимоотношений отдельных популяций) изучалось и древнее население СССР. Д. В. Дервиз отметил сходство черепов из московских кладбищ, датируемых серединой II тысячелетия н. э., с раннесредневековыми восточнославянскими краниологическими сериями [9]. Г. Ф. Дебец писал о сходстве одной из выделенных им в составе неолитического населения Прибайкалья комбинаций признаков с антропологическим типом эвенков [10]. Тем же целям сравнения характерных морфологических особенностей современного и древнего населения и установления с их помощью генетического родства служило и начавшееся в те годы изучение краниологии современных народов В. В. Бунаком [11] и Г. Ф. Дебецом [12]. Выяснение преемственности современных и древних антропологических типов осуществлялось и в сводных данных по антропологии древнего и современного населения территорий, лежащих за пределами Советского Союза [13].

Популяционно-генетические исследования в узком смысле слова, опирающиеся на признаки с точно выясненной моделью наследования, могли проводиться в 20-е годы только применительно к системе АВО. Интенсивное собирание данных о группах крови системы АВО в разных популяциях Советского Союза проводилось в Ленинграде Б. Н. Вишневским и в Харькове В. Я. Рубашкиным. Наряду с ними работали и другие исследователи, например Л. Б. Вагнер в Томске. За короткий срок в несколько лет были охвачены изосерологическим исследованием русские, украинцы и белорусы разных районов; тюркоязычные и финноязычные народности Поволжья; отдельные народы Кавказа — осетины и ингуши; среднеазиатские народы — узбеки, туркмены, киргизы, таджики; монголоязычные народы — калмыки и буряты. Сводку всех этих данных можно найти в книге В. Я. Рубашкина [14]. Но кроме этого, книга представляла собою очень тщательное рассмотрение теории и методов изосерологических исследований, дополненное почти во всех разделах результатами самостоятельных наблюдений. Помимо суммирования оригинальных материалов по народам СССР, в ней были опубликованы также подробные таблицы распределения частот групп крови системы АВО по всему земному шару. Еще одной обширной сводкой изосерологических данных по эйкумене была статья Л. Б. Вагнера [15].

Кроме собственно количественного приращения информации, советские исследователи внесли в эти годы заметный вклад и в теорию популяционной генетики групп крови. В этой связи нужно назвать в первую очередь две проблемы: выражение популяционной характеристики по группам крови с помощью одного показателя, расового изосерологического индекса и наследование групп крови. Оригинальные расовые индексы по группам крови были предложены Б. Н. Вишневским [16] и Г. Д. Мелких [17]. Первый из них базировался на соотношении в популяции фенотипов А и В, второй — на соотношении фенотипов О и А, с одной стороны, и В и АВ — с другой. Против индекса Б. Н. Вишневского приводилось то возражение, что в нем не учитываются вариации группы О; индекс Г. Д. Мелких вообще не привился в мировой литературе по изосерологии, очевидно, из-за малого знакомства западноевропейских и американских генетиков с русской литературой. Но следует отметить, что эти индексы, особенно последний, имеют самостоятельное значение по сравнению с широко известным индексом Л. Гиршфельда и служат прекрасными индикаторами межпопуляционных различий в частотах групп крови системы АВО.

В статье В. П. Эфроимсона, на которую выше была сделана ссылка, содержится прекрасная по своей эмоциональности и широте подхода характеристика многообразной научной и общественной деятельности Н. К. Кольцова, особенно роли его в разработке генетики способностей [18]. Однако в ней не упомянута оригинальная гипотеза Н. К. Кольцова о наследовании групп крови, предложенная им в 1922 г.[19] Он исходил из наличия трех пар аллеломорфов. С появлением общепринятой теории Бернштейна—Фуругаты гипотеза Н. К. Кольцова потеряла свое значение, но для своего времени она сыграла большую положительную роль, так как он обратил внимание на обманчивость кажущейся простоты в наследовании групп крови и показал несоответствие эмпирических и теоретически ожидаемых в соответствии с гипотезой Дунгерна—Гиршфельда данных, а она считалась в те годы вполне удовлетворительной и преобладала в изосерологической литературе.

В заключение следует сказать, что обширный обзор генетических методов также принадлежит перу антрополога В. В. Бунака, критически оценившего накопленные методические возможности — анкетный, генеалогический и популяционно-генетический методы, границы их применения и относительную ценность [20].

1930—1945-е годы. С 1932 г. стал выходить преобразованный «Антропологический журнал», до 1930 г. выходивший под названием «Русский антропологический журнал», уделивший огромное внимание разработке

и освещению теоретических основ антропологической науки. Однако для генетического анализа наибольшее значение имела, пожалуй, не эта сторона дела, а методические исследования, в результате которых был обобщен весь предшествующий опыт и была составлена тщательная и подробная классификация вариаций пигментации и строения мягких тканей лица [21]. Их наследственный характер подчеркивался успешным применением в конкретных антропологических исследованиях, возможностью использования всех этих признаков для установления сходства и морфологических различий антропологических типов. В конце этого периода типологическая характеристика таких признаков, получивших в антропологии наименование описательных и определяемых с помощью шкал, была обобщена в книге В. В. Бунака «Антропометрия» (см. выше).

Данные о наследственной географической изменчивости человеческих популяций по-прежнему собирались почти во всех уголках нашей страны. На территории Русской равнины работали Г. Ф. Дебец, П. И. Зенкевич, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров; те же исследователи и М. А. Гремяцкий собрали значительный антропологический материал среди финноязычных народов Поволжья, угорских и тюркских народов Поволжья и Западной Сибири; С. А. Шлугер изучил молдаван [22]. В. В. Бунак в 1932 г. опубликовал две работы, в которых была сделана попытка дать общую антропологическую классификацию народов Восточной Европы и разобрать генеалогические взаимоотношения между выделенными типами [23]. В последней части предложенная им схема сразу же вызвала ряд возражений, очевидно, из-за фрагментарности палеоантропологических коллекций [24]. Аналогичная попытка общей антропологической классификации народов Сибири была произведена Г. Ф. Дебецом [25], позже работавшим среди селькупов [26]. Кроме него, на территории Сибири работали А. М. Золотарев, М. Г. Левин, Я. Я. Рогинский и С. А. Шлугер [27].

Не отставало в эти годы и антропологическое изучение народов Средней Азии и Кавказа. Продолжал публиковать результаты своих исследований Н. И. Ансеров; развернулась исключительно активная деятельность Л. В. Ошанина [28]; много и плодотворно, преимущественно среди тюркских народов Кавказа и Средней Азии работал А. И. Ярхо [29]; таджики были изучены В. В. Гинзбургом [30].

По сути дела, только на протяжении второго периода в истории советской антропологии началось планомерное изучение древнего населения СССР и динамики антропологических типов во времени. Г. Ф. Дебец описал несколько палеоантропологических серий разных эпох из различных районов нашей страны [31], Т. А. Трофимова изучала палеоантропологические материалы с территории Поволжья [32]. Большое значение для генетического истолкования антропологических материалов и понимания связи современных вариантов европеоидной расы с древними, а также для понимания изменения признаков во времени имела статья Г. Ф. Дебеца об антропологических особенностях ископаемых находок Европы и верхнепалеолитическом генезисе европейских рас [33]. Был опубликован также ряд описаний близких к современности краниологических серий, морфологические особенности которых сопоставлялись с древними и использовались для выяснения происхождения антропологических типов [34].

Суммирование всей информации как о современном, так и о древнем населении отдельных территорий позволило далеко в глубь столетий отодвинуть истоки многих антропологических типов, выделяемых в систематике современных рас. Я. Я. Рогинский аргументировал гипотезу, согласно которой для древнейших представителей монголоидной расы был характерен тот комплекс антропологических признаков, которым отличаются ныне американские индейцы [35]. Таким образом, преемственность между современными и древними монголоидами была доведена, как и в пределах европеоидной расы, до верхнего палеолита. Н. Н. Чебоксаров проследил формирование северной ветви европеоидной расы в мезолитическую эпоху и впервые в антропологии применил для объяснения свет-

лой пигментации ее представителей геногеографическое правило Н. И. Вавилова об оттеснении рецессивов на окраину видового ареала [36]. Он же показал непосредственную преемственность неолитического и современного населения Восточной Африки [37]. Все эти региональные работы позволили Я. Я. Рогинскому дополнить оригинальную классификацию антропологических типов человечества, разработанную А. И. Ярхо, но оставшуюся неопубликованной, и проследить их генезис [38].

Гораздо более полную характеристику, чем в предшествующее время, получили наследственные типы конституциональных габитусов, рассмотренные не только соматометрически, но и как результат определенных, наследственно детерминированных метаболических процессов [39]. С другой стороны, исследования в области происхождения человека поставили другую важнейшую генетическую проблему: сила и границы действия селекции применительно к современному человеку. Было высказано предположение, что своеобразие процесса происхождения современного человека как раз и сопровождалось снятием действия селекции как направленно действующей эволюционной силы [40].

Переходя к собственно генетическим исследованиям, можно назвать работы В. В. Бунака, М. В. Волоцкого, М. В. Игнатьева, Ю. А. Кузовлевой, Р. И. Серебровской. Работы В. В. Бунака охватывают как сравнительно просто детерминированные, так и полигенные признаки. Он аргументировал гипотезу трехаллельного наследования пигментации глаз [41], посвятил специальную работу выявлению сравнительной роли генетической обусловленности и средовых воздействий на структуру кожных капилляров [42]. В генетической теории пола им была выдвинута гипотеза о регулярном образовании у млекопитающих интерсексов, отмирающих на разных стадиях развития [43]. Математические методы количественной генетики были обогащены им теоретической моделью изменения признаков в смешивающихся популяциях [44]. Наконец, ему же принадлежит и общая работа по генетике непрерывно варьирующих признаков, в которой критически рассмотрены недостатки существовавших тогда гипотез количественной генетики и частично указаны пути их преодоления [45].

О значении исследований М. В. Волоцкого по генетике дерматоглифики и о неправомерности забвения их в общих обзорах антропогенетических достижений в СССР мне уже пришлось упоминать в рецензии на книгу В. П. Эфроимсона, посвященную медицинской генетике [46]. М. В. Волоцкой предложил очень обстоятельную ревизию имеющейся дерматоглифической методики для целей генетического и расового исследования [47], собрал огромный материал по географической изменчивости дерматоглифики [48], посвятил генетике дерматоглифических признаков специальные исследования, основанные на данных о более чем 200 парах близнецов [49]. Им же выполнено превосходное критическое исследование об ограниченности близнецового метода, в котором убедительно показана неполная идентичность даже однояйцовых близнецов и которое поэтому имеет большое значение и для общей генетики [50].

К перечисленным работам, посвященным генетике отдельных признаков, примыкают исследования Р. И. Серебровской [51] и Ю. А. Кузовлевой [52], посвященные наследованию дальтонизма.

Исследования М. В. Игнатьева составили новый этап в применении биометрической статистики в антропологии. Он начал свою работу в этой области анализом близнецовых корреляций и использовал результаты этого анализа для выяснения относительной роли наследственности и среды в изменчивости количественных признаков [53]. Вслед за тем была показана огромная роль изоляции в образовании констант внутригрупповой изменчивости, в первую очередь находящая выражение в плосковершинности кривых внутригруппового распределения [54], и исследована математически случайность распространения вновь возникшего признака в популяции [55]. Кроме того, М. В. Игнатьев уделил большое внимание критической оценке математического аппарата зарубежных биометриче-

ских школ [56] и показал границы применения математического анализа в антропогенетике [57].

Кроме этих общетеоретических работ и исследований по генетике отдельных признаков, шло непрерывное накопление популяционно-генетических данных в процессе полевых исследований. Сбор информации о группах крови был дополнен определением вкуса к фенилтиокарбамиду и цветной слепоты. Не имея возможности перечислить все эти исследования, остановлюсь на главнейших. В 1933 г. А. И. Ярхо опубликовал сводку данных о распределении групп крови АВО у тюркских народов Средней Азии [58]. Были опубликованы и аналогичные данные по киргизам [59]. Позже В. В. Гинзбург опубликовал изосерологический материал, собранный им в Туркмении и в горных районах Таджикистана [60]. Обширные данные о распределении кровяных групп, а в ряде случаев чувствительности вкуса к фенилтиокарбамиду и цветной слепоты были собраны также среди отдельных групп русского народа [61], среди народов Поволжья, Западной Сибири и Кавказа [62]. Собирали информацию о географической изменчивости и других физиологических признаков, например, кровяного давления [63].

Заметную веху в теоретической изосерологии составили две работы, посвященные увязке групповых факторов крови с конституциональным габитусом и другими морфологическими признаками, а также специфика географического распределения кровяных групп. Г. В. Соболева и Н. И. Базаров, продолжая исследования предшествующих лет (обзор их можно найти в упомянутой книге В. Я. Рубашкина), показали полное отсутствие связи между принадлежностью к определенной группе крови и конституциональным типом, пигментацией, физическим развитием, пропорциями тела [64]. Я. Я. Рогинский аргументировал выводы о разделении человечества по группам крови раньше, чем произошло разделение на расы, о далеко не полном совпадении изосерологической дифференциации с расовой, об усилении действия генетико-автоматических процессов на окраинах эйкумены и обратной пропорциональности случайного исчезновения отдельных генов групп крови их средней концентрации на земном шаре [65].

1945 — конец 50-х годов. В первые годы после войны было опубликовано в полном виде исследование Я. Я. Рогинского, о котором только что говорилось [66]. Однако после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. советские антропологи, как и биологи других специальностей, вели генетическую работу только в рамках изучения наследственных вариаций морфологической структуры с преимущественным упором на географическую изменчивость и использованием результатов разработки собранных материалов в историко-этногенетических целях.

Новой и характерной чертой этих исследований было изучение антропологического типа народов с применением ранее разработанной методики не в совокупности, а по отдельным этнотерриториальным группам, что создало базу для действительно глубокого и детального представления о географической изменчивости морфологических особенностей человеческого тела, позволило подойти к сравнительной оценке типологической расовой изменчивости и локальной изменчивости от случайных причин. Это направление исследований нашло отражение в ряде крупных монографий, посвященных отдельным территориям и трактующих проблемы генезиса географической изменчивости типов. Это монографии по антропологии северо-восточных районов СССР, Дальнего Востока, Средней Азии, Кавказа, Русской равнины, Украины, прибалтийских республик, частично опубликованные только в начале 60-х годов [67].

Не менее интенсивно развивалось в эти годы изучение древнего населения СССР. Опубликованная в 1948 г. книга Г. Ф. Дебеца, законченная еще до Великой Отечественной войны, подвела итог всем исследованиям в этой области, проведенным в довоенные годы [68]. Но в послевоенные годы объем палеоантропологических материалов значительно возрос, что потребовало уже региональных сводок, которые и были составлены

для Атлае-Саянского нагорья [69], Хорезма [70], Азербайджана [71], Грузии [72], Украины [73]. Накопление данных позволило применить популяционный подход даже при обработке краниологических материалов из мезолитических и неолитических могильников, отстоящих от современности на несколько тысяч лет, результаты были опубликованы лишь в 60-е годы [74]. Во всех этих работах, помимо установления относительной стабильности антропологических типов, что и является предпосылкой сопоставления палеоантропологических серий разных эпох, большое место заняло выяснение динамики отдельных признаков во времени, в частности — темпов брахикефализации и грацилизации. Отмечены были также территории, где явление грацилизации не наблюдается (например, Грузия) [75].

Установление времени и этапов формирования географических вариантов морфологических типов резко увеличивало научный вес краниологических коллекций по современному или близкому к современности населению, так как для такого установления потребовалась полная сравнимость морфологических характеристик древних и современных народов. По народам Сибири, Средней Азии, Кавказа, Поволжья, Прибалтики были собраны краниологические материалы, позволяющие дать характеристику расовых особенностей этих народов не только в целом, но и дифференцировать ее по отдельным этнографическим группам [76]. Некоторые из современных краниологических серий использовались для прямого сопоставления с древними; изучение других дало возможность углубить и расширить знания о географической изменчивости современного населения.

На том же уровне выяснения генетической преемственности более древних и более поздних локальных рас производилась и разработка проблем эволюционной морфологии и происхождения человека. Особенное значение как в связи с относительным обилием данных для суждения, так и с исторической актуальностью имело рассмотрение путей формирования современного человека и генетической преемственности современных рас с ископаемыми формами древних людей [77].

Заключение. По необходимости краткий предыдущий обзор показывает, что генетические вопросы, будь то генетика отдельных признаков или теоретические темы общей и популяционной генетики человека, на протяжении всей ранней истории советской науки стояли в центре внимания антропологов.

Можно наметить три концентра, к которым стягивались генетические интересы антропологов и вокруг которых осуществлялась в основном исследовательская генетическая работа. Первый из них — изучение общих закономерностей передачи по наследству отдельных признаков. В этой области не только выявлялся тип наследования некоторых легко фиксируемых функциональных особенностей вроде дальтонизма, но и уделялось большое внимание типологии изменчивости признаков с дискретными вариациями и характеру их наследственной передачи.

Касаясь второго концентра приложения антропологических интересов к генетике человека, следует назвать популяционно-генетические исследования, которые в основном и проводились в популяциях человека антропологами. Число генетических маркеров, известных и методически ясно фиксируемых, было еще в рассматриваемые годы невелико, но территориальный охват их вариаций на территории СССР приобрел большой размах, и вся накопленная информация до сих пор сохраняет свое научное значение. Более того, обобщение литературных данных по народам мира и их сопоставление с данными по народам СССР позволило экстраполировать на человека ряд популяционно-генетических закономерностей общего характера.

Наконец, третий момент является едва ли не самым важным. Наблюдения над динамикой антропологических типов во времени и пространстве выявили, с одной стороны, быстрые временные изменения в определенных условиях отдельных признаков, а с другой — стабильность

комплексов признаков в целом, т. е. стабильность сложившихся внутригрупповых корреляций и высокий уровень их наследственной детерминированности. Весь опыт конкретной антропологической работы на территории СССР показал значительную преемственность между ранними и поздними морфологическими комбинациями в пределах одних и тех же областей. Исследования палеоантропологического материала из кочевнических могильников эпохи раннего железа и средневековья продемонстрировали сохранение без заметных изменений характерной для них комбинации морфологических признаков при расселении с востока на запад. Подобные наблюдения, нужно сказать, не только исключительно важны по отношению к законам передачи по наследству количественных признаков (а именно они и составляют подавляющее большинство характеристик морфологических комплексов) у человека, но и не могут не учитываться при построении теории наследования количественных признаков в общей генетике — теории, пока мало конкретной и остающейся в основном в рамках разработки достаточно абстрактных математических моделей.

Оценивая достижения советских антропологов в разработке генетических проблем на протяжении 20—50-х годов в исторической ретроспективе, можно констатировать, что ими были получены важные результаты как в популяционной, так и в общей генетике человека. При игнорировании или недостаточном внимании к этим результатам изложение истории генетических исследований в нашей стране нельзя считать полным.

[1] См., например: *Эфроимсон В. П.* К истории изучения генетики человека в СССР // Генетика, 1967. № 10.

[2] *Дебец Г. Ф.* Сорок лет советской антропологии // САН. 1957. № 1.

[3] *Алексеев В. П.* Изучение антропологического состава населения СССР за 50 лет // СЭ. 1967. № 5.

[4] Список основных печатных работ проф. В. В. Бунака (К 70-летию со дня рождения) // ВА. 1962. Вып. 10.

[5] Особое значение имели тут исследования В. В. Бунака, в целом охватывающие все основные проблемы соматологии: *Бунак В. В.* Опыт типологии пропорций тела и стандартизации главных антропометрических размеров // Учен. зап. МГУ. 1937. Вып. 10; *Он же.* Теоретические вопросы учения о физическом развитии и его типах у человека // Там же. 1940. Вып. 34; *Он же.* Нормальные конституционные типы в свете данных о корреляции отдельных признаков // Там же.

[6] Основное из них: Методика антропометрических исследований. 3-е изд./ Под ред. В. В. Бунака. М.; Л., 1931. Эта книга легла в основу наиболее полного советского руководства по антропометрии: *Бунак В. В.* Антропометрия: Практический курс. М., 1941.

[7] Материалы по антропологии Украины. Харьков, 1926. Т. 1, 2; 1927. Т. 3, 4.

[8] Библиография и обзор результатов: *Алексеев В. П.* Антропологические исследования в СССР // СЭ. 1964. № 4.

[9] *Дервиз Д. В.* Черепа из старых московских могильников // РАЖ. 1923. Т. 12, кн. 3—4.

[10] *Дебец Г. Ф.* Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита // РАЖ. 1930. Т. 19, вып. 1—2.

[11] *Бунак В. В.* Crania Armenica: Исследование по антропологии Передней Азии // ТИА. 1927. Вып. II.

[12] *Дебец Г. Ф.* Краниологический очерк танну-тувинцев // Северная Азия. 1929. № 5—6.

[13] *Бунак В. В.* К вопросу о происхождении северной расы // РАЖ. 1925. Т. 14, вып. 1—2.

[14] *Рубашкин В. Я.* Кровяные группы. М.; Л., 1929.

[15] *Вагнер Л. Б.* Сводка распределения кровяных групп среди населения земного шара к 1926 г. // РАЖ. 1926. Т. 15, вып. 1—2.

[16] *Вишневский Б. Н.* К вопросу о расовом биохимическом показателе // Врачебное дело. 1925. № 6; *Он же.* Материалы для изучения групп крови у народов СССР // ДАН. М., 1928. № 5.

[17] *Мелких Г. Д.* Новий расовий біохимичний їндекс // Бюл. пост. ком. вивчення кров. угруп. 1927. Т. І. № 2.

[18] С тех пор появилось несколько книг, посвященных биографии Н. К. Кольцова, его творчеству и оценке его места в истории советской биологии: *Полынин В. М.* Пророк в своем отечестве. М., 1969; *Астиуров Б. Л., Рокицкий П. Ф.* Николай Константинович Кольцов. М., 1975; Николай Константинович Кольцов. 1872—1940 // Материалы к биобиблиографии ученых СССР (Сер. биол. наук). Общая биология. М., 1976. Вып. 1.

[19] *Кольцов Н. К.* О наследственных химических свойствах крови // Успехи экспериментальной биологии. М., 1922. Т. 1, вып. 3.

[20] *Бунак В. В.* Методы изучения наследственности у человека // Рус. евгенический журнал. 1923. Т. 1, № 2.

[21] *Бунак В. В.* Опыт выделения фенотипов окраски волос по данным спектро-фотометрического исследования //

Бюл. МОИП. (Отд-ние экспериментальной биологии). 1924. Т. 32; *Ярхо А. И.* Унификация определений мягких частей лица // АЖ. 1932. № 1.

[22] Кроме примечания 3, см.: *Алексеева Т. И.* Изучение человеческих рас в советской антропологии // Расы и народы. М., 1974. Вып. 4; *Bunak V. V.* Rassengeschichte Osteuropas // Rassengeschichte der Menschheit. München; Wien, 1976. Lieferung 4.

[23] *Bunak V. V.* Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas // Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie. 1932. Bd. XXX; *Idem.* The craniological types of the East Slavic kurgans // Anthropologie. Prague, 1932. T. 10.

[24] *Дебец Г. Ф.* Рец. на ст.: Bunak V. V. The craniological types of the East Slavic kurgans // АЖ. 1934. № 1—2.

[25] *Дебец Г. Ф.* Антропологическое изучение Советского Севера // Сов. Север, 1934. № 6.

[26] *Дебец Г. Ф.* Селькупы: Антропологический очерк // ТИЭ (Нов. сер.). М.; Л., 1947. Т. 2.

[27] Обзор и библиографию этих работ см.: *Левин М. Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // ТИЭ (Нов. сер.). М., 1958. Т. 34.

[28] *Ошанин Л. В.* Тысячелетняя давность долихокрании у туркмен и возможные пути ее происхождения: Опыт обоснования теории скифо-сарматского происхождения туркменского народа // Изв. Средазкомстарпса. Ташкент, 1926. Вып. 1; *Он же.* Иранские племена Западного Памира // Изв. Узбекского ин-та экспериментальной медицины, Ташкент, 1937; *Ошанин Л. В., Ясевич В. К.* Материалы по антропологии населения Узбекистана. Ташкент; Самарканд, 1929. Вып. 1.

[29] Список работ рано скончавшегося А. И. Ярхо см.: АЖ. 1935. № 1; Там же. Характеристика его деятельности. Итоговые работы: *Ярхо А. И.* Антропологический состав турецких народностей Средней Азии // АЖ. 1933. № 3; *Он же.* Краткий очерк антропологического изучения турецких народностей за 10 лет (1924–1934) // Там же. 1936. № 1. В сравнительных таблицах к последней статье приведены данные Н. И. Ансерова по азербайджанцам.

[30] *Гинзбург В. В.* Горные таджики: Материалы по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза. М.; Л., 1937.

[31] *Дебец Г. Ф.* Расовые типы Минусинского края в эпоху родового строя // АЖ. 1932. № 2; *Он же.* Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии // Там же. № 1; *Он же.* Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье // Там же. 1936. № 1.

[32] *Трофимова Т. А.* Краниологический очерк татар Золотой орды // АЖ. 1936. № 2; *Она же.* Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры // Учен. зап. МГУ. 1941. Вып. 63.

[33] *Дебец Г. Ф.* Брюнн-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы // АЖ. 1936. № 3.

[34] *Токарева Т. Н.* Материалы по краниологии алеутов // АЖ. 1937. № 1; *Левин М. Г.* Материалы по краниологии приморских орочей // Там же. 1936. № 3; *Он же.* Краниологический тип ульчей // Там же. № 1; *Он же.* Краниологический тип хантэ и манси // КСИМА. 1941; *Левин М. Г., Трофимова Т. А.* Калмыки: Краниологический очерк // АЖ. 1937. № 1; *Трофимова Т. А.* К айнской проблеме // Там же. 1932. № 2; *Она же.* Черепа из Никольского кладбища (К вопросу об изменчивости типа во времени) // Учен. зап. МГУ. 1941. Вып. 63; *Жиров Е. В.* Черепа из русских погребений XV—XVI веков на территории бывшего Тихвинского уезда // АЖ. 1936. № 1.

[35] *Рогинский Я. Я.* Проблема происхождения монгольского расового типа // АЖ. 1937. № 2.

[36] *Чебоксаров Н. Н.* Из истории светлых расовых типов Евразии // АЖ. 1936. № 2.

[37] *Чебоксаров Н. Н.* Негроиды и европеоиды в Восточной Африке: Антропологический очерк Абиссинии, Эритреи и Сомали // АЖ. 1936. № 1.

[38] *Рогинский Я. Я.* Человеческие расы // *Бунак В. В., Неструх М. Ф., Рогинский Я. Я.* Антропология. М., 1941.

[39] *Бунак В. В.* Нормальные конституционные типы...

[40] *Рогинский Я. Я.* К вопросу о периодизации процессов человеческой эволюции // АЖ. 1936. № 3; *Он же.* Проблема происхождения Homo sapiens // Успехи соврем. биологии. М., 1938. Т. IX, вып. 1.

[41] *Бунак В. В.* Генетический анализ окраски радужины человека // Учен. зап. МГУ. 1940. Вып. 34.

[42] *Бунак В. В.* Роль наследственности и среды в изменчивости структуры кожных капилляров // ТМГИ. 1936. Т. IV.

[43] *Бунак В. В.* О некоторых противоречиях в теории пола и возможном их устранении // Биол. журнал. 1938. Т. VII. № 4.

[44] *Бунак В. В.* О некоторых случаях изменения средней величины признаков в смешивающихся популяциях // ТМГИ. М., 1936. Т. IV; *Bunak V. V.* Changes in the mean values of characters in mixed populations // Biometrica. 1936. Vol. VII, pt III.

[45] *Бунак В. В.* О некоторых вопросах генетического анализа непрерывно варьирующих признаков у человека // АЖ. 1937. № 3.

[46] *Алексеев В. П.* Рец. на кн.: Эфроимсон В. П. Введение в медицинскую генетику // СЭ. 1966. № 6.

[47] *Волоцкой М. В.* Дактилоскопические графики и формулы // АЖ. 1936. № 4; *Он же.* Схема дактилоскопической типологии // Учен. зап. МГУ. 1937. Вып. 10.

[48] *Волоцкой М. В.* Новый дактилоскопический индекс и его распределение по земному шару // Учен. зап. МГУ. 1937. Вып. 10; *Он же.* Географическая изменчивость пальцевых узоров // КСИМА. 1941.

49 *Волоцкой М. В.* К вопросу о генетике капиллярных узоров пальцев (Исследование 234 пар близнецов) // ТМГИ. М., 1936. Т. IV; *Он же.* Генетика кожного рельефа: Анализ дальтообразования как количественного признака // АЖ. 1937. № 3; *Он же.* Генетика кожного рельефа. Количество линий в центральных узорах // Учен. зап. МГУ. 1940. Вып. 34.

50 *Волоцкой М. В.* Близнецовый метод и проблема изменчивости генов // АЖ. 1937. № 2.

51 *Серебровская Р. И.* Генетика дальтонизма // Медико-биол. журнал. 1930. № 4—5.

52 *Кузовлева Ю. А.* Материалы по генетике дальтонизма // АЖ. 1937. № 3.

53 *Игнатьев М. В.* Коэффициенты детерминации (К вопросу об измерении относительного влияния отдельных факторов) // Учен. зап. МГУ. 1937. Вып. 10.

54 *Игнатьев М. В.* Статистические константы в изолированной популяции // АЖ. 1937. № 2; *Он же.* Исследования по генетическому анализу популяций // Учен. зап. МГУ. 1940. Вып. 34.

55 *Игнатьев М. В.* О возможности распространения вновь возникшего признака в человеческой популяции // КСИМА. 1941.

56 *Игнатьев М. В.* Учение о роли наследственности и среды у К. Пирсона и биометриков // Успехи соврем. биологии. 1935. Т. IV, вып. 3; *Он же.* Карл Пирсон (1857—1936) // АЖ. 1937. № 1; *Дебец Г. Ф., Игнатьев М. В.* О некоторых вариационно-статистических методах расового анализа в буржуазной антропологии // ТИА. 1938. Вып. IV.

57 *Игнатьев М. В.* Некоторые вопросы генетического анализа человека // Неврология и генетика. М., 1936. Т. 1; *Он же.* О пределах приложения математики к антропогенетике // АЖ. 1937. № 3.

58 *Ярхо А. И.* Антропологический состав...

59 *Ашмарин И.* Опыт характеристики киргиз с точки зрения их кровяных групп // АЖ. 1933. № 3.

60 *Гинзбург В. В.* Изогемоагглютинация у горных таджиков // АЖ. 1934. № 1—2; *Он же.* Изогемоагглютинация у туркмен // Там же. 1937. № 2.

61 *Чебоксаров Н. Н.* Русские севера европейской части СССР // КСИМА. 1941; *Дебец Г. Ф.* Антропологические исследования на Петровских озерах // Там же.

62 *Чебоксаров Н. Н.* Группы крови и дальтонизм у коми // АЖ. 1936. № 2; *Он же.* Антропологическое изучение коми // КСИМА. 1941; *Елистратов И. Н., Шапкин В. М., Шлугер С. А.* Геногеографические исследования в Волго-Камье // Там же; *Трофимова Т. А., Чебоксаров Н. Н.* Североуральская экспедиция Музея антропологии // Там же; *Шлугер С. А.* Антропологические исследования ненцев // Там же; *Дебец Г. Ф.* Среднеобская экспедиция 1939 г. // Там же; *Семенская Е. М.* Изучение групп крови народов Кавказа // СЭ. 1936. № 4—5.

63 *Либман Е. Г.* Давление крови у чуваш: Материалы к физиологической антропологии // АЖ. 1934. № 1—2; *Гинзбург В. В.* Изучение кровяного давления у горных таджиков // АЖ. 1936. № 2.

64 *Соболева Г. В., Базаров Н. И.* Группы крови и типы конституции // АЖ. 1932. № 2.

65 *Рогинский Я. Я.* Закономерности распределения групп крови у человека // КСИМА. 1941.

66 *Рогинский Я. Я.* Закономерности пространственного распределения групп крови у человека: (К проблеме антропологии «окраинных народов») // ТИЭ (Нов. сер.). М.; Л., 1947. Т. 1.

67 *Дебец Г. Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области // ТИЭ (Нов. сер.). М., 1951. Т. XVII; *Левин М. Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока; *Ошанин Л. В.* Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Ереван, 1957—1959. Ч. 1—3; *Абдушелишвили М. Г.* Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси, 1964; Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным // ТИЭ (Нов. сер.). М., 1969. Т. 88; *Дьяченко В. Д.* Антропологічний склад українського народу. Київ, 1965; *Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н.* Этническая антропология Восточной Прибалтики // Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М., 1959. Т. 2.

68 *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР // ТИЭ (Нов. сер.). М.; Л., 1948. Т. IV.

69 *Алексеев В. П.* Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья в эпохи неолита и бронзы // Антропологический сб. III. // ТИЭ (Нов. сер.). М., 1961. Т. LXXI; *Он же.* Палеоантропология Хакассии эпохи железа // Сб. МАЭ. М.; Л., 1961. Т. XX.

70 *Трофимова Т. А.* Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии // МХЭ. М., 1959. Вып. 2.

71 *Касимова Р. М.* Антропологические исследования черепов из Мингечаура (в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа). Баку, 1960.

72 *Абдушелишвили М. Г.* К палеоантропологии Самтаврского могильника. Тбилиси, 1954.

73 *Зиневич Г. П.* Очерки палеоантропологии Украины. Киев, 1967.

74 *Гохман И. И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966.

75 *Абдушелишвили М. Г.* Об эпохальной изменчивости антропологических признаков // КСИЭ, М., 1960. Вып. XXXIII.

76 См. работы, указанные в примеч. 67. Библиографию многочисленных публикаций М. С. Акимовой по краниологии народов Поволжья см.: *Алексеев В. П.* Происхождение народов Восточной Европы: (Краниологическое исследование). М., 1969.

77 *Рогинский Я. Я.* Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения человека и его рас. М., 1949; Материалы совещания по проблеме происхождения Homo sapiens // КСИЭ. М., 1950. Вып. IX.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ
(ВЫПУСКИ VI—X) *

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ **

1. Алексеев В. П. Значение трудов Н. И. Вавилова для теоретической антропологии. VI, с. 165–190.
2. Алексеев В. П. Научное наследство Н. И. Вавилова и историческая этнография. VII, с. 138–144.
3. Алексеев В. П. Разработка генетических проблем в советской антропологии (1920–1950-е годы). X, с. 188–197.
4. Алексеев Н. А. К публикации рукописи Г. У. Эргиса. VIII, с. 122–124.
5. Алексеев Н. А. Роль политических ссыльных в изучении этнографии и языка якутов (Деятельность В. М. Ионова и других собирателей). IX, с. 149–161.
6. Аникин В. П. А. П. Скафтымов — критик «исторической школы» и его теория эпоса в книге «Поэтика и генезис былин». VI, с. 96–116.
7. Аникин В. П. Исторический метод изучения былин (Работа А. И. Никифорова «Фольклор Киевского периода»). VIII, с. 72–92.
8. Аникин В. П. Проблемы фольклора в трудах Ореста Миллера. IX, с. 63–72.
Беленкин И. Ф. см. Гурвич И. С., Беленкин И. Ф.
9. Богданов В. В. Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки. VIII, с. 39–55.
10. Богданов В. В. Всеволод Феодорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848–1948). Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки. X, с. 110–174.
11. Бондарчик В. К. Северо-западный отдел Русского географического общества и его деятельность по изучению быта и культуры белорусов (1867–1914). VII, с. 17–21.
12. Брук С. И. Этнография в Московском филиале географического общества СССР. VII, с. 12–16.
13. Бурчинова Л. С. Истоки джангароведения в России. IX, с. 87–97.
14. Вайнштейн С. И. Первая советская этнографо-антропологическая экспедиция в Туву. IX, с. 162–174.
15. Вальская Б. А. Петрашевцы в Русском географическом обществе. VII, с. 54–65.
16. Васильев В. И., Прибыльский Ю. П. Деятельность А. А. Дунина-Горкавича в области этнографии Обского Севера (Основные вехи жизненного пути). IX, с. 141.
17. Гаген-Торн Н. И. Лев Семенович Берг как этнограф. VII, с. 133–137.
18. Герасимова М. М., Сурнина Т. С. Научная деятельность М. М. Герасимова. VIII, с. 157–172.
19. Гневушева Е. И., Трисман В. Г. Этнографические коллекции А. С. Эстрина в МАЭ. IX, с. 128–140.
20. Гохман И. И. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицкосавско-Кяхтинском отделении Русского географического общества. VII, с. 158–164.
21. Гурвич И. С. Этнографическая экспедиция 1917–1919 гг. на Чукотку и Камчатку (Материалы Сакари Пяльси). IX, с. 114–127.
22. Гурвич И. С., Беленкин И. Ф. С. И. Мицкевич как этнограф. VIII, с. 109–121.
23. Дзенискевич Г. И. Вклад русских путешественников в этнографию атапасков Аляски (XVIII–XIX вв.). VII, с. 77–88.
24. Емельченко И. Р. Расшифровка этнографических заметок по Уралу в путевом дневнике В. А. Жуковского. VI, с. 45–56.
25. Кармышева Б. Х. Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы (Полевые исследования Ф. А. Фиельструпа). X, с. 38–62.
26. Кожин П. М. Этногеографические наблюдения И. Г. Вознесенского в Калифорнии. VII, с. 66–76.
27. Косвен М. О. Местная этнография Сибири в XVIII веке. VI, с. 5–44.
28. Кузьмина Л. П. Фольклор старожилого населения Русского Устья (К истории его собирания и изучения). IX, с. 175–185.
29. Лебедева А. А. Материалы по этнографии русского населения Сибири в архиве Географического общества СССР. VII, с. 37–45.
30. Липец Р. С. Идея о восточных влияниях в былинах (Книга В. Ф. Миллера «Экскурсы в область русского народного эпоса»). VI, с. 69–95.
31. Липец Р. С. К публикации главы из рукописи В. В. Богданова. VIII, с. 39–42.
32. Липец Р. С. К публикации рукописи В. В. Богданова (Жизненный путь В. Ф. Миллера). X, с. 110–128.
33. Липец Р. С. Проблема взаимосвязей тюрко-монгольского эпоса с изобразитель-

---

* Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии/ Отв. ред. Р. С. Липец. М., 1974. Вып. VI.– ТИЭ. Т. 102; То же/Отв. ред. А. М. Решетов, Т. В. Станюкович. Л., 1977. Вып. VII.– ТИЭ. Т. 104; То же/Отв. ред. Р. С. Липец. М., 1978. Вып. VIII.– ТИЭ. Т. 107; То же/Отв. ред. Р. С. Липец. М., 1982. Вып. IX.– ТИЭ. Т. 110; То же/Отв. ред. Р. С. Липец. М., 1988. Вып. X.– ТИЭ. Т. 114.

** В Алфавитном указателе авторов и названий статей, опубликованных в VI–X выпусках «Очерков...», римские цифры обозначают номера выпусков; в Указателе имен даны порядковые номера статей Алфавитного указателя.

ным искусством кочевников Евразии (Труды советских археологов 40—50-х годов). IX, с. 186—208.

34. Михайлов Г. И. Этнографические и фольклорные находки экспедиции Б. Я. Владимирцова в Монголию в 1900—1920-х годах. X, с. 63—75.
35. Михайловская А. И. Этнографическая работа в Приуралье и Поволжье в конце XIX — начале XX в. (Научно-промышленные выставки). IX, с. 98—113.
Мокшин Н. Ф. см. Мокшина А. М., Мокшин Н. Ф.
36. Мокшина А. М., Мокшин Н. Ф. Из истории этнографического изучения мордвы в России. VIII, с. 93—108.
37. Мороз И. Н. Путешествие уральских казаков на Восток. VI, с. 57—68.
38. Наленин А. Л. Фольклорно-этнографическая деятельность Н. Е. Ончукова. X, с. 76—94.
39. Новиков Н. В. О деятельности Сказочной комиссии Русского географического общества. VII, с. 29—36.
40. От редакции. VI, с. 3, 4.
41. От редакции. VII, с. 3, 4.
42. От редакции. VIII, с. 3, 4.
43. От редакции. IX, с. 3, 4.
44. От редакции. X, с. 3, 4.
45. Охлопков В. Е. Новое о Э. К. Пекарском и В. Л. Серошевском (По материалам ЦГА Якутской АССР). VII, с. 99—105.
46. Першиц А. И. Проблема типологизации общины в дореволюционной русской и советской этнографии. VIII, с. 142—156.
47. Писарчик А. К. Михаил Степанович Андреев (1873—1948) — исследователь культуры и быта народов Средней Азии. VII, с. 126—132.
48. Полевой Б. П. О роли Отделения этнографии Русского географического общества в изучении «Книги большому чертежу». VII, с. 46—53.
49. Полевой Б. П., Решетов А. М. Роль Русского географического общества и Музея антропологии и этнографии в этнографических исследованиях В. К. Арсеньева. VII, с. 106—125.
Прибыльский Ю. П. см. Васильев В. И., Прибыльский Ю. П.
50. Путилов Б. Н. П. А. Ровинский — собиратель, издатель и исследователь эпоса южных славян. VII, с. 145—157.
51. Рабинович М. Г. Русские письменные источники эпохи феодализма как материал для изучения этнографии города. IX, с. 5—22.
Решетов А. М. см. Полевой Б. П., Решетов А. М.
52. Рихтер Е. В. Роль Русского географического общества в изучении прибалтийско-финского населения Прибалтики. VII, с. 89—98.
53. Сабурова Л. М. Русское географическое общество и этнографические исследования (Дореволюционный период). VII, с. 5—11.
54. Станюкович Т. В. Этнографический музей Русского географического общества. VII, с. 22—28.
55. Суриков В. М., Фадеев Л. А. Африканские экспедиции Н. И. Вавилова. VI, с. 146.
Сурина Т. С. см. Герасимова М. М., Сурина Т. С.
Тарасов В. Н. см. Тарасова А. И., Тарасов В. Н.
56. Тарасова А. И. (Васина). Этнографические исследования В. К. Арсеньева на Дальнем Востоке. VI, с. 117—145.
57а. Тарасова А. И., Тарасов В. Н. (составители). Аннотированный указатель к публикуемым 7—9-ой главам рукописи В. В. Богданова. X, с. 170—174.
57. Тарасова А. И., Тарасов В. Н. Обозрение фонда В. В. Богданова в архиве Института этнографии АН СССР. X, с. 175—187.
58. Титова З. Д. Ранние страницы этнографического изучения Сибири (Дневник путешествия Д.-Г. Мессершмидта). VIII, с. 5—14.
59. Титова З. Д. Этнографическая библиография в изданиях Русского географического общества (1845—1917). IX, с. 34—47.
Трисман В. Г. см. Гневушева Е. И., Трисман В. Г.
60. Тумаркин Д. Д. Анучин и Миклухо-Маклай (Из истории изучения и публикации научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая). X, с. 5—37.
61. Указатель статей, опубликованных в «Очерках истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (Вып. I—V). VIII, с. 173—196.
62. Указатель статей, опубликованных в «Очерках истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (Вып. VI—X). X, с. 198—217.
63. Фадеев Л. А. Этнографическая тематика в «Современнике» А. С. Пушкина. IX, с. 23—33.
Фадеев Л. А. см. Суриков В. М., Фадеев Л. А.
64. Цулая Г. В. Грузиноведческие интересы В. Ф. Миллера. VIII, с. 56—71.
65. Цулая Г. В. Из истории кавказоведения (Этнограф и педагог А. И. Стоянов). IX, с. 73—86.
66. Чистов Ю. К. Проблемы краниологии в трудах А. П. Богданова. VII, с. 165—171.
67. Щербанов Н. М. Из истории собирания и изучения песенного музыкального фольклора уральских казаков (Сборник А. В. и В. Ф. Железновых. 1899 год). X, с. 95—109.
68. *Щербанов Н. М.* Фольклорно-этнографическая тематика в «Уральских войсковых ведомостях» (Публикации Н. Ф. Савичева за 1867—1885 гг.). IX, с. 48—62.
69. Щербанов Н. М. Фольклорные и этнографические интересы И. И. Железнова. VIII, с. 15—38.
70. Эргис Г. У. О научной деятельности и рукописном архиве Г. В. Ксенофонтова. VIII, с. 122—141.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

А. Б. 68, с. 60
А. Л. 59, с. 47
А. С. 49, с. 112
А. С. Д. 68, с. 60
Аарне А. 39, с. 34
Абдушелишвили М. Г. 1, с. 181; 3, с. 197
Абрамзон С. М. 25, с. 60, 61; 33, с. 201, 203, 207; 46, с. 151, 154, 155
Абрамов И. С. 39, с. 33
Абрамов Н. А. 27, с. 16; 29, с. 38
Абумов Г. 58, с. 7
Авалиани С. 64, с. 56
Аввакум, протопоп 38, с. 80, 84
Авдеев И. И. 57, с. 186
Аверкиева Ю. П. 26, с. 71; 46, с. 144, 149, 153
Адлер Б. Ф. 48, с. 52; 49, с. 111, 113; 56, с. 140
Азадовский М. К. 6, с. 103; 7, с. 74, 75; 38, с. 76, 77, 93; 39, с. 32—36; 45, с. 99; 49, с. 107, 112, 123; 56, с. 118, 119, 121, 123, 132, 140, 143; 69, с. 15, 23; 70, с. 125—127
Азбелев С. Н. 7, с. 78
Айни С. 18, с. 169
Акимиха 68, с. 57, 58
Акимова М. С. 3, с. 197; 36, с. 102
Акимова Т. М. 7, с. 89
Акишев К. А. 25, с. 61, 62
Аксаков И. С. 68, с. 49, 50, 61; 69, с. 19
Аксаков К. С. 30, с. 73
Аксаковы 68, с. 61
Аксенов М. П. 18, с. 158, 160
Акутин А. Ф. 68, с. 48
Алаев Л. Б. 46, с. 142
Александр III 32, с. 121; 60, с. 9, 11, 17, 29
Александров Б. В. 27, с. 23
Александров В. А. 27, с. 6; 51, с. 22
Александровский Г. 30, с. 91
Алексеев В. М. 34, с. 73—75; 44, с. 3; 49, с. 113; 56, с. 141; 57, с. 184
Алексеев В. П. 1, с. 165, 179, 180, 182, 184; 2, с. 138, 139, 143; 3, с. 188, 195—197; 18, с. 164, 170; 20, с. 163; 36, с. 102; 40, с. 4; 41, с. 4; 44, с. 4; 46, с. 145, 146, 153; 55, с. 147
Алексеев Г. Т. 70, с. 128
Алексеев М. П. 70, с. 125, 126
Алексеев Н. А. 10, с. 141
Алексеев Н. А. 4, с. 122, 124; 5, с. 149, 160; 22, с. 120; 42, с. 4; 43, с. 3
Алексеев Н. М. 4, с. 122, 123; 28, с. 180—182, 184
Алексеев П. 45, с. 101
Алексеева Т. И. 3, с. 196
Алексей Михайлович 51, с. 21
Алелекова К. К. 57, с. 185
Алиман А. 1, с. 176
Алимбек 25, с. 48
Алквист А. 36, с. 104
Аманицкий Вл. 29, с. 43
Амброзетти 25, с. 40
Амосова О. Ф. 14, с. 163, 166—168, 172—174
Амурсан хан 34, с. 67, 75
Андерсон В. Н. 7, с. 73
Андреев А. 18, с. 171
Андреев А. 70, с. 128
Андреев А. И. 23, с. 78; 27, с. 10, 11, 20, 33, 35, 37, 40; 58, с. 5, 7
Андреев В. В. 67, с. 107
Андреев М. С. 1, с. 171; 25, с. 49, 61; 41, с. 4; 47, с. 126—132
Андреев Н. П. 7, с. 73; 39, с. 33, 34, 36
Андреевский 35, с. 108
Андрей Боголюбский 18, с. 164, 165
Андрианов А. В. 57, с. 184
Андрианов Б. В. 2, с. 141; 55, с. 158
Андриевский Е. С. 54, с. 28
Андросова М. Н. см. Попова М. Н.
Аникин В. П. 6, с. 96, 111; 7, с. 72; 8, с. 63; 32, с. 112, 120, 128; 40, с. 3; 42, с. 4; 43, с. 4
Анкерман Б. 10, с. 154
Анкундинов И. 27, с. 31
Анна Комнин 30, с. 86, 93
Анненков П. В. 63, с. 26; 69, с. 22
Анненский Н. Ф. 69, с. 38
Ансеров Н. И. 3, с. 189, 191, 196
Антипин 14, с. 167
Антипина К. И. 25, с. 62
Антипов И. 27, с. 23
Антропова В. В. 19, с. 136; 21, с. 127; 49, с. 125
Анучин Д. Н. 5, с. 159; 9, с. 48, 53; 10, с. 130, 134, 138—141, 147, 164—166; 12, с. 12; 17, с. 133; 21, с. 127; 22, с. 111; 28, с. 184; 31, с. 40; 32, с. 110, 121, 122, 127; 35, с. 102—104, 112; 36, с. 101; 44, с. 3; 56, с. 139; 57, с. 176, 181, 182, 184; 60, с. 5—37
Анучин М. Н. 60, с. 23
Апшелес И. М. 49, с. 112
Аппун Г. А.-И. 10, с. 144
Аракчиев (Аракишвили) Д. И. 9, с. 51; 10, с. 144
Арапетов И. П. 15, с. 62, 63
Аргудяева А. В. 56, с. 137
Аренский А. С. 9, с. 50; 67, с. 104
Аристов Ф. Ф. 49, с. 107—109, 111, 112; 56, с. 127; 57, с. 184
Аристова Т. Ф. 49, с. 107, 113
Арсеньев А. В. 68, с. 62
Арсеньев В. К. 40, с. 3; 41, с. 4; 49, с. 106—125; 56, с. 117—145; 57, с. 176, 177, 181, 184, 187
Артамонов Л. А. 55, с. 146
Артамонов М. И. 30, с. 76, 80, 86
Артемьев А. И. 48, с. 46, 47
Артемьев О. О. 54, с. 23
Архангельский А. С. 6, с. 100
Архипов А. И. 54, с. 25
Арциховский А. В. 51, с. 21, 22
Асланбегов А. Б. 10, с. 164
Аспелин И. 36, с. 104
Астахова А. М. 6, с. 115; 7, с. 84, 88, 89, 91; 28, с. 185; 36, с. 99, 100; 67, с. 101, 108
Астпуров Б. Л. 3, с. 195
Атажухин К. М. 10, с. 157
Ауновский В. А. 36, с. 102
Афанасьев А. Н. 8, с. 71; 39, с. 29; 53, с. 7; 57, с. 181
Афанасьев В. Ф. 5, с. 150, 158
Ашмарин И. 3, с. 197
Ашукин Н. 63, с. 33
Аяк 21, с. 119

Бабинцев С. 27, с. 44
Багалей Д. И. 9, с. 45
Бадигин К. С. 27, с. 29
Баженов В. И. 10, с. 162
Баженов Н. Н. 22, с. 116
Бажиров И. М. 67, с. 101
Базальтов В. В. см. Богданов В. В.
Базанов В. Г. 69, с. 21
Базаров Н. И. 3, с. 192
Базилевич К. В. 51, с. 22
Базилевская Н. А. 55, с. 161
Байрон Д. Г. 63, с. 26
Бакалдин М. 68, с. 54
Бакиров М. М. 69, с. 28, 29
Баклапов П. 57, с. 184
Бакрадзе Д. З. 64, с. 57, 58, 64—67; 65, с. 77, 79—81, 83, 84, 86
Балакирев А. К. 67, с. 99
Балакирев М. А. 44, с. 4; 67, с. 97—99; 104, 107, 108
Баландин Н. И. 51, с. 21
Баласогло А. П. 15, с. 54, 56—58, 60—63
Баласогло Д. И. 39, с. 30
Балдаев С. П. 70, с. 125

* В указатель не включены имена лиц, не имеющих отношения к этнографии, фольклористике и антропологии.

Балог Б. 49, с. 116; 56, с. 119, 121
Балтрамайтис С. И. 59, с. 37—39, 43, 46, 47
Бандиленко Г. Г. 12, с. 16
Баннер И. 27, с. 43
Барадийн Б. Б. 34, с. 70
Барадин Б. В. 70, с. 125
Барамидзе А. А. 64, с. 57
Баранов 23, с. 80
Баранов П. А. 1, с. 174; 55, с. 159
Бардавелидзе В. В. 46, с. 156
Баренц 57, с. 180
Барковский В. И. 51, с. 22
Барретт С. А. 26, с. 67, 72, 74, 75
Барсов Е. В. 9, с. 50, 51; 10, с. 147; 30, с. 89
Барсов Н. 36, с. 106
Барсуков А. Д. 69, с. 16, 31
Барсуков М. Н. 22, с. 116
Бартоломей И. 65, с. 81
Бартольд В. В. 1, с. 172; 9, с. 48; 10, с. 134; 47, с. 131; 49, с. 113; 65, с. 85
Барышников В. 37, с. 57, 59, 60
Барышникова А. К. (Куприяниха) 39, с. 34, 36
Баскаков Д. 27, с. 8, 9
Батин П. Н. 57, с. 184
Баторов П. М. 70, с. 125
Батьянова Е. П. 44, с. 4
Батюшков Ф. Д. 37, с. 59, 66, 67; 67, с. 109
Бах И. С. 10, с. 142
Бахирев 68, с. 56, 57
Бахофен И. Я. 27, с. 5
Бахрушин С. В. 51, с. 22
Бахта В. М. 46, с. 144, 146—149
Бахтеев Ф. Х. 1, с. 174
Башкуров И. 27, с. 33
Баялиева Т. Д. 25, с. 61
Бедный Демьян 28, с. 169
Безносова Х. А. 21, с. 127
Безобразов В. П. 15, с. 61
Безрукий Л. Г. 57, с. 182
Бекельман Е. К. 27, с. 36
Бекетов А. Н. 69, с. 19
Беклер Й. В. 52, с. 95
Беленицкий А. М. 33, с. 187, 203, 204, 206
Беленкин И. Ф. 22, с. 109; 42, с. 4
Белинский В. Г. 15, с. 63; 53, с. 6; 60, с. 5; 63, с. 31
Белицер В. Н. 36, с. 95; 57, с. 181
Белкин А. А. 7, с. 89
Белкина В. И. 14, с. 163
Белов М. И. 27, с. 18
Белоголовый А. А. 49, с. 113
Белокопытов П. 27, с. 34
Белокуров С. А. 65, с. 74
Белоцерковец Н. Е. 11, с. 21
Беляев И. Д. 10, с. 158
Беляев Н. Т. 67, с. 108
Беляшевский Н. Ф. 9, с. 45
Бенкендорф А. Х. 63, с. 23, 24, 26
Бенфей 32, с. 115
Берг К. 27, с. 7, 8
Берг Л. С. 12, с. 12; 17, с. 133—137; 41, с. 4; 48, с. 46; 49, с. 119; 53, с. 5, 7; 57, с. 184; 59, с. 41, 42, 47; 60, с. 5, 26, 34, 37
Берг М. М. 17, с. 133
Бергманн В. Г. 13, с. 87, 88, 90, 91, 96
Берже А. П. 65, с. 75
Беринг В. 17, с. 135; 27, с. 19
Беркутов П. П. 38, с. 79
Бернштам А. Н. 2, с. 140
Бернштам С. Б. 57, с. 181
Бернштейн Ф. 1, с. 183; 3, с. 190
Бертельс Е. Э. 33, с. 208
Берх В. Н. 27, с. 10, 15, 16, 19
Бессонов П. А. 30, 72
Бетлинг О. 5, с. 153; 45, с. 101, 102; 70, с. 132
Бидмаев А. В. 13, с. 97
Билибин И. 56, с. 126
Биллингс Дж. 23, с. 79; 27, с. 31, 32
Биркенгоф А. Л. 28, с. 180, 184
Бирюкова Н. В. 32, с. 121
Бистрон Я. 57, с. 184
Бичурин Н. Я. (Иакинф) 10, с. 153
Благой Д. Д. 27, с. 41
Благосветов Г. Е. 69, с. 20
Бларамберг П. И. 10, с. 141—143, 146, 147
Блехман С. 14, с. 174
Блюментрост И. Д. 58, с. 7
Бобринской А. А. 47, с. 190
Бобровников А. А. 13, с. 88—91, 96, 97
Богаевский Б. Л. 2, с. 143
Богаевский П. М. 10, с. 135
Богалей Г. 30, с. 79
Богатырев П. Г. 9, с. 40; 10, с. 148; 32, с. 119; 49, с. 111, 121, 123
Богданов А. П. 10, с. 130, 132, 134, 135, 158—161, 163—167; 32, с. 118; 35, с. 113; 41, с. 4; 57, с. 181, 187; 60, с. 15, 16; 66, с. 165—171
Богданов (Базальтов) В. В. 9, с. 39—42; 10, с. 134, 139, 150, 161, 167; 30, с. 91, 95; 31, с. 39—42; 32, с. 110—117, 119—122, 127; 42, с. 3; 44, с. 4; 56, с. 121; 57, с. 175—187; 60, с. 5, 31, 34, 37
Богданова В. И. 14, с. 174
Богданова Н. 57, с. 184
Боголюбский С. Н. 2, с. 143
Богораз В. Г. (Тан Н. А.) 5, с. 151; 7, с. 86; 10, с. 139; 19, с. 129, 131, 135, 136, 138, 139; 21, с. 114, 116, 127; 22, с. 110; 53, с. 9; 56, с. 122, 142; 57, с. 186; 70, с. 132
Богословский И. С. 57, с. 182
Богословский П. С. 27, с. 35; 38, с. 94
Боде В. А. 68, с. 50
Боднарский М. С. 58, с. 5
Болдырев М. 67, с. 100
Боло С. П. 28, с. 179
Болховитинов Е. см. Евгений (Болховитинов)
Бонгард-Левин Г. М. 14, с. 174
Бондарчик В. К. 11, с. 17; 41, с. 3
Бонч-Бруевич В. Д. 38, с. 76, 92, 93; 39, с. 30; 57, с. 184, 187
Бонч-Осмоловский Г. А. 25, с. 42, 60
Бопп Ф. 8, с. 65
Борзов А. А. 56, с. 142, 143; 57, с. 176, 181
Борисковский П. И. 46, с. 145
Борисов Л. 54, с. 28
Бородин 69, с. 28
Бородин А. П. 68, с. 56
Бородин В. П. 67, с. 100, 105, 109
Бородин К. Б. 69, с. 18
Бородин Н. А. 68, с. 48; 69, с. 16, 18, 19, 26, 31
Бородин П. М. 69, с. 16
Бородина М. А. 26, с. 67
Бородина Э. Г. 28, с. 185
Браиловский С. Н. 49, с. 107, 108; 56, с. 120, 122, 131, 133, 138
Брайотич В. 50, с. 156
Братчиков А. В. 59, с. 37
Браун Р. 1, с. 169; 2, с. 139, 140
Бриль А. И. 27, с. 24—27, 30, 35, 36, 38
Бровцын Н. Б. 55, с. 146
Бродский Н. Л. 10, с. 148
Брока П. 66, с. 169
Брокгауз Ф. А. 36, с. 101; 60, с. 19, 36
Бромлей С. В. 44, с. 4
Бромлей Ю. В. 46, с. 149—151, 154; 53, с. 8
Броневский В. В. 63, с. 31
Броссе М. И. 64, с. 58
Брук С. И. 12, с. 12—14; 41, с. 3
Брюкнер А. 6, с. 113
Брюсов А. Я. 46, с. 145, 146
Брюсов В. Я. 1, с. 167
Букинич Д. Д. 1, с. 171, 172; 2, с. 139
Булатович А. К. 55, с. 146
Бунак В. В. 1, с. 178; 3, с. 188—192, 195, 196; 14, с. 162—166, 173; 18, с. 164; 60, с. 6, 24, 34—37; 66, с. 170, 171
Бунге Н. Х. 60, с. 10
Бунин В. 27, с. 24
Бурдуков А. В. 13, с. 97; 34, с. 63, 66—69, 75; 44, с. 3
Бурдукова Т. А. 13, с. 97
Бурнатная С. Ш. 49, с. 107
Бурнатов М. 27, с. 11, 12
Бурчинова Л. С. 43, с. 3; 13, с. 87
Буслаев Ф. И. 7, с. 78; 8, с. 67, 71, 72; 10, с. 130; 30, с. 70, 85, 89; 32, с. 115, 125, 126; 42, с. 3
Буссе Ф. Ф. 56, с. 136; 59, с. 42, 47

Буташевич-Петрашевский М. Ф. см. Петрашевский М. Ф.
Бутинов Н. А. 46, с. 144—149, 151, 153; 60, с. 35, 36
Бутков П. Г. 65, с. 74
Бутович В. Н. 17, с. 134
Бутузов В. 36, с. 103
Бутурлин С. А. 22, с. 115; 49, с. 119
Быковский С. Н. 57, с. 184
Бычков И. А. 24, с. 45, 53, 55
Бэр К. М. 12, с. 12; 15, с. 56, 60; 48, с. 47; 52, с. 89, 90, 98; 53, с. 6; 54, с. 22—24; 66, с. 167
Бэтсон 1, с. 168
Вяков А. М. 57, с. 182

В. Г. см. Григорьев В. Н.
Вавилов И. С. 54, с. 25
Вавилов Н. И. 1, с. 165—190; 2, с. 138—144; 3, с. 192; 40, с. 3; 41, с. 4; 55, с. 146—164; 57, с. 177
Вавилов С. И. 1, с. 166
Вавилова А. И. 1, с. 166
Вавилова Л. И. 1, с. 166
Вагнер Л. Б. 3, с. 190, 195
Вагнер М. 2, с. 142
Вайнберг Б. И. 25, с. 61
Вайнштейн С. И. 14, с. 162, 174; 33, с. 190, 207, 208; 43, с. 3; 46, с. 155
Валуев П. А. 11, с. 17
Вальская Б. А. 15, с. 54, 56, 58, 59, 63; 41, с. 4; 60, с. 35
Вамбери Г. 70, с. 132
Ванков С. Н. 49, с. 109, 111
Варб Е. 10, с. 162
Вардаш Л. 33, с. 207
Варнотт Д. 57, с. 184
Варсанофьева В. А. 57, с. 185
Василевич Г. М. 22, с. 118; 48, с. 52; 58, с. 6, 13, 14
Василий Шуйский 51, с. 21
Васильев А. 57, с. 184
Васильев А. В. 35, с. 108
Васильев Б. А. 56, с. 132
Васильев В. И. 16, с. 141
Васильев В. Н. 5, с. 156, 159; 57, с. 182, 184
Васильев И. Я. 23, с. 81—83
Васильев И. В. 10, с. 148; 30, с. 91; 32, с. 120, 128
Васильев А. 57, с. 184
Васильева Г. П. 25, с. 62; 47, с. 127
Васина А. И. см. Тарасова (Васина) А. И.
Ватин В. А. 27, с. 32
Ватсон О. К. 54, с. 24
Вахтанг VI 64, с. 57, 58
Вахушти Багратиони 64, с. 66, 67
Введенский А. А. 38, с. 93
Вдовин И. С. 21, с. 127; 27, с. 17
Вегенер А. 56, с. 130; 57, с. 18
Веймарн И. И. 27, с. 15, 16
Векслер А. 18, с. 171
Велецкая А. 18, с. 171
Велькер 18, с. 170, 171; 66, с. 167
Вельяминов-Зернов В. В. 54, с. 23
Веневитинов М. А. 10, с. 165
Венюков М. И. 49, с. 117, 118; 56, с. 120, 131
Вербов Г. Д. 17, с. 137
Верещагин Г. 57, с. 186
Верковин С. И. 10, с. 132
Веселаго Ф. Ф. 23, с. 87
Веселовский А. Н. 6, с. 103; 7, с. 78, 79, 82—84; 10, с. 138; 30, с. 69, 72, 73, 77, 78, 86, 89; 32, с. 116, 125, 127; 50, с. 151
Веселовский К. С. 15, с. 54, 58, 59, 63
Веселовский Н. И. 9, с. 46, 48; 13, с. 96; 65, с. 85
Веске М. П. 36, с. 103; 59, с. 38, 46
Видеман Ф. И. 52, с. 90, 92
Вилкуна К. 21, с. 114, 126
Вильмарк Эрсар де ла 7, с. 80
Вильямс Г. В. 39, с. 31; 49, с. 113
Винклер С.-Р. 52, с. 89
Винник Д. Ф. 25, с. 61
Винников И. Н. 60, с. 37
Виноградов А. П. 1, с. 177
Виноградов В. Б. 64, с. 59
Виноградов Г. С. 53, с. 8; 59, с. 39, 46
Виноградов Н. Н. 59, с. 37, 46
Виноградова В. Г. 49, с. 107
Винокуров Т. З. 5, с. 155
Винокурова Н. О. 39, с. 34
Винтер Э. 59, с. 14
Вирхов 18, с. 162
Виструп Я. 57, с. 184
Виташевский Н. А. 5, с. 149—152, 155, 158, 160; 22, с. 110, 117, 120; 45, с. 100, 101; 53, с. 9; 57, с. 182
Витевский В. Н. 68, с. 48; 69, с. 31, 34
Витов М. В. 3, с. 197
Виттенбург П. В. 57, с. 184
Вишневский Б. Н. 3, с. 190, 195; 23, с. 88; 57, с. 184
Вишневский Д. В. 35, с. 112
Владимир Мономах 64, с. 67
Владимирский В. В. 35, с. 107
Владимирцов Б. Я. 13, с. 95, 97; 34, с. 65—75; 39, с. 31; 44, с. 3; 56, с. 122; 59, с. 38, 46
Владимирцова Л. 34, с. 75
Владиславович-Рагузинский С. Л. 27, с. 8
Власова З. И. 36, с. 103
Влахович М. С. 57, с. 181
Воейков А. И. 10, с. 129; 12, с. 12; 53, с. 11
Вознесенский И. Г. 23, с. 86; 26, с. 66—76; 41, с. 4; 54, с. 27
Войцеховский Б. Л. 57, с. 186
Волков Ф. К. 9, с. 48; 49, с. 113
Волконский Г. С. 68, с. 57; 69, с. 29, 30
Вологдин П. А. 35, с. 107
Волоцкой М. В. 3, с. 192, 196, 197
Вольтер Э. А. 39, с. 31; 59, с. 37—39, 46
Воронин Н. Н. 57, с. 181
Воронов А. А. 1, с. 177
Воронцов Н. Н. 1, с. 188
Воропай И. М. 35, с. 107
Врангель Ф. П. 23, с. 78, 82—84, 88
Вронченко М. П. 15, с. 56, 60
Вруцевич А. С. 11, с. 20
Врчевић В. 50, с. 153, 154
Всеволод Мстиславич 51, с. 22
Вукичевич М. М. 50, с. 145
Вульф И. В. 27, с. 13
Вучинич Д. В. 67, с. 107
Высоцкий Н. Ф. 35, с. 108, 112
Вяземский А. А. 27, с. 23—26
Вяземский Н. В. 60, с. 20
Вяземский П. А. 24, с. 45, 46; 63, с. 24, 32, 33
Вяйсенен А. 36, с. 106

Габаев Г. С. 67, с. 108
Габышев Н. А. 28, с. 180, 181, 184
Гаген-Торн Н. И. 17, с. 133; 19, с. 140; 41, с. 4; 49, с. 106, 122, 124; 52, с. 98
Гаевский П. И. 63, с. 24
Гайдукевич В. Ф. 18, с. 166
Галкин Н. Н. 53, с. 11
Гальковский Н. 50, с. 153
Галыжевский Ф. М. 28, с. 180
Гамбаров Ю. С. 10, с. 130
Гамильтон Т. Н. 57, с. 184
Гарданов В. К. 46, с. 156
Гафуров Б. Г. 33, с. 203, 208
Гвоздикова Л. С. 41, с. 4
Гедин С. 56, с. 130
Гейзер 54, с. 27
Гейкель А. 36, с. 93, 103—106
Гейман С. В. 25, с. 40, 41
Геккель Э. 60, с. 33
Геккер Н. 5, с. 151; 22, с. 110; 53, с. 9
Гельборн А. 17, с. 134
Гельмерсен Л. 27, с. 21, 29
Геммельман С. С. 57, с. 184
Генко А. Н. 25, с. 57
Геннади Г. Н. 59, с. 40, 41, 46
Геонка Сунцай 49, с. 124
Георги И. Г. 36, с. 95, 97
Герасимов М. М. 18, с. 157—172; 20, с. 159; 42, с. 4
Герасимова М. М. 18, с. 157; 42, с. 4
Герман И. Ф. 27, с. 32
Гермогенов Г. У. 70, с. 123
Геродот 1, с. 170; 9, с. 46; 33, с. 191, 203; 65, с. 81
Герцен 60, с. 5
Гершкович Б. Г. 42, с. 4; 44, с. 4

Герье В. И. 10, с. 136; 32, с. 121
Гессель Герритс (Говард) 48, с. 49, 52
Гете И. В. 18, с. 161, 170
Гидулянов П. В. 57, с. 185
Гилельсон М. А. 63, с. 33
Гильфердинг А. Ф. 7, с. 73; 8, с. 70; 28, с. 185; 38, с. 76, 81, 94; 39, с. 36; 53, с. 8, 9
Гинзбург В. В. 3, с. 191, 192, 196, 197; 18, с. 167
Гиппиус Е. В. 57, с. 182
Гирс А. К. 15, с. 62
Гиршфельд Л. 3, с. 190
Гладкова Т. Д. 35, с. 112; 36, с. 101
Глазунов А. 23, с. 82, 83, 85, 88
Глазунов А. К. 67, с. 97
Глинка М. И. 9, с. 49; 10, с. 142, 146, 147
Глухов А. Н. 25, с. 55
Гневушева Е. И. 19, с. 128, 139; 43, с. 3
Гнучева В. Ф. 27, с. 23, 32; 58, с. 10
Говоров К. А. 57, с. 184
Говоров Л. И. 55, с. 152
Говоров М. Д. 70, с. 128
Гоголь Н. В. 63, с. 28; 69, с. 20
Голубов Ф. Б. 48, с. 48, 49, 52
Голицин А. Ф. 15, с. 55
Голицын В. В. 38, с. 84
Голицын Н. М. 15, с. 59
Головацкий Я. Ф. 10, с. 132; 11, с. 18
Голомбиевский А. А. 57, с. 185
Голстунский К. Ф. 13, с. 91—93, 97; 34, с. 63
Голубовский П. В. 30, с. 79, 85, 89
Гольденберг П. И. 48, с. 52
Гомбоев Г. 13, с. 91
Гомер 9, с. 46
Гомолицкий В. И. 11, с. 18
Гондатти Н. Л. 49, с. 117; 56, с. 121, 122, 144
Гончаров В. Г. 27, с. 16
Гончаров И. А. 69, с. 21
Горбунов И. Ф. 69, с. 19, 20
Гордеев Ф. И. 36, с. 95
Гордлевский В. А. 9, с. 40; 10, с. 148; 32, с. 119; 57, с. 182, 184—186; 64, с. 56
Горемыкина В. И. 46, с. 147
Горенко И. И. 38, с. 72
Горинович В. 5, с. 151; 22, с. 110
Городцов В. А. 38, с. 89—92, 94; 44, с. 4
Городцов П. А. 34, с. 88—92; 44, с. 4
Горохов К. И. 5, с. 152; 158, 159; 22, с. 110
Горощенко К. И. 14, с. 162, 174
Горцевская В. А. 56, с. 135
Горький А. М. 1, с. 170, 171; 7, с. 72, 88; 9, с. 54; 10, с. 139; 19, с. 135, 140; 49, с. 123; 56, с. 125, 130; 70, с. 123
Господарев Ф. П. 39, с. 36
Готье Ю. В. 57, с. 184
Гохман И. И. 3, с. 197; 20, с. 158, 159, 162; 41, с. 4
Граков Б. Н. 33, с. 191
Грдличка А. (Хрдличка) 25, с. 41; 49, с. 116
Гребенщиков А. В. 56, с. 128
Гребнев Л. В. 33, с. 191, 207
Гребнер Ф. 2, с. 142
Гредвул Р. 18, с. 162
Греков В. И. 27, с. 9
Гремяцкий М. А. 3, с. 191; 18, с. 164
Греч Н. И. 63, с. 23
Гречанинов А. Т. 10, с. 144
Григолиа К. Г. 64, с. 60
Григорий Диакон 64, с. 60
Григорьев А. А. 69, с. 19, 29
Григорьев А. В. 60, с. 16—24, 27—29, 33, 36
Григорьев А. Д. 7, с. 81; 10, с. 148; 32, с. 119; 38, с. 76, 80, 93, 94; 57, с. 184
Григорьев А. Д. 18, с. 163
Григорьев В. В. 53, с. 6
Григорьев В. Н. 63, с. 29
Григорьев М. 22, с. 118
Григорьев Н. С. 70, с. 127
Григорьев С. Г. 57, с. 184
Григорьев С. П. 57, с. 184
Гримм В. 39, с. 31
Гримм Я. 8, с. 65; 39, с. 31
Гринкова Н. П. 39, с. 33—35
Гродеков Н. И. 49, с. 108
Гроссе Э. 6, с. 103
Грот Я. К. 24, с. 49
Груздев Ф. С. 60, с. 36
Грузинский А. Е. 10, с. 148
Грумм-Гржимайло А. Г. 1, с. 173; 55, с. 148, 152, 161—163; 60, с. 35
Грумм-Гржимайло Г. Г. 49, с. 113
Грумм-Гржимайло Г. Е. 14, с. 164; 53, с. 10; 54, с. 28
Грушевский М. С. 6, с. 113
Грязнов М. П. 33, с. 186—192, 195—197, 204, 206, 207
Гудзенко А. Н. 49, с. 110
Гудзий Н. К. 30, с. 82
Гудзони 55, с. 161
Гудошников М. А. 70, с. 127, 132
Гулак И. И. 64, с. 69, 70
Гуляев А. Л. 68, с. 48
Гуляев Л. М. 57, с. 184
Гуляев С. И. 54, с. 26; 69, с. 26
Гундобин П. И. 54, с. 26
Гурвич И. С. 21, с. 114; 22, с. 109, 120; 27, с. 38; 28, с. 177, 184; 42, с. 4
Гурий 13, с. 96, 97
Гурт Я. 52, с. 97
Гурьев Н. 27, с. 15
Гусев С. Ф. 49, с. 110
Гюльденштедт 65, с. 78

Давгат Б. 65, с. 85
Давиденков С. П. 22, с. 121
Давидов А. Ю. 10, с. 130
Давыдов Г. Н. 23, с. 78—80, 87
Давыдова А. В. 20, с. 162
Дадешкелиани К. 65, с. 78, 82
Далев В. И. 69, с. 15
Даль В. И. (Луганский В.) 15, с. 58; 24, с. 46, 48, 49, 51—56; 53, с. 6, 7, 9
Дамаскин Иоанн. см. Иоанн Дамаскин
Дандевиль В. Д. 69, с. 18, 19
Данилевский К. В. 24, с. 48
Данилевский Н. Я. 15, с. 54, 62, 63; 69, с. 24
Данилов К. 7, с. 81
Данилова Е. Н. 46, с. 156
Данковская Р. С. 10, с. 148
Данте О. 18, с. 161
Дарвин Ч. Р. 10, с. 129, 136; 55, с. 147
Даргомыжский А. С. 10, с. 142
Даркевич В. П. 33, с. 207
Дауркин Н. И. 27, с. 20—22, 27, 29
Дашкевич Н. П. 9, с. 45; 30, с. 85, 88—91
Дашков В. А. 10, с. 158—160, 164—166, 168; 32 с. 118
Дебец Г. Ф. 1, с. 179, 182; 3, с. 189, 191, 193, 195—197; 14, с. 164; 18, с. 164, 167, 168; 20, с. 162, 163; 66, с. 167, 168, 171
Де-Воллан Г. А. 10, с. 155
Дейч Л. Г. 5, с. 158
Декандоль А. 1, с. 168, 169; 2, 139, 140
Декапрелевич Л. Л. 55, с. 146
Делич Ф. 32, с. 115
Делиль И.-Н. 27, с. 9—11
Дельвиг А. А. 63, с. 23
Делянов И. Д. 10, с. 138
Демин Л. М. 41, с. 4
Дербенева А. М. 36, с. 93
Дервиз Д. В. 3, с. 189
Деревянко А. П. 56, с. 139
Державин Н. С. 10, с. 154; 155; 32, с. 114
Деркачева-Скоп Е. И. 7, с. 78
Дерсу Узала см. Узала Дерсу
Десницкая В. Н. 57, с. 182
Десулави Н. А. 49, с. 110
Джа-Лама 34, с. 67, 75
Джавахишвили И. А. 64, с. 58—60; 65, с. 86
Джавахов А. И. 65, с. 86
Джапашвили М. 64, с. 66, 67
Джапаашиа Л. С. 64, с. 60, 61
Джапаашиа Н. С. 65, с. 85
Джибе Дж. 26, с. 82
Джиновский П. 50, с. 152
Джиффорд Э. У. 26, с. 67—69
Джуаншериани Джуаншер 64, с. 57, 58, 60
Дзенискевич Г. И. 23, с. 77; 41, с. 4

Дзюль К. А. 49, с. 110
Диваев А. 57, с. 186
Дидебулидзе З. 64, с. 63
Диков Н. Н. 20, с. 160, 163
Дилакторский П. А. 59, с. 38, 39, 46
Дитмар Б. Н. 57, с. 184
Диц Ф. 8, с. 65
Дин М. А. 40, с. 3; 42, с. 4; 43, с. 4
Дмитриев В. В. 57, с. 184
Дмитриев Л. А. 51, с. 21
Дмитриев М. А. 11, с. 17, 20
Дмитриев С. 6, с. 113
Дмитриева Л. В. 5, с. 153, 158, 159
Добровольский В. Н. 9, с. 45, 10, с. 147, 149; 39, с. 29; 57, с. 182
Добродомов И. Г. 25, с. 62
Добролюбов Н. А. 60, с. 5; 69, с. 15, 25
Добрянский Ф. М. 11, с. 20
Довконт 59, с. 38, 46
Довнар-Запольский М. В. 10, с. 148; 57, с. 185
Догель В. А. 1, с. 188; 55, с. 146
Догоюков И. П. 70, с. 128
Докучаев В. В. 1, с. 177
Долгих Б. О. 46, с. 144, 153
Долгов С. О. 57, с. 184
Долгоруков В. А. 60, с. 8
Долгоруков И. А. 27, с. 10
Дондуков-Корсаков М. А. 63, с. 24
Доннер О. 36, с. 104
Донсков С. И. 24, с. 54
Донскова А. А. 24, с. 47, 54
Дорошин П. П. 54, с. 25
Досифей, митрополит 65, с. 78
Достоевский А. А. 49, с. 110; 60, с. 25—30
Достоевский Ф. М. 60, с. 23; 69, с. 21
Дриянский Е. Э. 69, с. 19—21
Дробнякович М. 57, с. 181
Дружинин А. В. 69, с. 19, 20, 27
Дубенский П. М. 53, с. 9
Дубровский П. П. 59, с. 40, 41, 46
Дунин-Горкавич А. А. 16, с. 141—148
Дургерн 3, с. 190
Дурново Н. Н. 10, с. 148
Дурново П. Д. 15, с. 61
Дурново П. Н. 35, с. 108
Дуров С. Ф. 15, с. 55, 56, 62
Дурова Н. А. 57, с. 181
Дьяченко В. Д. 3, с. 197
Дьяченко С. В. 35, с. 108
Дюбуа[н] О. О. 10, с. 164
Дюбуа де Монпере 64, с. 59; 65, с. 78
Дюверпуа А. Л. 10, с. 132

Евгений (Болховитинов) 27, с. 30; 58, с. 5
Евлахов А. М. 6, с. 104
Европеус А. И. 15, с. 54, 61
Евсевьев М. Е. 36, с. 93—100, 103, 104, 106, 107
Евсеев И. Е. 57, с. 184
Евтеев О. А. 27, с. 9
Егоров А. 68, с. 58
Егоров Д. Ф. 9, с. 49
Егоров Ф. 57, с. 182
Едемский М. Б. 38, с. 78, 93; 39, с. 32—35; 59, с. 39, 46
Елеонский Е. Н. 10, с. 148, 149; 32, с. 122, 128; 38, с. 76, 93; 57, с. 182, 184; 67, с. 97
Елистратов И. Н. 3, с. 197
Елпатьевский В. С. 57, с. 184
Емельченко И. Р. 24, с. 45; 40, с. 3; 42, с. 3; 69, с. 30
Емельяненко Т. 13, с. 96
Емельянов Л. И. 32, с. 126, 128
Емельянов Н. В. 70, с. 122—124
Емичев А. 63, с. 25, 29
Ендржиевский В. Д. 5, с. 154
Еремин М. П. 63, с. 29, 33
Ермак 67, с. 102, 103; 68, с. 27
Есаков В. А. 60, с. 35, 36
Ефименко А. Я. 53, с. 8
Ефименко П. П. 46, с. 145; 57, с. 184, 186
Ефименко П. С. 38, с. 81; 53, с. 8
Ефимов А. В. 27, с. 32; 48, с. 51
Ефремов П. Е. 70, с. 122, 124
Ефрон И. А. 36, с. 101; 60, с. 19, 36

Жаденов В. Н. 1, с. 189
Жданко Т. А. 25, с. 60
Жданов И. Н. 7, с. 82
Жебелев С. А. 9, с. 48; 57, с. 184
Железнов В. Ф. 44, с. 4; 67, с. 95—109
Железнов Д. Ф. 69, с. 16
Железнов И. Д. 69, с. 16
Железнов И. И. 24, с. 47, 48, 52—54; 42, с. 3; 67, с. 107, 109; 68, с. 56, 57, 62; 69, 15—38
Железнов Ф. С. 67, с. 100
Железнова А. В. 44, с. 4; 67, с. 95—109
Жинзиров К. И. 10, с. 132
Жиркевич А. В. 11, с. 20
Жирмунский В. М. 7, с. 75, 79, 83, 86; 30, с. 81, 83, 95; 70, с. 123
Жиров Е. В. 3, с. 196; 66, с. 167
Житецкий И. А. 13, с. 94
Житков Б. М. 56, с. 121
Жук А. 6, с. 114
Жукас В. 59, с. 43, 47
Жуковский В. А. 24, с. 45—56; 40, с. 3; 63, с. 24, 33; 69, с. 30
Жуковский Н. Е. 10, с. 146
Жуковский П. М. 1, с. 175; 2, с. 141; 55, с. 158

Забелин И. Е. 9, с. 48; 51, с. 20, 21
Заблоцкий-Десятовский А. П. 15, с. 56, 58—60, 62, 63
Заварзин А. А. 1, с. 188
Загоскин Л. А. 23, с. 78, 81, 85, 86, 88
Загуменный В. Г. 23, с. 78
Задорнов Н. 56, с. 139
Закруткин В. А. 13, с. 97
Залкинд Н. Г. 66, с. 165
Зарецкий А. Я. 55, с. 149
Зарифов Х. Т. 30, с. 83
Зарубин И. И. 49, с. 112
Заусайлов В. И. 35, с. 112
Званцев М. П. 57, с. 184
Зверев Д. П. 57, с. 184
Здобнов Н. В. 56, с. 124
Здроевский А. А. 11, с. 21
Зелеман К. Г. 45, с. 102
Зеленин Д. К. 29, с. 38; 36, с. 100; 38, с. 76, 78, 87, 88, 93; 39, с. 31—33, 36; 52, с. 94, 98; 53, с. 9; 57, с. 181, 182, 184; 59, с. 38, 39, 43, 44, 46, 47.
Зенгер Г. Э. 10, с. 158
Зензинов В. М. 28, с. 176—178, 181, 182, 184; 57, с. 182
Зенкевич П. И. 3, с. 189
Зенников Н. П. 22, с. 115
Зибер Н. И. 46, с. 142—144
Зибирев В. А. 56, с. 119
Зиневич Г. П. 3, с. 197
Зобнин Ф. К. 29, с. 39, 40
Зограф Н. Ю. 10, с. 165
Золотарев А. М. 3, с. 190
Золотарев Д. А. 3, с. 189; 39, с. 33, 57, с. 184
Золотаревская И. А. 26, с. 67
Золотницкая Р. Л. 17, с. 135
Золотницкий В. 63, с. 25, 29
Зорин И. 36, с. 105
Зоркин В. И. 28, с. 185
Зубов А. А. 1, с. 189
Зубов Н. Н. 27, с. 29
Зубощекин М. 57, с. 184
Зубрицкий 27, с. 29
Зырянов А. Н. 54, с. 26

Иван Грозный 7, с. 88; 9, с. 53; 18, с. 167, 171; 67, с. 102
Иван-царевич 18, с. 171
Иванин М. И. 15, с. 62
Иванов Б. П. 48, с. 46
Иванов В. 23, с. 78
Иванов В. В. 8, с. 72
Иванов В. В. 11, с. 21
Иванов Н. 27, с. 24
Иванов Н. Р. 55, с. 152
Иванов П. 27, с. 10
Иванов С. В. 56, с. 132
Иванова Е. В. 41, с. 4
Иванова О. А. 35, с. 112
Иванова Т. Г. 38, с. 77, 93
Ивановская Т. Ф. 57, с. 185
Ивановский А. А. 57, с. 184, 185; 66, с. 166
Иванцев С. 36, с. 103
Иванина Л. Г. 20, с. 159
Игнатьев А. А. 45, с. 102
Игнатьев М. В. 3, с. 192, 197
Игнатьев Р. Г. 68, с. 48

Иериг (Эган, Эриг, Эрих) И. 27, с. 36, 40—42
Изослав Ярославич 51, с. 20
Иконников А. 13, с. 92
Иконников В. С. 9, с. 45
Иловайский Д. И. 10, с. 133; 30, с. 86; 51, с. 7
Ильяшенко 35, с. 108
Инал-Ипа Ш. Д. 65, с. 86
Ингиру 49, с. 112
Ингороква П. 64, с. 61
Инешин 27, с. 34
Иностранцев А. А. 66, с. 168
Иоанн Дамаскин 10, с. 136; 36, с. 97
Ионов В. М. (Михайлович В.) 5, с. 149—161; 22, с. 110; 43, с. 3; 45, с. 100, 101
Ионова Л. В. 5, с. 155
Ионова (Андросова, Попова, Слепцова) М. Н. 5, с. 149—160; 43, с. 3
Иосаф, архимандрит 23, с. 79
Иохельсон В. И. 5, с. 151; 9, с. 43; 10, с. 139; 21, с. 114; 22, с. 110; 53, с. 9; 57, с. 184
Ипатьев А. Н. 1, с. 169, 188
Ипполитов-Иванов М. М. 10, с. 144
Исаев А. А. 10, с. 138
Исаков Н. В. 10, с. 162, 165
Исленьев И. И. 27, с. 30
Истомин И. 38, с. 80
Истомин Ф. М. 38, с. 80, 81, 83, 84, 94
Истрин В. М. 9, с. 48

Кабанов Н. Е. 56, с. 117, 139
Кабищанов Ю. М. 2, с. 141
Каблуков И. А. 10, с. 166
Кабо В. Р. 46, с. 144, 146, 147
Кабо Р. М. 12, с. 14
Кабузан В. М. 12, с. 14
Кавелин Д. К. 53, с. 7, 8
Кавтаськин Л. С. 36, с. 100
Кагаров Е. Г. 49, с. 123; 63, с. 33
Кадырбаев М. К. 25, с. 61
Казаров Г. И. 57, с. 181
Казы-Гирей, султан 63, с. 28
Какабадзе С. С. 64, с. 59
Калатинский А. 18, с. 161
Калачов Н. В. 27, с. 27; 51, с. 20; 53, с. 8; 54, с. 23
Калдани М. 65, с. 81
Калинин И. М. 39, с. 33
Калинников И. Ф. 39, с. 32
Калоев Б. А. 30, с. 70; 32, с. 112, 127; 46, с. 156; 64, с. 56, 59; 65, с. 85
Калошин Н. Н. 15, с. 62
Калужникова Т. И. 67, с. 95, 104—106
Калягин Г. 67, с. 100
Канапит Симон 65, с. 86
Канапов Г. И. 10, с. 133, 134; 32, с. 103
Канн-Новикова Е. 67, 95, 108
Капица Л. Л. 25, с. 39
Капица О. И. 7, с. 77; 39, с. 33
Капица П. Л. 25, с. 39
Капнист А. 57, с. 184
Караджич Вук 50, с. 146—148, 153
Каразин Н. Н. 25, с. 53, 54, 62
Каралькин П. И. 49, с. 106; 56, с. 140
Карамзин Н. М. 63, с. 31, 32
Карасев П. А. 10, с. 144
Каргер Н. К. 56, с. 119, 142
Карелин Г. С. 68, с. 48
Карлайрыгин 21, с. 116, 118, 119, 122
Кармышева Б. Х. 25, с. 38; 44, с. 3; 47, с. 127
Кармышева Дж. Х. 25, с. 61, 62
Карпаухова И. В. 7, с. 72; 39, с. 34
Карпов А. Б. 68, с. 48, 61; 69, с. 33
Карпов Г. В. 60, с. 35—37
Карро М. 55, с. 148
Карский Е. Ф. 38, с. 88
Касимов С. 25, с. 62
Касимова Р. М. 3, с. 197
Кассо Л. А. 32, с. 121
Кастрен М. 36, с. 104
Кастриот Джюро см. Скандербег Г.
Катанов Н. Ф. 5, с. 151; 14, с. 162, 174
Катуар 9, с. 51
Каульбарс Н. В. 60, с. 14—16, 22—24, 33, 36
Кауфман К. П. 10, с. 163; 11, с. 17
Каухчишвили С. Г. 64, с. 59
Кафаров П. И. см. Палладий
Качановский В. 50, с. 155
Кашгарский М. 33, с. 198
Кашин Н. И. 29, с. 45
Кашкин Е. П. 27, с. 35, 36
Кашкин Н. Д. 10, с. 141
Кашкин Н. С. 15, с. 54, 55, 60, 61
Кашкин С. Н. 15, с. 61, 63
Каюрчай 67, с. 106
Квари Аяка 21, с. 122
Кекелидзе К. С. 64, с. 58, 59—61
Келер В. 1, с. 166
Келл 1, с. 185
Келлер 18, с. 170
Кенигсфельс Т. 27, с. 6, 8—11
Кеппен П. И. 12, с. 12; 15, с. 59; 36, с. 97; 52, с. 94, 95; 53, с. 11
Керн 10, с. 156
Керцелли Н. Г. 10, с. 158, 165
Кетле 15, с. 59
Киарелли Б. 1, с. 189
Кимонко Д. 56, с. 130
Киндерман Х. (А.) 27, с. 13, 14, 37
Киреев А. Н. 30, с. 81
Киреевский П. В. 10, с. 147; 38, с. 76, 93; 63, с. 26; 69, с. 26
Кирилов Н. В. 49, с. 108, 111, 112, 115; 56, с. 117
Кириллов И. И. 20, с. 160
Киркор А. К. 11, с. 17
Кирпичников А. И. 6, с. 103; 7, с. 78; 9, с. 48, 52, 53
Кирпичников В. С. 1, с. 188
Кирпотин В. 13, с. 96
Киселев А. 28, с. 178
Киселев С. В. 33, с. 186, 187, 193—196, 206, 207
Киселев С. П. 28, с. 177, 180
Киселева П. 68, с. 58
Кисляков В. Н. 41, с. 4
Кисляков Н. А. 46, с. 144, 151, 154
Киттары М. Я. 10, с. 158
Кишиков А. Ш. 13, с. 88, 96, 97
Клапрот 64, с. 59; 65, с. 78
Кларк К. 1, с. 176; 55, с. 158
Кларк М. см. Миклухо-Маклай М.
Клейн В. 57, с. 185
Клеман М. К. 69, с. 25
Клементьев А. Н. 56, с. 139
Клеменц Д. А. 53, с. 9
Клеповский Н. С. 9, с. 50; 10, с. 141
Клепиков С. А. 48, с. 52
Клер О. 56, с. 141
Кливетских см. Пливецкий
Климов Г. А. 65, с. 81
Климовский А. 23, с. 78
Климовский Г. 29, с. 42
Кличка Ф. Н. 27, с. 23
Клочепков П. И. 69, с. 29
Ключевский В. О. 9, с. 40, 53; 10, с. 131, 138
Кобелев М. 27, с. 31, 32
Коблов 57, с. 184
Ковалевский Е. П. 55, с. 146
Ковалевский М. М. 9, с. 40, 52, 53; 10, с. 130—133, 137, 138, 152, 154, 156—158; 27, с. 5; 32, с. 112, 115, 119, 127; 46, с. 142—144, 151; 64, с. 56
Ковалевский О. М. 13, с. 89, 90
Ковалик С. Ф. 5, с. 151; 22, с. 110; 53, с. 9
Ковальский В. В. 1, с. 177
Коган И. И. 27, с. 17
Коган П. С. 1, с. 170
Кожевников Г. А. 10, с. 166
Кожин П. М. 26, с. 66, 68, 69; 41, с. 4; 57, с. 187
Козин С. А. 13, с. 88, 91, 96, 97; 33, с. 207
Козлов В. И. 12, с. 13, 14
Козлов П. К. 20, с. 161; 49, с. 111, 113; 53, с. 10; 57, с. 176, 181, 185; 60, с. 37
Козлов С. С. 35, с. 112
Козырев Н. Г. 39, с. 32
Козьмин Н. Н. 56, с. 124; 70, с. 125, 127, 132
Колесник Н. Н. 2, с. 143
Колесов 70, с. 128
Колмаков Ф. 23, с. 83
Кольман И. 18, с. 161, 162
Кольцов Н. К. 3, с. 190, 195
Комаров В. Л. 1, с. 169; 49, с. 107, 123; 56, с. 123, 130, 141

Кон Ф. Я. 5, с. 151; 14, с. 162, 174; 22, с. 110
Конабасов С. А. 33, с. 107
Кондаков Н. С. 65, с. 79, 86
Конский Г. 63, с. 28
Коновалов А. В. 25, с. 39, 46, 58, 62
Коновалов П. Б. 20, с. 162
Коновалов Ф. И. 59, с. 39, 46
Конрад Н. И. 30, с. 69, 70
Коргуев М. М. 39, с. 36
Корещенко А. Н. 10, с. 144
Корш П. И. 68, с. 48
Кормазов В. А. 57, с. 185
Корнилов И. П. 11, с. 17, 18
Корнилов Н. В. 29, с. 45
Коробка Н. И. 6, с. 100, 102
Коровин С. А. 54, с. 27
Короленко В. Г. 10, с. 135; 36, с. 103; 37, с. 58—60, 66—68; 56, с. 118; 60, с. 34; 67, с. 95, 106, 108, 109; 68, с. 57, 62; 69, с. 26, 30, 38; 70, с. 123
Коростелев Д. А. 27, с. 13, 14
Коротин Е. И. 37, с. 59
Коротков И. А. 57, с. 185
Корсаков С. С. 22, с. 110
Корсаковский П. 23, с. 80, 81
Корш Ф. Е. 9, с. 40, 41, 44, 46, 48—52; 10, с. 133, 134, 146, 149, 151
Корытова В. И. 16, с. 141
Косвен М. О. 27, с. 5—7, 19; 40, с. 3; 42, с. 3; 46, с. 144, 149—152, 155; 64, с. 56; 65, с. 73, 85
Коскин А. 55, с. 146
Костенко Ю. Ф. 68, с. 48
Костецкий Б. И. 5, с. 149
Костоловский И. В. 57, с. 184
Костомаров Н. И. 51, с. 7, 21
Костромитинов А. 26, с. 66
Котвич В. Л. 13, с. 88, 91—95, 97; 34, с. 63, 66—69; 45, с. 99
Котляревский Н. А. 38, с. 88
Кохановский А. И. 55, с. 146
Кочаков Б. 27, с. 28
Кочкин 69, с. 29, 30
Кочнев Д. А. 70, с. 132
Кошелев Я. Р. 56, с. 118, 134
Кошкарбаев З. 25, с. 60
Кравченко В. 57, с. 185
Краевский А. А. 15, с. 59, 63; 67, с. 103, 109; 69, с. 20, 21
Красильникова В. Н. 67, с. 103
Красин Л. Б. 49, с. 119
Крачковский И. Ю. 49, с. 120
Крачковский Ю. Ф. 11, с. 17, 20
Крашенинников С. П. 63, с. 32, 33
Кребер А. Л. 26, с. 70, 75
Крейцвальд Ф. Р. 52, с. 89, 94—96
Кривощеков И. Я. 35, с. 101
Кромвель 18, с. 161
Кроп К. 7, с. 73
Кротов В. А. 70, с. 127, 130
Кротов М. А. 28, с. 178—180, 183, 184
Крубер А. А. 12, с. 13; 60, с. 5, 30, 34, 37
Крузе Ф. 52, с. 90
Крупенников И. А. 17, с. 137
Крылов А. Л. 63, с. 24
Крылов И. А. 63, с. 24
Крымский А. К. 70, с. 123
Крюков М. В. 14, с. 174; 46, с. 144, 149, 152
Крюкова Т. А. 36, с. 107
Ксенократов 38, с. 86
Ксенофонтов Г. В. 22, с. 120; 42, с. 4; 70, с. 122—141
Кудленок П. И. 57, с. 186
Кудринский Ф. А. см. Степанц Б.
Кудрявцев Ф. А. 27, с. 38
Кудрявцев Ф. И. 70, с. 127
Кудряшова А. Е. 39, с. 33
Кузнецкий Б. А. 27, с. 14, 15
Кузнецов А. К. 54, с. 28
Кузнецов Н. П. 45, с. 102
Кузнецов С. К. 9, с. 47; 10, с. 135; 36, с. 93, 97, 100, 103; 57, с. 186
Кузовлева Ю. А. 3, с. 192, 197
Кузьмин П. А. 15, с. 54, 60, 61
Кузьмина Е. Е. 25, с. 61
Кузьмина Л. П. 28, с. 175, 185; 43, с. 3
Куклинский Г. С. 48, с. 48
Кулаковский А. Е. 5, с. 159
Куликовский Г. И. 10, с. 139, 148
Кункер-хан 34, с. 65
Кун 32, с. 115
Кунпк А. А. 54, с. 23
Куприяниха см. Барышникова А. К.
Курбангали Х. 25, с. 53, 61, 62
Куренцов А. И. 56, с. 117, 130
Курилин М. К. 68, с. 48
Куркин Н. 27, с. 19
Кучерявенко В. 56, с. 144
Кучук-Иоаннесов Х. И. 10, с. 152
Кушаев Г. А. 25, с. 61
Кушелев-Безбородко Г. 51, с. 21
Кушнер (Кнышев) П. И. 46, с. 143
Кытманов Д. А. 22, с. 117
Кюнер В. 59, с. 47
Кюнер Н. В. 56, с. 125, 126, 135, 138, 145

Лавров Л. И. 65, с. 85
Лавров П. А. 10, с. 132; 38, с. 88
Лаврова-Болдырева Е. В. 58, с. 6
Лазарев Г. З. 12, с. 16
Лазарев П. П. 10, с. 146
Лазаревский А. М. 63, с. 28, 33
Лакаева П. Н. 68, с. 62
Ламанский В. И. 38, с. 78; 39, с. 30, 31; 53, с. 8, 11
Ламанский Е. И. 15, с. 54, 64; 59, с. 40, 41, 46
Ланг Л. 27, с. 41
Лангапс Ф. 27, с. 36, 38
Лаптев Д. Я. 27, с. 14, 19
Ларионов 23, с. 80
Ларичев В. Е. 56, с. 134, 136
Ларькин В. Г. 56, с. 132, 133, 138, 139
Латкин В. Н. 38, с. 81
Латкович В. 50, с. 153
Лахерма И. Е. 57, с. 185
Лашук Л. П. 46, с. 155
Леббок Д. 49, с. 115, 56, с. 141
Лебедев Д. В. 1, с. 174
Лебедев Д. М. 27, с. 16, 17, 23
Лебедев П. Н. 10, с. 146
Лебедева А. А. 29, с. 37; 41, с. 3
Лебедева Н. И. 57, с. 181, 186
Лебединская Г. В. 18, с. 161
Левенталь Л. Г. 5, с. 151; 22, с. 110; 53, с. 9
Левин В. И. 3, с. 189
Левин М. Г. 3, с. 189, 191, 196, 197; 12, с. 13, 14; 14, с. 163, 165—174; 18, с. 167; 20, с. 159; 46, с. 144, 153; 56, с. 132; 60, с. 35; 66, с. 165, 170, 171
Левинталь Л. Г. 22, с. 110
Левитов А. И. 69, с. 15
Левицкий Г. В. 11, с. 20
Левшин 27, с. 41; 63, с. 31
Левшин А. И. 69, с. 31
Лейкина-Свирская В. Р. 32, с. 128
Ленин В. И. 1, с. 170; 16, с. 144, 148; 22, с. 109, 110; 38, с. 76, 81, 94; 39, с. 30; 57, с. 184; 59, с. 44
Леннрот Э. 36, с. 104
Леонтович С. Г. 56, с. 120
Леонтьев А. 36, с. 105
Леонтьев И. 27, с. 20, 29, 33
Лепер Е. Р. 57, с. 181
Лепехин И. И. 36, с. 95—97; 38, с. 81
Лерман И. 56, с. 130
Лермонтов М. Ю. 69, с. 20
Лернер Н. О. 63, с. 33
Лерх П. И. 54, с. 25
Лерхис-Пушайтис 59, с. 38
Лефевр де Ноэтт 57, с. 184, 185
Либман Е. Г. 3, с. 197
Ливадин В. В. 5, с. 151; 22, с. 110
Лившиц В. А. 47, с. 126
Лингман В. 57, с. 185
Линденау Я. И. 27, с. 19
Линев А. Л. 10, с. 143, 144
Линева Е. Э. 9, с. 46; 10, с. 143, 144; 67, с. 95—97, 104, 105, 107—109
Линниченко И. А. 9, с. 45
Линнус Ф. 52, с. 98
Линец Р. С. 6, с. 112; 7, с. 78; 9, с. 42; 25, с. 50, 61; 28.

с. 185; 30, с. 69, 81; 31, с. 42; 32, с. 110, 112, 127, 128; 33, с. 186, 208; 35, с. 112; 36, с. 101; 40, с. 3; 43, с. 4; 44, с. 4; 57, с. 187; 64, с. 68; 69, с. 33
Липский В. И. 49, с. 113
Липчинский И. И. 38, с. 89
Липшиц С. Ю. 1, с. 174
Лисицына Г. Н. 1, с. 175; 2, с. 143, 144
Листопадов А. М. 10, с. 144; 67, с. 104, 109
Лисянский Ю. Ф. 23, с. 79, 87, 88
Литвинов А. Л. 49, с. 123, 124; 56, с. 126
Литке Ф. П. 15, с. 56, 57
Лихачев А. Ф. 35, с. 110
Лихачев Д. С. 7, с. 78; 30, с. 79
Лобашев М. Е. 1, с. 188
Лобода А. М. 6, с. 113; 7, с. 78, 83; 8, с. 71, 72; 30, с. 90, 91
Лобысевич С. 27, с. 36
Логанкин 37, с. 67
Лозанова А. Н. 67, с. 109
Лондон Дж. 26, с. 72
Лооритс О. 52, с. 98
Лопатин И. А. 56, с. 140
Лопатинский Л. Г. 64, с. 60, 65
Лоранский Л. 27, с. 34
Лорис-Меликов М. Т. 67, с. 99
Лосев А. 29, с. 43
Луганский В. см. Даль В. И.
Лукин Б. В. 25, с. 60
Лукин С. 23, с. 83
Луначарский А. В. 17, с. 135
Луппов П. Н. 49, с. 113
Лусталло 18, с. 163
Лысов И. 27, с. 20, 29
Львов 15, с. 60
Льюис 1, с. 186
Любарский П. И. (Платон) 27, с. 40
Любин Я. 67, с. 100
Лютеран 1, с. 185
Лядов А. К. 10, с. 144
Ляпунов С. М. 67, с. 108
Ляпунова Р. Г. 23, с. 87; 26, с. 66, 67, 74
Ляцкий К. 67, с. 104
Лященко А. И. 6, с. 113; 59, с. 37, 46

Маак Р. К. 53, с. 9; 54, с. 25; 56, с. 120
Мавродин В. В. 69, с. 27
Магометов А. Х. 46, с. 156
Мазуров Н. А. 10, с. 164
Майков Л. Н. 7, с. 80, 81; 8, с. 71; 30, с. 72; 39, с. 29; 48, с. 46; 50, с. 151; 53, с. 8
Майнов В. Н. 36, с. 97—99, 101; 54, с. 25; 59, с. 42, 47
Майнов И. И. 5, с. 151, 154; 22, с. 110; 27, с. 36, 42, 43; 45, с. 100; 53, с. 9
Майский И. М. 47, с. 131
Майсурян Н. А. 55, с. 159
Макаренко А. А. 53, с. 9, 10
Макашина Т. С. 35, с. 112; 36, с. 101
Максимов А. Н. 10, с. 120, 128; 32, с. 120, 128; 56, с. 119; 57, с. 186
Максимов С. В. 38, с. 80, 81, 83, 84, 94; 39, с. 30; 53, с. 9; 69, с. 15, 19, 20, 26
Максимович К. И. 56, с. 133
Максимычев В. Д. 37, с. 57, 58, 61
Макшеев А. И. 15, с. 54; 48, с. 49
Малахов 23, с. 83
Малеча Н. М. 68, с. 61; 69, с. 32, 34
Малиев Н. М. 35, с. 108; 36, с. 102
Малиновский А. А. 3, с. 188
Малицкий Н. Г. 57, с. 184
Малов С. Е. 25, с. 41, 60; 33, с. 208
Маляревский И. В. 60, с. 20
Мамонова Н. Н. 18, с. 158; 20, с. 162
Маннзер Г. Г. 25, с. 40, 41, 60
Маннинен И. 52, с. 98; 57, с. 185
Мансуров А. 57, с. 185
Мануйлов А. А. 10, с. 147
Маргаритов В. П. 49, с. 109, 111; 56, с. 120
Маретин Ю. В. 41, с. 4; 46, с. 144, 147, 149—151, 153
Марк К. Ю. 3, с. 197; 36, с. 99, 102
Маркловский 27, с. 36
Марко Поло 10, с. 157
Марков А. В. 6, с. 100, 102, 112; 7, с. 84; 9, с. 39, 40; 10, 148; 28, с. 185; 32, с. 112, 119, 120, 127, 128; 38, с. 76, 80, 81; 57, с. 185; 64, с. 67
Марков Г. 1, с. 182
Марков Г. Е. 46, с. 155
Маркс К. 8, с. 65, 72; 15, с. 60; 16, с. 144, 147; 46, с. 143, 145, 146, 153; 48, с. 53
Марр Н. Я. 64, с. 68, 70; 65, с. 76, 77, 79, 80, 84—86
Мартинович Н. С. 50, с. 146, 150, 151, 154
Мартиновић Н. С. 50, с. 145, 154
Мартынов А. И. 58, с. 14
Мартьянов Н. М. 35, с. 101
Марьяшев А. Н. 25, с. 61
Масанов Э. А. 25, с. 55, 61, 62
Масленников Н. 36, с. 103
Маслов А. Л. 9, с. 51; 10, с. 144
Маслова Г. С. 57, с. 181
Масса И. 48, с. 49, 52
Массон В. М. 1, с. 172; 2, с. 140
Массон М. Е. 33, с. 186, 187, 198, 200, 202, 204, 206—208
Матвеев А. 38, с. 84
Матвеев П. А. 53, с. 8
Матвеева Т. П. 29, с. 38
Матейка 18, с. 162
Маткович П. 10, с. 132
Матушевский О. (Матушевич И.) 27, с. 36—38
Мацокин Н. П. 57, с. 182
Мачаварпани К. 65, с. 85
Медведев Г. И. 18, с. 157, 158, 160; 42, с. 4
Медынцев 38, с. 77
Межов В. И. 59, с. 41, 46, 47
Мезенец А. 9, с. 50
Мезенцев А. И. 48, с. 46, 49
Мейендорф Е. К. 15, с. 62
Мелетинский Е. М. 8, с. 72
Меликишвили Г. А. 64, с. 59, 62; 65, с. 81, 86
Мелких Г. Д. 3, с. 190, 195
Мельгунов Ю. Н. 10, с. 143
Мельников П. И. см. Мельников-Печерский П. И.
Мельников-Печерский П. И. (Печерский А.) 36, с. 93, 97—99; 69, с. 15
Мельникова Т. Н. 27, с. 9, 30
Мельц М. Я. 32, с. 128
Менделеев Д. И. 57, с. 186
Меншиков А. В. 15, с. 59
Мерварт А. М. 49, с. 123
Мерварт Л. А. 39, с. 33; 49, с. 123
Мериме П. 50, с. 153
Меркатор 48, с. 52
Меррнэм К. Х. 26, с. 69, 71, 74
Мессершмидт Д.-Г. 33, с. 195, 197; 42, с. 3; 58, с. 5—14
Местникова М. В. 53, с. 10
Мечников И. И. 9, с. 52; 10, с. 129
Мечников Л. И. 1, с. 167
Мещерский А. А. 60, с. 13, 16—18
Миддендорф А. Ф. 15, с. 58
Мизинов А. Д. 24, с. 47, 55, 56
Мизинов С. Д. 24, с. 47, 55, 56
Миклухо-Маклай В. Н. 60, с. 12
Миклухо-Маклай (Кларк) М. 60, с. 12, 13, 15, 16, 19, 20, 33
Миклухо-Маклай М. Н. 60, с. 12, 13, 21, 24, 36
Миклухо-Маклай Н. Н. 12, с. 12; 17, с. 136; 44, с. 3; 53, с. 10; 56, с. 118; 57, с. 175, 176, 181; 60, с. 5—37
Миклухо-Маклай П. 60, с. 36
Миклухо-Маклай Р. 60, с. 36
Миладиновы бр. 57, с. 181
Миллер 25, с. 41, 60
Миллер А. А. 9, с. 48; 57, с. 185
Миллер Б. В. 9, с. 49; 32, с. 121, 122
Миллер В. В. 32, с. 121, 122
Миллер В. Ф. 6, с. 96—104, 106, 109—116; 7, с. 75, 77, 78, 81, 82, 85, 88—90; 9, с. 39—55; 10, с. 110—187; 28, с. 176, 184; 30, с. 69—95; 32, с. 110—128; 40, с. 3;

42, с. 3; 44, с. 4; 53, с. 8; 57, с. 176, 181, 185; 63, с. 33; 64, с. 56—71; 65, с. 75, 85; 67, с. 95, 101, 104, 107—109
Миллер Г.-Ф. 27, с. 5, 7, 13, 15—22, 27, 29, 31, 42, 43; 36, с. 95, 106; 70, с. 132
Миллер Е. Б. 44, с. 4
Миллер (Насонова) Е. В. 9, с. 46, 48, 49; 32, с. 121, 122
Миллер Н. И. 15, с. 61
Миллер Н. Ф. (брат В. Ф. Миллера) 10, с. 144
Миллер Н. Ф. (мать В. Ф. Миллера) 32, с. 114
Миллер О. Ф. 7, с. 78; 8, 63—72; 30, с. 70, 72; 43, с. 4
Миллер Ф. Б. 32, с. 114
Миллер Ф. В. 32, с. 121
Мильков Ф. Н. 1, с. 177
Милькович 36, с. 98
Милютин В. А. 15, с. 54, 55, 60—64; 59, с. 35, 45
Милютин Д. А. 15, с. 60
Милютин Н. А. 15, с. 57, 58, 62
Минаев И. П. 53, с. 11
Минх А. Н. 36, с. 100, 101; 59, с. 39, 46
Минц С. И. 38, с. 93
Миошич Качич 50, с. 155
Мирзоев В. Г. 58, с. 5, 8
Миронова З. А. 28, с. 185
Митлянская Т. Б. 21, с. 118, 127
Михаев М. 58, с. 7
Михаил Ярославич 51, с. 6
Михайлов Г. И. 13, с. 97; 34, с. 63, 75; 44, с. 3
Михайлов М. Л. 24, с. 54
Михайлов Н. И. 13, с. 90
Михайлов Ю. М. 33, с. 207
Михайлович В. см. Ионов В. М.
Михайловская А. И. 35, с. 98, 112; 43, с. 3
Михайловский В. М. 9, с. 48, 51, 52; 10, с. 138
Миханкова В. А. 65, с. 86
Мицкевич Е. С. 22, с. 109
Мицкевич С. И. 22, с. 109—121; 42, с. 4
Мищенко Ф. Г. 9, с. 45, 46
Младеновић Ж. 50, с. 153, 154
Могилянский А. П. 69, с. 25
Могилянский Н. М. 36, с. 107; 56, с. 140
Модзалевский Б. Л. 63, с. 33
Мокшин Н. Ф. 36, с. 93, 95, 98, 100, 108; 42, с. 3
Мокшина А. М. 36, с. 93; 42, с. 3
Молодых И. Ф. 70, с. 127
Момбелл Н. А. 15, с. 61
Монгайт А. Л. 46, с. 145, 146, 153
Морган Л. Г. 8, с. 65; 27, с. 5, 46, с. 142; 48, с. 53
Моргунов Л. 67, с. 100, 102
Мордвинов 27, с. 21
Мордвинов Н. А. 15, с. 54, 60, 62
Мороз И. Н. 37, с. 57, 59; 40, с. 3; 42, с. 3
Морозова О. Г. 25, с. 42
Мороховец Л. З. 10, с. 146
Морунов Л. 67, с. 100, 102
Моруо И. Д. 70, с. 123
Мошков В. А. 54, с. 25
Мратова М. В. 57, с. 182
Мровели Л. 64, с. 57—61; 65, с. 86
Мсерианц Л. З. 10, с. 152
Мулов П. А. 53, с. 8
Муловский 27, с. 35
Муравьев 70, с. 132
Муравьев М. Н. 15, с. 62
Муравьев Н. М. 54, с. 25
Муравьев-Амурский Н. Н. 15, с. 56
Мурзаев Э. 17, с. 137
Муромцев С. А. 9, с. 52; 10, с. 130, 138
Мусин-Пушкин М. Н. 15, с. 62
Мухамед-султан 18, с. 165
Мухаметали 25, с. 51
Мякушин Н. Г. 67, с. 95—97, 101, 107, 108; 68, с. 48, 57, 61

Навидовский Н. А. 49, с. 124
Нагаев Л. 23, с. 78
Надаров И. П. 56, с. 120, 131
Надеждин Н. И. 15, с. 56—58, 62; 29, с. 37; 48, с. 47; 52, с. 94; 53, с. 6, 7, 9; 54, с. 25; 59, с. 35
Назаров см. Назов
Назов (Назаров) 24, с. 46, 55, 56
Найдан-ван 34, с. 71
Налепин А. Л. 32, с. 128; 38, с. 76, 94; 44, с. 4
Налимов В. П. 57, с. 185
Нансен Ф. 37, с. 60; 49, с. 116; 56, с. 130, 139
Насонов Н. В. 9, с. 45
Насонова Е. В. см. Миллер Е. В.
Насоновы 32, с. 122
Натансон М. 45, с. 101
Натишвили А. Н. 1, с. 181
Наумов Г. В. 70, с. 134
Наумова О. Б. 44, с. 4
Нащокин П. В. 63, с. 24, 25, 29
Небольсин П. И. 13, с. 89, 90, 96; 15, с. 62; 24, с. 51, 54; 69, с. 22
Невельской Г. И. 15, с. 60; 56, с. 131
Невзоров 69, с. 36
Невзоров В. И. 39, с. 34
Невзоров В. Ф. 57, с. 182, 185
Невзорова А. В. 69, с. 36
Нежный А. 18, с. 171
Нейгауз Р. 18, с. 170
Неклюдов С. Ю. 30, с. 95; 33, с. 207
Некрасов А. 57, с. 185
Некрасов А. И. 5, с. 151
Некрасов Игнат 69, с. 27
Некрасов Н. А. 69, с. 21
Неменова Р. Л. 47, с. 127, 128
Нерсесов Н. О. 10, с. 130
Нестурх М. Ф. 3, с. 196
Неустроев М. 70, с. 128
Неусыпов Ф. 67, с. 106, 109
Нефедов Ф. Д. 69, с. 15
Нефедьев Н. 13, с. 87, 89, 96
Нечаев Я. 58, с. 7
Нидерле Л. 57, с. 185
Нижегородцев А. А. 54, с. 26
Никитенко Л. В. 63, с. 24, 33
Никитин Н. В. 65, с. 83, 86
Никифоров А. И. 7, с. 72—92; 39, с. 33—36; 42, с. 4
Никифоров В. В. 5, с. 151
Никифоров Н. 35, с. 108
Никифоровский Н. Я. 10, с. 147; 11, с. 21
Никиш А. 9, с. 48; 10, с. 147; 44, с. 4
Николаев Е. Д. 5, с. 151
Николаев Е. Н. 45, с. 101, 102
Николаев Л. П. 3, с. 189
Николаев Н. Ф. 57, с. 181
Николаев С. И. 70, с. 134
Николић И. П. 50, с. 154
Никольский В. К. 46, с. 145; 60, с. 31, 32
Никольский Д. П. 60, с. 20
Никольский М. В. 10, с. 133, 151, 152; 32, с. 119
Никонов В. А. 12, с. 16; 26, с. 68
Н-лов Н. Н. 36, с. 101
Новгородов С. А. 5, с. 152
Новгородова А. Л. 70, с. 122
Новгородова Э. А. 25, с. 62
Новиков 38, с. 86
Новиков Н. В. 41, с. 3
Новицкий Г. И. 27, с. 7
Новлянская М. Г. 58, с. 5—7
Новокрещеных Н. Н. 35, с. 105, 107
Носилов К. Д. 60, с. 8, 35, 36
Нутеуп 21, с. 119

Обнорский С. П. 39, с. 33
Обручев В. А. 57, с. 184
Овалов Э. Б. 13, с. 88, 96
Овла Эляев см. Ээлян Овла
Овсянников-Куликовский Д. Н. 9, с. 54
Овчинников М. П. 5, с. 151
Ограев Н. П. 15, с. 56
Огнев И. Ф. 10, с. 146
Огородников В. И. 70, с. 125
Огородников Е. К. 48, с. 48, 49, 51; 54, с. 22
Огрызко И. И. 27, с. 8
Оджал Дерчю см. Узала Дерсу
Одоевский В. Ф. 10, с. 162; 63, с. 24, 25
Озаровская О. Э. 39, с. 34
Озерецковский Н. Я. 38, с. 81
Ознобишин Д. П. 38, с. 93
Ойунский П. А. 70, с. 127

Окладников А. П. 18, с. 158, 164; 20, с. 158—160, 163; 22, с. 121; 27, с. 26, 36; 37; 33, с. 186, 187, 191—193, 195, 204, 206, 207; 56, с. 136, 137, 139; 70, с. 126, 127, 131, 134
Оксман Ю. Г. 6, с. 114
Олейников Н. Е. 57. с. 185
Ольденбург С. Ф. 1, с. 173; 5, с. 152; 7, с. 84; 9, с. 48; 10, с. 136, 153, 155; 32, с. 127; 37, с. 66, 67; 38, с. 76, 93, 94; 39, с. 29—36; 45, с. 99, 103; 49, с. 113, 114, 119, 123; 53, с. 8, 11; 56, с. 118, 119, 122, 123, 128, 144; 57, с. 184, 185
Ольдерогге Д. А. 46, с. 144, 150—152
Ончуков Н. Е. 7, с. 81; 28, с. 185; 38, с. 76—94; 39, с. 30, 31, 33—36; 44, с. 4
Оразов А. 47, с. 127
Орешников А. В. 9, с. 48
Орлов А. П. 35, с. 113
Орлов А. С. 7, с. 72; 10, с. 148; 30, с. 84, 95; 32, с. 127
Орлов И. Я. 57, с. 185
Орлова Е. П. 47, с. 130; 49, с. 121; 56, с. 142
Орозалиев К. К. 25, с. 61
Осгуд К. 23, с. 82, 88
Осечкина-Железнова К. В. 44, с. 4; 67, с. 97, 98, 108
Осипов В. Д. 28, с. 185
Осмоловский Г. Ф. 5, с. 151, 155; 22, с. 110
Остен-Сакен Ф. Р. 11, с. 17; 60, с. 14, 33, 36
Островский А. Н. 69, с. 19—21
Островский Э. П. 35, с. 108
Островских П. Е. 14, с. 162, 174
Остроумов И. Г. 35, с. 105, 107
Охлопков В. Е. 41, с. 4; 45, с. 99
Очередин И. 27, с. 23
Очиров Н. О. 13, с. 94, 95, 97; 34, с. 67
Ошанин В. Ф. 60, с. 7, 35
Ошанин Л. В. 3, с. 191, 196, 197

П. Б. 68, с. 60
Паасонен Х. 36, с. 93, 103—106
Павлов А. П. 10, с. 129, 130; 57, с. 184
Павлов Д. М. 57, с. 185
Павлов И. П. 1, с. 188
Павлов С. 27, с. 20
Павлуцкий Д. И. 27, с. 20
Палаузов К. Н. 10, с. 132
Палладий (Кафаров П. И.) 56, с. 120, 131, 134, 138
Паллас П.-С. 24, с. 48; 27, с. 19, 21, 31, 41, 42; 36, с. 95—97, 106; 58, с. 6; 68, с. 61; 69, с. 35
Пальма 15, с. 63
Пальчевский Н. А. 49, с. 107, 108, 122; 56, с. 117
Папаев Г. 35, с. 112
Папаев И. И. 69, с. 21
Папичкина М. З. 18, с. 166
Папуашвили Т. Г. 64, с. 59
Парди К. 26, с. 72
Пархоменко В. А. 30, с. 82
Парчен-тульчи (туульчи) 34, с. 66—68
Паршин В. 29, с. 43
Пасхалов В. В. 9, с. 51
Патканов К. П. 64, с. 57—59
Патканов С. К. 56, с. 122
Патч К. 57, с. 181
Паули Т. де 52, с. 92
Пашков Е. П. 10, с. 162
Пашковский 57, с. 185
Певцов М. В. 17, с. 136; 53, с. 10
Пекарский И. К. см. Пекарский Э. К.
Пекарский П. П. 27, с. 10; 58, с. 5
Пекарский Э. К. (Пекарский И. К., Полунин Н.) 5, с. 149, 151—161; 22, с. 110; 41, с. 4; 45, с. 99—103, 105; 49, с. 113; 53, с. 9; 57, с. 185, 59, с. 38, 46
Пелымский Ф. 27, с. 36
Пелятинчкин 49, с. 112
Пенкина З. М. 59, с. 37
Перевозкина Г. 16, с. 147, 148
Перельман А. И. 1, с. 177
Перепелкин Ю. Б. 67, с. 108
Перепелкина З. Д. 32, с. 118
Пересыпкин Я. М. 27, с. 20, 21
Перетц В. Н. 32, с. 127
Пермяков Г. Г. 49, с. 109
Перовский В. А. 24, с. 55, 56; 69, с. 30, 31
Перлиц А. И. 42, с. 4; 46, с. 142, 145, 146, 148, 149, 151—155
Пестельс А. Ф. 54, с. 25
Пестерев Е. 27, с. 6, 32, 33
Петр I 10, с. 157; 33, с. 197; 35, с. 99; 57, с. 180; 58, с. 5, 6; 63, с. 25, 32; 67, с. 108
Петр III 68, с. 56, 57; 69, с. 28, 29
Петр Федорович 24, с. 46, 47, 53
Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) М. Ф. 15, с. 54—56, 60, 62, 63
Петри А. А. 49, с. 113
Петри Б. Э. 18, с. 157—159; 57, с. 185; 59, с. 37, 46
Петри И.-Х. 52, с. 89, 90
Петри Э. Ю. 60, с. 20
Петров А. А. 67, с. 104
Петров П. П. 10, с. 130
Петров П. У. 70, с. 127
Петров П. Я. 10, с. 130
Петрыкина Н. С. 38, с. 77, 93
Петряев Е. Д. 56, с. 139, 140
Петухов Е. В. 9, с. 45
Пецольд А. 52, с. 90—93
Печерский А. см. Мельников-Печерский П. И.
Пешић Р. 50, с. 153
Пещерева Е. М. 25, с. 39, 42, 49, 57, 59—61; 44, с. 3; 47, с. 126
Пила 57, с. 186
Пилсудский Б. О. 49, с. 111; 57, с. 185, 186
Пиль И. А. 23, с. 79
Пиотровский А. Б. 60, с. 37
Пирсон К. 3, с. 197
Писарев В. Е. 1, с. 169; 55, с. 149
Писарев Д. И. 60, с. 5
Писарчик А. К. 25, с. 61; 41, с. 4; 47, с. 126, 128, 130
Писемский А. Ф. 69, с. 19, 21, 25, 26
Пискарев А. И. 59, с. 40, 46
Пискатор Н. 48, с. 49
Пискунов С. 67, с. 100
Писяков А. 58, с. 7
Плаксин П. 67, с. 100
Плансон В. А. де 57, с. 185
Платон см. Любарский П. И.
Платонов И. 51, с. 20
Платонов С. Ф. 9, с. 48
Пленисиер Ф. Х. 27, с. 6, 16, 18—21
Плетнев П. А. 63, с. 24
Плетнева С. А. 30, с. 87
Плеханов С. 54, с. 26
Плещеев А. Н. 15, с. 63; 68, с. 49
Пливецкий (Кливетских) 27, с. 36
Плиний 1, с. 167
Плисецкий М. М. 6, с. 115; 7, с. 78
Площук Г. И. 68, с. 56
Погодин М. П. 63, с. 24, 25; 69, с. 19, 31
Подгорбунский В. И. 70, с. 125
Подгорица И. 50, с. 156, 157
Подъяпольская Е. П. 55, с. 149
Подъяпольский П. П. 55, с. 146, 149, 163, 164
Позднеев А. М. 13, с. 92, 93, 97
Позднеева О. К. 67, с. 97
Позднеевы 49, с. 113
Познанский Н. Ф. 39, с. 32; 59, с. 37, 38, 46
Покотилов В. О. 24, с. 47, 55, 56
Покусаев Е. И. 6, с. 114
Покшишевский В. В. 12, с. 13, 14
Полевой Б. П. 41, с. 4; 48, с. 46, 47, 51; 49, с. 106, 109, 111, 123
Полетика Г. А. 63, с. 28, 33
Полибий 9, с. 46
Полунин Н. см. Пекарский Э. К.
Полышин В. М. 3, с. 195
Полынов Б. Б. 1, с. 177
Поляков И. С. 54, с. 25
Поляновский М. 56, с. 126
Померанцева Э. В. 36, с. 101

Понятовский С. 49, с. 116; 56, с. 122
Попов, протоиерей 45, с. 101
Попов А. см. Эльпе
Попов А. А. 5, с. 155, 156, 160; 7, с. 82; 22, с. 120; 70, с. 132
Попов А. В. 13, с. 89, 91, 96
Попов В. М. 53, с. 9
Попов В. Ф. 70, с. 128
Попов Г. 27, с. 31
Попов Г. А. 5, с. 154; 27, с. 37
Попов И. 27, с. 31
Попов И. И. 13, с. 94
Попов М. 1, с. 182, 183
Попов Н. А. 9, с. 48; 10, с. 130, 132, 158, 167
Попов С. 27, с. 43, 44
Попова М. Н. см. Ионова М. Н.
Попович-Липовец И. Ю. 50, с. 153
Поповский М. 55, с. 155
Порошин В. С. 15, с. 54, 59, 61
Портес Р. 55, с. 159
Поршнев Б. Ф. 46, с. 145, 146
Посьет К. Н. 54, с. 25
Потанин Г. Н. 9, с. 40, 45, 47; 14, с. 162; 17, с. 136; 30, с. 69, 73—75, 82, 83, 87, 89; 32, с. 116, 125, 126; 33, с. 207; 34, с. 67; 40, с. 3; 53, с. 10; 56, с. 118, 134; 69, с. 18
Потанина А. В. 67, с. 97
Потанина Р. П. 28, с. 185
Потапов Л. П. 27, с. 10; 33, с. 190; 46, с. 144, 153, 155; 58, с. 6
Потапов С. Г. 70, с. 127
Потебня А. А. 7, с. 78, 83
Потехин А. А. 69, с. 19
Поярков В. 56, с. 137
Поярков Ф. В. 35, с. 112
Преображенский А. П. 14, с. 163
Преображенский В. Д. 46, с. 145
Пржевальский Н. М. 17, с. 136; 49, с. 111; 53, с. 10; 54, с. 25, 28; 56, с. 119, 120, 131, 134; 57, с. 181; 60, с. 8
Прибыльский Ю. П. 16, с. 141, 147
Привалов Н. И. 10, с. 141; 67, с. 107, 109
Пригоровский 57, с. 185
Пришвин М. М. 49, с. 109, 113; 56, с. 126, 130
Пришвина В. Д. 49, с. 109
Прокофьев Г. Н. 17, с. 137
Прокофьев Н. И. 37, с. 60
Прокупин В. П. 10, с. 144
Пропп В. Я. 6, с. 114; 7, с. 73—76, 79, 83, 87, 89; 8, с. 72; 39, с. 33, 35, 36; 70, с. 123
Прохоров А. В. 54, с. 22
Пугачев Е. 24, с. 46, 53, 55; 38, с. 93; 63, с. 31; 67, с. 95, 109; 68, с. 55—57, 62; 69, с. 16, 17, 20—22, 25—29, 31, 36, 38
Пугаченкова Г. А. 33, с. 198, 200, 202, 204, 206—208
Пузанов И. И. 60, с. 6, 34
Пуланос А. 1, с. 182
Пургин Е. 27, с. 20, 24, 27, 28
Пуртов Е. 23, с. 78
Путилов Б. Н. 6, с. 111, 115; 41, с. 3; 50, с. 145; 60, с. 10, 35
Пухов И. В. 70, с. 127
Пушкарев А. 27, с. 20, 29
Пушкин А. С. 10, с. 136; 32, с. 120, 128; 38, с. 93; 60, с. 24, 37; 63, с. 23—33; 64, с. 71; 67, с. 95, 107; 68, с. 56, 57; 69, с. 20—22, 25, 28
Пыпин А. Н. 30, с. 70—72, 87, 88, 91; 32, с. 126; 67, с. 95, 107
Пышкин Б. Б. 67, с. 105
Пяльси С. 21, с. 114—127
Пятницкий М. Е. 10, с. 144, 146

Рабинович М. Г. 18, с. 171; 43, с. 3; 51, с. 5, 20—22; 53, с. 7; 68, с. 55, 62
Работнов Н. Г. 57, с. 182
Радаков В. Н. 49, с. 111
Радде Г. 54, с. 28
Радичевић Ф. 50, с. 154
Радищев А. Н. 60, с. 23
Радлов В. В. 5, с. 152—154; 25, с. 62; 30, с. 75; 39, с. 36; 45, с. 102; 49, с. 108, 112, 114, 117, 122; 58, с. 6; 70, с. 132
Радченко Е. С. 57, с. 185
Раевский Д. С. 33, с. 207
Разин С. 67, с. 95, 103, 107, 109; 68, с. 57; 69, с. 16, 27, 29, 32
Райков Б. Е. 27, с. 16; 66, с. 165, 166
Райт М. В. 55, с. 157
Рамазанов Н. А. 69, с. 19
Рамбо А. 69, с. 36
Рамо Ж. Ф. 10, с. 142
Ранке 60, с. 22
Рассудова Р. Я. 47, с. 127
Ратцель Ф. 2, с. 142
Рауд К. 52, с. 97
Рафаэль 18, с. 170
Рахимов М. Р. 25, с. 61
Ревенкова А. И. 1, с. 166
Редин Н. 27, с. 14
Резник С. Е. 1, с. 173; 2, с. 141
Рейер В. 52, с. 97
Рейтерн М. Х. 15, с. 59
Реклю Э. 12, с. 13
Рембо А. 55, с. 148
Ремезов С. У. 48, с. 51
Ренар К. И. 10, с. 165
Репин И. 51, с. 11, 22
Рерих Ю. Н. 34, с. 75
Решетников Ф. М. 69, с. 15
Решетов А. М. 41, с. 4; 49, с. 106, 109, 111, 123
Ржига В. Ф. 51, с. 21
Рикорд П. И. 15, с. 61
Римский-Корсаков 38, с. 82
Римский-Корсаков Н. А. 9, с. 50; 10, с. 144—146; 67, с. 97—99, 104, 107
Риттих А. Ф. 35, с. 108; 53, с. 11
Рифтин Б. Л. 34, с. 75
Рихтер Е. В. 41, с. 3; 52, с. 89, 98
Робертсон Д. 60, с. 35
Робинсон А. Н. 30, с. 95
Роборовский В. И. 17, с. 136
Ровинский П. А. 41, с. 3; 50, с. 145—157
Рогаль Н. 56, с. 119, 143
Рогачев А. Н. 18, с. 168
Рогинский Я. Я. 1, с. 178, 180, 181; 3, с. 188, 191—193, 196, 197; 18, с. 167, 168, 172; 46, с. 145
Родионов А. А. 57, с. 182
Родобшин А. А. 67, с. 108
Рожков Е. Д. 67, с. 108
Розен В. Р. 65, с. 75, 85
Розен Г. 65, с. 77
Розен Е. Ф. 63, с. 25, 28, 29
Розенфельд А. 32, с. 126, 128
Рокицкий П. Ф. 3, с. 195
Ромадин В. А. 1, с. 172
Романов Е. Р. 9, с. 45; 10, с. 147, 149; 11, с. 19—21
Романов К. К. 36, с. 107
Романович В. М. 54, с. 22
Романович К. Н. 57, с. 185
Романович-Любич В. М. 15, с. 54, 61
Роскин А. 1, с. 174; 55, с. 148
Россиев П. А. 57, с. 182
Рошилин 21, с. 117—119
Рубашкин В. Я. 3, с. 189, 193, 195
Рубинштейн А. Г. 67, с. 97
Рубинштейн Н. Л. 51, с. 21
Рудаки 18, с. 167, 169
Руденко С. И. 25, с. 38, 41, 42, 50, 59, 60; 36, с. 107; 49, с. 113, 121, 123; 56, с. 122
Руднев А. В. 39, с. 31
Руднев А. Д. 34, с. 63
Рудницкий Е. В. 24, с. 48, 53
Рудченко И. Л. 39, с. 32
Румянцев Г. Н. 27, с. 22
Румянцев Н. П. 10, с. 162
Рункевич С. 27, с. 40
Русских Н. А. 35, с. 104
Руставели Ш. 64, с. 69, 70
Русяйкина С. П. 25, с. 60
Рыбаков Б. А. 7, с. 75, 78; 30, с. 77, 81; 32, с. 125, 128
Рыбников П. Н. 8, с. 70; 10, с. 144; 28, с. 185; 30, с. 73; 38, с. 76, 81; 53, с. 9
Рыжков П. 57, с. 182
Рыстенко А. В. 6, с. 102
Рычков Н. П. 36, с. 95—97
Рычков П. И. 63, с. 31; 68, с. 56
Рябинин А. 24, с. 55
Рябинин И. Т. 9, с. 40, 49, 50; 10, с. 144, 145; 67, с. 104
Рябинин Т. Г. 10, с. 144
Рянк Г. 52, с. 98; 57, с. 185

Сабурова Л. М. 41, с. 3; 53, с. 5
Саввонеев П. П. 54, с. 23
Савельев Н. А. 18, с. 158
Савельев П. С. 15, с. 62; 53, с. 6; 54, с. 22
Савенков И. Т. 9, с. 47
Савичев Н. Ф. 24, с. 56; 43, с. 3; 67, с. 95, 101; 68, с. 48—62; 69, с. 16, 17, 24—26, 32
Савкин В. 36, с. 103, 105
Садовников Д. Н. 39, с. 29
Садовский П. М. 69, с. 20
Сазонова М. В. 25, с. 62
Сакулин П. Н. 6, с. 113
Салмина М. А. 51, с. 21
Салтыков Н. И. 27, с. 31
Салтыков-Щедрин М. Е. 15, с. 59
Самойлов 23, с. 78
Самойлов А. Ф. 10, с. 144, 146
Самойлов К. А. 23, с. 78
Самойлович А. И. 39, с. 31; 59, с. 38, 46
Самоквасов Д. Я. 53, с. 8; 66, с. 168
Самсонов С. 70, с. 128
Самунин М. 56, с. 117
Санжаа 34, с. 72, 73
Санин Н. А. 57, с. 185
Сапожников В. В. 9, с. 47
Сапожникова М. К. 46, с. 148
Сарычев Г. А. 27, с. 21
Сафронов Ф. Г. 28, с. 184
Сафьянов Г. П. 35, с. 101, 103
Сахаров И. П. 10, с. 147; 51, с. 20; 63, с. 24, 25
Свенко Т. 45, с. 105
Свешникова Н. А. 36, с. 95
Свирин А. Н. 56, с. 140
Свиступов И. 27, с. 8, 9
Сгибнев А. 27, с. 18, 19
Северцов А. Н. 9, с. 49; 10, с. 130
Седерберг А. Р. 27, с. 13
Седых С. 57, с. 185
Сем Л. И. 49, с. 109; 56, с. 132
Сем Ю. А. 49, с. 109; 56, с. 132, 139
Семевский М. И. 69, с. 19, 20, 28, 29, 38
Семенов А. А. 18, с. 169; 57, с. 185
Семенов В. И. 34, с. 75
Семенов П. П. см. Семенов-Тян-Шанский П. П.
Семенов Ю. И. 46, с. 144—148, 150—152, 154, 155
Семенов-Тян-Шанский В. П. 48, с. 49, 50; 57, с. 186
Семенов-Тян-Шанский (Семенов) П. П. 12, с. 12; 15, с. 54, 62; 17, с. 135, 136; 36, с. 99; 37, с. 59; 52, с. 94, 96; 53, с. 6, 10, 11; 54, с. 25—28; 57, с. 186; 60, с. 6, 10, 12, 13, 16, 18, 19, 21, 22, 24, 28, 29, 35, 36
Семенская Е. М. 3, с. 197
Сементовский А. М. 11, с. 20
Сенковский 63, с. 24
Сеньер Н. 15, с. 59
Сепюта Т. В. 46, с. 146, 147
Сераковский С. 68, с. 49
Сербина К. Н. 48, с. 50
Сербов И. А. 11, с. 20, 21
Сергеев М. А. 56, с. 138
Сергеев С. И. 35, с. 105
Сердюков А. 56, с. 145
Серебренников М. 29, с. 39
Серебренников П. Н. 35, с. 105, 106
Серебровская Р. И. 3, с. 192, 197
Серебровский А. С. 1, с. 175
Серебрянский Н. 51, с. 21
Серенсен А. 50, с. 148
Сержпутовский А. К. 39, с. 33, 36
Серк Н. А. 56, с. 142
Серова М. М. 39, с. 33
Серошевская М. В. 45, с. 105
Серошевская П. 45, с. 103
Серошевский В. Л. 5, с. 153, 159; 21, с. 114, 127; 22, с. 110; 41, с. 4; 45, с. 99, 100, 103—105; 49, с. 111; 53, с. 9; 70, с. 132
Сечепов И. М. 60, с. 23
Сидоров М. К. 57, с. 181
Сизов В. И. 9, с. 49, 52
Симаков Г. Н. 25, с. 57
Симони П. К. 39, с. 30, 33
Симонс 55, с. 158
Синельников Н. 57, с. 185
Синильников М. П. 68, с. 55, 56
Синицкий Л. А. 12, с. 13
Синская Е. Н. 1, с. 174, 175; 2, с. 141, 55, с. 146, 158
Сирелиус У. Д. 57, с. 185
Сиркин С. 36, с. 105
Сирышка Н. 57, с. 185
Скалозубов Н. Л. 16, с. 142, 145, 147
Скандербег Г. (Кастриот Джюро) 50, с. 154, 155
Скафтымов А. П. 6, с. 96—116; 7, с. 74, 78; 30, с. 93; 40, с. 3
Скачков К. А. 57, с. 182
Скворцов П. Н. 22, с. 109
Скобельцын П. 27, с. 8, 9
Скопин-Шуйский 18, с. 171
Скрипицын В. Н. 22, с. 110
Слепцов А. 22, с. 119
Слепцов А. И. 5, с. 150
Слепцов В. А. 69, с. 15
Слепцов И. 70, с. 125
Слепцов К. 70, с. 128
Слепцов Н. С. 5, с. 151, 153, 155, 159
Слепцов С. 5, с. 153, 159
Слепцова А. 45, с. 104
Слепцова М. Н. см. Попова М. Н.
Слюнин Н. В. 49, с. 109
Смирдин 63, с. 24
Смирнов А. М. 39, с. 31, 32
Смирнов А. П. 18, с. 171; 36, с. 103
Смирнов А. П. 36, с. 95
Смирнов В. И. 57, с. 185
Смирнов И. Н. 9, с. 45; 36, с. 93, 99, 103, 104; 59, с. 38, 46
Смирнов К. 57, с. 186
Смирнов-Сокольский Н. 63, с. 33
Смирнова Н. А. 25, с. 59, 60
Смирнова Н. С. 33, с. 207
Смоленский А. 36, с. 103
Смоленский С. В. 9, с. 50; 10, с. 144
Смоляк А. В. 56, с. 132, 133
Смоляр И. И. 10, с. 132
Смотрицкая А. Я. 19, с. 128, 129, 131—133, 135, 136, 140
Смыслов П. М. 11, с. 18
Снегирев И. М. 63, с. 25
Снесарев Г. П. 25, с. 61
Соболев М. Н. 49, с. 113
Соболева Г. В. 3, с. 192
Соболева Н. П. 25, с. 39, 43
Соболевский А. И. 9, с. 48, 30, с. 86, 91; 38, с. 87, 92, 94
Соболевский Н. И. 38, с. 94
Соболевский П. Т. 38, с. 94
Соболевский С. А. 10, с. 162
Соболевский С. И. 38, с. 94
Сойкконен И. П. 5, с. 155
Соймонов П. А. 27, с. 34—37
Соймонов Ф. И. 27, с. 16—18, 20, 22, 23, 34
Соколов А. 27, с. 19, 35; 68, с. 60
Соколов Б. М. 6, с. 102, 103, 111, 113; 7, с. 74, 84; 10, с. 148; 28, с. 185; 32, с. 119, 120, 125, 128; 38, с. 76, 93; 57, с. 181
Соколов В. Г. 11, с. 20
Соколов И. 58, с. 7
Соколов М. 68, с. 58
Соколов М. И. 32, с. 119
Соколов Н. Н. 10, с. 148
Соколов Ю. М. 6, с. 103, 113, 114; 7, с. 74, 75; 10, с. 148; 28, с. 185; 30, с. 95; 32, с. 119, 125; 38, с. 76, 93; 39, с. 33, 34; 57, с. 181; 70, с. 123
Соколова В. К. 63, с. 33
Солдяков Т. 21, с. 123
Соллогуб В. А. 54, с. 28; 63, с. 25
Соловьев В. 9, с. 53, 54
Соловьев С. М. 10, с. 130, 138, 158; 32, с. 115
Сорокин И. В. 35, с. 108
Сороковиков Е. И. (Магай) 39, с. 36
Сосновский Г. П. 18, с. 159, 160; 20, с. 159, 162
Спасский Г. И. 27, с. 38
Спафарий Н. Г. 48, с. 51
Сперанский М. Н. 10, с. 148
Спешнев Н. А. 15, с. 54, 59—62
Спицын А. А. 59, с. 38, 39, 46
Срезневский В. И. 38, с. 86, 87, 94
Срезневский И. И. 8, с. 70; 38, с. 94; 53, с. 6—8
Срезневский О. И. 38, с. 94
Станков С. С. 1, с. 169; 2, с. 140
Станюкович Т. В. 25, с. 59; 36, с. 106; 41, с. 3; 45,

с. 99; 48, с. 50; 49, с. 108, 125; 54, с. 22
Старпков В. С. 56, с. 132
Старостин И. И. 48, с. 50
Стасов В. В. 30, с. 69—72, 75, 84, 85, 88, 89, 91, 93; 32, с. 116, 125; 40, с. 3; 54, с. 23, 24
Стейн А. 1, с. 173; 2, с. 140
Стеллер 27, с. 18; 63, с. 32
Степанов А. А. 49, с. 110, 111, 124
Степанов Н. Н. 53, с. 7, 8; 58, с. 14
Степанов О. 56, с. 137
Степанц Б. (Кудринский Ф. А.) 11, с. 21
Стерн Ф. см. Фиельструп Ф. М.
Стопп В. 57, с. 181
Столетов А. Г. 10, с. 129
Столыпин А. Д. 69, с. 32
Стороженко Н. И. 9, с. 48, 49, 52
Стоянов А. И. 43, с. 3; 65, с. 73—86
Страбон 65, с. 81
Страленберг Ф. И. (Табберт) 36, с. 95; 96; 58, с. 8; 70, с. 132
Страхов Н. 13, с. 87, 96
Страховский 38, с. 84
Стрелов Е. Д. 27, с. 21, 44
Стрельников И. Д. 25, с. 40
Строганов А. А. 67, с. 97
Струве В. В. 57, с. 185
Струве В. Я. 15, с. 60; 27, с. 10, 11
Струков И. 28, с. 179
Струняшев В. 69, с. 35, 36
Студенецкая Е. Н. 25, с. 39, 42
Суворин А. С. 38, с. 78
Сук В. 18, с. 161
Сумбат 64, с. 60
Сумцов Н. Ф. 9, с. 45
Суразаков С. С. 30, с. 80
Сурипов В. М. 16, с. 147; 40, с. 3; 55, с. 146
Сурнина Т. С. 18, с. 157; 42, с. 4
Суфщинский В. Ф. 60, с. 16
Сухомясов Н. Н. 28, с. 180
Сухэ-Батор 34, с. 71
Сырку П. А. 57, с. 181
Сысоев В. П. 56, с. 130
Сысойка 57, с. 186

Табберт Ф. И. см. Страленберг Ф.-И.
Тажибаев Курбанбай 69, с. 34
Тайманов Исетай 68, с. 61
Такайшвили Е. С. 64, с. 60, 65, 66; 65, с. 76, 77, 85, 86
Таксами Ч. М. 49, с. 125
Тальгрен А. М. 57, с. 185
Талько-Грынцевич Ю. Д. 20, с. 158—164
Тальман Е. М. 51, с. 22
Тамбовцев Л. 68, с. 58
Тамерлан см. Тимур
Тан Н. А. см. Богораз В. Г.
Танасийчук В. 25, с. 59, 60
Танасiйчук Н. П. 25, с. 40, 41
Танеев С. И. 10, с. 143—146
Тарасенко-Отрешков Н. И. 63, с. 23
Тарасенковы С. и П. 57, с. 186
Тарасов В. Н. 32, с. 115; 44, с. 4; 57, с. 175
Тарасова (Васина) А. И. 7, с. 72; 32, с. 115; 40, с. 3; 44, с. 4; 49, с. 106, 109, 115, 122—124; 52, с. 98; 56, с. 117, 128, 139; 57, с. 175
Тарханов 23, с. 78
Татаринов М. 27, с. 22, 23, 32
Татищев В. Н. 27, с. 5, 33; 36, с. 94—96, 106
Тейлор 56, с. 141
Теннер Дж. 63, с. 27, 30, 33
Теплоухов Ф. А. 35, с. 103, 107
Терешенков Е. 56, с. 142
Терещенко А. В. 51, с. 20
Тиленпус Г. 57, с. 185
Тимирязев К. А. 10, с. 129; 32, с. 121, 122; 60, с. 30
Тимур (Тамерлан) 10, с. 158; 18, с. 165, 166; 33, с. 203
Титов В. С. 1, с. 175; 2, с. 141; 55, с. 158
Титов Е. И. 49, с. 124; 56, с. 125, 129, 140
Титова З. Д. 42, с. 3; 43, с. 3; 58, с. 5, 10; 59, с. 34
Тихменев П. А. 23, с. 80; 26, с. 66
Тихомиров М. Н. 51, с. 21
Тихонравов Н. С. 9, с. 48; 10, с. 149; 32, с. 115; 67, с. 95
Тихос 26, с. 70, 71, 74
Токарев А. О. 37, с. 58
Токарев С. А. 21, с. 127; 22, с. 109, 116; 46, с. 142, 144—147, 149, 155; 48, с. 46; 51, с. 7, 21; 53, с. 8; 57, с. 181; 60, с. 35; 63, с. 23, 33; 70, с. 130, 131
Токарева Т. Н. 3, с. 196
Токсопеус 19, с. 129, 131
Толмачев И. П. 49, с. 113
Толстов С. П. 2, с. 142; 12, с. 15; 18, с. 166; 32, с. 116; 33, с. 186, 187, 198, 199, 206, 207; 46, с. 144, 155; 60, с. 37; 69, с. 32
Толстой Л. Н. 9, с. 49; 37, с. 67, 68; 60, с. 11, 34, 35; 67, с. 109; 69, с. 21
Толстых А. 17, с. 135
Топелиус 36, с. 104
Топоров В. Н. 8, с. 72
Топоровский Б. И. 57, с. 185
Торэп М. Д. 57, с. 181
Травин Д. Д. 28, с. 177, 178, 180, 184
Трейланд 59, с. 38
Третьякова А. И. 57, с. 182
Трисман В. Г. 19, с. 128, 139; 43, с. 3
Трифонова А. К. 68, с. 61
Троицкий М. М. 10, с. 138
Трофимов А. Н. 54, с. 25
Трофимов К. П. 56, с. 139
Трофимова В. И. 16, с. 141
Трофимова Т. А. 3, с. 191, 196, 197
Трощанский В. Ф. 5, с. 151, 159; 45, с. 100; 53, с. 9; 70, с. 132
Трояков П. А. 70, с. 123
Трубецкой Н. С. 57, с. 182
Трубицын Н. Н. 6, с. 113
Трусман Ю. 52, с. 96, 97
Туманский Ф. О. 27, с. 26, 40
Тумаркин Д. Д. 12, с. 16; 44, с. 3; 46, с. 149, 151; 60, с. 5, 35
Туликова А. Ю. 1, с. 166
Турбина В. Л. 57, с. 185
Тургенев А. И. 9, с. 54; 63, с. 24
Турсунов Е. Д. 33, с. 207
Тынниссон Э. Ю. 52, с. 98
Тэйлор Э. Б. 10, с. 153
Тютчев Н. С. 45, с. 101, 102

Убаши 13, с. 88, 97
Уваров А. С. 10, с. 133, 134, 150, 166; 32, с. 117; 66, с. 168
Уваров С. С. 63, с. 24
Уварова П. С. 9, с. 48, 53; 10, с. 133, 134, 152, 157; 32, с. 117, 127; 57, с. 185; 65, с. 82, 83
Узала Дерсу (Оджал Дерчю) 49, с. 109, 117, 123; 57, с. 177
Ульрих Г. 18, с. 171
Ульянова М. И. 22, с. 110
Ундольский В. И. 48, с. 50
Урапосов А. А. 48, с. 46
Урсынович С. У. 70, с. 131
Услар П. К. 65, с. 77, 78, 81, 84, 86
Успенский Н. Д. 67, с. 109
Устинов М. П. 59, с. 40, 46
Устюгов Н. 56, с. 126
Устюжанин А. П. 57, с. 182
Учаев Р. 36, с. 105
Ушаков Д. Н. 10, с. 148, 149; 57, с. 184
Ушаков Р. 57, с. 185

Фадеев А. А. 56, с. 130
Фадеев Л. А. 40, с. 3; 55, с. 146; 63, с. 23
Файнберг Л. А. 46, с. 144, 145, 147, 148
Фальборк Г. А. 37, с. 59
Фальк И. П. 36, с. 95, 96
Фармаковский Б. 57, с. 185
Фасмер М. Р. 57, с. 185
Феденев Л. 27, с. 40
Федин К. А. 19, с. 135, 140
Федор Иванович 18, с. 171
Федоров А. З. 56, с. 137
Федоров И. 27, с. 42
Федорова С. Г. 23, с. 78, 80, 81, 88
Федосова И. А. 9, с. 40, 50, 51; 10, с. 145; 57, с. 184
Федотов П. А. 67, с. 108
Федотов-Чеховский А. 51, с. 20
Федченко А. П. 10, с. 163
Федченко О. А. 57, с. 182

Фельман Ф. Р. 52, с. 89, 95
Феоктистов А. П. 36, с. 97, 105
Фигуровский И. В. 57, с. 181
Фиельструп А. Ф. 25, с. 39, 59
Фиельструп Ф. А. 25, с. 38—62; 44, с. 3
Фиельструп (Стерн) Ф. М. 25, с. 39
Фиельструп Э. Ф. 25, с. 39
Фик Г. 27, с. 12, 13
Филиппов А. Ф. 57, с. 185
Филиппов Н. П. 15, с. 55
Финш О. 60, с. 14, 33
Фирдоуси 30, с. 83; 64, с. 68, 69
Фишер А. 57, с. 182, 185
Фишер И.-Э. (И. Е.) 27, с. 11; 36, с. 95, 96
Фишман У. 57, с. 186
Флоринский Т. Д. 57, с. 186
Фон-Бушен А. Б. 59, с. 44, 47
Фонвизин Д. И. 63, с. 32
Форцель К. Ш. 7, с. 80
Формозов А. А. 18, с. 167
Форселиус И. 52, с. 95
Фортунатов Ф. Ф. 9, с. 41, 44, 48; 10, с. 149, 155; 32, с. 117, 127
Фрайганг А. В. 15, с. 60
Фредерикс П. 27, с. 42
Фрейман 68, с. 55, 56
Фрейман А. А. 32, с. 127
Фрорип А. 18, с. 170
Фукс А. А. 63, с. 25
Фургат 3, с. 190
Фурье Ш. 15, с. 61

Хабаров Е. 56, с. 137
Хабургаев Г. А. 48, с. 46
Хаген Б. 60, с. 33
Хаджи-Мурат 18, с. 167
Хазанов А. М. 12, с. 16; 46, с. 144, 146, 151, 153—155
Халанский М. Г. (М. Е.) 6, с. 103; 7, с. 78; 30, с. 83
Халатянц Г. А. 10, с. 152; 57, с. 185
Хамзина Е. А. 20, с. 159
Хамиджанова М. А. 25, с. 61
Ханыков А. В. 15, с. 59, 61; 68, с. 49
Ханыков Н. В. 15, с. 61
Ханыков Я. В. 15, с. 56—58, 61, 63
Хардина Н. А. 57, с. 186
Харко 69, с. 32
Харузин М. Н. 10, с. 138
Харузин Н. Н. 10, с. 130, 133, 137—139; 36, с. 101, 104; 56, с. 141
Харузина В. Н. 10, с. 137; 67, с. 97
Харузины 9, с. 48
Хаханов (Хаханошвили) А. С. 10, с. 140, 152; 64, с. 60, 68
Хвостов Н. А. 23, с. 78, 79
Хейердал Т. 32, с. 117
Хейтухин 21, с. 119
Хехъгнгит 27, с. 19
Хидоятов И. 47, с. 127
Хиичук А. Г. 1, с. 167
Хис В. 18, с. 161
Хлебников К. Т. 23, с. 87
Ходжаева Р. Д. 25, с. 55, 62
Хоренаци Мовсес 64, с. 61, 68
Хороших П. П. 5, с. 158, 159; 70, с. 125
Хорошхин А. П. 67, с. 101; 68, с. 48
Хохлов Г. Т. 37, с. 57—66
Хрдличка А. см. Грдличка А.
Хрущев Д. П. 15, с. 62
Худяков А. 29, с. 38
Худяков И. А. 22, с. 119; 28, с. 176—179, 184; 53, с. 9
Худяков Н. Н. 1, с. 166
Хундадзе Т. И. 65, с. 86
Хупель А.-В. 52, с. 90
Хырчыкан А. Д. 70, с. 128
Хямяляйнен А. 36, с. 106

Цаган-хан 34, с. 65
Цагарели Ал. 65, с. 82, 84
Цветаев И. В. 10, с. 161
Цебек-Дорджи 13, с. 88
Цейнек И. 56, с. 130
Ценковский Л. С. 55, с. 146
Церепов В. З. 13, с. 96, 97
Церетели А. 65, с. 77
Церетели Г. Е. 10, с. 152
Циммерман Е. 2, с. 142
Циммерман Ю. Г. 67, с. 97, 107
Цобель Е. 57, с. 185
Цулая Г. В. 32, с. 112, 127; 42, с. 3; 43, с. 3; 64, с. 56, 59; 65, с. 73, 86
Цыбиков Г. Ц. 70, с. 125
Цытович Н. А. 57, с. 185

Чаадаев П. Я. 53, с. 6
Чавчавадзе И. Г. 64, с. 57, 71; 65, с. 81, 86
Чайковский П. И. 9, с. 49; 10, с. 142, 145—147
Чакрыгин И. Н. 69, с. 16, 33
Чебоксаров Н. Н. 1, с. 179; 3, с. 191, 196, 197
Чезп Б. 67, с. 97
Чекап И. Г. 57, с. 185
Чеканинский И. А. 57, с. 182, 186
Чекановский Я. В. 10, с. 153, 154, 162
Чекрыжов Ю. Н. 38, с. 77, 93
Червяк 68, с. 57
Червяков В. П. 51, с. 21
Черепнин Л. В. 51, с. 15, 22
Чермак И. Г. 54, с. 28
Черненко М. Б. 23, с. 88; 27, с. 31, 32
Черни Ф. 67, с. 97
Черников А. М. 27, с. 29
Чернышев В. И. 38, с. 78, 93; 39, с. 33, 34
Чернышевский Н. Г. 15, с. 63; 53, с. 6, 8; 60, с. 5; 69, с. 21, 38
Черняев М. Г. 10, с. 163
Черняховский Н. 29, с. 38
Чехов А. П. 60, с. 34; 67, с. 109; 70, с. 123
Чечулин Н. Д. 51, с. 21
Чешев И. И. 13, с. 93
Чингизхан 34, с. 65
Чистов К. В. 6, с. 115; 37, с. 57; 38, с. 77; 39, с. 31
Чистов Ю. Я. 41, с. 4; 66, с. 165
Чистяков П. Е. 23, с. 81
Чихачев Н. Г. 28, с. 177
Чичерин Д. И. 27, с. 17
Чичеров В. И. 7, с. 76; 38, с. 93, 94
Членов М. А. 46, с. 153, 155
Чонкадзе Д. 65, с. 85
Чу Сунлин 34, с. 74
Чубинский П. П. 39, с. 29; 53, с. 9
Чугунов С. М. 36, с. 102
Чулков М. Д. 27, с. 41
Чумаков 37, с. 59
Чупров А. И. 9, с. 48, 52, 53
Чута 21, с. 119
Чэдвики 32, с. 126

Ш. С. 68, с. 60
Шабанов Ф. А. 48, с. 51
Шавкунов Э. В. 56, с. 136
Шагинян М. 35, с. 112
Шадар-ван 34, с. 67
Шалауров Н. П. 27, с. 17, 18
Шамбинаго С. К. 6, с. 102, 111; 7, с. 78, 84; 10, с. 148; 32, с. 119, 126—128
Шамиссо А. 26, с. 70
Шангин Н. 27, с. 40
Шанявский А. Л. 9, с. 41; 57, с. 175, 183
Шапкин В. М. 3, с. 197
Шаповалов Н. И. 69, с. 19
Шапошников 37, с. 59
Шарден 65, с. 78
Шатенштейн А. Л. 36, с. 103
Шатилов В. 27, с. 8, 9
Шафарик Я. 10, с. 132; 63, с. 24
Шафрановская Т. К. 49, с. 125; 56, с. 140
Шахматов А. А. 9, с. 48; 10, с. 149, 155; 36, с. 93, 98, 100, 106; 38, с. 78, 83; 39, с. 30, 36; 53, с. 8; 57, с. 185
Шахрук 18, с. 165, 166
Швабе 18, с. 170
Швейнфурт Г. 56, с. 130
Шевелев М. Г. 49, с. 109
Шевченко Т. Г. 68, с. 49, 60
Шевырев С. П. 63, с. 25
Шегрен А. И. 52, с. 90—93, 95, 98
Шегрен А. М. 65, с. 74
Шейн П. В. 9, с. 45; 10, с. 147, 149; 11, с. 20
Шелихов Г. И. 23, с. 77—79
Шеляпина Н. С. 18, с. 171
Шембер А. (Шембера) 10, с. 132
Шемшединов А. 57, с. 182
Шереметева М. 57, с. 185
Шерстобитов В. П. 25, с. 61
Шестаков И. 57, с. 186
Шестаков Я. 57, с. 182, 185
Шестакова Ю. И. 56, с. 130
Шидловский А. 57, с. 185
Шиканов В. И. 18, с. 162, 164

Шиллер И. Ф. 18, с. 161, 167, 170, 171
Шиман Е. 55, с. 158
Шимкевич П. П. 9, с. 51
Широкогоров С. М. 22, с. 119; 49, с. 116, 117; 56, с. 136, 137, 139
Шифнер А. А. 30, с. 89; 52, с. 96
Шифрин Л. 57, с. 185
Шкловский В. 27, с. 41
Школьников И. 36, с. 105
Шкулев Н. Г. 28, с. 177
Шкулев Н. Н. 28, с. 180
Шкулева А. Н. 28, с. 180
Шкуркин П. В. 57, с. 177
Шлегель Х.-И. 52, с. 90
Шлугер С. А. 3, с. 191, 197
Шлыков Г. Н. 55, с. 146
Шмалев Т. И. 27, с. 15, 19, 21, 22, 31
Шмидт П. П. 56, с. 119, 128, 137
Шнейдер В. П. 36, с. 107
Шнейдер Е. Е. 49, с. 118
Шнейдеров В. А. 56, с. 126
Шокальский Ю. М. 54, с. 28; 57, с. 185; 60, с. 26—31
Шохин В. К. 32, с. 117
Шрейбер С. Е. 5, с. 157
Шренк Л. И. 54, с. 24, 25; 56, с. 120, 131, 133, 137
Штакельберг Р. Р. 10, с. 152
Штендман Г. Ф. 60, с. 36
Штерн К. 1, с. 177
Штерн Э. Р. 9, с. 45
Штернберг Л. Я. 5, с. 152, 156, 157; 9, с. 51; 10, с. 136, 137, 139; 17, с. 135, 137; 21, с. 114, 127; 25, с. 40, 59; 60; 32, с. 114, 116, 120, 122, 127, 128; 49, с. 111—123; 125; 56, с. 117—124, 127, 130, 132, 136, 137, 139, 141, 142, 144; 57, с. 185
Штукенберг А. А. 35, с. 108
Штукенберг И. Ф. 59, с. 46
Штюрмер 69, с. 24
Шуб Т. А. 28, с. 179—181, 184, 185
Шувалов А. 36, с. 105
Шульгина Т. С. 49, с. 107
Шульман К. 58, с. 8
Шульц Л. Р. 38, с. 88
Шульц Ф. 52, с. 94
Шурц 56, с. 141

Щапов А. П. 53, с. 9
Щапов-Косинский П. 57, с. 182
Щеголенок В. П. 10, с. 147
Щенкова М. С. 55, с. 152
Щерба Л. В. 38, с. 88
Щербанов Н. М. 42, с. 3; 43, с. 3; 44, с. 4; 67, с. 95, 105, 108; 68, с. 48, 61; 69, с. 15
Щукин Н. С. 22, с. 119
Щуровский Г. Е. (Е. Е.) 10, с. 130, 135, 158, 160

Эверс Г. Ф. 51, с. 20
Эверстон И. Н. 5, с. 150
Эган И. см. Иериг И.
Эггелинг Х. 18, с. 162
Эдельсон Е. Н. 69, с. 19
Эйхвальд Э. И. 54, с. 22, 24
Эйхенвальд А. А. 10, с. 144, 146
Эккар 50, с. 153
Элиасов Л. Е. 28, с. 185
Элиаш Н. М. 39, с. 33—35
Элькинд А. Д. 57, с. 185
Эльпе (Попов А.) 60, с. 20, 36
Эляев Овла см. Эолян Овла
Эмин Н. (М.) О. 10, с. 133
Энгель Ю. Д. 10, с. 141; 57, с. 185
Энгельгардт З. 26, с. 74
Энгельс Ф. 8, с. 65, 72; 16, с. 147; 46, с. 143, 145, 146, 149—151, 153, 154; 48, с. 53
Эрбен К. Я. 10, с. 132
Эрбст Ж. 57, с. 185
Эргис Г. У. 4, с. 122—124; 5, с. 161; 42, с. 4
Эрдман Ф. И. 13, с. 91
Эренджэнов Л. 34, с. 70
Эриг И. см. Иериг И.
Эрисман Ф. Ф. 10, с. 138
Эриставн Р. 64, с. 71
Эрих И. см. Иериг И.
Эстрин А. С. 19, с. 128—140
Эсхил 9, с. 46
Эфроимсон В. П. 3, с. 190, 192, 195
Эолян Овла (Эляев Овла) 13, с. 92, 94, 95; 34, с. 63, 67

Юдахин К. К. 25, с. 62
Юлдашев Ф. 33, с. 190
Юнкер В. Д. 55, с. 146
Юносов 67, с. 106
Юнусов 11, с. 26
Юргенс Г. 52, с. 90
Юргенсон П. И. 67, с. 97
Юрий Данилович 51, с. 6
Юрьевич С. А. 24, с. 51, 53, 54
Юхнев 38, с. 79
Юшкевич И. К. 11, с. 17

Яворский Б. Л. 32, с. 127
Ягич 30, с. 91
Ядринцев Н. М. 9, с. 40, 44, 45, 47; 56, с. 118
Якимов В. П. 46, с. 145
Якимова О. В. 40, с. 4
Якобий А. И. 9, с. 47
Якобсон Р. О. 10, с. 148; 57, с. 185
Яковлев Н. Ф. 10, с. 148
Якубовский А. Ю. 25, с. 61
Якубцинер М. М. 55, с. 151, 159
Якушкин Е. И. 9, с. 48; 10, с. 130, 131
Якушкин И. Д. 10, с. 130
Якушкин П. И. 69, с. 26
Ямпольский И. М. 67, с. 109
Янжул И. И. 9, с. 42, 43, 48, 49, 52, 53, 55; 10, с. 119; 32, с. 138
Янин В. Л. 51, с. 21
Янковская-Байдина А. 57, с. 182, 186
Яншау Г. 52, с. 90
Янчук Н. А. 10, с. 139, 141, 144, 148; 57, с. 181; 67, с. 104
Ярослав Владимирович см. Ярослав Мудрый
Ярослав Мудрый (Ярослав Владимирович) 18, с. 164; 51, с. 20
Ярославский Е. М. 53, с. 10; 70, с. 125
Ярош Г. 58; с. 13
Ярукова К. И. 29, с. 38
Ярхо А. И. 3, с. 189, 191—193, 196, 197; 14, с. 163—165, 174; 66, с. 167
Ярхо Б. И. 6, с. 113
Ясевич В. К. 3, с. 196
Ястребов И. С. 50, с. 152
Ястремский С. В. 5, с. 151 154, 159; 22, с. 110; 45, с. 101
Ястржембский И. Л. 15, с. 55, 56
Яхонтов И. 27, с. 43
Яцимирский А. И. 59, с. 47

Ariste F. 52, с. 92

Baer K. E. 26, с. 66
Bagrow L. 48, с. 51
Bancroft H. H. 23, с. 88
Barrett S. A. 26, с. 66–76
Baumhoff M. A. 26, с. 67
Bergmann B. 13, с. 96
Biasutti R. 1, с. 177
Boecler J. W. 52, с. 95
Bogdanov A. P. 66, с. 166
Bogoras W. 21, с. 127
Böhtling O. 45, с. 101
Brosset M. 64, с. 58
Brückner A. 6, с. 113
Bunak V. V. 3, с. 196; 14, с. 174

Casal J. M. 2, с. 140
Shapman C. E. 26, с. 66
Chiarelli B. 1, с. 189
Clarke C. 1, с. 177
Coon C. 1, с. 176, 190
Crachnowski K. 45, с. 105

Dall W. H. 23, с. 88
Darwin Ch. 2, с. 142
Davydova A. V. 20, с. 162
Dixon R. B. 26, с. 67
Dogel W. 1, с. 188
Domaniewska-Sobczuk K. 1, с. 183

Eggeling H. 18, с. 162
Eickstedt E. 1, с. 176
Engelhardt Z. 26, с. 66
Ewers J. C. 26, с. 71

Fairservis W. 2, с. 140
Falloux 27, с. 34
Fay P. L. 26, с. 76
Finsch O. 60, с. 36
Freedericksz P. 27, с. 42

Gadebusch F. K. 27, с. 10
Gederberg A. R. 27, с. 12
Gifford E. W. 26, с. 67–70

Haines R. 26, с. 71
Hämäläinen Alb. 36, с. 106
Heikel A. O. 36, с. 104
Helmersen G. 26, с. 66
Helmersen L. 27, с. 21

Herrlick A. 1, с. 179
His W. 18, с. 161
Hunt E. 1, с. 176
Hupel A. W. 52, с. 90
Hurt J. 52, с. 97

Iochelson W. 21, с. 127

Jährig (Jaehrig) J. 27, с. 41, 42
Jarosch G. 58, с. 6, 13, 14

Kaluzyński B. 45, с. 39
Kniffen F. B. 26, с. 68
Kollman 18, с. 161
Königsfels T. 27, с. 10
Kopeč A. 1, с. 183
Kreutzwald Fr. R. 52, с. 95, 96
Kroeber A. L. 26, с. 67–76
Krohn K. 7, с. 72, 73
Kuczynski A. 45, с. 99, 105

Lentz W. 47, с. 130
Liliblad S. 7, с. 72
Lingman V. 57, с. 185
Lundman B. 1, с. 177

Manninen J. 52, с. 92
McKern W. 26, с. 75
Merriam C. H. 26, с. 67–69, 71–76

Messerschmidt D. G. 58, с. 6
Middendorf A. Th. 45, с. 101
Mikkola J. J. 36, с. 104
Miklouho-Maclay M. 60, с. 36
Mourant A. 1, с. 177, 183
Müller J. von 27, с. 42

Neus A. H. 52, с. 89

Osgood C. 23, с. 86, 88

Paasonen H. 36, с. 105
Pallas P. S. 58, с. 6
Palsi S. 21, с. 127
Petri J. Chr. 52, с. 90
Petroff I. 23, с. 88
Poniatowski S. 49, с. 116
Pougascheff 69, с. 36
Poulianos A. 1, с. 183
Powell J. 26, с. 67
Prokop O. 1, с. 177

Rabinovitsch M. 51, с. 22
Ränk G. 52, с. 92
Ravila P. 36, с. 104–106
Remezov S. U. 48, с. 51

Schachmatov A. 36, с. 106
Schlegel C. H. J. 52, с. 90
Schoolcraft H. R. 26, с. 72
Schreider E. 1, с. 178

Schwidetzky I. 1, с. 177, 178
Sieroszysky W. 45, с. 105
Sjögren A. 52, с. 93
Stein A. 2, с. 140
Strahlenberg Fh. J. 36, с. 95
Stuckenberg J. Ch. 59, с. 46
Suk V. 18, с. 161
Swetchine 27, с. 34

Toht T. 20, с. 163
Toxopeus L. T. 19, с. 139

Uhlenbruck G. 1, с. 177

Väisänen A. O. 36, с. 106
Vavilov N. 1, с. 187
Vilkuna K. 21, с. 127

Wagner M. 2, с. 142
Walter H. 1, с. 184, 185
Warnott D. 57, с. 184
Wesselsky A. 7, с. 72
Weymarn I. 27, с. 16
Wichmann J. 57, с. 185
Wiedemann F. I. 52, с. 92
Winter E. 58, с. 6, 14

Zimmermann E. 2, с. 142

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГО – Архив Географического общества СССР
АЖ – Антропологический журнал
АИЭ – Архив Института этнографии АН СССР (М.)
АН – Академия наук (для дореволюционного периода)
ВА – Вопросы антропологии
ВЕ – Вестник Европы, журнал
ГПБ – Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Л.)
ДАН – Доклады Академии наук СССР
ЕГУ – Ереванский государственный университет
ЖС – Живая старина, журнал
ИРЛИ – Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом)
КИПС – С 1917 г. Комиссия по изучению племенного состава России и сопредельных стран при Российской Академии наук; с 1925 г.– Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран АН СССР
КОРГО – Кавказский отдел Русского географического общества
КСИМА – Краткие сообщения о научной работе Института и Музея антропологии при МГУ за 1938–1939 гг.
МАО – Московское археологическое общество
МОИП – Московское общество испытателей природы
МУ – Московский университет
МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции
ОИРЭФА – Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии (ТИЭ. Нов. сер.).
ОЛЕ – Общество любителей естествознания (М.)
ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР ГБЛ – Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина
РАЖ – Русский антропологический журнал
СА – Советская археология
САН – Советская антропология
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ТМГИ – Труды Медико-генетического института
ТИА – Труды Института антропологии при МГУ
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР (Нов. сер.)
УВВ – Уральские войсковые ведомости

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

Д. Д. Тумаркин. Анучин и Миклухо-Маклай (Из истории изучения и публикации научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая) 5

Б. Х. Кармышева. Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы (Полевые исследования Ф. А. Фиельструпа) 38

Г. И. Михайлов. Этнографические и фольклорные находки экспедиций Б. Я. Владимирцова в Монголию в 1900–1920-х годах 63

А. Л. Налепин. Фольклорно-этнографическая деятельность Н. Е. Ончукова 76

И. М. Щербанов. Из истории собирания и изучения песенного музыкального фольклора уральских казаков (Сборник А. В. и В. Ф. Железновых, 1899 год) 95

В. В. Богданов. Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848—1948). Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки 110

Р. С. Липец. К публикации рукописи В. В. Богданова (Жизненный путь В. Ф. Миллера) 110

Три главы из рукописи В. В. Богданова 128

Аннотированный указатель имен к публикуемым 7—9-й главам рукописи В. В. Богданова (Составлен А. И. Тарасовой и В. Н. Тарасовым) . . . 170

А. И. Тарасова, В. Н. Тарасов. Обозрение фонда В. В. Богданова в архиве Института этнографии АН СССР 175

В. П. Алексеев. Разработка генетических проблем в советской антропологии (1920–1950-е годы) 188

Указатель статей (Выпуски VI–X) (Составлен Б. Г. Гершкович) . . . 198

Список сокращений 215

Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии

Вып. X

Утверждено к печати
ордена Дружбы народов Институтом этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

Редактор издательства Л. П. Тормозова. Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор А. М. Сатарова. Корректоры Г. Ю. Копьева, Е. В. Шевченко

ИБ № 35798

Сдано в набор 18.09.87. Подписано к печати 25.12.87. А-04849. Формат $70\times108^{1}/_{16}$
Бумага книжно-журнальная. Импортная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 18,9. Усл. кр. отт. 18,9. Уч.-изд. л. 22,4. Тираж 2550 экз. Тип. зак. 891
Цена 3 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

